ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2002 г.

ISSN 1994-0637

Вестник

ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

3/2022

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Индекс 94096

ВЕСТНИК ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

16+

Научный журнал основан в декабре 2002 г.

№ 3 (108) • 2022

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Череповец
2022

Выход в свет: № 3 (108) • 2022 • ИЮНЬ. Выходит шесть раз в год.

Научный журнал «Вестник Череповецкого государственного университета» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник Череповецкого государственного университета» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей: 2.3 Информационные технологии и телекоммуникации
5.9 Филология
5.8 Педагогика

УЧРЕДИТЕЛЬ: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Череповецкий государственный университет», с 2017 г. является одним из опорных вузов Российской Федерации.

Свидетельство выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ПИ № ФС77-66463 от 14.07.2016 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Е. В. ГРУДЕВА, доктор филологических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Е. В. ЯКОВЛЕВА, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)
Е. В. ЕРШОВ, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

РЕДАКТОРЫ: Н. Г. МЕЛЬНИКОВА, К. Г. КОСТЫГИНА
КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: В. В. КРУГЛОВА
ПЕРЕВОДЧИК: А. В. МОИСЕЕНКО
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Н. А. ТИХОМИРОВА (8202) 51-72-40

Адрес издателя, редакции: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.
Адрес типографии: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ISSN 1994-0637
© Череповецкий государственный университет, 2022

CHEREPOVETS STATE UNIVERSITY BULLETIN

16+

Scientific journal established in December 2002

№ 3 (108) • 2022

TECHNOLOGY

PHILOLOGY

PEDAGOGY

Cherepovets
2022

Date of publication: № 3 (108) • 2022 • JUNE. Comes out six times a year.

"Cherepovets State University Bulletin" is a scientific edition that is included in the list of top peer-reviewed academic journals published in the Russian Federation. It publishes research data of doctorate and higher doctorate dissertations.

Scientific journal "Cherepovets State University Bulletin" has been in the Russian Science Citation Index (RSCI) since 2009.

Journal Sections: TECHNOLOGY, PHILOLOGY, PEDAGOGY

Branches of Studies: 2.3 Information Technology and Telecommunications
5.9 Philology
5.8 Pedagogy

FOUNDER: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Cherepovets State University", a member of Russian Backbone Universities group since 2017.

Registration certificate PI № FS77-66463 issued July 14, 2016, was granted by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation.

EDITOR-IN-CHIEF: E. V. GRUDEVA, Doctor of Philology, Professor

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF:
E. V. YAKOVLEVA, Doctor of Pedagogy, Professor (Cherepovets State University)
E. V. ERSHOV, Doctor of Technology, Professor (Cherepovets State University)

MANAGING EDITORS: N. G. MELNIKOVA, K. G. KOSTYGINA
COMPUTER DESIGN: V. V. KRUGLOVA
TRANSLATOR: A. V. MOISEENKO
EXECUTIVE EDITOR: N. A. TIKHOMIROVA (8202) 51-72-40

Editorial department address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600
Printing-office address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

OPEN PRICE

ISSN 1994-0637

© Cherepovets State University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА.....9

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бережных Д. Л., Павленко А. В., Соловьев Р. А. Модель распространения деструктивных воздействий в ограниченных коллективах на основе ограниченной машины Больцмана.....11

Логинова С. А. Математическое моделирование биокоррозии бетона в жидких средах.....21

Лукин С. В., Бахвалов М. А., Шестаков Н. И. Математическая модель и алгоритм оценки энергетического потенциала влажного коксового газа на металлургическом предприятии.....34

Суходоев В. А., Егорова Л. Г., Калитаев А. Н. Автоматизация комплекса задач системы охраны труда и техники безопасности на промышленном предприятии.....47

Цыганова М. С., Чернушенко Д. А., Буреш С. В. Система прогнозирования участников государственных закупок по федеральным законам № 44-ФЗ и № 223-ФЗ.....61

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андреева В. Г. Повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»: изменение концепции от первоначального замысла к итоговому тексту.....77

Володина Н. В. Литературная критика Н. Д. Ахшарумова: опыт независимости.....90

Голушин И., Попова О. А. Конверсия в русском и сербском языках: сопоставительный аспект.....111

Дегтерев Н. А. Аксиология пространства в повести И. С. Никитина «Дневник семинариста».....123

Ермакова Л. А., Лаврова С. Ю. Концептуализация *страха* в русских и английских паремиях: сопоставительный аспект.....133

Ерохина Е. А. Еще раз об организации усадебного сюжета у И. С. Тургенева (на примере повестей 1850-х годов).....152

Каминская А. В. Жанрово-тематическое разнообразие повседневного дискурса как проявление коммуникативных ценностей общества (на материале голосовых сообщений).....163

Козловская Н. В., Павлова А. С. К проблеме адаптации лексемы *инстаграм* и ее производных в современном русском языке.....173

Левочская (Югай) Е. Ф. Зарифмованный вирус: Корпусный анализ поэтических текстов на актуальную тему (весна 2020).....185

Лихачева Е. С. Второе южнославянское влияние: история и современное состояние проблемы.....197

Соловьева С. А. Возможности использования лингвокогнитивного аспекта анализа в исследовании синтаксиса текста (на материале художественной прозы Б. Л. Пастернака).....212

Хриптулова Т. Н. Поэма-цикл Ю. П. Кузнецова «Путь Христа»: идейно-содержательный аспект и особенности жанровой организации произведения.....223

Чурилина Л. Н. Традиционные образы в «новой фразеологии».....233

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аркадьева Т. Г., Попкова Е. Д., Федотова Н. С. Презентация устойчивых выражений разговорной речи иностранным студентам на начальном этапе обучения.....244

Косаренкова М. М. Музыка как учебный предмет в образовательных учреждениях Череповца в XIX–XXI вв.....261

Сенченков Н. П., Марченкова Е. А. Формирование информационной компетентности студентов колледжа средствами цифрового взаимодействия.....269

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ильина Е. Н. «Преподаватель словесности и его роль в формировании культурно-образовательного пространства»: итоги Всероссийского конкурса студенческих научно-исследовательских работ 287

Информация для авторов 290

CONTENTS

EDITORIAL 9

TECHNOLOGY

Berezhnykh D. L., Pavlenko A. V., Soloviev R. A. A model for spreading destructive effects in a limited team based on Restricted Boltzman Machine 11

Loginova S. A. Mathematical modeling of concrete biocorrosion in liquid media 21

Lukin S. V., Bahvalov M. A., Shestakov N. I. Mathematical model and algorithm for assessing the wet coke gas energy potential at a metallurgical plant 34

Sukhodoev V. A., Egorova L. G., Kalitaev A. N. Automation of the task set for the occupational health and safety system at an industrial enterprise 47

Tsyganova M. S., Chernushenko D. A., Buresh S. V. Predicting system for public procurement participants under Federal Laws No. 44 and No. 223 61

PHILOLOGY

Andreeva V. G. The story of L. N. Tolstoy "The Death of Ivan Ilyich": changing the concept from the original idea to the final text 77

Volodina N. V. Literary criticism of N. D. Akhsharumov: the experience of independence 90

Golushin I., Popova O. A. Conversion in Russian and Serbian: comparative aspect 111

Degterev N. A. The axiology of space in the "Diary of a seminarian" by I. S. Nikitin 123

Ermakova L. A., Lavrova S. Yu. Conceptualization of *fear* in Russian and English paroemias: comparative aspect 133

Erokhina E. A. Once again about the organization of I. S. Turgenev's estate plot (by the stories of the 1850s) 152

Kaminskaya A. V. Genre and thematic diversity of the everyday discourse as a display of social communicative values (by the material of voice messages) 163

Kozlovskaya N. V., Pavlova A. S. On the adaptation process of the lexeme *instagram* and its derivatives in the modern Russian language 173

Levochskaya (Yugai) E. F. Rhyme to the virus: Corpus analysis of poetic texts on a current topic (Spring 2020) 185

Likhacheva E. S. The second South Slavic influence: history and current state of the problem 197

Soloveva S. A. Possibilities of applying the linguocognitive aspect of analysis in the study of text syntax (by the material of B. L. Pasternak's fiction) 212

Khriptulova T. N. The poem-cycle of Yu. P. Kuznetsov "The Path of Christ": the ideological and substantive aspect and organizational features of the genre 223

Churilina L. N. Traditional images in "new phraseology" 233

PEDAGOGY

Arkadieva T. G., Popkova E. D., Fedotova N. S. Presentation of colloquial set expressions to foreign students at the initial stage of learning 244

Kosarenkova M. M. Music as an academic subject in educational institutions of Cherepovets in the XIX–XXI centuries 261

Senchenkov N. P., Marchenkova E. A. Development of college students' information competence by means of digital interaction 269

SCIENTIFIC LIFE

Ilyina E. N. “Language Arts teacher and his role in the formation of cultural and educational space”: the results of the All-Russian competition of student research works 287

For the authors attention 290

ISSN 1994-0637 (print)

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Третий номер нашего «Вестника» за 2022 год выходит в июньские дни, связанные с празднованием Дня русского языка, с Днем рождения Александра Сергеевича Пушкина. Как известно, язык является фундаментом национальной идентичности, национальной культуры. А. С. Пушкин по праву считается основоположником современного русского литературного языка.

Весна 2022 года обнажила проблемы, связанные с ценностными ориентациями граждан России и всего мира. В апреле 2022 года в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации состоялся круглый стол на тему «Цивилизационные ценности России в развитии мировой системы» (https://igsu.ranepa.ru/events/p177349/), на котором обсуждались актуальные вопросы, связанные с глобальными изменениями, происходящими в мире, с построением будущего России, в том числе с подготовкой управленческих кадров в сфере государственного и муниципального управления, в сфере образования, журналистики. Современное высшее образование в указанных профессиональных областях должно готовить специалистов, способных выступать в качестве проводников цивилизационных российских ценностей в нашем обществе и во всем мире. В докладах ведущих экспертов в сфере теории и истории государства и права, философской антропологии, демографии, государственной политики, в сфере образования, экономики, международных отношений звучали предложения рассмотреть возможность считать этику вочеловечивания (в противовес навязываемой западной цивилизацией этике расчеловечивания) и концепт «человека-творца» как основу мировоззрения российского общества, как мировоззренческую основу взаимодействия государства и граждан, а также как фундамент для сборки новой культурно-цивилизационной общности стран с центром в России.

Приведем некоторые положения этики вочеловечивания, которые предлагается рассматривать в качестве ключевых элементов новой культурно-цивилизационной общности с центром в России:

1. Обладание внутренней правдой (жизнь по правде).

2. Возможность не лгать, не изворачиваться, не вести двойную бухгалтерию (одну для государства, другую – для себя).

3. Жить по справедливости и понимать, что то, что является справедливым, законно.

4. Взаимное уважение, доверие и учет мнения другого человека в любых обстоятельствах (если этот человек адекватен и выдержал проверку на честность и порядочность).

5. Вера в судьбу и индивидуальное предназначение каждого человека для большого общего дела, вера в великое будущее России и русской культурно-цивилизационной общности.

6. Возможность свободного выбора своего пути, раскрытия всех своих способностей и талантов ради общего дела.

7. Самоощущение важности и ценности собственной жизни в глазах других людей, гордость за то, чем человек занимается и что он делает (Шохов А. С., Румянцев В. Ю. Россия 2100–3000. Книга для управленцев-шаперонов и акторов-конструкторов. https://www.litres.ru/aleksandr-sergeevich/rossiya-2100-3000-kniga-dlya-upravlencev-shaperonov-i/chitat-onlayn).

Мы позволили себе такой подробный экскурс в обсуждение цивилиза-ционных ценностей России еще и потому, что в этом номере мы включаем в раздел «Филологические науки» статьи по литературоведению. Примечательно, что в корпус данных статей входит последняя работа доктора филологических наук, профессора Натальи Владимировны Володиной, безвременно скончавшейся 12 октября 2021 года, в сферу интересов которой входили в том числе вопросы отражения ключевых концептов русской культуры в литературном творчестве русских писателей. Книга Н. В. Володиной «Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения» на сегодняшний день выдержала 4 издания в московском издательстве «Флинта». Одна из последних опубликованных при жизни статей Натальи Владимировны была посвящена диалогу И. В. Киреевского и А. С. Хомякова о характере русского и европейского просвещения (Володина Н. В. Диалог И. В. Киреевского и А. С. Хомякова о характере русского и европейского просвещения // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 1. С. 243–254. http://elar.urfu.ru/handle/10995/70331). Приведу цитату из интервью Н. В. Володиной 2015 года: «Шкала наших ценностей остается неизменной, и никто не объяснит этого так, как хорошая литература» (http://cultinfo.ru/journal/spring-2015/nataliya-volodina-shkala-nashikh-tsennostey-ostaetsya-neizmennoy-i-nikto-ne-obyasnit-etogo-tak-kak-kh/).

В этом номере представлены также статьи учеников Н. В. Володиной – кандидатов филологических наук Е. А. Ерохиной и Н. А. Дегтерева.

В структуру номера входят традиционные разделы «Технические науки», «Филологические науки» и «Педагогические науки», а также рубрика «Научная жизнь».

Главный редактор – доктор филологических наук,
профессор Елена Валерьевна Грудева

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 11–20.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 11–20.

Научная статья
УДК 004.81:159.953.32
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-1

Модель распространения деструктивных воздействий в ограниченных коллективах на основе ограниченной машины Больцмана

Дмитрий Львович Бережных[1]✉, Алексей Владимирович Павленко[2]✉, Роман Александрович Соловьев[3]

[1, 2, 3]Военный ордена Жукова университет радиоэлектроники, Череповец, Россия,
[1]dberezhnykh@mail.ru✉
[2]alxpavlenko@yandex.ru✉

Аннотация. В статье приведена сетевая модель распространения инфекционных заболеваний, адаптированная для задач прогнозирования в коллективах организаций. Предложена реализация указанной модели на основе нейросетевой архитектуры ограниченной машины Больцмана, позволяющей за счет скрытых представлений воспроизводить влияние составляющих ее узлов друг на друга, что делает возможным формирование потенциальных сценариев распространения инфекции при относительно малом количестве исходных данных. В качестве примера деструктивного воздействия в статье используется новая коронавирусная инфекция COVID-19.

Ключевые слова: математическое моделирование, прогнозирование, нейронные сети, ограниченная машина Больцмана, новая коронавирусная инфекция COVID-19

Для цитирования: *Бережных Д. Л., Павленко А. В., Соловьев Р. А.* Модель распространения деструктивных воздействий в ограниченных коллективах на основе ограниченной машины Больцмана // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 11–20. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-1.

A model for spreading destructive effects in a limited team based on Restricted Boltzman Machine

Dmitry L. Berezhnykh[1]✉, Alexey V. Pavlenko[2]✉, Roman A. Soloviev[3]

[1, 2, 3]Military Order of Zhukov University of Radio Electronics, Cherepovets, Russia,
[1]dberezhnykh@mail.ru✉
[2]alxpavlenko@yandex.ru✉

Abstract. The article considers a network model of spreading infectious diseases adapted for forecasting tasks in organizations. The authors propose the implementation of the current model based on Restricted Bolzmann Machine architecture. This approach allows reproducing the influence of its constituent nodes on each other due to hidden representations, which makes it possible to form

© Бережных Д. Л., Павленко А. В., Соловьев Р. А., 2022

potential scenarios for the spread of infection with relatively small amount of initial data. New coronavirus infection is used as an example of destructive impact.

Keywords: mathematical modeling, forecasting, neural networks, Restricted Boltzmann Machine, COVID-19

For citation: Berezhnykh D. L., Pavlenko A. V., Soloviev R. A. A model for spreading destructive effects in a limited team based on Restricted Boltzman Machine. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 11–20. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-1.

Введение

Изменившаяся реальность, в которой мировое сообщество вынуждено жить с появлением новой коронавирусной инфекции, поставило перед военно-политическим руководством нашей страны проблемы, имеющие социальный, экономический и организационно-управленческий характер. Они должны решаться во всех сферах государственной деятельности, в том числе при выполнении задач обеспечения безопасности Российской Федерации. Новую коронавирусную инфекцию необходимо рассматривать именно как деструктивное воздействие: эффект ее влияния на все отрасли и аспекты жизни общества может быть изучен, взят на вооружение и целенаправленно использован.

Опыт организации специальной работы в период наиболее интенсивного роста заболеваемости показал, что выполнение основных требований, предъявляемых к данным видам деятельности, дается руководителям всех уровней весьма непросто. Это обусловливается как продолжительным «бессимптомным» периодом и несовершенством тестовых систем, так и отсутствием четкой структуры организационно-управленческих решений, основанной на адекватных моделях развития эпидемиологических ситуаций в конкретных коллективах с учетом особенностей их рода занятий.

На основе широкого спектра математических моделей появляется возможность построения различных вариантов течения заболеваний с целью формирования эффективной организационной стратегии и корректировки комплекса нормативно-правовых и организационных действий, направленных на профилактику распространения инфекции, а также оптимизации ресурсов систем материально-технического и медицинского обеспечения.

Основная часть

В настоящее время при организации специальной работы профилактика роста заболеваемости состоит преимущественно в контроле выполнения необходимых санитарных мер. На данный момент отсутствуют адекватные имитационные модели, применение которых позволило бы прогнозировать распространение деструктивных воздействий в ограниченных коллективах организаций. Известны три основных класса вышеуказанных моделей:

1) *детерминированные модели*, представляющие собой системы дифференциальных уравнений, отражающие переходы популяции между различными состояниями (например, «здоров», «болен», «инфицирован», «обладает иммунитетом» и т. д.).

Наиболее широко они используются в предметной области моделирования эпидемиологических процессов ввиду низких вычислительных затрат и своей простоты. Известными представителями данного класса моделей являются SIR, SEIR, SIRS, SIS-модели и их модификации. Для COVID-19 преимущественно применяются системы уравнений, включающие три дополнительных состояния – госпитализированные, тяжелые, умершие. На основе модели SEIR-HCD осуществляется прогнозирование распространения вируса SARS-CoV-2 во Франции и Германии, есть публикации о ее применении для некоторых субъектов РФ, в частности для Москвы. Основной недостаток детерминированных моделей – низкая детализация; результаты подобной аналитики актуальны для масштабов страны или региона, но не применимы в рамках воинских частей или конкретных организаций[1];

2) *стохастические контактные (агентные) модели*, предполагающие учет контактов между конкретными людьми в виде уникальных единичных событий. Их основное отличие от детерминированных моделей заключается в вариативности возможных состояний с определенными значениями вероятности. Реализация данного класса моделей позволяет создавать более детализированные варианты прогнозов, однако является существенно более затратной с вычислительной точки зрения, а также требует большого количества исходных данных для формирования первичных распределений;

3) *сетевые модели*, основная идея которых состоит в репрезентации распространения заболеваний в виде графовых структур, где вершины представляют конкретных людей, а ребра – факт контакта. В отличие от стохастических контактных моделей сетевые модели позволяют учитывать контакты между людьми как повторяющееся, а не уникальное событие, что дает возможность принимать в расчет более сложные сценарии распространения инфекций – пары, тройки и большее количество задействованных узлов графа одновременно. Сценарии, построенные с применением графовых структур, имеют более высокую детализацию (вплоть до прогнозирования состояния конкретного человека). Однако использование сетевых моделей существенно затрудняется с ростом количества вершин, ввиду чего они практически не реализуются при создании сценариев эпидемий масштаба COVID-19. В качестве исключения можно привести сетевую модель, описывающую развитие коронавирусной инфекции на круизном лайнере “Diamond Princess”[2].

[1] Криворотько О. И., Кабанихин С. И., Зятьков Н. Ю., Приходько А. Ю., Прохошин Н. М., Шишленин М. А. Математическое моделирование и прогнозирование COVID-19 в Москве и Новосибирской области // Сибирский журнал вычислительной математики. 2020. Т. 23, № 4. С. 395–414; Noll N. B., Aksamentov I., Druelle V., Badenhorst A., Ronzani B., Jefferies G., Albert J., Neher R. A. COVID-19 Scenarios: an interactive tool to explore the spread and associated morbidity and mortality of SARS-CoV-2. URL: https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.05.05.20091363v2 (дата обращения: 28.11.2021).

[2] Jenness S. M., Willebrand K. S., Malik A. A., Lopman B. A., Omer S. B. Modeling Dynamic Network Strategies for SARS-CoV-2 Control on a Cruise Ship. URL: https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.08.26.20182766v2 (дата обращения: 28.11.2021).

В данной статье представлен подход, основанный на применении сетевой модели (ввиду ее потенциально высокой точности). Однако с учетом «неявного» характера передачи возбудителя (как воздушно-капельным путем, так и посредством контакта с предметами и поверхностями помещений), в графовой структуре предлагается принимать во внимание вершины разного типа. Одним типом указанных вершин является непосредственно человек, другим – помещение, в котором гипотетически возможна передача инфекции. Применительно к организации деятельности ограниченных коллективов имеет место дополнительное обоснование: в условиях изоляции и увеличенной продолжительности смен передача инфекции от инфицированного сотрудника здоровому возможна преимущественно в пределах помещений учреждения. Логично предположить, что вероятность заражения напрямую зависит от частоты и продолжительности присутствия работников в одном пространстве. Таким образом, представляя сотрудников и помещения как вершины графа, а их контакты – как ребра с весом, отражающим мощность данных контактов, можно провести ассоциацию с явлением нейропластичности, обусловливаемой правилом Хебба. В связи с этим корректно утверждение о допустимости реализации эпидемической модели организации в виде сетевой модели при условии того, что за основу будет взята архитектура ограниченной машины Больцмана (вид генеративной стохастической нейронной сети с обучением без учителя).

Ограниченная машина Больцмана состоит из видимых нейронов, значения которых известны, и скрытых (их значения неизвестны), а также связей между ними. В качестве значений видимых нейронов в предложенной модели выступают подтвержденные факты заболеваний персонала, следовательно, количество видимых переменных определяется числом сотрудников, а количество скрытых – числом рабочих помещений организации. Подобный подход позволяет применить вариант ограниченной машины Больцмана с бинарным форматом стохастических нейронов (так называемая RBM Бернулли-Бернулли), что существенно снижает требуемый для обучения объем данных, избавляет от погрешностей расчета вероятностных показателей бессимптомного этапа деструктивного воздействия, присущих стохастическим контактным моделям. Обученная нейронная сеть дает возможность моделировать развитие эпидемиологической обстановки на основе предварительно сформированных скрытых представлений.

Структура предложенной сетевой модели изображена на рис. 1.

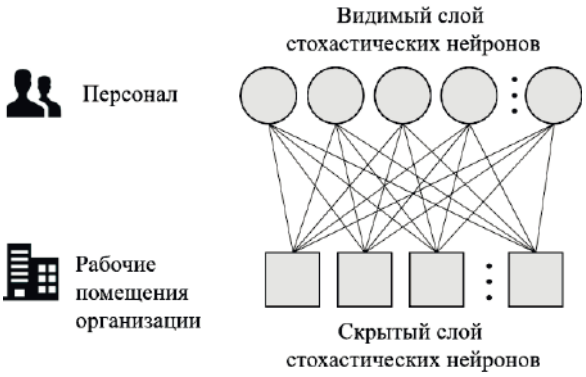

Рис. 1. Сетевая модель организации на основе ограниченной машины Больцмана

Обучение нейронной сети осуществляется на основе выборки, экземпляры которой образуют одномерный бинарный массив с метками ассоциативных связей, существующих в определенный отрезок времени. Размерность вышеуказанного массива совпадает с количеством сотрудников организации. Обучающая выборка в проведенных экспериментальных исследованиях представляла собой ассоциативные взаимосвязи трех типов:

– принадлежность к подразделению;
– совпадения по датам и типам дежурства;
– присутствие в одних помещениях в рамках повседневных взаимодействий (например, на совещаниях).

Формат обучающей выборки представлен на рис. 2.

Рис. 2. Формат обучающей выборки

Обученная ограниченная машина Больцмана хранит в себе сложную систему сформированных ассоциативных связей, что позволяет прогнозировать влияние поданных на вход заболевших сотрудников на других работников организации в рамках одного временного состояния. Пример результата прогнозирования такого состояния представлен на рис. 3. За единицу по оси абсцисс принимается номер сотрудника организации (также являющийся номером видимого нейрона), а ось ординат отображает количество активаций нейронов видимого слоя. Все подразделения организации пронумерованы.

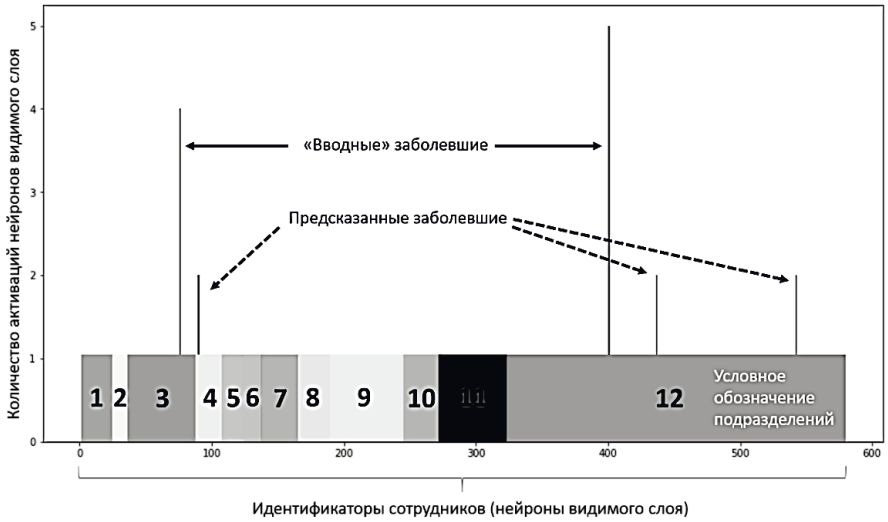

Рис. 3. Результат прогнозирования одиночного состояния организации

Перспективный анализ распространения деструктивного воздействия (инфекции) представляет собой последовательность состояний, аналогичных вышеуказанным позициям прогнозирования, при этом первое из них характеризуется появлением первых подтвержденных случаев заболевания. Полученные данные корректируются с учетом значения индекса контагиозности для исследуемой инфекции, а также информации о средней продолжительности течения болезни. Результат вышеуказанной корректировки являет собой входной вектор для вычисления следующего состояния. Обобщенная структура метода прогнозирования распространения деструктивного воздействия представлена на рис. 4.

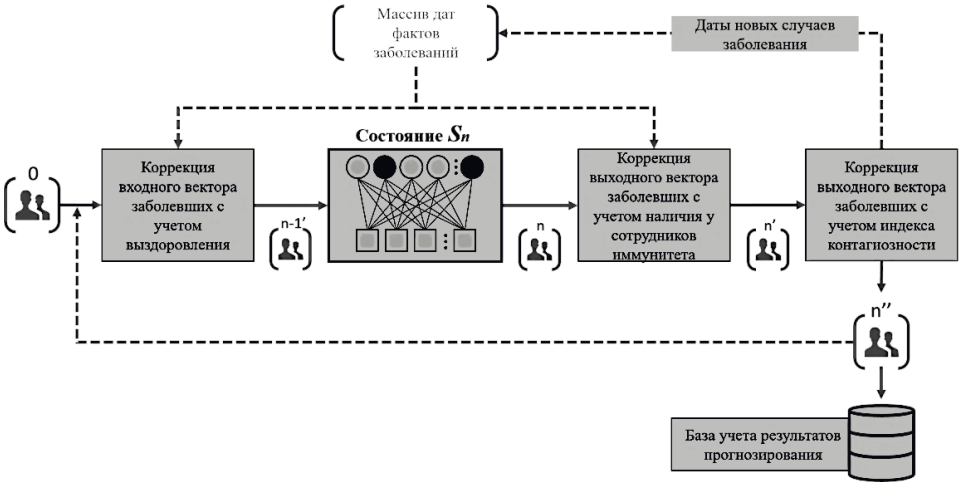

Рис. 4. Структура метода прогнозирования распространения деструктивного воздействия

Пример результатов прогнозирования трех последовательных состояний (с разницей в одну неделю между каждым из них) показан на рис. 5. Столбец диаграммы соответствует факту заболевания конкретного сотрудника. Построенные диаграммы демонстрируют, что появление одного или нескольких заболевших с высокой вероятностью приводит к лавинообразному росту числа зараженных в подразделении (наиболее наглядно это показано в подразделении, отмеченном знаком «*»).

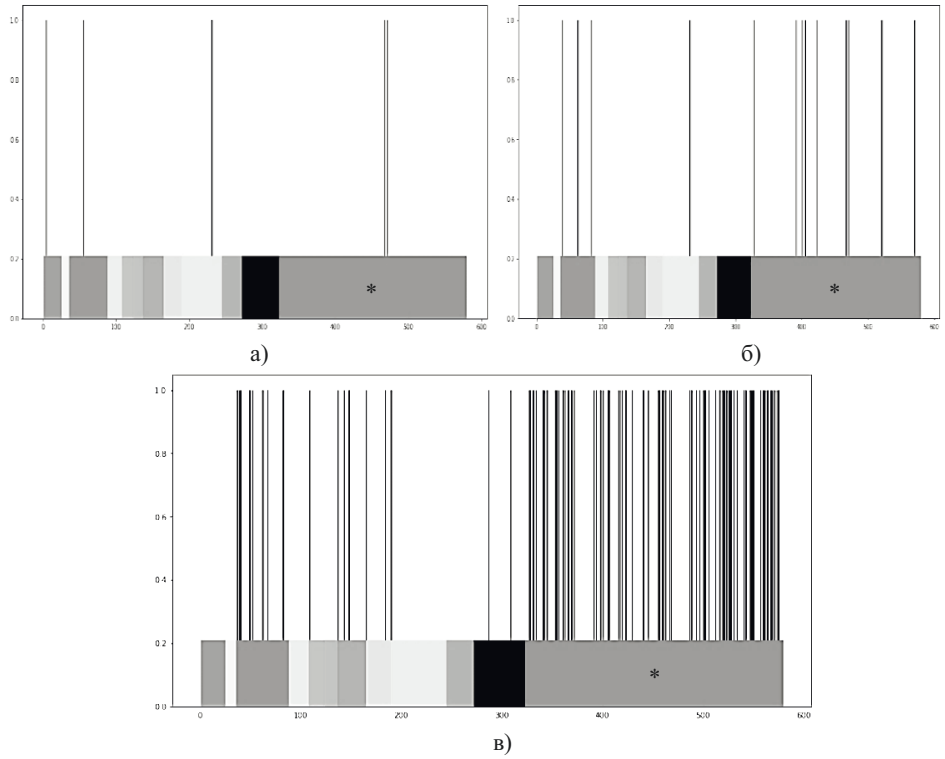

Рис. 5. Результаты прогнозирования трех последовательных состояний посредством предложенного метода

Рассматриваемый метод позволяет прогнозировать динамику распространения деструктивного воздействия как для организации в целом, так и для каждого подразделения в частности. На рис. 6 представлен пример смоделированного распространения инфекции для одной из организаций Министерства обороны РФ (линия № 1) в сравнении с реальной ситуацией в данной части (линия № 2) за период с 1 сентября 2020 года по 1 мая 2021 года.

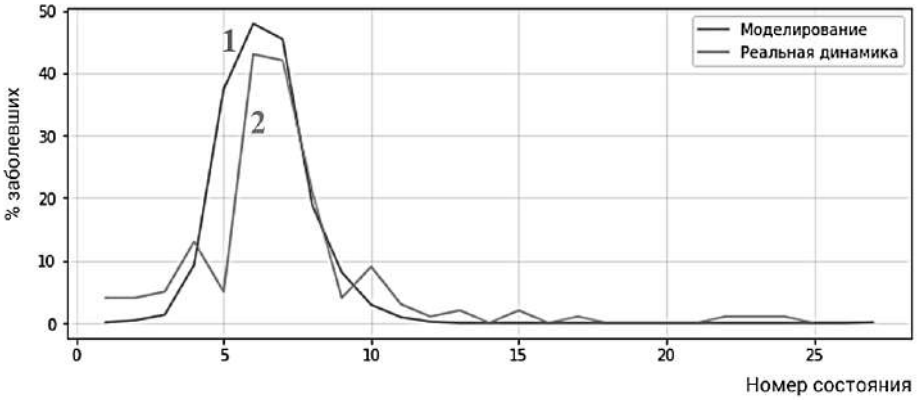

Рис. 6. Результаты прогнозирования (линия № 1) и реальная динамика (линия № 2) распространения деструктивного воздействия в организации

На рис. 7 продемонстрированы варианты прогноза распространения коронавирусной инфекции в одной из воинских частей:

– без принятия профилактических мер (линия № 1) – это приводит практически к 90 % одновременно заболевшего персонала;

– с применением необходимых санитарных мер (линия № 2) – происходит снижение количества одновременно заболевших до 78 %;

– с применением санитарных мер и дополнительными организационными действиями, такими как освобождение сотрудников командного пункта от суточных нарядов и замена военнослужащих по призыву в составе дежурной смены кадровыми офицерами (линия № 3) – реализация указанной стратегии позволяет снизить количество одновременно заболевших до 60 %.

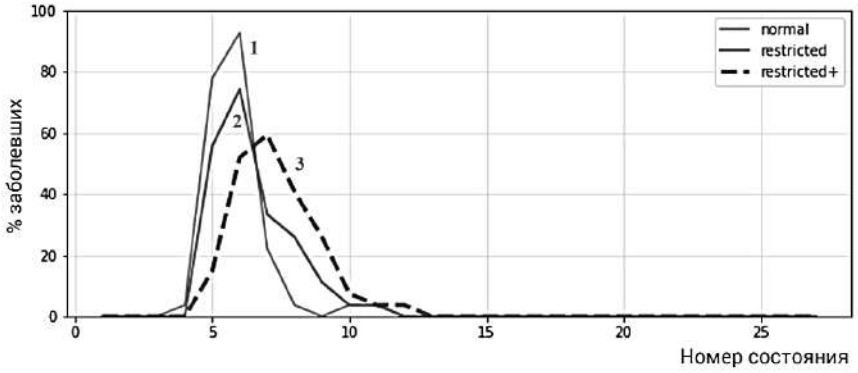

Рис. 7. Результаты прогнозирования распространения коронавирусной инфекции без применения санитарных мер (линия № 1), с применением санитарных мер (линия № 2), с применением санитарных и организационных мер (линия № 3)

Выводы

Результаты прогнозирования, полученные с помощью описанной в статье модели, могут быть применены для оценки способности подразделения (организации) выполнять поставленные задачи, а также для поддержки принятия решений о необходимых мерах по оптимизации служебного регламента, организации дежурств, подготовки резерва персонала. Изменение параметров (например, индекса контагиозности, средней продолжительности заболевания, организационно-штатной структуры) позволяет моделировать различные сценарии распространения инфекции в зависимости от применяемых мер. Следует отметить, что использование в данной статье новой коронавирусной инфекции в качестве примера не исключает возможности применения рассматриваемой модели для построения сценариев иных видов деструктивных воздействий. В дальнейшем на основе созданного метода планируется разработка системы мер, обеспечивающих непрерывное выполнение воинской частью поставленных задач, а также программная реализация системы поддержки принятия решений.

Список источников

Криворотько О. И., Кабанихин С. И., Зятьков Н. Ю., Приходько А. Ю., Прохошин Н. М., Шишленин М. А. Математическое моделирование и прогнозирование COVID-19 в Москве и Новосибирской области // Сибирский журнал вычислительной математики. 2020. Т. 23, № 4. С. 395–414.

Jenness S. M., Willebrand K. S., Malik A. A., Lopman B. A., Omer S. B. Modeling Dynamic Network Strategies for SARS-CoV-2 Control on a Cruise Ship. URL: https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.08.26.20182766v2 (дата обращения: 28.11.2021).

Noll N. B., Aksamentov I., Druelle V., Badenhorst A., Ronzani B., Jefferies G., Albert J., Neher R. A. COVID-19 Scenarios: an interactive tool to explore the spread and associated morbidity and mortality of SARS-CoV-2. URL: https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.05.05.20091363v2 (дата обращения: 28.11.2021).

References

Krivorot'ko O. I., Kabanikhin S. I., Ziat'kov N. Iu., Prikhod'ko A. Iu., Prokhoshin N. M., Shishlenin M. A. Matematicheskoe modelirovanie i prognozirovanie COVID-19 v Moskve i Novosibirskoi oblasti [Mathematical modeling and forecasting of COVID-19 in Moscow and Novosibirsk region]. *Sibirskii zhurnal vychislitel'noi matematiki* [Numerical Analysis and Applications], 2020, vol. 23, no. 4, pp. 395–414.

Jenness S. M., Willebrand K. S., Malik A. A., Lopman B. A., Omer S. B. *Modeling Dynamic Network Strategies for SARS-CoV-2 Control on a Cruise Ship*. Available at: https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.08.26.20182766v2 (accessed: 28.11.2021).

Noll N. B., Aksamentov I., Druelle V., Badenhorst A., Ronzani B., Jefferies G., Albert J., Neher R. A. *COVID-19 Scenarios: an interactive tool to explore the spread and associated morbidity and mortality of SARS-CoV-2*. Available at: https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.05.05.20091363v2 (accessed: 28.11.2021).

Сведения об авторах

Дмитрий Львович Бережных – кандидат технических наук, доцент; dberezhnykh@mail.ru, Военный ордена Жукова университет радиоэлектроники (д. 126, пр-т Советский, 162622 г. Череповец, Россия); **Dmitry L. Berezhnykh** – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor; dberezhnykh@mail.ru, Military Order of Zhukov University of Radio Electronics (126, pr. Sovetskiy, 162622 Cherepovets, Russia).

Алексей Владимирович Павленко – кандидат технических наук; alxpavlenko@yandex.ru, Военный ордена Жукова университет радиоэлектроники (д. 126, пр-т Советский, 162622 г. Череповец, Россия); **Alexey V. Pavlenko –** Candidate of Technical Sciences; alxpavlenko@yandex.ru, Military Order of Zhukov University of Radio Electronics (126, pr. Sovetskiy, 162622 Cherepovets, Russia).

Роман Александрович Соловьев – Военный ордена Жукова университет радиоэлектроники (д. 126, пр-т Советский, 162622 г. Череповец, Россия); **Roman A. Soloviev –** Military Order of Zhukov University of Radio Electronics (126, pr. Sovetskiy, 162622 Cherepovets, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 06.04.2022.

The article was submitted 09.12.2021; Approved after reviewing 28.03.2022; Accepted for publication 06.04.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 21–33.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 21–33.

Научная статья
УДК 66.021.3
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-2

Математическое моделирование биокоррозии бетона в жидких средах

Светлана Андреевна Логинова

Ярославский государственный технический университет,
Ярославль, Россия,
sl79066171227@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6025-8968

Аннотация. Микробиологическая коррозия представляет серьезную опасность для строительных конструкций, находящихся в прямом контакте с водной средой. Разрушение цементных бетонов при биокоррозии определяется процессами массопереноса. В статье описана физико-математическая модель диффузионных процессов в системе «цементный бетон – биопленка – жидкость». Рассчитана модель массопереноса в неограниченной двухслойной пластине в виде дифференциальных уравнений параболического типа в частных производных. Представлены результаты численного эксперимента с целью изучения влияния коэффициентов массопроводности и массоотдачи на кинетику и динамику процесса. Проведен численный эксперимент, иллюстрирующий влияние критериев подобия на интенсивность протекания коррозионного массопереноса.

Ключевые слова: биокоррозия, математическая модель, массоперенос, бактерии, грибы
Для цитирования: *Логинова С. А.* Математическое моделирование биокоррозии бетона в жидких средах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 21–33. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-2.

Mathematical modeling of concrete biocorrosion in liquid media

Svetlana A. Loginova

Yaroslavl State Technical University,
Yaroslavl, Russia,
sl79066171227@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6025-8968

Abstract. Microbiological corrosion poses a serious danger to building structures in direct contact with an aquatic medium. The destruction of cement concrete during biocorrosion is determined by the processes of mass transfer. The article presents a physical and mathematical model of diffusion processes in the “cement concrete – biofilm – liquid” system. A model of mass transfer in an unbounded two-layer plate is calculated in the form of differential equations of parabolic type in partial derivatives. The author presents the results of the numerical experiment to study the influence of the mass conductivity and mass transfer on the kinetics and dynamics of the process. A numerical experiment has been carried out to illustrate the effect of similarity criteria on the intensity of the process of corrosive mass transfer.

© Логинова С. А., 2022

Keywords: biocorrosion, mathematical model, mass transfer, bacteria, fungi
For citation: Loginova S. A. Mathematical modeling of concrete biocorrosion in liquid media. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 21–33. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-2.

Введение

Прогнозирование износа бетонных и железобетонных конструкций в результате коррозии является сложной задачей, решение которой требует поиска новых методов и подходов. Оценку влияния различных условий эксплуатации объекта на его долговечность целесообразно осуществлять путем математического моделирования и проведения на его основе численных экспериментов. Эффективность использования методов математического моделирования как неотъемлемой части успешного прогнозирования преждевременного износа конструкций доказана высокой практической применимостью полученных результатов[1].

Проблема подверженности подводных бетонных и железобетонных объектов обрастанию и коррозии по-прежнему остается актуальной. Несмотря на многообразие способов защиты от обрастания, радикальных методов борьбы на сегодняшний день не существует[2]. Традиционные приемы по предотвращению появления коррозии оказываются малоэффективными, если она возникает в условиях воздействия микроорганизмов (речь идет о биокоррозии).

Опасность такого типа разрушения заключается в том, что биодеструкторы быстро размножаются, легко адаптируясь к меняющимся условиям среды. Наиболее часто в роли биодеструкторов выступают грибы родов Penicillum, Aspergillus, Rizopus[3] (см. рис. 1).

[1] Ерофеев В. Т., Федорцов А. П., Богатов А. Д., Федорцов В. А. Биокоррозия цементных бетонов, особенности ее развития, оценки и прогнозирования // Фундаментальные исследования. 2014. № 12, ч. 4. С. 708–716; Пехташева Е. Л., Неверов А. Н., Заиков Г. Е., Софьина С. Ю., Дебердеев Р. Я., Стоянов О. В. Микробиологическая коррозия металлов и защита от нее // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15, № 5. С. 131–133; Чижик К. И., Белоокая Н. В. Модель микробиологической коррозии бетона в системах канализации // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2017. Т. 7, № 2 (21). С. 75–83.

[2] Соломатов В. И. и др. Биологическое сопротивление материалов. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2001. 194 с.; Fedosov S. V., Loginova S. A. Mathematical model of concrete biological corrosion // Magazine of Civil Engineering. 2020. № 99 (7). URL: https://engstroy.spbstu.ru/userfiles/files/2020/ 7(99)/06.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

[3] Ерофеев В. Т., Федорцов А. П., Богатов А. Д., Федорцов В. А. Биокоррозия цементных бетонов, особенности ее развития, оценки и прогнозирования // Фундаментальные исследования. 2014. № 12, ч. 4. С. 708–716; Пехташева Е. Л., Неверов А. Н., Заиков Г. Е., Софьина С. Ю., Дебердеев Р. Я., Стоянов О. В. Микробиологическая коррозия металлов и защита от нее // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15, № 5. С. 131–133; Чижик К. И., Белоокая Н. В. Модель микробиологической коррозии бетона в системах канализации // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2017. Т. 7, № 2 (21). С. 75–83; Соломатов В. И. и др. Биологическое сопротивление материалов. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2001. 194 с.; Fedosov S. V., Loginova S. A. Mathematical model of concrete biological corrosion // Magazine of Civil Engineering. 2020.

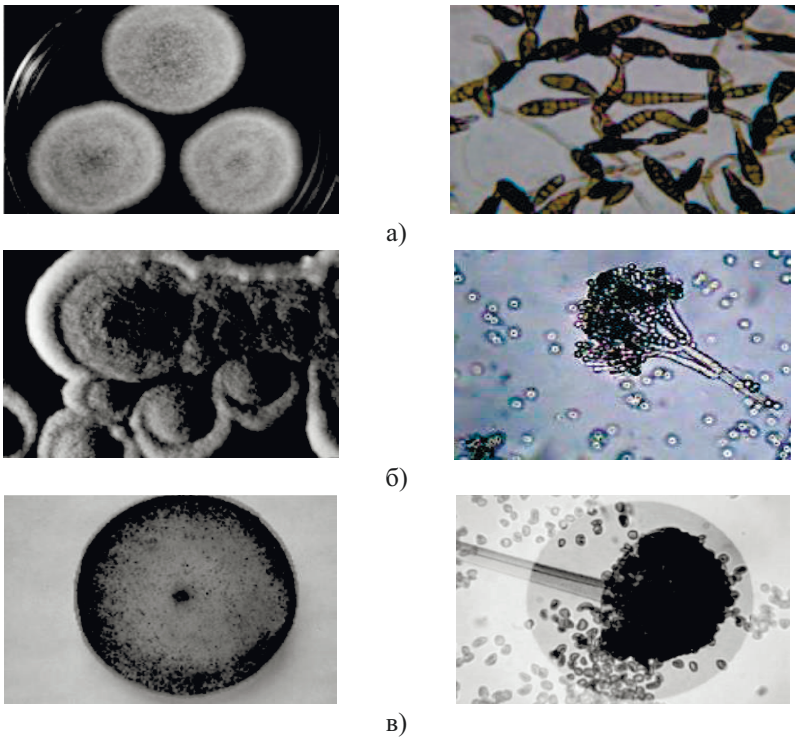

Рис. 1. Колонии грибов:
а) род Aspergillus; б) род Penicillium; в) род Rizopus

Биопоражение поверхности бетонных и железобетонных конструкций обусловливает снижение их эксплуатационных характеристик, а также ухудшение эстетических свойств.

Основная часть

В качестве объектов исследования использовались образцы кубической формы с гранью 30 мм, изготовленные из цемента класса ЦЕМ I 42,5Н с водоцементным отношением В/Ц = 0,3. Зараженные суспензиями микроорганизмов образцы погружали в дистиллированную воду объемом 1000 см^3. Пять поверхностей исследуемой системы были изолированы (см. рис. 2). Открытой для взаимодействия с агрессивной жидкостью оставалась только одна поверхность.

№ 99 (7). URL: https://engstroy.spbstu.ru/userfiles/files/2020/ 7(99)/06.pdf (дата обращения: 15.08.2021); Чеснокова Т. В., Румянцева В. Е., Логинова С. А. Изучение грибковой коррозии бетона с помощью модельной среды // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2019. № 3 (59). С. 85–89.

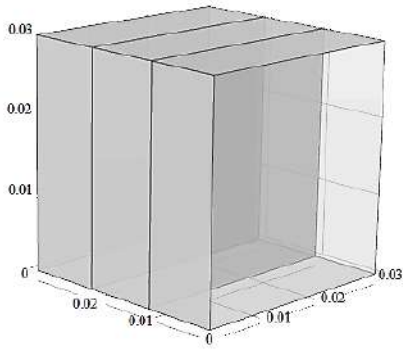

Рис. 2. Схема образца для испытаний на коррозионную стойкость (размеры указаны в м)

В результате дифференциально-термического анализа образцов цементного камня были зафиксированы четыре основных эндотермических эффекта: (–)130°С, (–)455°С, (–)550°С, (–)800°С при бактериальном поражении; (–)130°С, (–)450°С, (–)550°С, (–)700°С, (–)790°С при грибковом поражении. Они, в свою очередь, определяют дегидратацию соответствующих гидратных соединений. Возникшие эндотермические эффекты описаны в табл. 1.

Таблица 1

Изменение массы и энергии цементных образцов

t, °С	Характер эффекта	Процесс, вызывающий эффект	Изменение массы (до внешнего воздействия, %)	Изменение массы (после внешнего воздействия, %)
Образцы цементного камня после воздействия воды и бактерий				
100–130	Эндотермический	Удаление физически связанной воды	6,2	7,7
430–480	Эндотермический	Дегидратация гидроксида кальция $Ca(OH)_2 \rightarrow CaO + H_2O$	1,8	0,9
550–650	Эндотермический	Полиморфные превращения кварца $\alpha\text{-}Si0_2 \rightarrow \beta\text{-}Si0_2$	7,9	5,0
750–815 (1 пик)	Эндотермический	Декарбонизация $CaCO_3 \rightarrow CaO+CO_2$	4,4	3,2
Общее изменение массы			20,3	16,8
Образцы цементного камня после воздействия воды и грибов				
100–130	Эндотермический	Удаление физически связанной воды	6,2	11,7
430–480	Эндотермический	Дегидратация гидроксида кальция $Ca(OH)_2 \rightarrow CaO + H_2O$	1,8	0,75
550–650	Эндотермический	Полиморфные превращения кварца $\alpha\text{-}Si0_2 \rightarrow \beta\text{-}Si0_2$	7,9	1,1
650–815 (2 пика)	Эндотермический	Декарбонизация $CaCO_3 \rightarrow CaO+CO_2$	4,4	6,8
Общее изменение массы			20,3	20,35

Температура и интенсивность эндотермических эффектов, соответствующих дегидратации гидратных соединений, в исследуемых образцах существенно не менялись.

Количество связанной воды спустя 70 суток в образцах после воздействия воды при бактериальном поражении было выше на 19,4 %, а при грибковом – на 47 % (по сравнению с контрольными образцами). Во всех пробах зафиксировано изменение содержания гидроксида кальция по эндоэффекту при температуре 430–480 °С. У образцов, подверженных бактериальному и грибковому поражению, наблюдается сужение площади эффекта, характеризующего дегидратацию $Ca(OH)_2$, что соответствует уменьшению количества гидроксида кальция. На основании результатов табл. 1 для образцов, на которые было оказано биовоздействие, отмечается снижение температуры окончательной дегидратации гидратных соединений до 790–800 ºС, что свидетельствует о наличии небольшого количества карбонатов кальция в цементном камне[1].

Методом дифференциально-термического анализа были определены значения концентраций «свободного» $Ca(OH)_2$ (по терминологии академика РААСН С. В. Федосова) в середине каждой пластины (см. рис. 2) для шести моментов времени, необходимые для аналитического построения профилей концентраций (см. табл. 2).

Таблица 2

Значения концентраций «свободного» $Ca(OH)_2$ в растворе пор образца в зависимости от времени и координаты

Время		Концентрация ($кг_{CaO}/кг_{бет} \cdot 10^{-4}$) в точке с координатой		
		$x_1 = 0{,}005$ м	$x_2 = 0{,}015$ м	$x_3 = 0{,}025$ м
при бактериальном поражении				
τ_0	0 сут	2,47	2,47	2,47
τ_1	14 сут	2,47	2,23	1,93
τ_2	28 сут	2,38	1,98	1,76
τ_3	42 сут	2,16	1,81	1,48
τ_4	56 сут	1,88	1,53	1,23
τ_5	70 сут	1,68	1,45	1,20
при грибковом поражении				
τ_0	0 сут	2,47	2,47	2,47
τ_1	14 сут	2,47	2,15	1,84
τ_2	28 сут	2,28	2,01	1,59
τ_3	42 сут	2,12	1,69	1,24
τ_4	56 сут	1,81	1,41	1,07
τ_5	70 сут	1,49	1,25	1,01

На рис. 3 представлены профили концентраций «свободного» гидроксида кальция по толщине бетонного образца в биологически агрессивной среде.

[1] Fedosov S. V., Roumyantseva V. E., Konovalova V. S., Loginova S. A. Mathematical modeling of diffusion processes of mass transfer of “free calcium hydroxide” during corrosion of cement concretes // International Journal for Computational Civil and Structural Engineering. 2018. Vol. 14, no. 3. P. 161–168.

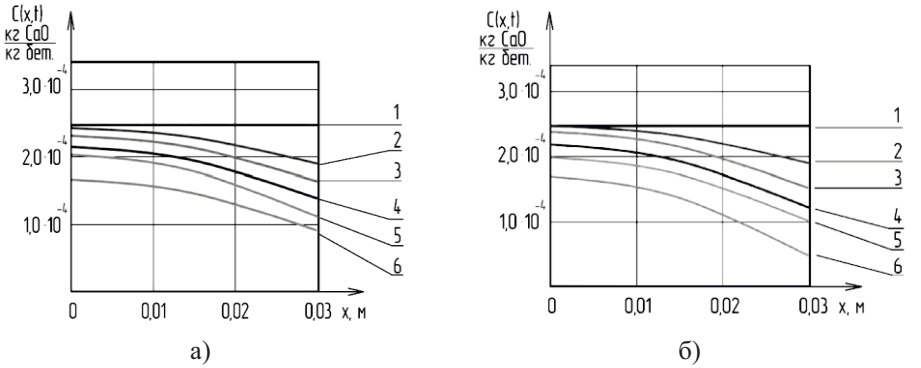

Рис. 3. Профили концентраций $Ca(OH)_2$ по толщине бетонного образца в водной среде при τ:
1 – 0 сут; 2 – 14 сут; 3 – 28 сут; 4 – 42 сут; 5 – 56 сут; 6 – 70 сут:
а) при бактериальном поражении; б) при грибковом поражении

С математической точки зрения система «цементный бетон – биопленка – жидкость» может быть представлена двумя находящимися в контакте неограниченными пластинами: толщина первой пластины – δ_1 (бетон), второй – δ_2 (биопленка). Возникает необходимость определения изменения концентрации «свободного» $Ca(OH)_2$ во времени (τ) по толщине конструкции (x). На границе бетона с жидкостью возникают граничные условия второго рода (так как поток вещества отсутствует), на границе между бетоном и биопленкой – четвертого рода (в месте контакта пластин концентрации «свободного» $Ca(OH)_2$ равны, также совпадают плотности потоков массы) (см. систему уравнений (1)–(8)):

$$\frac{\partial C_1(x,\tau)}{\partial \tau} = k_1 \cdot \frac{\partial^2 C_1(x,\tau)}{\partial x^2},\ \tau > 0,\ -\delta_1 \le x \le 0, \tag{1}$$

$$\frac{\partial C_2(x,\tau)}{\partial \tau} = k_2 \cdot \frac{\partial^2 C_2(x,\tau)}{\partial x^2},\ \tau > 0,\ 0 \le x \le \delta_2. \tag{2}$$

Начальное распределение концентраций принимается равномерным:

$$C_1(x,\tau)\big|_{\tau=0} = C_1(x,0) = C_{1,0}, \tag{3}$$

$$C_2(x,\tau)\big|_{\tau=0} = C_2(x,0) = C_{2,0}. \tag{4}$$

Граничные условия:

$$\left.\frac{\partial C_1(x,\tau)}{\partial x}\right|_{x=\delta_1} = 0. \tag{5}$$

В месте контакта бетона и биопленки (равновесие в системе подчиняется закону Генри):

$$C_1(x,\tau)\big|_{x=0} = m \cdot C_2(x,\tau)\big|_{x=0}, \tag{6}$$

$$-\rho_{\text{бет}} \cdot k_1 \cdot \frac{\partial C_1(x,\tau)}{\partial x}\bigg|_{x=0} = -\rho_{\text{биом}} \cdot k_2 \cdot \frac{\partial C_2(x,\tau)}{\partial x}\bigg|_{x=0}. \tag{7}$$

На границе «биопленка – жидкость»:

$$-k_2 \cdot \frac{\partial C_2(x,\tau)}{\partial x}\bigg|_{x=\frac{\delta_2}{\delta_1}} = q_H(\tau). \tag{8}$$

В безразмерных координатах краевая задача массопроводности будет иметь следующий вид (см. систему уравнений (9)–(16)):

$$\frac{\partial Z_1(\bar{x},Fo_m)}{\partial Fo_m} = \frac{\partial^2 Z_1(\bar{x},Fo_m)}{\partial \bar{x}^2},\ Fo_m > 0,\ -1 \le \bar{x} \le 0, \tag{9}$$

$$\frac{\partial Z_2(\bar{x},Fo_m)}{\partial Fo_m} = \frac{\partial^2 Z_2(\bar{x},Fo_m)}{\partial \bar{x}^2} \cdot K_k,\ Fo_m > 0,\ 0 \le \bar{x} \le K_\delta. \tag{10}$$

Начальные условия:

$$Z_1(\bar{x},Fo_m)\big|_{Fo_m=0} = Z_{1,0}(\bar{x}), \tag{11}$$

$$Z_2(\bar{x},Fo_m)\big|_{Fo_m=0} = Z_{2,0}(\bar{x}). \tag{12}$$

Граничные условия:

$$\frac{\partial Z_1(\bar{x},Fo_m)}{\partial \bar{x}}\bigg|_{\bar{x}=|-1|} = 0, \tag{13}$$

$$Z_1(\bar{x},Fo_m)\big|_{\bar{x}=0} = Z_2(\bar{x},Fo_m)\big|_{\bar{x}=0}, \tag{14}$$

$$\frac{\partial Z_1(\bar{x},Fo_m)}{\partial \bar{x}}\bigg|_{\bar{x}=0} = N \cdot \frac{\partial Z_2(\bar{x},Fo_m)}{\partial \bar{x}}\bigg|_{\bar{x}=0}, \tag{15}$$

$$\frac{\partial Z_2(\bar{x},Fo_m)}{\partial \bar{x}}\bigg|_{\bar{x}=K\delta} = Ki_H^*, \tag{16}$$

где $C_1(x,\tau)$ – концентрация «свободного» $Ca(OH)_2$ в перерасчете на CaO в бетоне в момент времени τ в произвольной точке с координатой *x*, кг CaO/кг бетона; $C_2(x,\tau)$ – концентрация «свободного» $Ca(OH)_2$ в перерасчете на CaO в биопленке в момент времени τ в произвольной точке с координатой *x*, кг CaO/кг биомассы; $k_{1,2}$ – коэффициенты массопроводности, м^2/с; δ_1 – толщина бетонной конструкции, м; δ_2 – толщина биопленки, м; $C_{1,0}$ – начальная концентрация «свободного» CaO, кг CaO/кг бетона; $C_{2,0}$ – начальная концентрация «свободного» CaO, кг CaO/кг биомассы; *m* – константа равновесия Генри, кг биопленки/кг бетона; $\rho_{бет}$, $\rho_{биом}$ – плотности бетона и биомассы, кг/м^3; $q_H(\tau)$ – плотность потока массы, уходящей от биопленки в поток жидкости; $Z_1(\bar{x},Fo_m)$ – безразмерная концентрация переносимого компонента по толщине бетона; $Z_2(\bar{x},Fo_m)$ – безразмерная концентрация переносимого компонента по толщине биопленки; $\bar{x}=x/\delta_1$ – безразмерная координата; $K_k=k_2/k_1$; $K_\delta=\delta_2/\delta_1$; $N=(\rho_{биом}\cdot k_2)/(\rho_{бет}\cdot k_1\cdot m)$ – коэффициент, учитывающий характеристики фаз; $Fo_m=(k_1\cdot\tau)/\delta_1^2$ – критерий Фурье; $Ki_H^*=\dfrac{q_H\cdot\rho_{бет}\cdot m\cdot K_\delta}{\delta_2\cdot\rho_{биоп}\cdot k_2\cdot C_0}$ – массообменный критерий Кирпичева.

Решение задачи массопроводности имеет следующий вид[1]:

$$Z_1(\bar{x},Fo_m)=\frac{1}{1+NK_kK_\delta}\left\{1-NK_\delta+NKi_H^*\left[Fo_m+\frac{(1-\bar{x})^2}{2}+\varphi(K_k,N,K_\delta)\right]\right\}+$$

$$+2\sum_{m=1}^{\infty}\frac{1}{\mu_m^2\psi_1'(\mu_m)}\left(\begin{array}{c}\mu_m\sin\mu_m\left[\cos(\mu_m\bar{x})\cos\left(\mu_m\sqrt{K_k}K_\delta\right)-\sqrt{K_k}K_\delta\sin(\mu_m\bar{x})\sin\left(\mu_m\sqrt{K_k}K_\delta\right)\right]-\\ -\frac{N}{\sqrt{K_k}}\cos\left(\mu_m(1+\bar{x})\right)\exp\left(-\mu_m^2Fo_m\right)\end{array}\right), \quad (17)$$

[1] Fedosov S. V., Loginova S. A. Mathematical model of concrete biological corrosion // Magazine of Civil Engineering. 2020. № 99 (7). URL: https://engstroy.spbstu.ru/userfiles/files/2020/7(99)/06.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

$$Z_2(\bar{x},Fo_m)=\frac{1}{1+NK_kK_\delta}\left(\begin{array}{l}1-NK_\delta+Ki_H^*\left[\bar{x}-Fo_mK_kK_\delta\right]+\\+NKi_H^*\left(\varphi\left(K_k,N,K_\delta\right)-\dfrac{1+K_k\bar{x}^2}{2}\right)\end{array}\right)-$$

$$-2\sum_{m=1}^{\infty}\frac{J}{\mu_m^2\psi_1'(\mu_m)}\left(\begin{array}{l}\mu_m\sin\mu_m\cos\left[\mu_m\sqrt{K_k}\left(K_\delta-\bar{x}\right)\right]-\\-\dfrac{\mu_m}{\sqrt{K_k}}\sin\left(\mu_m\sqrt{K_k}K_\delta\right)\left[\begin{array}{l}N\cos\mu_m\cos\left(\mu_m\sqrt{K_k}\bar{x}\right)+\\\dfrac{1}{\sqrt{K_k}}\sin\mu_m\sin\left(\mu_m\sqrt{K_k}\bar{x}\right)\end{array}\right]+\\+Ki_H^*\left[\begin{array}{l}N\cos\mu_m\cos\left(\mu_m\sqrt{K_k}\bar{x}\right)+\\\dfrac{1}{\sqrt{K_k}}\sin\mu_m\sin\left(\mu_m\sqrt{K_k}\bar{x}\right)\end{array}\right]\exp\left(-\mu_m^2K_kFo_m\right)\end{array}\right), \quad (18)$$

где $J=\int_0^1 Z_{1,0}(\xi)\cos\left[\mu_m(1-\xi)\right]d\xi$; μ_m – корни характеристического уравнения.

Выводы

В табл. 1 представлены результаты расчетов по предложенной математической модели процесса массопереноса «свободного» $Ca(OH)_2$ при биоразрушении бетона. Анализ полученных расчетных данных показывает, что в начальный период времени поток массы вещества максимален, в дальнейшем он уменьшается. На основании сведений табл. 3 можно сделать вывод о том, что при грибковой коррозии интенсивность потока массы вещества несколько выше, чем при бактериальной коррозии. Результаты численных экспериментов по предложенной математической модели представлены на рис. 4–7[1].

Таблица 3

Экспериментально рассчитанные характеристики массопереноса

№ п/п	Наименование показателя	τ, сут				
		14	28	42	56	70
1	2	3	4	5	6	7
При бактериальной коррозии						
1	Плотность потока массы вещества в образце, кг/(м^2·с)	$5{,}52\cdot10^{-7}$	$2{,}42\cdot10^{-7}$	$6{,}96\cdot10^{-8}$	$6{,}22\cdot10^{-8}$	$8{,}73\cdot10^{-9}$
2	Коэффициент массопроводности, м^2/с	$2{,}58\cdot10^{-9}$	$1{,}73\cdot10^{-9}$	$4{,}84\cdot10^{-10}$	$4{,}54\cdot10^{-10}$	$5{,}02\cdot10^{-11}$
3	Коэффициент массоотдачи, м/с	$1{,}62\cdot10^{-8}$	$1{,}62\ 10^{-8}$	$1{,}64\cdot10^{-8}$	$1{,}64\cdot10^{-8}$	$1{,}58\cdot10^{-8}$

[1] Mullard J. A., Stewart M. G. Corrosion-Induced Cover Cracking: New Test Data and Predictive Models // ACI Structural Journal. 2011. Vol. 108, no. 1. P. 71–79.

Продолжение таблицы 3

При грибковой коррозии						
1	2	3	4	5	6	7
4	Плотность потока массы вещества в образце, кг/(м^2·с)	$7{,}25\cdot10^{-7}$	$4{,}08\cdot10^{-7}$	$7{,}96\cdot10^{-8}$	$7{,}82\cdot10^{-8}$	$9{,}68\cdot10^{-9}$
5	Коэффициент массопроводности, м^2/с	$4{,}02\cdot10^{-9}$	$3{,}72\cdot10^{-9}$	$5{,}55\cdot10^{-10}$	$5{,}42\cdot10^{-10}$	$6{,}39\cdot10^{-11}$
6	Коэффициент массоотдачи, м/с	$1{,}65\cdot10^{-8}$	$1{,}66\cdot10^{-8}$	$1{,}63\cdot10^{-8}$	$1{,}63\cdot10^{-8}$	$1{,}65\cdot10^{-8}$

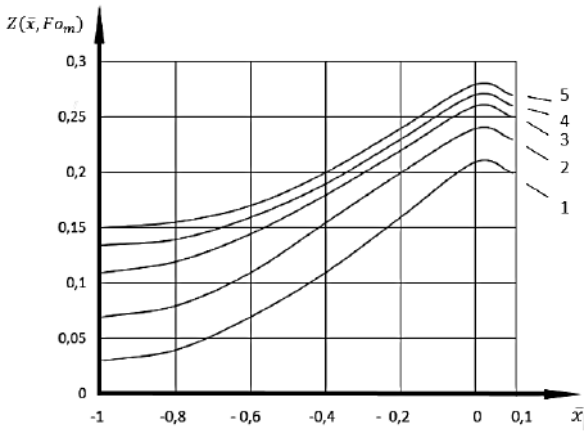

Рис. 4. Профили безразмерных концентраций «свободного» $Ca(OH)_2$ по толщине бетона и биопленки при бактериальной коррозии: 1 – на 14 сут; 2 – на 28 сут; 3 – на 42 сут; 4 – на 56 сут; 5 – на 70 сут

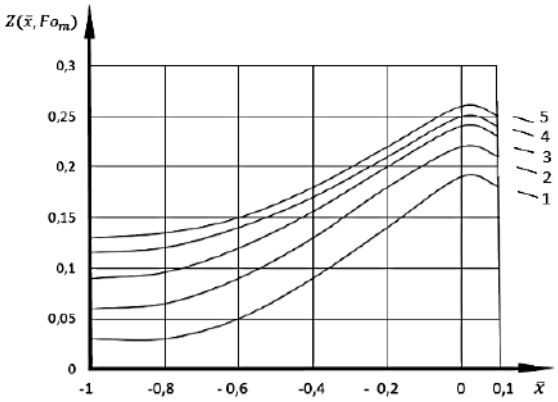

Рис. 5. Профили безразмерных концентраций «свободного» $Ca(OH)_2$ по толщине бетона и биопленки при грибковой коррозии:1 – на 14 сут; 2 – на 28 сут; 3 – на 42 сут; 4 – на 56 сут; 5 – на 70 сут

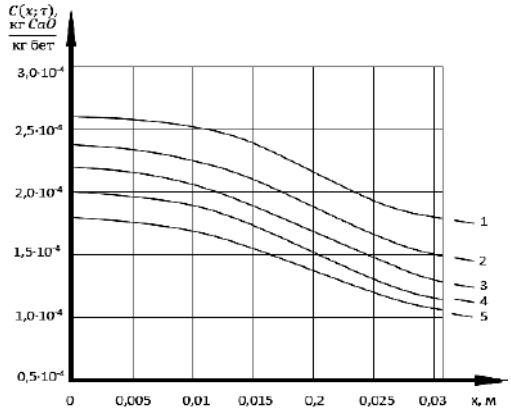

Рис. 6. Профили концентраций «свободного» $Ca(OH)_2$ по толщине бетона и биопленки при бактериальной коррозии: 1 – на 14 сут; 2 – на 28 сут; 3 – на 42 сут; 4 – на 56 сут; 5 – на 70 сут

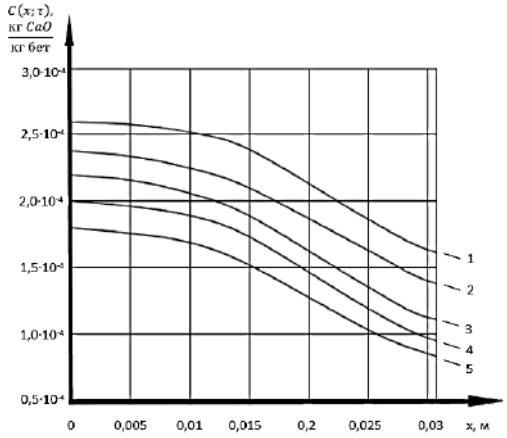

Рис. 7. Профили концентраций «свободного» $Ca(OH)_2$ по толщине бетона и биопленки при грибковой коррозии: 1 – на 14 сут; 2 – на 28 сут; 3 – на 42 сут; 4 – на 56 сут; 5 – на 70 сут

Таким образом, экспериментальные и расчетные данные позволяют судить о сходимости полученных результатов, что подтверждает возможность применения разработанной математической модели для расчетов процессов массопереноса при биокоррозии цементных бетонов независимо от таксономического состава биообрастания.

Список источников

Ерофеев В. Т., Федорцов А. П., Богатов А. Д., Федорцов В. А. Биокоррозия цементных бетонов, особенности ее развития, оценки и прогнозирования // Фундаментальные исследования. 2014. № 12, ч. 4. С. 708–716.

Пехташева Е. Л., Неверов А. Н., Заиков Г. Е., Софьина С. Ю., Дебердеев Р. Я., Стоянов О. В. Микробиологическая коррозия металлов и защита от нее // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15, № 5. С. 131–133.

Соломатов В. И. и др. Биологическое сопротивление материалов. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2001. 194 с.

Чеснокова Т. В., Румянцева В. Е., Логинова С. А. Изучение грибковой коррозии бетона с помощью модельной среды // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2019. № 3 (59). С. 85–89.

Чижик К. И., Белоокая Н. В. Модель микробиологической коррозии бетона в системах канализации // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2017. Т. 7, № 2 (21). С. 75–83.

Fedosov S. V., Loginova S. A. Mathematical model of concrete biological corrosion // Magazine of Civil Engineering. 2020. № 99 (7). URL: https://engstroy.spbstu.ru/userfiles/files/2020/7(99)/06.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

Fedosov S. V., Roumyantseva V. E., Konovalova V. S., Loginova S. A. Mathematical modeling of diffusion processes of mass transfer of “free calcium hydroxide” during corrosion of cement concretes // International Journal for Computational Civil and Structural Engineering. 2018. Vol. 14, no. 3. P. 161–168.

Mullard J. A., Stewart M. G. Corrosion-Induced Cover Cracking: New Test Data and Predictive Models // ACI Structural Journal. 2011. Vol. 108, no. 1. P. 71–79.

References

Erofeev V. T., Fedortsov A. P., Bogatov A. D., Fedortsov V. A. Biokorroziia tsementnykh betonov, ocobennosti ee razvitiia, otsenki i prognozirovaniia [Biocorrosion of cement concrete, features of its development, assessment and forecasting]. *Fundamental'nye issledovaniia* [Fundamental research], 2014, no. 12, part 4, pp. 708–716.

Pekhtasheva E. L., Neverov A. N., Zaikov G. E., Sof'ina S. Iu., Deberdeev R. Ia., Stoianov O. V. Mikrobiologicheskaia korroziia metallov i zashchita ot nee [Microbiological corrosion of metals and protection against it]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazan technological university], 2012, vol. 15, no. 5, pp. 131–133.

Solomatov V. I. i dr. *Biologicheskoe soprotivlenie materialov* [Biological resistance of materials]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2001. 194 p.

Chesnokova T. V., Rumiantseva V. E., Loginova S. A. Izuchenie gribkovoi korrozii betona s pomoshch'iu model'noi sredy [Study of fungal corrosion of concrete by means of model environment]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie* [Modern High Technologies. Regional Application], 2019, no. 3 (59), pp. 85–89.

Chizhik K. I., Belookaia N. V. Model' mikrobiologicheskoi korrozii betona v sistemakh kanalizatsii [Model of microbiological corrosion of concrete in the systems of canalization]. *Izvestiia vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'* [Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real estate], 2017, vol. 7, no. 2 (21), pp. 75–83.

Fedosov S. V., Loginova S. A. Mathematical model of concrete biological corrosion. *Magazine of Civil Engineering*, 2020, no. 99 (7). Available at: https://engstroy.spbstu.ru/userfiles/files/2020/7(99)/06.pdf (accessed: 15.08.2021).

Fedosov S. V., Roumyantseva V. E., Konovalova V. S., Loginova S. A. Mathematical modeling of diffusion processes of mass transfer of “free calcium hydroxide” during corrosion of cement concretes. *International Journal for Computational Civil and Structural Engineering*, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 161–168.

Mullard J. A., Stewart M. G. Corrosion-Induced Cover Cracking: New Test Data and Predictive Models. *ACI Structural Journal*, 2011, vol. 108, no. 1, pp. 71–79.

Сведения об авторах

Светлана Андреевна Логинова – доцент; https://orcid.org/0000-0001-6025-8968, sl79066171227@yandex.ru, Ярославский государственный технический университет (д. 88, пр-т Московский, 150023 г. Ярославль, Россия); **Svetlana A. Loginova** – Associate Professor; https://orcid.org/0000-0001-6025-8968, sl79066171227@yandex.ru, Yaroslavl State Technical University (88, pr. Moscovskiy, 150023 Yaroslavl, Russia).

Статья поступила в редакцию 30.08.2021; одобрена после рецензирования 14.10.2021; принята к публикации 26.10.2021.

The article was submitted 30.08.2021; Approved after reviewing 14.10.2021; Accepted for publication 26.10.2021.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 34–46.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 34–46.

Научная статья
УДК 620.9
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-3

Математическая модель и алгоритм оценки энергетического потенциала влажного коксового газа на металлургическом предприятии

Сергей Владимирович Лукин[1], Максим Андреевич Бахвалов[2]✉, Николай Иванович Шестаков[3]

[1, 2, 3]Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,
[1]s.v.luk@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3002-1078
[2]mabahvalov@yandex.ru✉
[3]n.i.shestakov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8019-122X

Аннотация. Точный расчет потребляемого топлива позволяет грамотно планировать режимы работы энергетического оборудования. В статье представлены математическая модель и алгоритм оценки энергетического потенциала влажного коксового газа на металлургическом предприятии. Введены поправки к расходу газа с учетом его состава. Для каждого потребителя определена химическая и физическая энергия, приходящая с газом. Для реализации математической модели не требуется измерение состава коксового газа перед каждым потребителем; кроме того, нет необходимости в установлении уровня влажности газа. Для узлов учета газа перед газопотребляющим оборудованием нужна только установка стандартного набора устройств и приборов, что снижает стоимость обслуживания системы.

Ключевые слова: коксовый газ, влагосодержание, теплотворная способность топлива, физическое тепло, химическая энергия

Для цитирования: *Лукин С. В., Бахвалов М. А., Шестаков Н. И.* Математическая модель и алгоритм оценки энергетического потенциала влажного коксового газа на металлургическом предприятии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 34–46. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-3.

Mathematical model and algorithm for assessing the wet coke gas energy potential at a metallurgical plant

Sergey V. Lukin[1], Maxim A. Bahvalov[2]✉, Nikolay I. Shestakov[3]

[1, 2, 3]Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,
[1]s.v.luk@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3002-1078
[2]mabahvalov@yandex.ru✉
[3]n.i.shestakov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8019-122X

© Лукин С. В., Бахвалов М. А., Шестаков Н. И., 2022

Abstract. Accurate calculation of fuel consumption helps to correctly plan the operating modes of power equipment. The paper presents a mathematical model for calculating the arrival of heat with coke oven gas at a metallurgical plant. Amendments to the gas consumption for its composition have been introduced. For each consumer, the chemical and physical energy that comes with the gas is determined. This method does not require measuring the composition of the coke oven gas for each consumer; furthermore there is no need to measure the humidity of the gas. For gas metering units, it is only required to install a standard set of devices before gas-consuming equipment, which reduces the cost of system maintenance.

Keywords: coke gas, water content, fuel calorific power, physical energy, chemical power

For citation: Lukin S. V., Bahvalov M. A., Shestakov N. I. Mathematical model and algorithm for assessing the wet coke gas energy potential at a metallurgical plant. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 34–46. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-3.

Введение

Газовый баланс большинства заводов с полным металлургическим циклом дефицитен: не хватает тепла для удовлетворения нужд всех потребителей. В таком случае наиболее рациональным на сегодняшний день способом сведения газового баланса является покрытие дефицита при помощи природного газа, который, наряду с полным обеспечением потребностей клиентов, позволяет в ряде ситуаций значительно интенсифицировать и удешевить производство[1]. Однако, несмотря на все преимущества использования природного газа, для металлургических комбинатов это покупной энергоресурс. В настоящее время ведется активная работа по выявлению дополнительного внутреннего потенциала вторичных энергетических ресурсов – доменного и коксового газов. По этой причине большое значение для грамотного планирования режимов работы энергетического оборудования и реализации новых энергоэффективных мероприятий имеет баланс указанных видов газа.

Основная часть

Выделяющиеся из угля в процессе коксования химические продукты в виде паров и газов называются *прямым коксовым газом*. После извлечения из данного газа основных химических продуктов (аммиака, смолы, бензола и проч.) он направляется на обогрев коксовых печей или удовлетворения нужд других потребителей и носит название *обратного коксового газа*.

Состав и содержание химических продуктов в прямом коксовом газе зависят от свойств угля, температуры и других условий коксования. Жидкие и газообразные продукты данного процесса являются сырьем для ряда химических производств и представляют собой значительную ценность[2]. По этой причине прямой коксовый газ проходит специальную обработку с целью улавливания из него химических продук-

[1] Старк С. Б. Теплоэнергетическое хозяйство металлургических заводов. Москва: Металлургия, 1966. 311 с.

[2] Вессельман С. Г., Дробышев Л. В. Контроль и регулирование тепловых процессов на коксохимических заводах. Харьков: Металлургиздат, 1962. 378 с.

тов. Расчетные характеристики сухого прямого и обратного коксового газа приведены в табл. 1.

Таблица 1

Расчетные характеристики сухого коксового газа

№ п/п	Наименование	Прямой газ	Обратный газ	Плотность при стандартных условиях, кг/м^3	Низшая теплотворная способность, МДж/м^3
	Средний объемный состав, %				
1	Водород, H_2	57,0	57,0	0,08375	10,79
2	Окись углерода, CO	6,5	6,0	1,1649	12,64
3	Метан, CH_4	22,8	22,0	0,6682	35,88
4	Тяжелые углеводороды, C_nH_m	2,7	1,8	1,2601	64,36
5	Сероводород, H_2S	0,4	0,6	1,4311	23,37
6	Углекислота, CO_2	2,3	2,2	1,8393	–
7	Кислород, O_2	0,8	0,7	1,33116	–
8	Азот, N_2	7,5	9,7	1,1649	–
Низшая теплота сгорания, МДж/м^3		17,4	16,0	–	–
Плотность, кг/м^3		0,48	0,49	–	–

В условиях производства состав обратного коксового газа меняется, соответственно его плотность и низшая теплота сгорания непостоянны. Пример колебания низшей теплоты сгорания коксового газа в разрезе одного месяца представлен на рис. 1.

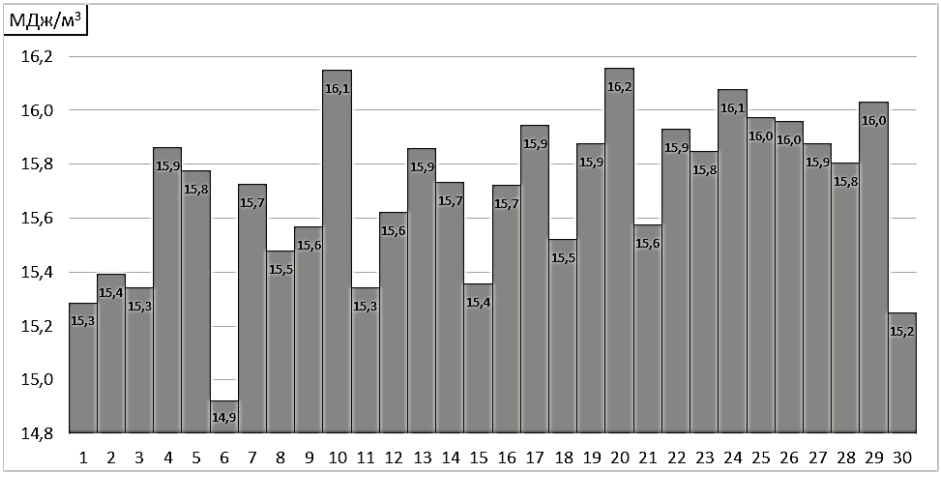

Рис. 1. Динамика изменения низшей теплоты сгорания обратного коксового газа посуточно в течение месяца

Расход газа можно измерить в единицах массового расхода, объемного расхода в рабочих условиях и объемного расхода, приведенного к стандартным условиям. При

стандартных условиях приведенный объем газов имеет температуру 20 °С ($T_с$ = 293,15 К), давление 760 мм рт. ст. ($p_с$ = 101325 Па) и влажность, равную нулю. В случае с металлургическими газами для выстраивания баланса между выходом и потребителями некорректно приводить расход к сухому составу, это обусловливается постоянно меняющимися составом и температурой.

Связь между массовым и объемным расходами при рабочих условиях, а также объемным расходом, приведенным к стандартным условиям, устанавливает следующее равенство:

$$q_m = q_с \rho_с = q_υ \rho, \tag{1}$$

где q_m – массовый расход среды, кг/с; $q_с$ – объемный расход среды, приведенный к стандартным условиям, м^3/с; $\rho_с$ – плотность среды при стандартных условиях, кг/м^3; $q_υ$ – объемный расход среды при рабочих условиях, м^3/с; ρ – плотность среды при рабочих условиях, кг/м^3.

Объемный расход среды (м^3/с) при стандартных условиях рассчитывается по формуле

$$q_с = 0,25\pi d_{20}^2 K_{су}^2 C E K_ш K_п \varepsilon \frac{(2\Delta p \rho)^{0,5}}{\rho_с}, \tag{2}$$

где d_{20} – диаметр отверстия сужающего устройства при температуре 20 °С, м; $K_{су}$ – коэффициент, учитывающий изменение диаметра отверстия сужающего устройства при отклонении температуры среды от 20 °С; C – коэффициент истечения; E – коэффициент скорости входа; $K_ш$ – поправочный коэффициент, учитывающий шероховатость внутренней поверхности измерительного трубопровода; $K_п$ – поправочный коэффициент, учитывающий притупление входной кромки диафрагмы; ε – коэффициент расширения; Δp – перепад давления на сужающем устройстве, Па.

Плотность среды (кг/м^3) при рабочих условиях рассчитывают по формуле

$$\rho = \frac{\rho_с p T_с}{p_с T K}, \tag{3}$$

где p – абсолютное давление среды, Па; $T_с$ – абсолютная температура среды при стандартных условиях, К; $p_с$ – давление среды при стандартных условиях, Па; T – абсолютная фактическая температура среды, К; K – коэффициент сжимаемости газа.

В этом случае формула (2) примет следующий вид:

$$q_с = 0,25\pi d_{20}^2 K_{су}^2 C E K_ш K_п \varepsilon (2\Delta p \frac{p T_с}{\rho_с p_с T K})^{0,5}. \tag{4}$$

Определение температуры коксового газа осуществляется на прямом участке в проточной части измерительного трубопровода, при этом врезка термометра может

быть до или после сужающего устройства. Предпочтение отдается фиксированию температуры после сужающего устройства. Абсолютная (термодинамическая) температура газа (К) определяется по формуле $T = 273{,}15 + t$, где t – фактическая температура среды, °С.

Манометрами через отдельное отверстие, размещенное в сечении измерительного трубопровода в месте монтажа отверстия для отбора перепада давления перед сужающим устройством, определяют избыточное давление. В ряде ситуаций допускается присоединение манометра к плюсовой соединительной трубке дифманометра.

Абсолютным давлением среды (Па) является сумма избыточного и барометрического давлений: $p = p_{\text{и}} + p_{\text{б}}$. При отсутствии измерений абсолютного давления газа или барометрического давления значение последнего принимается в качестве постоянного (101325 Па или 760 мм рт. ст.).

Количество газа (массовый расход – m; объемный расход при рабочих условиях – V; объемный расход при стандартных условиях – $V_{\text{с}}$), прошедшее по измерительному участку трубопровода за определенный интервал времени, представляет собой интеграл функции расхода по времени τ, соответственно $q_m(\tau)$, $q_{\text{v}}(\tau)$, $q_{\text{с}}(\tau)$ за этот период.

Расход газа при стандартных условиях будет рассчитываться по формуле

$$V_{\text{с}} = \Delta\tau \sum_{i=1}^{n} q_{ci}, \tag{5}$$

где $\Delta\tau$ – интервал времени (минута, час, сутки), в течение которого измеряется количество газа; q_{ci} – объемный расход газа за единицу времени в заданном интервале, м^3/с.

Массовый расход газа и его объемный расход при рабочих условиях будут рассчитываться по формуле, аналогичной выражению (5).

В случае измерения расхода газа посредством автоматизированного комплекса энергоучета с приведением к стандартным условиям требуется внесение поправки на фактическую плотность газа по следующей формуле[1]:

$$V_{\text{с}} = V_{\text{с}} \sqrt{\frac{\rho_{\text{с}}}{\rho_{\text{ф}}}}, \tag{6}$$

где $\rho_{\text{ф}}$ – фактическая плотность для текущего состава коксового газа при стандартных условиях, кг/м^3.

Ввиду высокой капитальной стоимости газоаналитических комплексов и потребности в их постоянном обслуживании, связанном с агрессивным воздействием металлургических газов на чувствительные элементы, данные системы устанавливают-

[1] Фингер Е. Д. и др. Методика испытаний котельных установок. Москва; Ленинград: Энергия, 1964. 288 с.

ся исключительно на выходе газа после газоочисток в межцеховые газопроводы. В отдельных случаях элементарный состав определяется в химических лабораториях путем отбора проб с газопровода в конкретные промежутки времени. Влагосодержание не измеряется, однако перед установлением состава газ проходит осушку.

Зная процентное содержание каждого компонента, входящего в состав газа, а также его плотность, можно рассчитать плотность газовой смеси (кг/м^3). Исходя из того, что плотности газов подчиняются правилу аддитивности (правилу смешения), плотность сухой газовой смеси определяется по формуле

$$\rho_{\text{ф}} = \frac{\upsilon_1\rho_1 + \upsilon_2\rho_2 + \upsilon_3\rho_3 + ... + \upsilon_n\rho_n}{100}, \quad (7)$$

где $\upsilon_1, \upsilon_2, \upsilon_3, ..., \upsilon_n$ – объемное содержание отдельных компонентов газовой смеси (H_2, CO, CH_4, C_nH_m, H_2S, CO_2, O_2, N_2, H_2O), %; $\rho_1, \rho_2, \rho_3, ..., \rho_n$ – плотность каждого газового компонента.

Плотности компонентов при стандартных условиях представлены в табл. 1.

Для пересчета элементарного состава газа с сухой массы на влажную массу (рабочую) используется формула[1]

$$\upsilon^p = \upsilon^c \cdot \frac{100 - W}{100}, \quad (8)$$

где υ^p, υ^c – содержание компонентов в сухой и влажной массе газа соответственно, объемн. %; W – содержание влаги в рабочей массе топлива, объемн. %.

Влага содержится в газообразном топливе в виде водяных паров, количество которых зависит от температуры. Их процентное содержание во влажном газе рассчитывается из условия, что 1 кмоль водяных паров массой 18000 г занимает объем 22,4 м^3. Следовательно, 1 г водяных паров будет занимать объем, равный 0,00124 м^3. Таким образом, содержание H_2O в рабочей массе топлива можно рассчитать по формуле

$$W = \frac{0,00124g}{1 + 0,00124g} \cdot 100\%, \quad (9)$$

где g – объемное влагосодержание газа, г/м^3.

Влагосодержание коксового газа соответствует насыщению, относительная влажность составляет 100 %[2]. Максимальное влагосодержание g (г/м^3) водяного пара в 1 м^3 влажного газа зависит от температуры газа и, следовательно, пара. Числовые

[1] Краткий справочник химика / составитель В. И. Перельман. Москва: Госхимиздат, 1955. 560 с.

[2] Тепловой расчет котлов (нормативный метод) / под редакцией С. И. Мочана и др. Санкт-Петербург: НПО ЦКТИ, 1998. 260 с.

значения g определяются по таблице[1] или вычисляются (с достаточной точностью расчета) по эмпирической формуле для температуры *t* до 100 °С и выше[2]:

$$\lg g = 0,686 + \frac{6,9t}{230 + t}. \quad (10)$$

Например, при относительной влажности, равной 100 %, и температуре газа 20 °С объемное влагосодержание составляет 2,1 %, при температуре 40 °С – 6 %.

В случае подготовки газа к газовому анализу необходимо обратным методом произвести пересчет влажности на фактическую температуру в газопроводе.

Важнейшей характеристикой газообразного топлива является его теплотворность, под которой понимается тепловыделение на единицу объема (Q, МДж/м^3). Величины низшей теплотворной способности компонентов коксового газа представлены в табл. 1.

Низшая теплота сгорания (МДж/м^3) для газа вычисляется по формуле

$$Q^{\text{н}} = \sum_{i=1}^{n} Q_i \upsilon_i, \quad (11)$$

где Q_i – низшая теплотворная способность *i*-го компонента.

Количество тепла с химической энергией газа $E_{\text{х}}$, проходящее за период времени от τ_0 до τ_i через измерительный участок трубопровода, определяется согласно уравнению

$$E_{\text{х}} = \int_{\tau_0}^{\tau_i} Q^{\text{н}} \cdot q_{\text{с}} d(\tau). \quad (12)$$

В данном случае для сведения баланса коксового газа между выходом и поступлением к потребителям удобнее использовать перевод натурального топлива в условное $B_{\text{у}}$ (кг у.т.), теплота сгорания которого принимается равной 29,3 МДж/кг[3]. Пересчет производится по следующей формуле:

$$B_{\text{у}} = \frac{E_{\text{х}}}{29,3}. \quad (13)$$

Процент небаланса коксового газа $H_{\text{кг}}$ определяется по сумме выхода и сумме прихода:

[1] Стаскевич Н. Л., Северинец Г. Н., Вигдорчик Д. Я. Справочник по газоснабжению и использованию газа. Ленинград: Недра, 1990. 762 с.

[2] Филоненко Г. К., Лебедев П. Д. Сушильные установки. Москва; Ленинград: Госэнергоиздат, 1952. 264 с.

[3] Ерохин В. Г., Маханько М. Г. Сборник задач по основам гидравлики и теплотехники. Москва: Энергия, 1979. 240 с.

$$H_{\text{кг}} = \frac{\sum_{i=1}^{n} B_{\text{у}}^{\text{вых}} - \sum_{i=1}^{n} B_{\text{у}}^{\text{прих}}}{\sum_{i=1}^{n} B_{\text{у}}^{\text{вых}}} \cdot 100\%, \quad (14)$$

где $B_{\text{у}}^{\text{вых}}$ – выход коксового газа с коксохимического производства, тонн у. т.; $B_{\text{у}}^{\text{прих}}$ – приход коксового газа к потребителю, тонн у.т.

Одно из отличий металлургических газов от природных состоит в большом количестве энергии с физическим теплом топлива, передаваемым от источника, в данном случае – от коксохимического производства.

Приход тепла с физическим теплом газа (МДж) определяется по уравнению

$$E_{\text{ф}} = \int_{\tau_0}^{\tau_i} V_{\text{н}} C T d(\tau), \quad (15)$$

где $V_{\text{н}}$ – расход газа при нормальных условиях, м^3/час; C – объемная теплоемкость влажного газа, МДж/(м^3·К).

Как и в случае сухой газовой смеси, теплоемкость влажного газа (МДж/(м^3·К)) определяется по его составу[1]:

$$C = \upsilon_{\text{с}} C_{\text{с}} + \upsilon_{\text{п}} C_{\text{п}}, \quad (16)$$

где $C_{\text{с}}$ и $C_{\text{п}}$ – объемная теплоемкость сухого газа и пара соответственно, МДж/(м^3*К); $\upsilon_{\text{с}}$ и $\upsilon_{\text{п}}$ – объемная доля сухого газа и пара соответственно.

Для приведения объема газа к нормальным условиям (T_0 = 273,15 К и p_0 = 101325 Па) удобно пользоваться уравнением, объединяющим законы Бойля – Мариотта, Шарля и Гей-Люссака[2]:

$$pV = \frac{p_0 V_0 T}{273{,}15}. \quad (17)$$

С учетом того, что при стандартных и нормальных условиях давления совпадают, а температура при стандартных условиях равна 293,15 К, уравнение примет следующий вид:

$$V_{\text{н}} = \frac{293{,}15 V_{\text{с}}}{273{,}15}. \quad (18)$$

На рис. 2 представлена системная модель оценки энергетического потенциала влажного коксового газа на металлургическом предприятии.

[1] Болгарский А. В. Влажный газ. Москва; Ленинград: Госэнергоиздат, 1951. 155 с.

[2] Зубович И. А. Неорганическая химия. Москва: Высшая школа, 1989. 432 с.

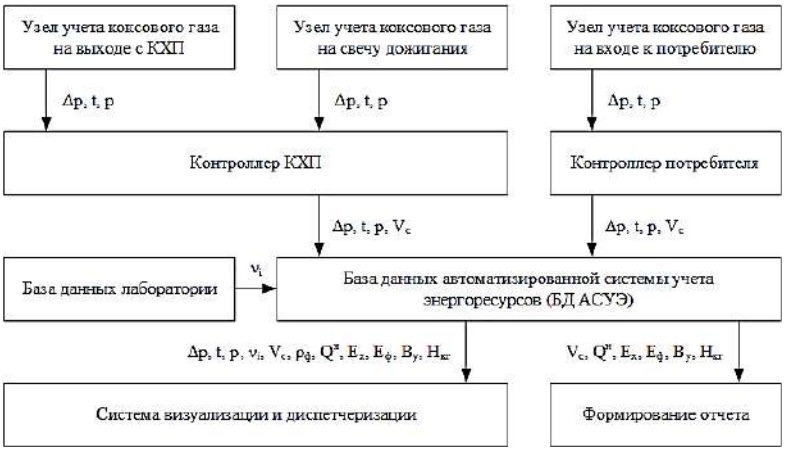

Рис. 2. Системная модель оценки энергетического потенциала влажного коксового газа

Алгоритм оценки энергетического потенциала влажного коксового газа включает следующие шаги:

1) на узлах учета осуществляется измерение перепада давления на сужающем устройстве, температуры и давления газа. Далее эти параметры передаются в контроллер соответствующего подразделения, в котором по формулам (4) и (5) рассчитывается объемный расход среды и расход коксового газа за определенный промежуток времени (минута, час, сутки);

2) информация о составе коксового газа на выходе с КХП на основании инструментальных измерений заносятся в базу данных лаборатории;

3) в базу данных автоматизированной системы учета энергоресурсов поступают сведения с контроллеров подразделений и базы лаборатории;

4) для расхода газа, рассчитанного в контроллере, вводится корректировка по формуле (6) с учетом фактической плотности (7) и влагосодержания газа (9);

5) после вычисления фактического расхода газа определяется приход тепла с химическим (12) и физическим теплом (15) для каждого узла учета.

Используя в расчетах фактические параметры коксового газа, можно оценить содержание влаги на выходе с коксохимического производства и на входе в ТЭЦ-ПВС ЧерМК. На рис. 3 показаны значения влагосодержания коксового газа на КХП и ТЭЦ в течение 15 дней января (зима) и 15 дней июня (лето).

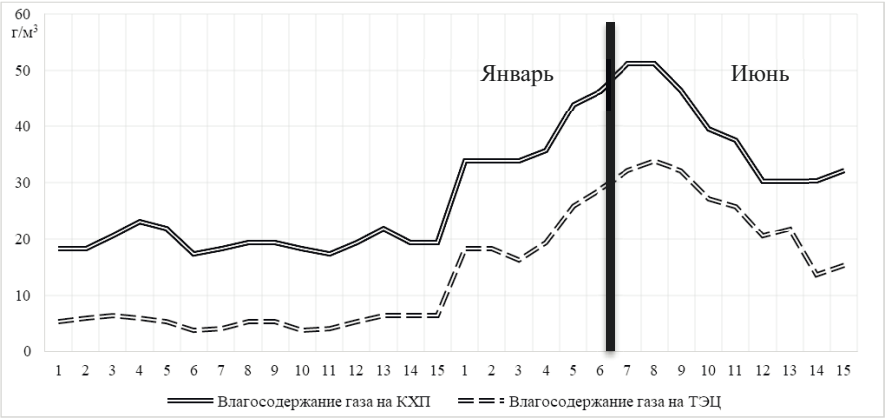

Рис. 3. Влагосодержание коксового газа на КХП и ТЭЦ зимой и летом

Коксовый газ, проходя до ТЭЦ-ПВС, охлаждается за счет окружающей среды, соответственно снижается его влагосодержание. Сконденсированный пар отводится через конденсатоотводчики. По диаграмме, представленной на рис. 3, видно, что с изменением времени года меняется содержание влаги в газе.

Фактические данные, приведенные на рис. 4, свидетельствуют о следующем: потери физического тепла (при неизменном сухом составе газа) с одного нормального кубического метра газа составляют от 10 кДж до 30 кДж на газопроводе протяженностью около трех километров при изменении температуры наружного воздуха от +25 °С до –10 °С.

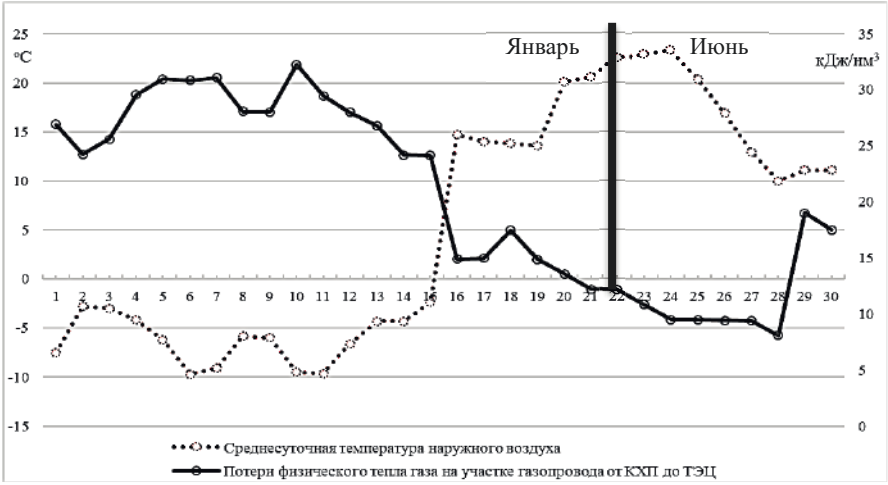

Рис. 4. Потери физического тепла газа на участке газопровода от КХП до ТЭЦ-ПВС

Если говорить о нормировании технико-экономических показателей работы котлоагрегатов и рассматривать ТП-170 ст. № 1 ТЭЦ-ПВС, работающий на смеси доменного, коксового и природного газов в соотношении 37 % / 44 % / 19 % соответственно, то следует отметить, что его коэффициент полезного действия будет отли-

чаться до 0,1 % (абс.) в летний период времени относительно расчетного КПД методом прямого баланса без учета физического тепла с коксовым газом (см. рис. 5).

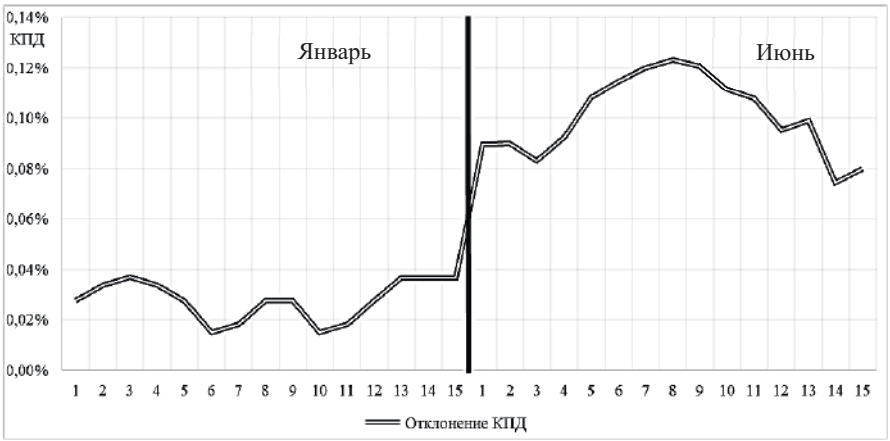

Рис. 5. Отклонение КПД котлоагрегата ТП-170 ст. № 1 ТЭЦ-ПВС от расчетного КПД без учета физического тепла с коксовым газом

Выводы

В данной работе представлены математическая модель и алгоритм оценки энергетического потенциала влажного коксового газа на металлургическом предприятии, для реализации которых не требуется измерение влагосодержания и компонентного состава коксового газа перед подачей потребителям топлива.

Необходимо принять во внимание, что с изменением времени года и температуры окружающего воздуха меняется влагосодержание коксового газа, а также увеличиваются потери его физической теплоты. Отсутствие учета физической теплоты коксового газа при нормировании показателей работы ТЭЦ приводит к снижению точности учета коэффициента полезного действия котлоагрегатов.

Список источников

Болгарский А. В. Влажный газ. Москва; Ленинград: Госэнергоиздат, 1951. 155 с.

Вессельман С. Г., Дробышев Л. В. Контроль и регулирование тепловых процессов на коксохимических заводах. Харьков: Металлургиздат, 1962. 378 с.

Ерохин В. Г., Маханько М. Г. Сборник задач по основам гидравлики и теплотехники. Москва: Энергия, 1979. 240 с.

Зубович И. А. Неорганическая химия. Москва: Высшая школа, 1989. 432 с.

Краткий справочник химика / составитель В. И. Перельман. Москва: Госхимиздат, 1955. 560 с.

Старк С. Б. Теплоэнергетическое хозяйство металлургических заводов. Москва: Металлургия, 1966. 311 с.

Стаскевич Н. Л., Северинец Г. Н., Вигдорчик Д. Я. Справочник по газоснабжению и использованию газа. Ленинград: Недра, 1990. 762 с.

Тепловой расчет котлов (нормативный метод) / под редакцией С. И. Мочана и др. Санкт-

Петербург: НПО ЦКТИ, 1998. 260 с.

Филоненко Г. К., Лебедев П. Д. Сушильные установки. Москва; Ленинград: Госэнергоиздат, 1952. 264 с.

Фингер Е. Д. и др. Методика испытаний котельных установок. Москва; Ленинград: Энергия, 1964. 288 с.

References

Bolgarskii A. V. *Vlazhnyi gaz* [Wet gas]. Moscow; Leningrad: Gosenergoizdat, 1951. 155 p.

Vessel'man S. G., Drobyshev L. V. *Kontrol' i regulirovanie teplovykh protsessov na koksokhimicheskikh zavodakh* [Control and regulation of thermal processes at coke chemical plants]. Khar'kov: Metallurgizdat, 1962. 378 p.

Erokhin V. G., Makhan'ko M. G. *Sbornik zadach po osnovam gidravliki i teplotekhniki* [Problems on fundamentals of hydraulics and heat engineering]. Moscow: Energiia, 1979. 240 p.

Zubovich I. A. *Neorganicheskaia khimiia* [Inorganic chemistry]. Moscow: Vysshaia shkola, 1989. 432 p.

Kratkii spravochnik khimika [Brief reference book of the chemist; compiled by V. I. Perel'man]. Moscow: Goskhimizdat, 1955. 560 p.

Stark S. B. *Teploenergeticheskoe khoziaistvo metallurgicheskikh zavodov* [Thermal power engineering of metallurgical plants]. Moscow: Metallurgiia, 1966. 311 p.

Staskevich N. L., Severinets G. N., Vigdorchik D. Ia. *Spravochnik po gazosnabzheniiu i ispol'zovaniiu gaza* [Handbook on gas supply and gas use]. Leningrad: Nedra, 1990. 762 p.

Teplovoi raschet kotlov (normativnyi metod) [Thermal calculation of boilers (normative method); ed. by S. I. Mochan and others]. St Petersburg: NPO TsKTI, 1998. 260 p.

Filonenko G. K., Lebedev P. D. *Sushil'nye ustanovki* [Drying plants]. Moscow; Leningrad: Gosenergoizdat, 1952. 264 p.

Finger E. D. i dr. *Metodika ispytanii kotel'nykh ustanovok* [Thermal testing of boiler installations]. Moscow; Leningrad: Energiia, 1964. 288 p.

Сведения об авторах

Сергей Владимирович Лукин – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой теплоэнергетики и теплотехники; https://orcid.org/0000-0002-3002-1078, s.v.luk@yandex.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 г. Череповец, Россия); **Sergey V. Lukin** – Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of Heat Power Engineering Department; https://orcid.org/0000-0002-3002-1078, s.v.luk@yandex.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Максим Андреевич Бахвалов – аспирант; mabahvalov@yandex.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 г. Череповец, Россия); **Maxim A. Bahvalov –** Postgraduate student; mabahvalov@yandex.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Николай Иванович Шестаков – доктор технических наук, профессор; https://orcid.org/0000-0001-8019-122X, n.i.shestakov@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 г. Череповец, Россия); **Nikolay I. Shestakov** – Doctor of Technical Sciences, Professor; https://orcid.org/0000-0001-8019-122X, n.i.shestakov@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 06.04.2022.

The article was submitted 09.12.2021; Approved after reviewing 28.03.2022; Accepted for publication 06.04.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 47–60.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 47–60.

Научная статья
УДК 614.8
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-4

Автоматизация комплекса задач системы охраны труда и техники безопасности на промышленном предприятии

Владислав Андреевич Суходоев[1]✉, Людмила Геннадьевна Егорова[2], Александр Николаевич Калитаев[3]

[1]ООО «Объединенная Сервисная Компания», Магнитогорск, Россия,
[1]hades0050@gmail.com✉, https://orcid.org/0000-0002-7282-3722
[2, 3]Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия,
[2]egorov-lyudmil@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8763-9653
[3]alex_mgtu@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5984-967X

Аннотация. Увеличение объемов информации и внедрение компьютерных технологий обусловили возрастание требований к организации информационно-документационного обслуживания области учета охраны труда и техники безопасности на промышленном предприятии. В связи с этим возникает необходимость рационализации существующих методов поиска, обработки и хранения данных (документов), а также создания новых приемов, режимов и методик оценки, анализа и оптимизации документационных потоков предприятия. Преимущество проектируемой автоматизированной системы заключается в том, что она находится в общем доступе для руководителей и их подчиненных и позволяет работать с документами на любом уровне.

Ключевые слова: автоматизированная система, промышленная безопасность, охрана труда, алгоритмическое обеспечение, обработка информации

Для цитирования: *Суходоев В. А., Егорова Л. Г., Калитаев А. Н.* Автоматизация комплекса задач системы охраны труда и техники безопасности на промышленном предприятии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 47–60. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-4.

© Суходоев В. А., Егорова Л. Г., Калитаев А. Н., 2022

Automation of the task set for the occupational health and safety system at an industrial enterprise

Vladislav A. Sukhodoev[1]✉, Lyudmila G. Egorova[2], Alexandr N. Kalitaev[3]

[1]OOO "Ob"edinennaia Servisnaia Kompaniia",
Magnitogorsk, Russia,
[1]hades0050@gmail.com✉, https://orcid.org/0000-0002-7282-3722
[2, 3]Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russia,
[2]egorov-lyudmil@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8763-9653
[3]alex_mgtu@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5984-967X

Abstract. The increase in the volume of information and the implementation of computer technologies began to impose growing requirements on the information and documentation services in the field of occupational health and safety at an industrial enterprise. In these conditions, there is a need to rationalize the proven methods of searching, processing and storing information (documents) with the development of new techniques, modes and methods for evaluating, analyzing and optimizing the enterprise document flows, using modern computer technologies. The advantage of the developed system is that it is publicly available for managers and their subordinate staff; and allows working with documents at any level.

Keywords: automated system, industrial safety, occupational health and safety, algorithmic support, information processing

For citation: Sukhodoev V. A., Egorova L. G., Kalitaev A. N. Automation of the task set for the occupational health and safety system at an industrial enterprise. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 47–60. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-4.

Введение

На сегодняшний день наблюдается тенденция перехода промышленных предприятий к принципу автоматизации производственных процессов. В связи с этим большинство из них предпочитают унифицированную систему управления производством, которая позволяет осуществлять в цифровом виде документооборот и различные дополнительные операции.

С целью повышения эффективности трудовой деятельности на предприятии персонал, занятый на производственных работах, регулярно тестируется на соответствие требованиям государственных нормативов охраны труда и техники безопасности (далее – ОТ и ТБ). Постоянный контроль условий труда на рабочих местах представляет собой один из основных принципов обеспечения безопасности и важное средство предупреждения травматизма и профессиональных заболеваний.

Система управления охраной труда является частью общей структуры управления промышленным предприятием. Положительное влияние данной системы на уровне организации выражается в снижении воздействия опасных, вредных производственных факторов и рисков, что ведет к повышению производительности труда.

Механизм управления охраной труда и техники безопасности – это целостная система процедур и документов, регламентирующих организацию управления указанной сферой на промышленном предприятии (см. рис. 1); ее основная цель состоит в

предотвращении производственного травматизма и профессиональной заболеваемости. Несчастные случаи происходят в результате функционирования оборудования, управляемого работниками, и в ходе осуществления деятельности сотрудников в условиях воздействия вредных производственных факторов.

Отметим основные задачи системы управления охраной труда и техники безопасности на промышленном предприятии:

– обеспечение надежной и безаварийной работы оборудования, создание безопасных и гигиенически допустимых условий труда (в техническом и санитарно-гигиеническом аспектах), включая средства так называемой коллективной защиты работников;

– организация безопасного течения всех производственных процессов и приемов работы сотрудника, в том числе использования средств индивидуальной защиты;

– осуществление внешних для предприятия, однако необходимых для реализации первой и второй задач мероприятий по лицензированию, сертификации, страхованию и т. п.

Система управления охраной труда – это комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов, на основе которых формируется политика, определенные цели и регламенты. В автоматизированном виде она должна соответствовать основным требованиям охраны труда и другим информационным системам, а также обладать возможностью взаимодействия и интеграции со всеми принципами и механизмами управления предприятием (см. рис. 1).

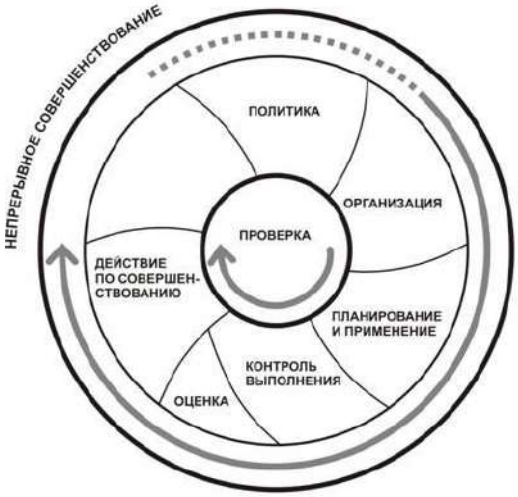

Рис. 1. Основные элементы системы управления охраной труда

Ключевой целью создания автоматизированной системы является выработка методики оценки функционирования и повышения эффективности структуры управления охраной труда. Это подразумевает непрерывное совершенствование деятельности предприятия по обеспечению промышленной безопасности и гигиены труда.

Данный процесс должен включать поэтапную подготовку необходимых мероприятий по охране труда, последующую оценку их эффективности и определение сфер, требующих улучшения. Система управления охраной труда и техники безопасности позволяет компании адаптироваться к изменениям внутренней и внешней среды организации.

Ее формирование на промышленном предприятии осуществляется в несколько этапов. На первом этапе вырабатывается цель системы управления охраной труда, заключающаяся в повышении эффективности организации работ по охране труда, уменьшении случаев травматизма сотрудников и случаев профессиональной заболеваемости, а также выполнении законодательных требований, принятых в данной сфере. Далее определяются методы для реализации указанных целей. Они основаны на повышении доступности для персонала информации об опасностях и профессиональных рисках посредством применения специализированных программ обучения по ОТ и ТБ и должны учитывать существующие системные подходы к управлению охраной труда на промышленном предприятии.

Автоматизация комплекса задач по ОТ и ТБ позволит оптимизировать ряд технологических процессов. На сегодняшний день существует удобный сетевой доступ к общему фонду данных и возможностям их передачи, устройствам хранения информации, приложениям и сервисам. В связи с этим внедрение модулей программного обеспечения системы охраны труда как совокупно, так и по отдельности может значительно уменьшить расходы на инфраструктуру информационных технологий.

Появление новых программных и технических средств обусловливает возможность внедрения документооборота в единую систему управления предприятием в цифровом виде[1]. Для решения вышеназванной проблемы требуется проектирование

[1] Федосов А. В., Проскура В. С. Применение информационных систем для повышения эффективности проведения производственного контроля // Проблемы сбора, подготовки и транспорта нефти и нефтепродуктов. 2016. № 4 (106). С. 234–240; Кловач Е. В., Гонтаренко А. Ф., Лукьянов И. А. Подходы к созданию автоматизированной системы технического аудита опасных производственных объектов // Безопасность труда в промышленности. 2012. № 12. С. 70–72; Галлямов М. А., Вадулина Н. В., Проскура В. С., Салимов А. О. Создание информационной системы по учету и анализу результатов контрольно-профилактической деятельности в области промышленной безопасности, охраны труда и окружающей среды // Электронный научный журнал «Нефтегазовое дело». 2019. № 2. С. 48–64. http://dx.doi.org/10.17122/ogbus-2019-2-48-64; Фомина А. С., Глебова Е. В., Фомина Е. Е. Автоматизация бизнес-процессов в области охраны труда, промышленной, пожарной и экологической безопасности // Безопасность труда в промышленности. 2020. № 4. С. 40–44; Панарин В. М., Маслова А. А., Гришаков К. В. Разработка системы сбора данных интеллектуальной системы мониторинга воздействия вредных и опасных факторов на работников промышленных предприятий // Безопасность труда в промышленности. 2019. № 5. С. 75–79; Борисова А. В., Финоченко В. А. Теоретические аспекты выбора технических средств для проведения контроля и мониторинга вредных и опасных производственных факторов // Вестник Ростовского государственного университета путей сообщения. 2014. № 4 (56). С. 24–30; Fruchtnicht E., Tellers J. W., Hanks C. D. Safety inspections: continuous improvement, Effectiveness & Efficiency // Professional safety volume. 2013. № 7. P. 28–35; Serdyuk N. N. Functional task of assessing the influence of harmful production factors on people // Eastern-European Journal of Enterprise Technologies. 2013. Vol. 4,

и программная реализация модуля контроля нарушений техники безопасности, который будет включен в общую систему[1].

Целью исследования является снижение временных затрат на обработку информации в системе охраны труда на промышленном предприятии посредством создания и внедрения комплекса программ. Для достижения данной цели необходимо решить ряд задач:

1) изучить положения и нормативные документы в области обработки информации в системе ОТ и ТБ на промышленном предприятии;

2) выполнить теоретический анализ научно-практического опыта в области обработки информации в сфере ОТ и ТБ;

3) создать алгоритмическое и программное обеспечение в системе учета ОТ и ТБ средствами вычислительной техники для снижения временных затрат на обработку информации;

4) провести исследование результатов фактической реализации программных решений для автоматизации работ отдела охраны труда на предприятии.

Рассмотрение регламентирующих документов в области охраны труда и техники безопасности позволило определить круг важных вопросов: организация работы по улучшению условий труда; осуществление деятельности по консультированию и информированию работников; подготовка мероприятий по обеспечению выполнения сотрудниками требований охраны труда, проведение инструктажей, обучения и проверки знаний рабочих, специалистов и руководителей компании; контроль за соблюдением законодательных и иных нормативных правовых актов по охране труда персоналом предприятия.

Обозначенные проблемы обусловливают ряд определенных функциональных требований к разрабатываемой системе.

Основная часть

Сфера охраны труда современного промышленного предприятия для осуществления эффективной деятельности должна быть обеспечена передовыми информационными технологиями. Данный процесс предусматривает единство действий в ука-

№ 4 (64). P. 22–26; Akbashev N. R., Solodovnikov A. V. Analysis of a Management System for Industrial Safety at Oil Refineries // Chemical and Petroleum Engineering. 2014. Vol. 50, № 7–8. P. 542–546; Fedosov A. V., Abdrakhmanov N. Kh., Gaysin E. Sh., Sharafutdinova G. M., Abdrakhmanova K. N., Shammatova A. A. The Use of Mathematical Models in the Assessment of the Measurements' Uncertainty for the Purpose of the Industrial Safety Condition Analysis of the Dangerous Production Objects // International Journal of Pure and Applied Mathematics. 2018. Vol. 119, № 10 (Special Issue C). P. 433–437; Abdrakhmanov N. Kh., Vadulina N. V., Fedosov A. V., Ryamova S. M., Gaysin E. Sh. A New Approach for a Special Assessment of the Working Conditions at the Production Factors' Impact through Forecasting the Occupational Risks // Man in India. 2017. Vol. 97, № 20. P. 495–511.

[1] Егорова Л. Г., Суходоев В. А., Логунова О. С. Модуль обработки информации в автоматизированной системе контроля производственной безопасности на промышленном предприятии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 4 (97). С. 19–31.

занной области на всех уровнях управления и является важной составной частью системного подхода к безопасности труда.

Основу информационной технологии должно составлять автоматизированное рабочее место специалиста по охране труда, представляющее собой программно-технический комплекс на базе персональной ЭВМ.

Как правило, практически вся информация, относящаяся к сфере ОТ и ТБ, фиксируется на бумажном носителе, который сотрудник отдела охраны труда должен иметь при себе и своевременно заполнять согласно своим профессиональным обязанностям. В связи с этим на сегодняшний день остается весьма актуальной проблема отсутствия единой формы ведения разделов охраны труда на промышленном предприятии.

С целью автоматизации обработки данных в условиях унифицированной информационной системы предприятия разработано программное обеспечение, включающее в себя следующие модули:

– трехступенчатый контроль по охране труда – система постоянного отслеживания нарушений и обеспечения требований охраны труда в процессе деятельности предприятия (см. рис. 2);

– учет выдачи средств индивидуальной защиты (далее – СИЗ) – система формирования документов, используемых для учета, регистрации и установки норм, факта выдачи и возврата спецодежды (см. рис. 3);

– проекты норм – система для формирования перечня СИЗ для конкретной позиции работника;

– видеоинструктаж – система для организации прохождения различных видов инструктажей по технике безопасности на рабочем месте (см. рис. 4);

– спецодежда – система для формирования перечня единиц спецодежды для конкретной позиции работника.

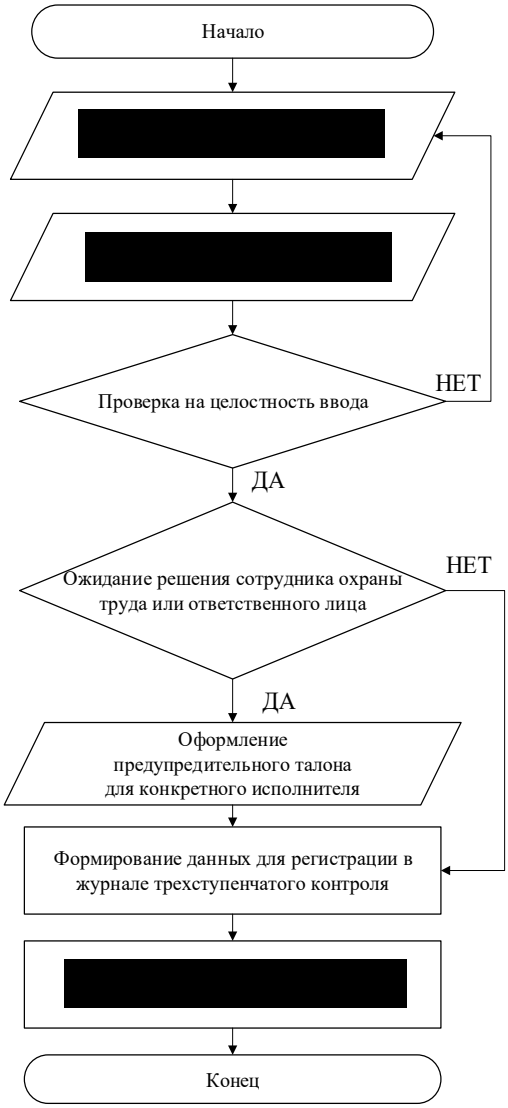

Рис. 2. Функциональная схема (алгоритм) модуля трехуровневого контроля техники безопасности

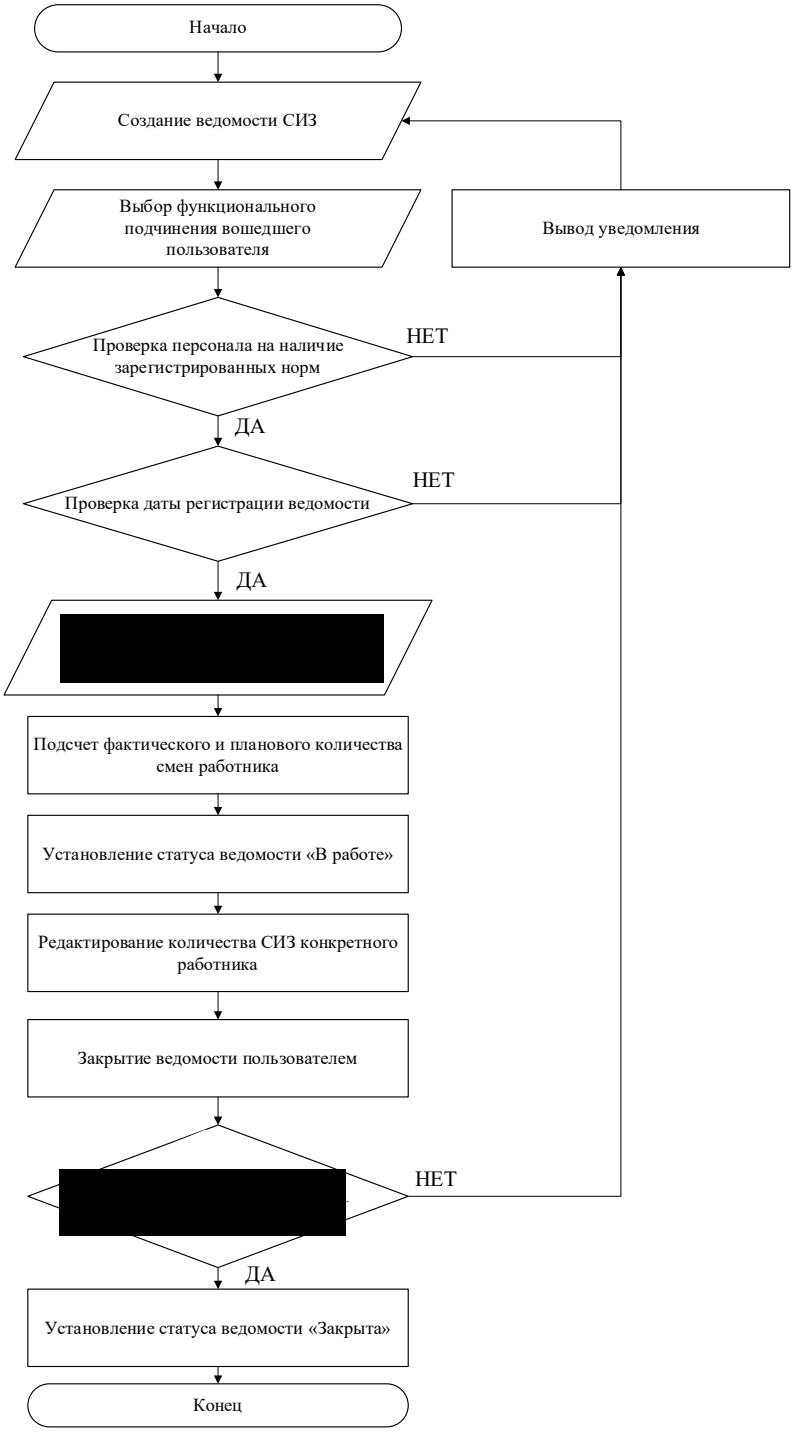

Рис. 3. Функциональная схема (алгоритм) модуля учета выдачи СИЗ

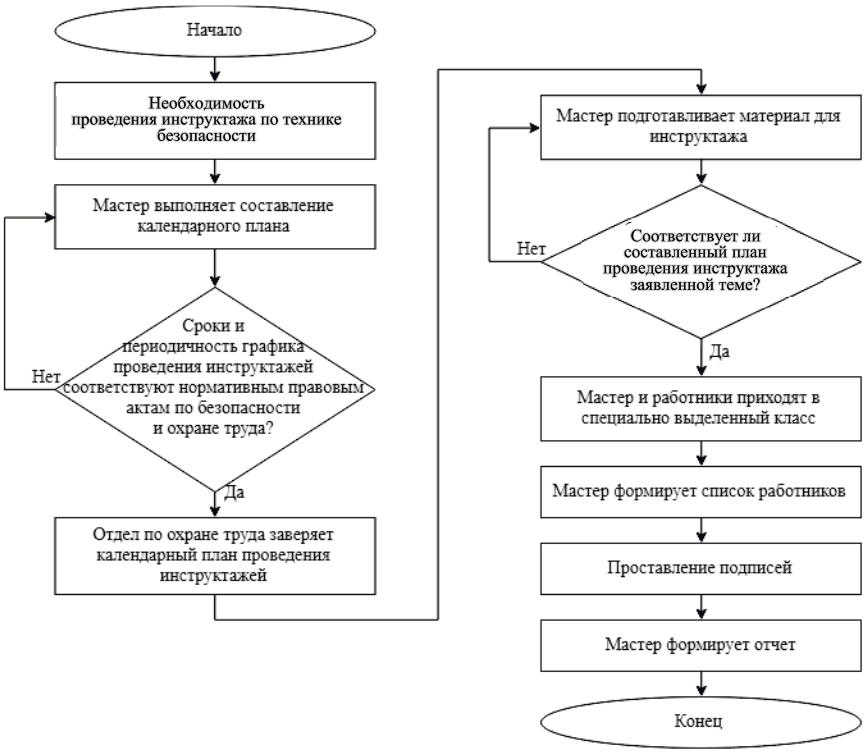

Рис. 4. Функциональная схема (алгоритм) модуля видеоинструктажей

Каждый из модулей имеет собственный алгоритм, позволяющий производить конкретные задачи, обеспечивающие автоматизированный подход при работе с унифицированной системой охраны труда на промышленном предприятии (см. рис. 5).

Рис. 5. Модули программного обеспечения системы охраны труда

В результате разработки комплексного программного обеспечения достигаются следующие цели:

– снижение уровня травматизма, профессиональных заболеваний, возникновения несчастных случаев и аварийных ситуаций за счет повышения прозрачности и оперативности превентивных мер и системы контроля за их исполнением;

– обеспечение единого цикла шагов по осуществлению производственного контроля на предприятии на всех уровнях иерархии;

– оптимизация взаимодействия ответственных специалистов внутри создаваемого контура системы, а также со смежными службами;

– снижение вероятности выявления новых и повторных фактов нарушений и, как следствие, получения предписаний и штрафных санкций со стороны надзорных органов за счет систематизации и контроля за исполнением требований.

Выводы

Подводя итог, отметим, что на сегодняшний день проблемам охраны труда на предприятии уделяется недостаточно внимания. Руководство компаний в большей степени интересуют вопросы снижения затрат и увеличения прибыли. На законодательном уровне государство обязывает руководителей нести ответственность за жизнь и здоровье своих сотрудников на рабочем месте. Процесс автоматизации задач охраны труда призван оптимизировать затраты в данной сфере, правильно организовать различные мероприятия (например, учет выдачи СИЗ; проведение инструктажей и специальной оценки условий труда), поддерживать охрану труда на предприятии на должном уровне.

Разработка информационной системы базируется на анализе предметной области, включающем изучение законодательных и нормативно-правовых актов, регулирующих сферу охраны труда, регламентирующих документов и процедур проверки охраны труда.

В ходе исследования выделены основные обязанности работодателя и работника, ключевые задачи охраны труда на промышленном предприятии, обязанности органов власти, осуществляющих надзорную деятельность в данной сфере.

Итогом работы стало создание программного обеспечения для автоматизации задач охраны труда на промышленном предприятии, предоставляющего информационную поддержку руководителю компании и сотрудникам отдела ОТ и ТБ во время реализации основных задач охраны труда, а также в ходе взаимодействия с надзорными органами.

Применение разработанного программного продукта направлено на консолидацию данных по производственной безопасности, сокращение сроков их обработки, повышение уровня достоверности сведений о состоянии производственной безопасности на предприятии.

Список источников

Борисова А. В., Финоченко В. А. Теоретические аспекты выбора технических средств для проведения контроля и мониторинга вредных и опасных производственных факторов // Вестник Ростовского государственного университета путей сообщения. 2014. № 4 (56). С. 24–30.

Галлямов М. А., Вадулина Н. В., Проскура В. С., Салимов А. О. Создание информационной системы по учету и анализу результатов контрольно-профилактической деятельности в области промышленной безопасности, охраны труда и окружающей среды // Электронный научный журнал «Нефтегазовое дело». 2019. № 2. С. 48–64. http://dx.doi.org/10.17122/ogbus-2019-2-48-64.

Гладских В. И., Дробный О. Ф., Ласьков С. А., Черчинцев В. Д. Совершенствование систем промышленной и экологической безопасности ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» как обязательное условие его устойчивого развития // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. 2014. № 1 (45). С. 107–111.

Егорова Л. Г., Суходоев В. А., Логунова О. С. Модуль обработки информации в автоматизированной системе контроля производственной безопасности на промышленном предприятии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 4 (97). С. 19–31.

Земсков А. Н., Лискова М. Ю. Пути обеспечения безопасных условий труда горняков на основе автоматизации контроля производственных процессов // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. 2018. Вып. 1. С. 82–88.

Кловач Е. В., Гонтаренко А. Ф., Лукьянов И. А. Подходы к созданию автоматизированной системы технического аудита опасных производственных объектов // Безопасность труда в промышленности. 2012. № 12. С. 70–72.

Панарин В. М., Маслова А. А., Гришаков К. В. Разработка системы сбора данных интеллектуальной системы мониторинга воздействия вредных и опасных факторов на работников промышленных предприятий // Безопасность труда в промышленности. 2019. № 5. С. 75–79.

Федосов А. В., Вадулина Н. В., Шабанова В. В., Абдрахманова К. Н. Особенности организации промышленной безопасности и охраны труда на предприятиях нефтегазовой отрасли // Проблемы сбора, подготовки и транспорта нефти и нефтепродуктов. 2017. № 4 (110). С. 193–201.

Федосов А. В., Проскура В. С. Применение информационных систем для повышения эффективности проведения производственного контроля // Проблемы сбора, подготовки и транспорта нефти и нефтепродуктов. 2016. № 4 (106). С. 234–240.

Фомина А. С., Глебова Е. В., Фомина Е. Е. Автоматизация бизнес-процессов в области охраны труда, промышленной, пожарной и экологической безопасности // Безопасность труда в промышленности. 2020. № 4. С. 40–44.

Abdrakhmanov N. Kh., Vadulina N. V., Fedosov A. V., Ryamova S. M., Gaysin E. Sh. A New Approach for a Special Assessment of the Working Conditions at the Production Factors' Impact through Forecasting the Occupational Risks // Man in India. 2017. Vol. 97, № 20. P. 495–511.

Akbashev N. R., Solodovnikov A. V. Analysis of a Management System for Industrial Safety at Oil Refineries // Chemical and Petroleum Engineering. 2014. Vol. 50, № 7–8. P. 542–546.

Fedosov A. V., Abdrakhmanov N. Kh., Gaysin E. Sh., Sharafutdinova G. M., Abdrakhmanova K. N., Shammatova A. A. The Use of Mathematical Models in the Assessment of the Measurements' Uncertainty for the Purpose of the Industrial Safety Condition Analysis of the Dangerous Production Objects // International Journal of Pure and Applied Mathematics. 2018. Vol. 119, № 10 (Special Issue C). P. 433–437.

Fruchtnicht E., Tellers J. W., Hanks C. D. Safety inspections: continuous improvement, Effectiveness & Efficiency // Professional safety volume. 2013. № 7. P. 28–35.

Serdyuk N. N. Functional task of assessing the influence of harmful production factors on people // Eastern-European Journal of Enterprise Technologies. 2013. Vol. 4, № 4 (64). P. 22–26.

References

Borisova A. V., Finochenko V. A. Teoreticheskie aspekty vybora tekhnicheskikh sredstv dlia provedeniia kontrolia i monitoringa vrednykh i opasnykh proizvodstvennykh faktorov [Theoretical aspects of the choice of means for the control and monitoring of harmful and hazardous production factors]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniia* [Vestnik RGUPS], 2014, no. 4 (56), pp. 24–30.

Galliamov M. A., Vadulina N. V., Proskura V. S., Salimov A. O. Sozdanie informatsionnoi sistemy po uchetu i analizu rezul'tatov kontrol'no-profilakticheskoi deiatel'nosti v oblasti promyshlennoi bezopasnosti, okhrany truda i okruzhaiushchei sredy [Development of the information system for control and preventive activity recording and analysis in industrial safety, labor and environmental protection sphere]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal "Neftegazovoe delo"* [Scientific and Technical Journal "Oil and Gas Business"], 2019, no. 2, pp. 48–64. http://dx.doi.org/10.17122/ogbus-2019-2-48-64.

Gladskikh V. I., Drobnyi O. F., Las'kov S. A., Cherchintsev V. D. Sovershenstvovanie sistem promyshlennoi i ekologicheskoi bezopasnosti OAO "Magnitogorskii metallurgicheskii kombinat" kak obiazatel'noe uslovie ego ustoichivogo razvitiia [Modernization of industrial and ecological safety systems at OJSC Magnitogorsk Iron and Steel Works as an obligatory condition for sustainable development]. *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G. I. Nosova* [Vestnik of Nosov Magnitogorsk State Technical University], 2014, no. 1 (45), pp. 107–111.

Egorova L. G., Sukhodoev V. A., Logunova O. S. Modul' obrabotki informatsii v avtomatizirovannoi sisteme kontrolia proizvodstvennoi bezopasnosti na promyshlennom predpriiatii [Information processing module in the automated system for industrial safety control at an industrial enterprise]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2020, no. 4 (97), pp. 19–31.

Zemskov A. N., Liskova M. Iu. Puti obespecheniia bezopasnykh uslovii truda gorniakov na osnove avtomatizatsii kontrolia proizvodstvennykh protsessov [Ways of providing safe working conditions for miners on the basis of automation control of industrial processes]. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle* [Izvestiya Tula State University. Sciences of Earth], 2018, iss. 1, pp. 82–88.

Klovach E. V., Gontarenko A. F., Luk'ianov I. A. Podkhody k sozdaniiu avtomatizirovannoi sistemy tekhnicheskogo audita opasnykh proizvodstvennykh ob"ektov [Approaches to the development of the automated system of hazardous production facilities technical audit]. *Bezopasnost' truda v promyshlennosti* [Occupational Safety in Industry], 2012, no. 12, pp. 70–72.

Panarin V. M., Maslova A. A., Grishakov K. V. Razrabotka sistemy sbora dannykh intellektual'noi sistemy monitoringa vozdeistviia vrednykh i opasnykh faktorov na rabotnikov promyshlennykh predpriiatii [Development of data collection system for the intelligent system of monitoring the effect of harmful and hazardous factors on the industrial plant employees]. *Bezopasnost' truda v promyshlennosti* [Occupational Safety in Industry], 2019, no. 5, pp. 75–79.

Fedosov A. V., Vadulina N. V., Shabanova V. V., Abdrakhmanova K. N. Osobennosti organizatsii promyshlennoi bezopasnosti i okhrany truda na predpriiatiiakh neftegazovoi otrasli [Peculiarities of industrial safety organization and labor protection at oil and gas industry enterprises]. *Problemy sbora, podgotovki i transporta nefti i nefteproduktov* [Problems of gathering, treatment and transportation of oil and oil products], 2017, no. 4 (110), pp. 193–201.

Fedosov A. V., Proskura V. S. Primenenie informatsionnykh sistem dlia povysheniia effektivnosti provedeniia proizvodstvennogo kontrolia [Use of information systems to improve the effectiveness of production control]. *Problemy sbora, podgotovki i transporta nefti i nefteproduktov* [Problems of gathering, treatment and transportation of oil and oil products], 2016, no. 4 (106), pp. 234–240.

Fomina A. S., Glebova E. V., Fomina E. E. Avtomatizatsiia biznes-protsessov v oblasti okhrany truda, promyshlennoi, pozharnoi i ekologicheskoi bezopasnosti [Automation of business-processes in the field of occupational, industrial, fire and environmental safety]. *Bezopasnost' truda v promyshlennosti* [Occupational Safety in Industry], 2020, no. 4, pp. 40–44.

Abdrakhmanov N. Kh., Vadulina N. V., Fedosov A. V., Ryamova S. M., Gaysin E. Sh. A New Approach for a Special Assessment of the Working Conditions at the Production Factors' Impact through Forecasting the Occupational Risks. *Man in India*, 2017, vol. 97, no. 20, pp. 495–511.

Akbashev N. R., Solodovnikov A. V. Analysis of a Management System for Industrial Safety at Oil Refineries. *Chemical and Petroleum Engineering*, 2014, vol. 50, no. 7–8, pp. 542–546.

Fedosov A. V., Abdrakhmanov N. Kh., Gaysin E. Sh., Sharafutdinova G. M., Abdrakhmanova K. N., Shammatova A. A. The Use of Mathematical Models in the Assessment of the Measurements' Uncertainty for the Purpose of the Industrial Safety Condition Analysis of the Dangerous Production Objects. *International Journal of Pure and Applied Mathematics*, 2018, vol. 119, no. 10 (Special Issue C), pp. 433–437.

Fruchtnicht E., Tellers J. W., Hanks C. D. Safety inspections: continuous improvement, Effectiveness & Efficiency. *Professional safety volume*, 2013, no. 7, pp. 28–35.

Serdyuk N. N. Functional task of assessing the influence of harmful production factors on people. *Eastern-European Journal of Enterprise Technologies*, 2013, vol. 4, no. 4 (64), pp. 22–26.

Сведения об авторах

Владислав Андреевич Суходоев – инженер-программист; https://orcid.org/0000-0002-7282-3722, hades0050@gmail.com, ООО «Объединенная Сервисная Компания» (д. 3, ул. Кирова, 455019 г. Магнитогорск, Россия); **Vladislav A. Sukhodoev** – Programming Engineer; https://orcid.org/0000-0002-7282-3722, hades0050@gmail.com, OOO "Ob"edinennaia Servisnaia Kompaniia" (3, ul. Kirova, 455019 Magnitogorsk, Russia).

Людмила Геннадьевна Егорова – кандидат технических наук, доцент; https://orcid.org/0000-0002-8763-9653, egorov-lyudmil@yandex.ru, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (д. 38, пр-т Ленина, 455000 г. Магнитогорск, Россия); **Lyudmila G. Egorova** – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0002-8763-9653, egorov-lyudmil@yandex.ru, Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, pr. Lenina, 455000 Magnitogorsk, Russia).

Александр Николаевич Калитаев – кандидат технических наук, доцент; https://orcid.org/0000-0002-5984-967X, alex_mgtu@mail.ru, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (д. 38, пр-т Ленина, 455000 г. Магнитогорск, Россия); **Alexandr N. Kalitaev** – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0002-5984-967X, alex_mgtu@mail.ru, Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, pr. Lenina, 455000 Magnitogorsk, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; одобрена после рецензирования 14.10.2021; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 09.08.2021; Approved after reviewing 14.10.2021; Accepted for publication 01.03.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 61–76.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 61–76.

Научная статья
УДК 519.257
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-5

Система прогнозирования участников государственных закупок по федеральным законам № 44-ФЗ и № 223-ФЗ

Мария Сергеевна Цыганова[1]✉, Дарья Александровна Чернушенко[2], Сергей Владимирович Буреш[3]

[1, 2]Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия,
[1]m.s.cyganova@utmn.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-9832-7882
[2]d1ash2a@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0529-7280
[3]ООО «Электронный Эксперт»,
Тюмень, Россия,
[3]sv@eetmn.ru, https://orcid.org/0000-0002-3899-6283

Аннотация. Анализ государственных закупок может быть весьма полезен предприятию-поставщику для понимания конкурентной среды размещаемых заказов и, как следствие, принятия решений, направленных на повышение эффективности закупочной деятельности. Данная статья посвящена созданию модуля прогнозирования, позволяющего получать оценки вероятности участия в электронных государственных закупках по федеральным законам № 44-ФЗ и № 223-ФЗ предприятий-поставщиков, имеющихся в информационной базе системы поиска тендеров. В рамках проекта были реализованы сценарии очистки исходных данных о закупках, конструирования входных признаков для модели прогнозирования, анализа значимости и отбора этих признаков; выполнено построение и обучение модели логистической регрессии. В дальнейшем предполагается интеграция разработанного модуля с системой поиска и анализа тендеров MetaTender.

Ключевые слова: электронные государственные закупки, бинарная классификация, аналитическая платформа, прогнозирование вероятности

Благодарность. Работа выполнена при поддержке благотворительного фонда Владимира Потанина по гранту № ГСГК-30/19 от 30.09.2019 на создание магистерской программы «Внедрение и разработка систем управления производственными процессами нефтегазопереработки».

Для цитирования: *Цыганова М. С., Чернушенко Д. А., Буреш С. В.* Система прогнозирования участников государственных закупок по федеральным законам № 44-ФЗ и № 223-ФЗ // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 61–76. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-5.

© Цыганова М. С., Чернушенко Д. А., Буреш С. В., 2022

Predicting system for public procurement participants under Federal Laws No. 44 and No. 223

Mariya S. Tsyganova[1]✉, Darya A. Chernushenko[2], Sergey V. Buresh[3]

[1, 2]University of Tyumen,
Tyumen, Russia,
[1]m.s.cyganova@utmn.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-9832-7882
[2]d1ash2a@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0529-7280
[3]OOO "Elektronnyi Ekspert" (Electronic Expert LLC),
Tyumen, Russia,
[3]sv@eetmn.ru, https://orcid.org/0000-0002-3899-6283

Abstract. Public procurement analysis might be quite useful for a supplier enterprise to understand the competitive environment of placed orders and, consequently, to make decisions aimed at improving the efficiency of its procurement activities. This work considers the development of the prediction module that allows obtaining estimates of the involvement in electronic public procurement under Federal Laws 44 and 223 of supplier enterprises, listed in information base of tender search system. Within the project, scripts for original procurement data clearing, constructing input features for the prediction model, analyzing significance and selecting these features were developed; logistic regression model was also built and trained. In the future, integration of the developed module with the system of tender search and analysis MetaTender is assumed.

Keywords: digital public procurements, binary classification, analytical platform, probability prediction

Acknowledgments. The work was supported by the Vladimir Potanin Charitable Foundation and carried out under grant № GSGK-30/19 of 30.09.2019 for the development of the master's program "Implementation and Development of Control Systems for Oil and Gas Processing Production Processes".

For citation: Tsyganova M. S., Chernushenko D. A., Buresh S. V. Predicting system for public procurement participants under Federal Laws No. 44 and No. 223. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 61–76. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-5.

Введение

На сегодняшний день проведение конкурсных торгов является наиболее выгодным способом выбора поставщика товаров или услуг. По сравнению с традиционными формами закупок электронные торги имеют ряд преимуществ: эффективный контроль закупочных процессов на всех этапах, их автоматизация, оперативность торгов, а также возможность серьезно расширить круг потенциальных поставщиков. Кроме того, данный вид снабжения является необходимым условием товарооборота на государственном уровне.

За 2020 г. Управлением государственных закупок Тюменской области было организовано закупок за счет средств областного бюджета и внебюджетных источников

финансирования на общую сумму 52 млрд 385 млн руб.[1] Кроме того, для осуществления закупок привлекались финансовые средства федерального и муниципального бюджетов, реализуемых в регионе. Согласно статистической информации официального сайта Единой информационной системы в сфере закупок, в 2020 г. было заключено 27005 контрактов на общую сумму 87,52 млрд руб. в рамках федерального закона № 44-ФЗ и 30366 контрактов на сумму 120,29 млрд руб. по закону № 223-ФЗ[2]. Количество коммерческих организаций – потенциальных поставщиков государственных заказов, запись о которых внесена в Единый государственный реестр юридических лиц (кроме юридических лиц, прекративших свою деятельность), в Тюменской области на начало 2020 г. составляло 34591 предприятие[3].

Анализ государственных закупок может быть весьма полезен для определения стратегии предприятия-поставщика. Например, наличие на соответствующем рынке значительного количества тендеров при отсутствии высокой конкуренции дает стимул к изучению вопроса выхода на данное направление. В случае, когда рынок перегружен предложениями, а средняя стоимость снижения цены контракта невелика, получить маржинальный доход не представляется возможным. В такой ситуации решение об участии в закупках может приниматься только с целью формирования положительного имиджа компании при условии жесткого контроля затрат.

В результате проведенного нами исследования[4] был определен ряд показателей для оценки эффективности участия в электронных государственных закупках. Их значения вычислялись на основе данных электронных торгов, полученных из первичных источников. Предварительная обработка информации и расчет показателей выполнялись с помощью сценариев, реализованных на базе аналитической платформы Loginom[5]. Продолжением исследования стало создание представленной в данной работе системы прогнозирования участников государственных закупок, проводившихся в рамках федеральных законов № 44-ФЗ и № 223-ФЗ.

Основная часть

Постановка задачи

Важность роли электронных торгов в современном ведении бизнеса послужила предпосылкой к появлению рынка программных продуктов поддержки закупочной

[1] Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. Отчет о результатах деятельности за 2020 год. URL: https://gzto.admtyumen.ru/OIGV/gz/actions/ongoing/more.htm?id=11901575@cmsArticle (дата обращения: 05.07.2021).

[2] Единая информационная система в сфере закупок. URL: https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html (дата обращения: 05.07.2021).

[3] Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.ru/rn72/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8376083/ (дата обращения: 05.07.2021).

[4] Цыганова М. С., Буреш С. В., Чернушенко Д. А. Разработка инструментария анализа данных о государственных закупках по федеральным законам № 44-ФЗ и № 223-ФЗ (на базе аналитической платформы Loginom) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 6 (99). С. 59–72.

[5] Аналитическая платформа Loginom. URL: https://loginom.ru/ (дата обращения: 05.07.2021).

деятельности. Функционал таких систем обычно включает обслуживание основных операций закупочных процедур (создание, размещение и сопровождение заявок, подбор поставщиков, поиск и анализ тендеров и т. п.). Со стороны компаний-поставщиков наибольший интерес до недавнего времени вызывали услуги по получению электронной подписи и аккредитации на выбранной торговой площадке; размещению и сопровождению заявки на участие в закупочных процедурах; обеспечению банковской гарантии для заключения контракта. Однако на сегодняшний день наблюдается смещение приоритета в сторону сервисов по поиску и анализу тендеров. Это связано с тем, что, как уже отмечалось выше, анализ электронных закупок может быть весьма полезен компании-поставщику для понимания конкурентной среды размещаемых заказов и, как следствие, принятия обоснованных решений, направленных на повышение эффективности своей закупочной деятельности. Результативность в данном случае может оцениваться по двум основным направлениям:

– снижение затрат на закупочную деятельность посредством выявления действительно перспективных для данной компании тендеров и фокусирования своих усилий именно на этих закупках;

– повышение вероятности победы в торгах, что также является следствием правильной оценки ожиданий от участия в той или иной процедуре.

Аналитический функционал имеющихся на рынке систем автоматизации закупочных процедур, как правило, включает возможности формирования отчетов в различных разрезах (проектов и программ, товаров, работ и услуг, ответственных лиц и т. п.). При этом, как показало изучение требований пользователей системы MetaTender[1], выполненное компанией «Электронный эксперт»[2], одним из пяти основных запросов авторизованных пользователей стало отображение прогноза возможных участников тендера. На сегодняшний день данная опция только начинает появляться в отдельных программных продуктах, представленных на рынке. Для ее реализации необходимо создание модуля прогнозирования, позволяющего получать оценки вероятности участия известных системе компаний-поставщиков в электронных государственных закупках в рамках федеральных законов № 44-ФЗ и № 223-ФЗ. В настоящей работе поставлена задача разработки такого модуля.

Доступными исходными данными, на основании которых можно пытаться прогнозировать активность поставщиков, являются сведения о государственных тендерах, выгруженные из Единой информационной системы в сфере закупок. В ходе анализа, выполненного нами в 2020 г.[3], было установлено, что исходные данные могут содержать пропуски и дубликаты, также возможно наличие ошибочных записей. Кроме того, имеющиеся характеристики закупок и поставщиков (в том виде, в кото-

[1] MetaTender. URL: https://metatender.ru/ (дата обращения: 05.07.2021).

[2] Электронный эксперт. URL: http://eetmn.ru/company (дата обращения: 05.07.2021).

[3] Цыганова М. С., Буреш С. В., Чернушенко Д. А. Разработка инструментария анализа данных о государственных закупках по федеральным законам № 44-ФЗ и № 223-ФЗ (на базе аналитической платформы Loginom) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 6 (99). С. 59–72.

ром они хранятся в исходном наборе) непригодны для их использования в качестве входных признаков модели прогнозирования.

Следовательно, в ходе разработки модуля необходимо решить ряд задач:

– осуществить первичный анализ исходных данных о закупках; выявить возможные проблемы (пропуски, ошибки и т. п.) и определить способы решения выявленных проблем;

– реализовать сценарии очистки первичных данных;

– сконструировать входные признаки для модели прогнозирования (feature engineering[1]), реализовать соответствующие сценарии;

– выполнить анализ значимости полученных признаков, реализовать их отбор для подачи на вход модели прогнозирования;

– построить и обучить модель прогнозирования участников закупок, протестировать ее;

– спроектировать механизмы интеграции модуля с системой поиска тендеров.

Формирование и очистка исходного набора данных

В качестве первичного источника использовалась база данных, полученная в результате парсинга официального сайта Единой информационной системы в сфере закупок. Она содержит 25 таблиц с различной информацией, однако информация о закупках находится только в трех таблицах, по которым и был сформирован набор данных для последующей обработки. Структура полученного набора представлена в табл. 1.

Сформированный набор данных содержал 4607 записей, относящихся к закупкам в период с января 2018 года по апрель 2021 года.

С целью реализации процедур очистки данных (выявления и обработки пропусков, дубликатов и противоречий) использовалась аналитическая платформа Loginom. Базовые принципы, положенные в основу соответствующих сценариев, в целом аналогичны опубликованным ранее[2]. По этой причине достаточно отметить, что с помощью реализованных процедур очистки было обработано 1042 записи с пропущенными значениями и 142 записи с дубликатами. Противоречий в имеющемся наборе данных не выявлено, однако в сценарий заложена проверка на противоречивость, поскольку база данных будет пополняться новыми записями, качество данных в которых заранее неизвестно.

[1] Zheng A., Casari A. Feature Engineering for Machine Learning. Principles and Techniques for Data Scientists. Sebastopol, CA: O'Reilly Media, 2018. 218 p.

[2] Цыганова М. С., Буреш С. В., Чернушенко Д. А. Разработка инструментария анализа данных о государственных закупках по федеральным законам № 44-ФЗ и № 223-ФЗ (на базе аналитической платформы Loginom) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 6 (99). С. 59–72.

Таблица 1

Структура исходного набора данных

Описание поля	Наименование	Формат
Реестровый номер извещения о закупке (идентификатор)	purchaseNumber	Строковый
Дата публикации закупки	publicationDateTime	Дата / время
Наименование закупки	title	Строковый
Закон закупки (№ 44-ФЗ или № 223-ФЗ)	purchaseType	Целый
Классификатор закупки по ОКВЭД	okved	Строковый
Дата окончания подачи заявок	closeDateTime	Дата / время
Заказчик (ИНН как идентификатор)	customerInn	Целый
Цена тендера	price_tender	Вещественный
Номер лота закупки	lot_num	Целый
Участник лота (ИНН как идентификатор)	providerInn	Целый
Победитель лота	winner	Логический
Начальная максимальная цена контракта (НМЦК) лота	nmck	Вещественный
Итоговая цена лота	price_lot	Вещественный
Итоговая цена контракта	price_contract	Вещественный
Дата публикации контракта	contacDateTime	Дата / время

Особо следует отметить процесс обработки значений в поле «Классификатор закупки по ОКВЭД»: путем применения регулярного выражения из строки исключались буквы и выбирались первые две пары цифр в формате **.**. Такой способ представления данных в указанном поле применялся на последующих этапах обработки для определения отрасли закупки.

Конструирование входных признаков для модели прогнозирования

Среди полей исходного набора данных (см. табл. 1) несколько полей являются идентифицирующими (не содержат полезной информации для построения прогноза). Значения некоторых полей на момент публикации закупки неизвестны («Итоговая цена контракта», «Дата публикации контракта»), следовательно, эти признаки не могут быть использованы для прогнозирования участия в закупке. В качестве отправных точек для целей прогнозирования можно рассматривать такие поля, как «Наименование закупки», «Классификатор закупки по ОКВЭД», «Дата публикации закупки», «Цена тендера», «НМЦК лота», «Дата окончания подачи заявок». Следует обратить внимание на то, что значения всех этих полей могут как-то характеризовать закупку, для которой требуется прогнозирование участия, но сами по себе ничего не говорят о предполагаемых участниках торгов. Чтобы оценивать вероятность участия в торгах того или иного поставщика, заявленного в системе, необходимо сформировать дополнительные признаки, характеризующие активность каждого участника в

предшествующих закупочных процедурах. В этой связи следует отметить, что все указанные признаки можно условно разбить на 2 группы:

– признаки, характеризующие закупки;
– признаки, отражающие активность поставщиков.

Общий перечень выделенных нами признаков представлен в табл. 2.

Таблица 2

Перечень сформированных признаков закупочной деятельности

Характеристики закупки	Характеристики участников торгов
1. Количество уникальных участников по классификатору закупки. 2. Месяц публикации закупки. 3. Сезон (осень, зима, весна, лето) публикации закупки	1. Количество уникальных классификаторов закупок, в которых принимал участие поставщик. 2. Общее количество побед. 3. Дата первого (по времени) участия в торгах. 4. Дата последнего (по времени) участия в торгах. 5. Интервал времени (количество месяцев) между датами первой и последней (по времени) закупок, в которых принимал участие поставщик. 6. Минимальная стоимость лота по каждому классификатору закупки. 7. Максимальная стоимость лота по каждому классификатору закупки. 8. Количество участий поставщика по каждому классификатору закупки. 9. Количество побед поставщика по каждому классификатору закупки

Для формирования дополнительных признаков были разработаны сценарии на базе платформы Loginom. Все признаки (кроме второго и третьего из первой группы) рассчитывались посредством различных операций агрегации записей исходного набора. Алгоритм вычислений предполагает соблюдение следующего условия: все агрегированные значения (общее количество побед, количество участий и др.) должны определяться не на основе общего объема имеющихся данных, а с учетом периода времени, предшествующего дате закупки, для которой необходимо выполнить прогнозирование. В процессе реализации использовались стандартные компоненты: «Группировка», «Цикл» и др. После вычисления всех указанных показателей соответствующие столбцы были присоединены к набору данных, полученному на предыдущем этапе.

Для того чтобы можно было использовать набор данных для обучения модели прогнозирования участия в закупках, необходимо обеспечить наличие в нем информации об участии / неучастии каждого из поставщиков во всех процедурах торгов за рассматриваемый промежуток времени. С этой целью выполнялось полное слияние записей с уникальными значениями ИНН поставщиков, с записями о закупках, а также создавался дополнительный столбец-индикатор участия поставщика в конкретной процедуре торгов. При совпадении ИНН поставщика с одним из участников

закупки в столбец-индикатор вносилось значение True, в противном случае – False. Реализация действия была выполнена с помощью компонентов «Слияние» и «Калькулятор».

Результатом всех описанных процедур обработки исходных данных стал набор, содержащий почти 3 млн записей с 29 столбцами (включая исходные и сконструированные признаки).

Анализ значимости признаков

Процесс конструирования входных признаков для моделей прогнозирования обычно отражает точку зрения исследователей на решаемую задачу; полученный набор производных столбцов фактически представляет собой комплекс гипотез относительно того, какие конкретно факторы способны оказать влияние на значения прогнозируемых показателей. Очевидно, что среди таких признаков могут оказаться действительно полезные, малозначимые и даже шумовые. Проблема выделения значимых признаков играет важную роль и с точки зрения эффективности обучения модели Machine Learning, и в аспекте понимания исследуемых зависимостей и формирования методик последующего применения полученных моделей.

Все вышесказанное имеет непосредственное отношение к набору признаков, представленному в табл. 2. Прежде чем переходить к построению модели машинного обучения, необходимо выполнить исследование значимости признаков сформированного набора данных.

Одним из известных методов оценки значимости признаков[1] в задачах бинарной классификации является вычисление Информационного индекса (коэффициента IV)[2] для предполагаемых входных столбцов модели прогнозирования. Этот показатель, в свою очередь, рассчитывается на основе коэффициентов *WoE*[3]. Каждому наблюдению, содержащему набор признаков, ставится в соответствие бинарная выходная переменная (Событие или Не-событие). После этого весь диапазон изменения значений каждого признака разбивается на несколько начальных классов, для каждого из которых вычисляется коэффициент *WoE*:

$$WoE_i = \ln \frac{\frac{N_i}{N}}{\frac{P_i}{P}},$$

где i – индекс начального класса; P_i – число Событий, попавших в класс; P – общее число Событий; N_i – число Не-событий, попавших в класс; N – общее число Не-событий. Если соотношение Событий и Не-событий в классе такое же, как во всей выборке (принадлежность классу не меняет вероятности Событий), то значение ко-

[1] Паклин Н. Б., Афанасьев В. В. Оптимальное квантование для повышения качества бинарных классификаторов // Искусственный интеллект. 2013. № 4. С. 392–399.

[2] Коэффициент IV. URL: https://wiki.loginom.ru/articles/coefficient-iv.html (дата обращения: 05.07.2021).

[3] Коэффициент WoE. URL: https://wiki.loginom.ru/articles/coefficient-woe.html (дата обращения: 05.07.2021).

эффициента *WoE* будет близко к нулю. Отрицательные значения коэффициентов *WoE* указывают на более высокую вероятность появления Событий в классе, чем в выборке в целом; положительные – на более высокую вероятность Не-событий. Таким образом, коэффициенты *WoE* характеризуют значимость отдельных классов значений данного признака для прогнозирования результата.

Информационный индекс является агрегированной величиной, характеризует предсказательную способность признака в целом и определяется по формуле

$$\mathrm{IV} = \sum_{i=1}^{k}\left(\left(\frac{N_i}{N} - \frac{P_i}{P}\right)\cdot WoE_i\right).$$

Коэффициенты IV всегда положительны; на основе их величины значимость признаков оценивается по следующей шкале: при IV < 0,02 значимость признака отсутствует; при 0,02 ≤ IV < 0,1 значимость низкая; при 0,1 ≤ IV < 0,3 – средняя; при IV ≥ 0,3 – высокая.

Следует отметить, что, помимо оценки значимости входных признаков модели бинарной классификации, коэффициенты *WoE* и IV используются для определения оптимального квантования значений непрерывных и дискретных полей (т. е. формирования конечных классов) перед подачей их на вход модели прогнозирования. Это позволяет повысить эффективность ее обучения как за счет максимизации значимости входных признаков, так и в контексте борьбы с выбросами.

Вычисление коэффициентов IV столбцов набора данных и *WoE*-анализ реализованы нами в стандартном компоненте платформы Loginom, называемом «Конечные классы»[1]. Данный обработчик преобразует значения входных столбцов в последовательность интервалов (конечные классы) с определенными метками; для всех столбцов рассчитывается значение информационного индекса и определяется уровень значимости согласно приведенной выше шкале. Применение соответствующего узла в сценарии обработки данных о закупках на первом этапе продемонстрировало практически нулевые значения коэффициентов IV для всех входных столбцов. Такой результат легко объяснить, если обратить внимание на соотношение числа Не-событий и Событий в анализируемом наборе: 2925125 к 3423 соответственно. Такое соотношение отражает тот факт, что для каждого конкретного предприятия-поставщика доля закупок, в которых он принимал участие, в общем числе тендеров, проведенных за рассматриваемый промежуток времени, очень невелика. Другими словами, в задаче бинарной классификации, подлежащей решению в рамках указанного проекта, имеется ярко выраженный дисбаланс классов.

В ходе решения задач классификации с несбалансированным набором данных, как правило, реализуются дополнительные процедуры для преодоления проблемы дисбаланса. В противном случае процесс обучения алгоритма классификации может завершиться получением константной модели, выдающей для всех объектов метку преобладающего (мажоритарного) класса.

[1] Конечные классы. URL: https://help.loginom.ru/userguide/visualization/coarse-classes/ (дата обращения: 05.07.2021).

Решение проблемы дисбаланса классов и отбор признаков

Традиционными методами решения проблемы дисбаланса классов считаются методы повторной выборки, которые можно разделить на две категории[1]: недостаточная выборка для мажоритарного класса и избыточная выборка для миноритарного класса.

К первой категории относятся следующие методы:

– Random Under-sampling (RUS) – набор наблюдений балансируется путем удаления случайно выбранных объектов мажоритарного класса;

– Neighborhood cleaning rule (NCR) – классификация всех наблюдений осуществляется по правилу трех ближайших соседей с последующим удалением наблюдений мажоритарного класса из числа получивших верную метку и неверно классифицированных соседей миноритарного класса.

Ко второй категории методов повторной выборки относятся следующие:

– SMOTE – последовательный выбор одного наблюдения из миноритарного класса и построение нового объекта путем случайной модификации одного из ближайших соседей выбранного объекта;

– Random Over-sampling (ROS) – генерация синтетических наблюдений миноритарного класса случайным образом.

В ходе данной работы исследовалась применимость методов RUS и ROS к решению проблемы дисбаланса в рассматриваемой задаче. Для сравнительного анализа эффективности указанных методов в Loginom-сценарий были добавлены узлы, запускающие работу Python-скриптов, реализующих соответствующие алгоритмы. Сбалансированные наборы данных подавались на вход узла «Конечные классы», выполняющего построение оптимального квантования и оценку значимости входных признаков. На рис. 1 представлены результаты оценки значимости, полученные для наборов данных, сформированных с помощью методов ROS и RUS.

Анализ результатов позволяет сделать вывод о том, что выборки, сформированные путем применения каждого из обозначенных методов, дают возможность выполнить отбор значимых признаков, причем получаемые оценки в целом совпадают. По этой причине окончательный выбор в пользу одного из методов можно будет сделать после построения и обучения модели классификации – на основании качества предсказаний. На данном же этапе было принято решение использовать в качестве входных полей модели классификации только те признаки, значимость которых признана средней или высокой (значение коэффициента IV составило не менее 0,1). Это решение нашло отражение в сценарии обработки данных.

[1] Рюмина Е. В., Карпов А. А. Сравнительный анализ методов устранения дисбаланса классов эмоций в видеоданных выражений лиц // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2020. Т. 20, № 5. С. 683–691.

ab Имя столбца	9.8 Информационныйиндекс	ab Значимость столбца
winner	10,42	Высокая
time_between	0,06	Низкая
month	0,01	Отсутствует
season	0,01	Отсутствует
publicationDateTime	0,04	Низкая
okved_new	1,16	Высокая
customerInn	0,09	Низкая
date	0,04	Низкая
count_uniq_prov_on_okved	0,02	Низкая
count_part_prov	0,03	Низкая
count_uniq_okv_on_prov	0,02	Отсутствует
count_win	0,35	Высокая
count_win_on_okved	0,00	Отсутствует
min_price_on_okved	4,36	Высокая
max_price_on_okved	4,33	Высокая
lot_num	0,00	Отсутствует
price_lot	9,60	Высокая
COL2	1,16	Высокая
min_date_prov	0,09	Низкая
max_date_prov	0,05	Низкая
purchaseNumber	5,50	Высокая
okved	2,24	Высокая
purchaseType	0,00	Отсутствует
title	4,78	Высокая
time_between_pur_contract	0,03	Низкая
contacDateTime	0,05	Низкая

Метод ROS

9.8 Информационныйиндекс	ab Значимость столбца
6,22	Высокая
0,05	Низкая
0,01	Отсутствует
0,00	Отсутствует
0,06	Низкая
0,78	Высокая
0,10	Низкая
0,03	Низкая
0,03	Низкая
0,02	Низкая
0,03	Низкая
0,34	Высокая
0,00	Отсутствует
2,74	Высокая
2,72	Высокая
0,00	Отсутствует
6,97	Высокая
0,78	Высокая
0,08	Низкая
0,06	Низкая
4,93	Высокая
1,48	Высокая
0,00	Отсутствует
3,88	Высокая
0,02	Низкая
0,05	Низкая

Метод RUS

Рис. 1. Оценки значимости признаков, полученные после применения методов ROS и RUS

Особо следует рассмотреть результаты WoE-анализа, отображаемые в визуализаторе узла «Конечные классы». Он выполнялся по всем признакам набора данных, однако мы рассмотрим только некоторые аспекты изучения двух признаков, значимость которых оценена как высокая. На рис. 2 представлены коэффициенты *WoE*, характеризующие влияние признака «Общее количество побед поставщика» (поле count_win) на вероятность участия этого поставщика в торгах. При отсутствии побед относительная частота неучастия поставщика в торгах заметно больше, чем по всей выборке. В целом увеличение количества побед ведет к повышению вероятности участия (см. верхнюю диаграмму на рис. 2), но при этом изменение индекса IV не является монотонным: рассматриваемый признак имеет наибольшую предсказательную силу в диапазонах «менее 1» и «более 17», в то время как в диапазоне «от 1 до 16» его влияние на результат невелико (см. нижнюю диаграмму на рис. 2).

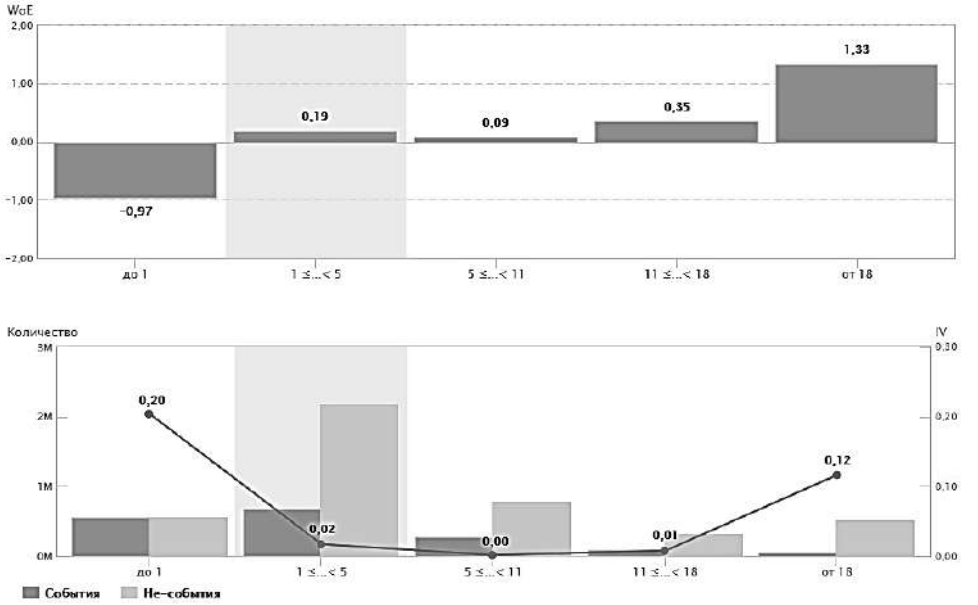

Рис. 2. Влияние общего количества побед поставщика на вероятность участия в торгах

На рис. 3 графически изображены итоги анализа влияния стоимости лота (поле price_lot) на вероятность участия. Для некоторых значений стоимости (см. последний интервал на рис. 3) эта вероятность близка к 1. Для остальных интервалов влияние стоимости на результат намного слабее.

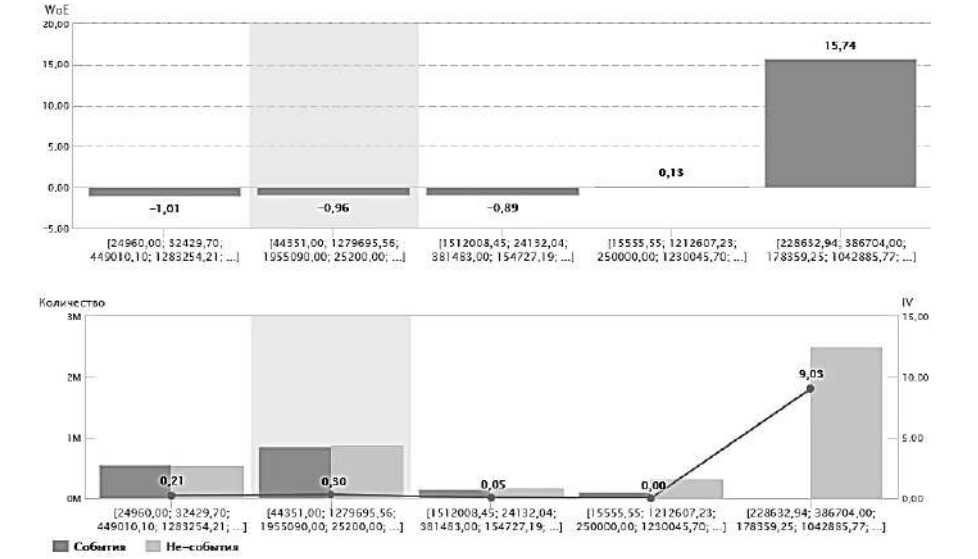

Рис. 3. Влияние стоимости лота на вероятность участия в торгах

Модель машинного обучения

Прогнозирование вероятности участия в торгах на основе подготовленного набора данных с отобранными признаками выполнялось с помощью алгоритма логистической регрессии. Использовался стандартный компонент Loginom – Логистическая регрессия[1]. Разбиение набора на обучающую и тестовую выборки выполнялось в соотношении 70/30; при разбиении учитывалась упорядоченность данных во времени.

Модель обучалась на наборах данных, полученных после применения двух методов устранения дисбаланса классов: Random Over-sampling и Random Under-sampling. В обоих случаях были использованы одни и те же настройки алгоритма машинного обучения (для корректности сравнения качества обученных моделей). Оценка качества полученных моделей по метрике AUC ROC представлена в табл. 3.

Таблица 3

Оценка качества классификации после устранения дисбаланса классов

Метод устранения дисбаланса классов	Значение метрики AUC ROC	
	На обучающем множестве	На тестовом множестве
Random Over-sampling	0,8123	0,8120
Random Under-sampling	0,8479	0,8505

Соотношение числа ошибок первого и второго рода, допущенных классификаторами, зависело от выбранного порога отсечения. В целом можно отметить, что по количеству ошибок, как и по значению AUC ROC, метод Random Under-sampling показал более высокие результаты. По этой причине было принято решение отдать предпочтение данному методу и в дальнейшем использовать его в модуле прогнозирования.

Пути интеграции модуля с информационной системой поиска тендеров

На сегодняшний день рассматривается вопрос об интеграции разработанного модуля прогнозирования с системой поиска и анализа тендеров MetaTender. Для интеграции планируется создание web-сервисов, обрабатывающих REST-запросы системы и возвращающих прогноз участников закупки. Реализацию web-сервисов планируется осуществлять на базе платформы Loginom.

Выводы

В ходе проведенного нами исследования разработан модуль прогнозирования участия предприятий-поставщиков в электронных государственных закупках по федеральным законам № 44-ФЗ и № 223-ФЗ. Функционал модуля включает сценарии очистки первичных данных о закупках; сценарии формирования входных признаков для модели прогнозирования; инструментарий анализа значимости полученных признаков и формирования конечных классов для загрузки данных в модель логистической регрессии; модель прогнозирования вероятности участия в закупках известных

[1] Логистическая регрессия. URL: https://help.loginom.ru/userguide/processors/datamining/logis-tic-regression (дата обращения: 05.07.2021).

системе предприятий-поставщиков.

Качество классификации обученной модели по метрике AUC ROC на тестовой выборке составило 0,85.

Представленный нами модуль разработан на базе аналитической платформы Loginom. Его интеграция с системой поиска и анализа тендеров возможна посредством web-сервисов на базе этой же платформы.

Список источников

Аналитическая платформа Loginom. URL: https://loginom.ru/ (дата обращения: 05.07.2021).

Госзаказ.ру. URL: https://gozakaz.ru (дата обращения: 05.07.2021).

Единая информационная система в сфере закупок. URL: https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html (дата обращения: 05.07.2021).

Конечные классы. URL: https://help.loginom.ru/userguide/visualization/coarse-classes/ (дата обращения: 05.07.2021).

Коэффициент IV. URL: https://wiki.loginom.ru/articles/coefficient-iv.html (дата обращения: 05.07.2021).

Коэффициент WoE. URL: https://wiki.loginom.ru/articles/coefficient-woe.html (дата обращения: 05.07.2021).

Логистическая регрессия. URL: https://help.loginom.ru/userguide/processors/datamining/logistic-regression (дата обращения: 05.07.2021).

Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. Отчет о результатах деятельности за 2020 год. URL: https://gzto.admtyumen.ru/OIGV/gz/actions/ongoing/more.htm?id=11901575@cmsArticle (дата обращения: 05.07.2021).

Паклин Н. Б., Афанасьев В. В. Оптимальное квантование для повышения качества бинарных классификаторов // Искусственный интеллект. 2013. № 4. С. 392–399.

Рюмина Е. В., Карпов А. А. Сравнительный анализ методов устранения дисбаланса классов эмоций в видеоданных выражений лиц // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2020. Т. 20, № 5. С. 683–691.

Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.ru/rn72/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8376083/ (дата обращения: 05.07.2021).

Цыганова М. С., Буреш С. В., Чернушенко Д. А. Разработка инструментария анализа данных о государственных закупках по федеральным законам № 44-ФЗ и № 223-ФЗ (на базе аналитической платформы Loginom) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 6 (99). С. 59–72.

Электронный эксперт. URL: http://eetmn.ru/company (дата обращения: 05.07.2021).

MetaTender. URL: https://metatender.ru/ (дата обращения: 05.07.2021).

Zheng A., Casari A. Feature Engineering for Machine Learning. Principles and Techniques for Data Scientists. Sebastopol, CA: O'Reilly Media, 2018. 218 p.

References

Analiticheskaia platforma Loginom [Loginom Analytical Platform]. Available at: https://loginom.ru/ (accessed: 05.07.2021).

Goszakaz.ru [State order.ru]. Available at: https://gozakaz.ru (accessed: 05.07.2021).

Edinaia informatsionnaia sistema v sfere zakupok [Unified information system in the field of procurement]. Available at: https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html (accessed: 05.07.2021).

Konechnye klassy [Final classes]. Available at: https://help.loginom.ru/userguide/visualization/coarse-classes/ (accessed: 05.07.2021).

Koeffitsient IV [Coefficient IV]. Available at: https://wiki.loginom.ru/articles/coefficient-iv.html (accessed: 05.07.2021).

Koeffitsient WoE [Coefficient WoE]. Available at: https://wiki.loginom.ru/articles/coefficient-woe.html (accessed: 05.07.2021).

Logisticheskaia regressiia [Logistic regression]. Available at: https://help.loginom.ru/userguide/processors/datamining/logistic-regression (accessed: 05.07.2021).

Ofitsial'nyi portal organov gosudarstvennoi vlasti Tiumenskoi oblasti. Otchet o rezul'tatakh deiatel'nosti za 2020 god [The official portal of state authorities in Tyumen region. 2020 Statement of performance]. Available at: https://gzto.admtyumen.ru/OIGV/gz/actions/ongoing/more.htm?id=11901575@cmsArticle (accessed: 05.07.2021).

Paklin N. B., Afanas'ev V. V. Optimal'noe kvantovanie dlia povysheniia kachestva binarnykh klassifikatorov [Optimal quantization to improve the quality of binary classifiers]. *Iskusstvennyi intellekt* [Artificial Intelligence], 2013, no. 4, pp. 392–399.

Riumina E. V., Karpov A. A. Sravnitel'nyi analiz metodov ustraneniia disbalansa klassov emotsii v videodannykh vyrazhenii lits [Comparative analysis of methods for imbalance elimination of emotion classes in video data of facial expressions]. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki* [Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics], 2020, vol. 20, no. 5, pp. 683–691.

Federal'naia nalogovaia sluzhba [Federal Tax Service]. Available at: https://www.nalog.ru/rn72/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8376083/ (accessed: 05.07.2021).

Tsyganova M. S., Buresh S. V., Chernushenko D. A. Razrabotka instrumentariia analiza dannykh o gosudarstvennykh zakupkakh po federal'nym zakonam № 44-FZ i № 223-FZ (na baze analiticheskoi platformy Loginom) [Data analysis instrumentation development for public procurements under 44 and 233 Federal Laws (based on Loginom analytical platform)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2020, no. 6 (99), pp. 59–72.

Elektronnyi ekspert [Electronic expert]. Available at: http://eetmn.ru/company (accessed: 05.07.2021).

MetaTender. Available at: https://metatender.ru/ (accessed: 05.07.2021).

Zheng A., Casari A. *Feature Engineering for Machine Learning. Principles and Techniques for Data Scientists*. Sebastopol, CA: O'Reilly Media, 2018. 218 p.

Сведения об авторах

Мария Сергеевна Цыганова – кандидат технических наук, доцент; https://orcid.org/0000-0002-9832-7882, m.s.cyganova@utmn.ru, Тюменский государственный университет (д. 6, ул. Володарского, 625003 г. Тюмень, Россия); **Mariya S. Tsyganova** – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0002-9832-7882, m.s.cyganova@utmn.ru, University of Tyumen (6, ul. Volodarskogo, 625003 Tyumen, Russia).

Дарья Александровна Чернушенко – магистрант; https://orcid.org/0000-0003-0529-7280, d1ash2a@yandex.ru, Тюменский государственный университет (д. 6, ул. Володарского, 625003 г. Тюмень, Россия); **Darya A. Chernushenko** – Student in Master's programme; https://orcid.org/0000-0003-0529-7280, d1ash2a@yandex.ru, University of Tyumen (6, ul. Volodarskogo, 625003 Tyumen, Russia).

Сергей Владимирович Буреш – директор; https://orcid.org/0000-0002-3899-6283, sv@eetmn.ru, ООО «Электронный эксперт» (оф. 621, д. 59, ул. Республики, 625000 г. Тюмень,

Россия); **Sergey V. Buresh** – Managing Director; https://orcid.org/0000-0002-3899-6283, sv@eetmn.ru, ООО “Elektronnyi Ekspert” (Electronic Expert LLC) (ofis 621, 59, ul. Respubliki, 625000 Tyumen, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.07.2021; одобрена после рецензирования 14.10.2021; принята к публикации 26.10.2021.

The article was submitted 14.07.2021; Approved after reviewing 14.10.2021; Accepted for publication 26.10.2021.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 77–89.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 77–89.

Научная статья
УДК 821.161.1
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-6

Повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»: изменение концепции от первоначального замысла к итоговому тексту

Валерия Геннадьевна Андреева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук,
Москва, Россия,
lanfra87@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4558-3153

Аннотация. В статье рассматривается творческая история повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», находят отражение значимые изменения, осуществленные писателем в течение работы над произведением. Автором анализируются важнейшие сюжетные и смысловые акценты, присутствовавшие в черновиках, указываются причины, по которым они не вошли в итоговый текст. Отдельное внимание уделяется мотиву лжи, времени прозрения главного героя и влияния его смерти на окружающих. Доказывается, что Л. Н. Толстой намеренно не допускал сниженных описаний героя и его семьи до финальной болезни Ивана Ильича, обнажающей перед ним непоправимое притворство окружающих. Помимо точки зрения Ивана Ильича, сознание которого является в повести одним из важнейших в представлении окружающей картины мира и исключает Бога, в произведении присутствует народный взгляд на мир, выдвигающий идею бескорыстной помощи.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, поздние повести, черновые материалы, творческая история, авторская концепция, смерть, прозрение, мотив лжи, эгоизм, образ народа

Для цитирования: *Андреева В. Г.* Повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»: изменение концепции от первоначального замысла к итоговому тексту // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 77–89. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-6.

The story of L. N. Tolstoy “The Death of Ivan Ilyich”: changing the concept from the original idea to the final text

Valeria G. Andreeva

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
lanfra87@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4558-3153

Abstract. The article deals with the creative history of the novel “The Death of Ivan Ilyich” by L. N. Tolstoy, shows the significant changes made by the writer during the work. The author of the article analyzes the most important plot nuances and emphasizes semantic points that were present in

© Андреева В. Г., 2022

the drafts, identifies the reasons why they were not included in the final text. Special attention is paid to the motive of lies, the time of the protagonist's insight and the impact of his death on others. It is proved that Tolstoy deliberately did not allow deteriorated descriptions of the character and his family until the final illness of Ivan Ilyich, exposing the irreparable pretense of those around him. In addition to the point of view of Ivan Ilyich, whose consciousness in the story is one of the key points in presenting the surrounding picture of the world and excludes God, there is a people's view of the world in the work, which puts forward the idea of selfless help.

Keywords: L. N. Tolstoy, late novels, draft materials, creative history, author's conception, death, insight, motive of lies, selfishness, image of the people

For citation: Andreeva V. G. The story of L. N. Tolstoy "The Death of Ivan Ilyich": changing the concept from the original idea to the final text. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 77–89. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-6.

Введение

Статья посвящена текстологическому исследованию повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (1886). Несмотря на широкую известность указанного произведения, литературоведы обращались преимущественно к философским основам итогового текста, осмыслению образа главного героя. Комментарии к повести были опубликованы в 26 томе 90-томного собрания сочинений Толстого в 1936 г., в дальнейшем в науке не уделялось значительного внимания ее творческой истории. Между тем именно концептуальные изменения, внесенные Толстым в ходе работы над текстом «Смерти Ивана Ильича», позволяют прийти к раскрытию глубинного замысла автора, погрузиться в творческую лабораторию писателя. В процессе сравнительного изучения черновиков произведения и его окончательного текста мы постараемся показать усиление общего драматизма повести, достигнутое писателем за счет отдаления момента прозрения героя, изменения соотношения «человек – среда», появления ярко выраженных инфернальных мотивов, а также православной, народной точки зрения.

Основная часть

Поздняя повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича» сочетает историю жизни обыкновенного человека с его постепенным освобождением от своих приятных и приличных привычек и рассказ о слишком позднем финальном прозрении героя. Однако драматизм произведения заключается в том, что для всех окружающих смерть Ивана Ильича не имеет серьезного значения, оценивается лишь как внешний факт. Толстой констатирует, что большинство людей настолько утратили способность к искренним чувствам, что внешних поводов для пробуждения человеческой души оказывается недостаточно. Если смерть героя и затрагивает кого-то всерьез, то только его сына, который косвенно влияет на прозрение Ивана Ильича, озарив его уходящее существование искренней любовью и жалостью: «Это было в конце третьего дня, за час до его смерти. В это самое время гимназистик тихонько прокрался к отцу и подошел к его постели. Умирающий все кричал отчаянно и кидал руками.

Рука его попала на голову гимназистика. Гимназистик схватил ее, прижал к губам и заплакал»[1].

Рассматривая историю создания повести и обращаясь к биографии прототипа главного героя, Ивана Ильича Мечникова, бывшего прокурора тульского суда, который умер 2 июля 1881 г., Л. П. Гроссман считает, что первые наброски к произведению могли быть сделаны Толстым в тот же период, но оставлены в зачаточном состоянии. «“Смерть судьи”, которая намечалась, обдумывалась и, вероятно, частично записывалась с 1881 г. по 1884 г., весною этого года выдвигается как очередная литературная работа»[2]. Н. Н. Гусев начало повести «Смерть Ивана Ильича» относит к самому финалу 1881 г., также упоминая о смерти Ивана Ильича Мечникова, родного брата известного биолога Ильи Ильича Мечникова, как о толчке к написанию произведения, приводя свидетельство самого писателя, сделанное в 1909 г. в беседе с журналистом С. П. Спиро[3]. Основная канва, логический ход жизни Ивана Ильича были намечены автором еще на начальном этапе работы, однако весьма значимы перемены, касающиеся наличия в произведении одного или двух прозревающих героев, времени прозрения самого Ивана Ильича.

Сначала Толстой продумывал повествование от первого лица. В черновиках рассказ ведется от имени друга и коллеги Ивана Ильича по фамилии Творогов, который узнает о смерти Головина, затем отправляется к нему на похороны, где видит покойника и его родных, далее беседует с женой усопшего и получает от нее дневник своего товарища. Прочитанная в этом дневнике история жизни и смерти заставляет самого Творогова прозреть: «Я особенно подробно описываю мое отношение к смерти тогда потому, что именно тут в этом кабинете с розовым кретоном, я получил то, что изменило совсем мой взгляд на смерть и на жизнь» (Т. 26, с. 508). Согласно первоначальному замыслу Толстого, после несколько преждевременно высказанного замечания Творогова о своем прозрении под влиянием записок Ивана Ильича следовал рассказ о том, как же это произошло: после получения дневника покойного друга Творогов прочитал его в одиночестве вечером, вернувшись из клуба. Далее Творогов приводит один из фрагментов записок товарища – самое начало, но весьма значимое и решительное, иллюстрирующее полную погруженность Ивана Ильича в ложь и его страдания (не столько физические, сколько духовные). Затем следует краткая характеристика дневника, данная другом Головина и отражающая впечатление, произведенное на него: «Записки эти ужасны» (Т. 26, с. 510). Творогов отправляется к супруге Ивана Ильича, расспрашивает ее и других родных покойного, Герасима. Из

[1] Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Москва: Художественная литература, 1936. Т. 26. Произведения 1885—1889 гг. С. 112. – В дальнейшем все ссылки на произведения Л. Н. Толстого приводятся по данному изданию и даются в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

[2] Гроссман Л. П. «Смерть Ивана Ильича» // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Москва: Художественная литература, 1936. Т. 26: Произведения 1885–1889. С. 681.

[3] Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1881 по 1885 год. Москва: Наука, 1970. С. 88.

записок умершего и рассказов о нем Творогов составляет историю жизни Головина, которая далее представляется читателю уже от имени всезнающего повествователя (но в данном случае она рассказывается именно другом Ивана Ильича).

Однако наличие в черновиках прозревающего Творогова означало появление в повести не одного героя, изменяющего свои взгляды, а двух. Получалось, во-первых, что дневник Ивана Ильича имел такую силу воздействия, что оказал серьезное влияние на его товарища, а во-вторых, Творогов для этого изменения должен был внутренне отличаться от других сослуживцев. Действительно, в черновиках сам Иван Ильич за некоторое время до своей смерти сначала просил жену сжечь его записки, а потом сказал: «А впрочем, отдай Творогову. Он все-таки более человек чем другие, он поймет» (Т. 26, с. 508). При этом, согласно логике развития данного героя, его прозрение маловероятно.

Толстой не случайно делает Ивана Ильича чиновником и старательным служащим – свою работу он любит, постоянно ищет в ней отдушину, но вот только *служить людям* Головин не готов. Он состоит на службе для себя, наслаждается положением: «Теперь же, судебным следователем, Иван Ильич чувствовал, что все, все без исключения, самые важные самодовольные люди – все у него в руках…» (Т. 26, с. 71). В черновых материалах на рассуждении автора об эгоизме героя и его непомерном тщеславии сделан больший акцент, чем в окончательном тексте повести. Автор дает читателю понять, что этот эгоизм является отличительной чертой не одного Ивана Ильича, так живут все его сослуживцы.

После смерти Головина его родные, друзья и коллеги продолжают жить по-прежнему. Как и при Иване Ильиче, но теперь уже без него складываются карточные партии: игроки взаимозаменяемы, и новая партия, как показывает Толстой, будет организована без Головина. В. И. Порудоминский проницательно отметил множество реализаций мотива игры в повести, проведя ассоциативную параллель между жизнью всего общества чиновников и карточной игрой: «Игра начинается первым сделанным ходом, который предлагает возможность наметить тактику, рассчитывать варианты. Таким первым ходом в повести становится известие о смерти Ивана Ильича. Теперь на его место может быть назначен Алексеев, на место же Алексеева – Винников или Штабель. <…> Партия, начатая смертью Ивана Ильича, останется за пределами повести, которая смертью его заканчивается»[1]. Ученый также справедливо обратил внимание на то, что фамилия героя-игрока Шварца, присутствовавшего на похоронах Головина, переводится с немецкого как «черный». В черновых материалах на похоронах Ивана Ильича Творогов встречался с Шебеком, с которым и договаривался, «где повинтить нынче» (Т. 26, с. 506). Однако в окончательном тексте появляется фигура Шварца, имеющая явно инфернальное, бесовское начало. Если в черновиках Шебек просто лукаво подмигивает Творогову, но находится с ним на равных, то в итоговом варианте повести Шварц («черный»!) завладевает вниманием Петра Ивановича и даже повелевает им, направляя его к телу Ивана Ильича:

[1] Порудоминский В. И. Правила проигранной игры. Карты в повести «Смерть Ивана Ильича» // Толстовский ежегодник 2003 / под редакцией В. Б. Ремизова. Тула: Дизайн-Коллегия, 2006. С. 330.

«…Шварц, с серьезно сложенными, крепкими губами и игривым взглядом, движением бровей показал Петру Ивановичу направо, в комнату мертвеца» (Т. 26, с. 63). Обратим внимание на тот факт, что сам Шварц, отправив Петра Ивановича к умершему, с ним в комнату не заходит. Не исключено, что его сдерживают именно крестные знамения: «Петр Иванович вошел, как всегда это бывает, с недоумением о том, что ему там надо будет делать. Одно он знал, что креститься в этих случаях никогда не мешает» (Т. 26, с. 63). Фигура Шварца помогает Петру Ивановичу удержаться от «удручающих впечатлений»: от жалости и сострадания, от человеческой искренности.

Толстому важно было показать степень помрачения и равнодушия общества, в котором жил Иван Ильич, его безверие, выражаемое в отсутствии сердечных и душевных связей между людьми. Р. А. Дистерло справедливо отметил, что «Смерть Ивана Ильича» теснейшим образом связана с процессом внутренней жизни самого Толстого. Критик считает, что при этом в тексте «автор говорит, как не должно жить» и сама повесть «есть произведение чисто отрицательное»[1]. Однако несмотря на общее отрицательное значение произведения, читатели должны сделать положительные выводы. Общечеловеческое значение повесть имеет уже потому, что в ней находит отражение закон жизни, ее основа. Пусть изображаемый Толстым круг людей неширок, в него входят лишь сослуживцы Ивана Ильича, произведение это не о чиновниках-юристах (хотя профессия накладывает на них свой отпечаток) и даже не об образе жизни представителей определенной социальной прослойки, а о забвении и прозрении человека в целом, о духовном толчке, который необходим многим для пробуждения. Более того, в «Смерти Ивана Ильича» реализуется прием контраста, являющийся центральным практически для всех поздних повестей Толстого.

В черновых материалах предполагалось, что противопоставление всего жизненного пути Ивана Ильича и его последних двух-трех месяцев будет усилено противопоставлением Творогова до и после прозрения, в итоговом же тексте ложное и истинное отношение к жизни можно проследить на примере всего изображенного общества чиновников, их семей и мужика Герасима. Именно Герасим привносит в художественный мир ту правду, о которой забыли господа. «Божья воля. Все там же будем», – говорит герой (Т. 26, с. 49). Эти слова о Божьей воле в устах мужика – не просто оборот речи, они являются отражением определенного образа жизни, в котором высший судья и распорядитель всего – отнюдь не человек, а Бог. И. Ю. Лученецкая-Бурдина пишет, что несколько фраз в поздних повестях Толстого могут заключать в себе крайне важный смысл и быть противопоставлены другой, диаметрально противоположной позиции: «Зерно народных рассказов “прорастает” в повестях 1880–1890-х годов, демонстрируя варианты ответов на прежние мучительные вопросы: “Чем люди живы?”, “Как жить?”, “Во что верить?”. Идеологическая программа народных рассказов воплощается в произведениях Толстого на качественно ином материале – из “господской жизни”, но стилевой ресурс народных рассказов сохраняется в них в виде отдельного высказывания или реплики персона-

[1] Дистерло Р. А. Граф Л. Н. Толстой как художник и моралист: критический очерк. Санкт-Петербург: Типография Н. А. Лебедева, 1887. С. 150.

жа, которые имеют принципиальное значение»[1]. Мужик Герасим на протяжении всей повести произносит лишь несколько фраз, но именно эти реплики автор определяет как *ключевые*, противопоставляя их главному мучению всего времени болезни Ивана Ильича – *лжи*.

В черновых материалах мотив лжи появлялся фактически сразу, причем Толстой делал на нем особый акцент за счет многократных повторов в пределах нескольких предложений. «Ложь, обман, ложь, ложь, ложь, ложь, все ложь. Все вокруг меня ложь, жена моя ложь, дети мои ложь, я сам ложь, и вокруг меня все ложь», – так начинались записки Ивана Ильича (Т. 26, с. 509). Уже с первых страниц повести появлялось противопоставление *лжи* прошлой жизни героя и *правды*, ставшей его новым утешением: «На упреки, что он вредит себе, Иван Ильич отвечал, что это одно его утешение – самим с собой говорить правду» (Т. 26, с. 508). В итоговом тексте повести Толстой *избегает упоминания о правде* до четкого появления в сознании Ивана Ильича образа смерти; автор постепенно все более усиливает акцент на обмане, выстраивая линию развития болезни и параллельно констатируя факты лжи и притворства, потерявшие для героя актуальность. Глубокая психологическая правда повести Толстого состоит в том, что его неверующий герой-эгоист отказывается от своей лжи только потому, что ему больше не удается в ней жить, что ему хочется сказать миру о своей невыносимой боли, о бесцельно прожитой жизни.

Целостность и колоритность образа центрального персонажа требовали от Толстого упоминания о раскрытии им лжи только в финале повести, когда Иван Ильич уже ничего не может исправить в окружающем его мире: «В это самое время Иван Ильич провалился, увидал свет, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить» (Т. 26, с. 112); герой не способен даже толком выразить свою жалость к родным, попросить у них прощения.

«“Пропусти” равнозначное “прости” – это символ-пароль, подтверждающий, что Иван Ильич понимает наконец и принимает чужую боль как свою», – пишет Е. А. Жуков[2]. Между тем о равнозначности данных слов можно говорить только с точки зрения Ивана Ильича. Символичным является и то, что Головин даже не может выговорить финальное «прости», обращенное к жене, а невольно сказанное «пропусти» слишком похоже на его возможное обращение к кому-то, связанное с финальной борьбой: «…он барахтался в том черном мешке, в который просовывала его невидимая непреодолимая сила» (Т. 26, с. 112). Толстой не дает произнести своему герою ни слова правды: что, если бы жена удивилась этой просьбе Ивана Ильича о прощении и задумалась бы о жизни?

[1] Лученецкая-Бурдина И. Ю. Парадоксы художника: Особенности стиля Л. Н. Толстого в 1870–1890 годы. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2001. С. 128.

[2] Жуков Е. А. О том, как «сделана» повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Толстовский сборник–2008. Л. Н. Толстой – это целый мир: материалы XXXI Международных Толстовских чтений, посвященных 180-летию со дня рождения Л. Н. Толстого: в 2 ч. / под редакцией Ю. В. Архангельской. Тула: Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, 2008. Ч. 1. С. 209.

Концептуальное расхождение между черновыми вариантами и итоговым текстом заключается в следующем: в последнем Иван Ильич прозревает *за несколько часов до смерти*, а для написания дневника необходимо было более раннее прозрение героя, произошедшее *за два* или *три месяца* до его жизненного финала: «Так говорил И. И., и так ему казалось, что он и думал за 2 месяца до своей смерти, но в те два месяца, которые он проболел до своей смерти, мысли эти его очень много изменились» (Т. 26, с. 524).

В данном случае дело даже не во времени, а в способности и неспособности героя, подобного Ивану Ильичу, к прозрению. Э. Ф. Володин отметил, что в повести Толстой не создает эффектную сцену внезапного озарения персонажа: «Такой поворот вполне допустим как литературный прием, но не отвечал бы ни правде жизни, ни правде характера чиновника И. И. Головина. Правда жизни требовала именно эволюции сознания и характера героя, постепенного освобождения от пут привычностей, шаблонов, штампов. И потому совершенно верным было мотивирование жизни Ивана Ильича в течение двух месяцев болезни стремлением восстановить нормальную функцию организма»[1]. Толстой прекрасно почувствовал *невозможность быстрого*, *внезапного прозрения героя*, прожившего абсолютно внешнюю жизнь, да еще и лишенную созидания, полную условностей и обмана. Два месяца, оставленные автором в черновиках Ивану Ильичу, открывшему для себя правду, в итоговом тексте тратятся героем на наблюдения за деятельностью своего тела и на страх смерти, несмотря на тот факт, что он уже стал критически относиться к своей жизни: «То перед глазами была одна почка или кишка, которая на время отклонилась от исполнения своих обязанностей, то была одна непонятная ужасная смерть, от которой ничем нельзя избавиться» (Т. 26, с. 108).

Вряд ли можно согласиться с С. А. Демидовой в том, что «спасение», по мнению Толстого, заключалось в самом человеке, в чиновнике Головине. «Иван Ильич, осознавая бессмысленность своего досмертного существования и понимая, что исправить уже ничего нельзя, тем не менее достойно завершает свой жизненный путь: его жалость к себе преобразуется в жалость – в первоначальном смысле “любовь” – к другим людям»[2], – отмечает исследователь. Жалость к другим – это не окончательное прозрение героя, а лишь его начало, не случайно Иван Ильич успевает осознать, что жизнь «можно еще поправить», но времени для этого исправления ему уже не дано (Т. 26, с. 112).

Если в черновиках Толстой допускал заметную иронию по отношению к главному герою со стороны других персонажей, то в окончательном тексте автору важно было прочертить *путь иллюзорного восхождения без разоблачений*, чтобы ярче представить финальный перелом. Примером критически-ироничного отношения к

[1] Володин Э. Ф. Повесть о смысле времени («Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого) // Контекст–1984. Литературно-теоретические исследования / под редакцией Н. К. Гея. Москва: Наука, 1986. С. 152.

[2] Демидова С. А. «Если жизнь – благо, то благо и смерть»: парадоксальная танатология Л. Н. Толстого // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 3 (53). С. 154.

Головину в черновых вариантах повести являются слова о нем зятя, рассуждающего о возможности получения Иваном Ильичом нового места: «Очевидно, он испортил своей самоуверенностью, и ему ничего не дадут. Да и что он за *драгоценность*, что ему сейчас место председателя? Ничего ему не дадут» (Здесь и далее курсив наш. – *В. А.*) (Т. 26, с. 512). В окончательном тексте эти фразы трансформируются, мотив *ценности* иначе звучит из уст Ивана Ильича: «… но непременно пять тысяч и непременно выйти из министерства, где не умели *оценить* его» (Т. 26, с. 77). Внешняя (причем далеко не позитивная) оценка героя зятем заменена на самооценку Ивана Ильича и его мысли о неблагодарности окружающих.

Примечательно в этом плане письмо Толстого к князю Л. Д. Урусову от 20 августа 1885 г., в нем писатель говорит о точке зрения, с которой видится бытие и смерть героя: «Теперь я прихожу, напротив, в писательское состояние и хочется писать, а работы слишком много. Начал нынче кончать и продолжать смерть Ивана Ильича. Я, кажется, рассказывал вам план: описание простой смерти простого человека, *описывая из него*» (Т. 63, с. 282). С. А. Демидова отмечает, что «религиозную плоскость экзистенциальных переживаний героя повести “Смерть Ивана Ильича” вскрывает проблема посмертия, т. е. жизни после смерти, а, следовательно, и вопрос о Боге. Однако последнему в художественном пространстве повести места уделено мало. В ней фактически нет Бога…»[1]. Свидетельством отсутствия Бога в произведении, по мнению исследователя, является фрагмент об обращении Ивана Ильича к Богу и ожидании ответа, которого герой не получает: «Ответа нет и быть не может, поскольку Толстой отказывается от понятия Бога как метафизического Абсолюта. Показательно, что на вопрошание Ивана Ильича откликается не божество, но его собственный “внутренний голос”»[2]. Между тем авторское лаконичное определение «описывая из него» подчеркивает, что к Богу не приходит исключительно Головин, а в художественном мире повести вопрос посмертия поставлен не перед другими героями, отмахивающимися от мысли о смерти, *а перед читателями*.

По мнению Н. А. Касавиной, Иван Ильич «уже продвинулся в своем опыте вхождения в конечность, принятия смерти, находится на другом этапе околосмертной динамики, что не решаются видеть его родные, из-за собственных страхов не способные к оказанию ему необходимой в этот момент эмоциональной помощи»[3]. Однако обращение к замыслу Толстого и его реализации позволяет нам утверждать, что болезнь главного героя, его внутренние сомнения и размышления о прожитой жизни нельзя считать серьезным продвижением.

Семейная тема в целом занимает в повести важное место. Встречу Ивана Ильича с супругой и их взаимоотношения, как можно судить по черновикам, Толстой тща-

[1] Демидова С. А. «Если жизнь – благо, то благо и смерть»: парадоксальная танатология Л. Н. Толстого // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 3 (53). С. 153.

[2] Там же.

[3] Касавина Н. А. В разомкнутости «собственного» бытия (на примере повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича») // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4, № 2. С. 92. https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-2-83-106.

тельно продумывал и корректировал. В черновых вариантах произведения образ Прасковьи Федоровны представлен гораздо более резко, чем в окончательном тексте, причем это касается как первых встреч, знакомства и молодости героев, так и их отношений во время совместной жизни и в период болезни Ивана Ильича.

В итоговом тексте образ юной Прасковьи Федоровны Михель дан отчасти даже поэтично: «Прасковья Федоровна Михель была самая привлекательная, умная, блестящая девушка того кружка, в котором вращался Иван Ильич» (Т. 26, с. 72). Можно предположить, что Толстой намеренно убрал описание девушки, планируемое в начале работы над текстом и вызывающее у читателя двойственное впечатление: «Но тут, в другой провинции, прежде чем завязалась новая связь, наскочила не старая, но уже и не молодая девица. Иван Ильич прельщал ее, как всех. Девица прельстилась, но понемногу стала затягивать Ивана Ильича и затянула» (Т. 26, с. 511). Эта сниженная характеристика, образ великовозрастной девицы, ощущение определенной неволи не устраивали писателя – начало жизни (в том числе и семейной жизни Ивана Ильича) должно было складываться максимально благополучно: не внешние причины, но сама жизнь героя с принятием им ложных ценностей стали основой драмы чиновника Головина.

Состояние разочарования в жене и браке в целом приходит к главному действующему лицу постепенно, причем в черновиках Толстой описывает внезапное обнаружение Иваном Ильичом дурных качеств супруги, которые до этого он не видел и не понимал. Писатель даже предполагал показать контраст между мечтами о семейном счастье Головина и представшим перед ним в новом качестве образом Прасковьи Федоровны: «И мечтал о супружеском счастье так, что кроме прежних удовольствий холостой жизни будет еще домашняя поэзия. Но тут оказалось, что жена ревнива, зла, язычна, скупа, бестолкова…» (Т. 26, с. 511). В окончательном тексте повести Толстой снимает эту резкую характеристику, более обтекаемо он описывает даже не жену Головина, а в целом ухудшающиеся отношения между супругами: «…явилось что-то такое новое, неожиданное, неприятное, тяжелое и неприличное, чего нельзя было ожидать и от чего никак нельзя было отделаться» (Т. 26, с. 73). Причина такой перемены нами уже названа: писатель не винит теперь однозначно жену Ивана Ильича, однако демонстрирует читателю неправильно складывавшуюся жизнь героев.

В одном из черновых вариантов Толстой прямо связывал отрицательные качества Прасковьи Федоровны с невозможностью придания жизни приятного и приличного характера. Однако эта причинно-следственная связь не нужна была писателю при создании образа семейства Головиных: в случае полного нарушения приличного и приятного уклада жизни герою пришлось бы искать какой-то выход. Именно поэтому в окончательном тексте писатель изображает, как Иван Ильич убегает от капризов жены, ее ревности и требовательности в служебную деятельность. Толстому было важно показать, что размолвки в семейной жизни и первые возникающие проблемы не решались героем, а тщательно обходились и скрывались им.

До развития болезни Ивана Ильича, т. е. ощущения чиновником своего нездорового состояния как присутствующей патологии, которая не проходит, автор в окон-

чательном тексте оставляет лишь одну конкретную ситуацию, иллюстрирующую ссору между супругами, произошедшую из-за большого количества тортов, заказанных Головиным и оставшихся после отъезда гостей. Толстой упоминает о многочисленных невзгодах и отсутствии любви между мужем и женой, но на фоне взаимного отчуждения Иван Ильич не устраивает супруге сцен. Так, в черновиках был эпизод, когда «Иван Ильич окрысился и такую страшную сцену сделал жене, что она уже, увидав, что он в этом отношении злее ее, покорилась ему, как он прежде покорялся ей» (Т. 26, с. 521). В окончательном тексте первая сцена с бешенством героя связана именно с болезненным состоянием Ивана Ильича: «…он раза два во время начала обеда приходил в такое бешенство, что она поняла, что это болезненное состояние, которое вызывается в нем принятием пищи, и смирила себя…» (Т. 26, с. 83).

Упрощая повесть и, по всей видимости, отбрасывая все ответвления, усложнявшие движение линии главного героя, Толстой значительно сократил эпизод, раскрывающий тему недоброго и расчетливого отношения родных друг к другу. В окончательном тексте повести Иван Ильич с семьей для уменьшения трат на жизнь уезжает на время отпуска в деревню, к брату супруги. В черновиках Головины отправлялись в деревню к зятю Ивана Ильича, и именно там разворачивалось скрытое ненавистное противостояние между семьями, которое негативно сказывалось на состоянии главного героя. Он мучился от своего положения обойденного назначением чиновника и тем более от постоянных замечаний, отсутствия добрых слов: «В последнее свое пребывание в деревне у зятя он, щепетильный и самолюбивый человек, заметил, что он в тягость, и что в отношениях к нему примешивается оттенок презрения, а от жены и дочери кроме упреков не слыхал ничего» (Т. 26, с. 513). В окончательном тексте повести Толстой значительно сокращает данный эпизод описания Головиных у гостей в деревне, не упоминая натянутых отношений с женой и дочерью – эти скрытые упреки писатель оставляет до времени болезни героя, когда он оказывается не нужен даже близким людям: «Она (Прасковья Федоровна. – *В. А.*) стала желать, чтоб он умер, но не могла этого желать, потому что тогда не было бы жалованья» (Т. 26, с. 83).

В описании самого тяжелого периода жизни Ивана Ильича до того, как он узнал о своем заболевании, т. е. в то время, когда его обошли по службе, Толстой сокращает все дополнительные сведения, упоминания о других героях и общей атмосфере, которая была представлена в черновиках. Так, в описании взаимоотношений родственников и их совместной жизни автор использует лексемы «рай» и «ад»: раем кажется окружающим эта усадебная жизнь (именно таким словом ее называет хозяин), однако правда несколько иная: «А тут был ад. И в этом аду с страхом того, что из него не выберешься, жил Иван Ильич» (Т. 26, с. 513). Данные упоминания о рае и аде не были использованы Толстым в окончательном тексте, так как Иван Ильич, согласно замыслу писателя, не должен был до самого пика своей болезни понимать, в какой обстановке и атмосфере он жил. В окончательном тексте сцена пребывания чиновника Головина в деревне у родных максимально сокращена: день герой находится в гостях, в течение ночи ходит и думает, а уже на другой день едет в Петербург искать места. Вся сцена в итоговом варианте повести представлена

очень стремительно, автор иллюстрирует своеобразный спортивный интерес Ивана Ильича в поиске нового назначения, показывает его тщеславие. В черновиках был даже знаковый для творчества Толстого мотив торга и сравнения человека с вещью: «И он ехал, везя себя на базар, кому понадобится, кто даст больше» (Т. 26, с. 513). Однако писатель убирает и эту знаковую фразу – дело в том, что она значительно снижала завышенную самооценку героя, считавшего себя не обыкновенным человеком, а особо выдающимся чиновником, каких вокруг мало. Это самомнение Ивана Ильича в итоговом тексте по сравнению с черновиками подтверждает его оценка поведения окружающих по отношению к себе: «В этом году оказалось, с одной стороны, что жалованья не хватает на жизнь; с другой – что все его забыли и что то, что казалось для него по отношению к нему величайшей, жесточайшей несправедливостью, другим представлялось совсем обыкновенным делом» (Т. 26, с. 76).

Выводы

Сопоставление черновиков к повести и итогового текста произведения позволяет сделать вывод о смене задуманной писателем концепции. Согласно первоначальному замыслу Толстого, прозрение героя наступало за некоторое время до смерти, он успевал не только понять правду, но и написать о ней, оставить своеобразное «завещание» товарищу. Коллега Творогов, в свою очередь, прозревал под влиянием записок Ивана Ильича, выстраивалась своеобразная линия взаимного пробуждения. В итоговом же тексте отнюдь не Толстой, но сама жизнь наказывает Головина за постоянную игру, за бытие без Бога: герою открывается возможность исправить положение, сила жалости и любви, но сделать он уже ничего не может и не успевает: приход смерти и ее отрицание Иваном Ильичом в финале не способны повлиять ни на его земной путь, ни на бытие окружающих.

Список источников

Володин Э. Ф. Повесть о смысле времени («Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого) // Контекст–1984. Литературно-теоретические исследования / под редакцией Н. К. Гея. Москва: Наука, 1986. С. 144–163.

Гроссман Л. П. «Смерть Ивана Ильича» // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Москва: Художественная литература, 1936. Т. 26: Произведения 1885–1889. С. 679–691.

Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1881 по 1885 год. Москва: Наука, 1970. 560 с.

Демидова С. А. «Если жизнь – благо, то благо и смерть»: парадоксальная танатология Л. Н. Толстого // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 3 (53). С. 149–155.

Дистерло Р. А. Граф Л. Н. Толстой как художник и моралист: критический очерк. Санкт-Петербург: Типография Н. А. Лебедева, 1887. 200 с.

Жуков Е. А. О том, как «сделана» повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Толстовский сборник–2008. Л. Н. Толстой – это целый мир: материалы XXXI Международных Толстовских чтений, посвященных 180-летию со дня рождения Л. Н. Толстого: в 2 ч. / под

редакцией Ю. В. Архангельской. Тула: Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, 2008. Ч. 1. С. 204–209.

Касавина Н. А. В разомкнутости «собственного» бытия (на примере повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича») // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4, № 2. С. 83–106. https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-2-83-106.

Лученецкая-Бурдина И. Ю. Парадоксы художника: Особенности стиля Л. Н. Толстого в 1870–1890 годы. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2001. 156 с.

Порудоминский В. И. Правила проигранной игры. Карты в повести «Смерть Ивана Ильича» // Толстовский ежегодник 2003 / под редакцией В. Б. Ремизова. Тула: Дизайн-Коллегия, 2006. С. 322–336.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Москва: Художественная литература, 1928–1958.

References

Volodin E. F. Povest' o smysle vremeni (“Smert' Ivana Il'icha” L. N. Tolstogo) [A story about the meaning of time (“The Death of Ivan Ilyich” by L. N. Tolstoy)]. *Kontekst–1984. Literaturno-teoreticheskie issledovaniia* [Context–1984. Literary and theoretical research; ed. by N. K. Gei]. Moscow: Nauka, 1986, pp. 144–163.

Grossman L. P. “Smert' Ivana Il'icha” [“The Death of Ivan Ilyich”]. Tolstoi L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete set of works: in 90 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1936, vol. 26: Proizvedeniia 1885–1889 [Works 1885–1889], pp. 679–691.

Gusev N. N. *Lev Nikolaevich Tolstoi: materialy k biografii s 1881 po 1885 god* [Lev Nikolayevich Tolstoy: materials for the biography from 1881 to 1885]. Moscow: Nauka, 1970. 560 p.

Demidova S. A. “Esli zhizn' – blago, to blago i smert'”: paradoksal'naia tanatologiia L. N. Tolstogo [“If life is blessing, then death is blessing too”: paradoxes of Leo Tolstoy’s thanatology]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities Research in the Russian Far East], 2020, no. 3 (53), pp. 149–155.

Disterlo R. A. *Graf L. N. Tolstoi kak khudozhnik i moralist: kriticheskii ocherk* [Count L. N. Tolstoy as an artist and moralist: a critical essay]. St Petersburg: Tipografiia N. A. Lebedeva, 1887. 200 p.

Zhukov E. A. O tom, kak “sdelana” povest' L. N. Tolstogo “Smert' Ivana Il'icha” [How the story of L. N. Tolstoy “The Death of Ivan Ilyich” was “made”]. *Tolstovskii sbornik–2008. L. N. Tolstoi – eto tselyi mir: materialy XXXI Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chtenii, posviashchennykh 180-letiiu so dnia rozhdeniia L. N. Tolstogo: v 2 ch.* [Tolstovsky collection–2008. L. N. Tolstoy is a whole world: Proceedings of the XXXI International Tolstoy readings dedicated to the 180th anniversary of the birth of L. N. Tolstoy: in 2 parts; ed. by Iu. V. Arkhangel'skaia]. Tula: Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L. N. Tolstogo, 2008, part 1, pp. 204–209.

Kasavina N. A. V razomknutosti “sobstvennogo” bytiia (na primere povesti L. N. Tolstogo “Smert' Ivana Il'icha”) [In the openness of “own” being (by the example of Leo Tolstoy’s novel ‘The Death of Ivan Ilyich’)]. *Tsifrovoi uchenyi: laboratoriia filosofa* [The Digital Scholar: Philosopher‘s Lab], 2021, vol. 4, no. 2, pp. 83–106. https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-2-83-106.

Luchenetskaia-Burdina I. Iu. *Paradoksy khudozhnika: Osobennosti stilia L. N. Tolstogo v 1870–1890 gody* [Artist’s paradoxes. L. N. Tolstoy’s style features in the 1870–1890s]. Iaroslavl': Iaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. K. D. Ushinskogo, 2001. 156 p.

Porudominskii V. I. Pravila proigrannoi igry. Karty v povesti “Smert' Ivana Il'icha” [The rules of

the lost game. Cards in the novel “The Death of Ivan Ilyich”]. *Tolstovskii ezhegodnik 2003* [Tolstovsky Yearbook 2003; ed. by V. B. Remizov]. Tula: Dizain-Kollegiia, 2006, pp. 322–336.

Tolstoi L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete set of works: in 90 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1928–1958.

Сведения об авторах

Валерия Геннадьевна Андреева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник; https://orcid.org/0000-0002-4558-3153, lanfra87@mail.ru, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (д. 25а, ул. Поварская, 121069 г. Москва, Россия); **Valeria G. Andreeva** – Doctor of Philological Sciences, Leading Research Fellow; https://orcid.org/0000-0002-4558-3153, lanfra87@mail.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25a, ul. Povarskaia, 121069 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 05.03.2022; одобрена после рецензирования 22.03.2022; принята к публикации 29.03.2022.

The article was submitted 05.03.2022; Approved after reviewing 22.03.2022; Accepted for publication 29.03.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 90–110.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 90–110.

Научная статья
УДК 82.09
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-7

Литературная критика Н. Д. Ахшарумова: опыт независимости

Наталья Владимировна Володина

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия

Аннотация. Статья посвящена литературной деятельности Н. Д. Ахшарумова – критика, мало замеченного его современниками. Особенность творчества Н. Д. Ахшарумова заключается в том, что он оценивал художественные произведения не только как критик, но и как писатель, имея соответствующий опыт, и рассматривал их с точки зрения понимания логики художественного процесса, а также с позиции мастерского владения различными формами выражения мысли. Главные внутренние законы произведения, которыми руководствуется критик, – цельность и наличие художественной идеи (в отличие от идеи «насильственной»).

В работе представлен обзор основных статей Н. Д. Ахшарумова, посвященных анализу драмы «Воспитанница» А. Н. Островского, «Горькая судьбина» А. Ф. Писемского, а также романов «Тысяча душ» А. Ф. Писемского, «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева, «Обломов» И. А. Гончарова, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Война и мир» Л. Н. Толстого. Выбор данных произведений был обусловлен исключительно авторским интересом. Делается вывод, что литературная критика Н. Д. Ахшарумова в целом «вписывается» в контекст литературно-критической мысли 1860-х годов, но в то же время во многом отличается особым индивидуальным подходом и максимализмом требований свободного искусства.

Ключевые слова: литературная критика, Н. Д. Ахшарумов, литературный процесс XIX столетия

Для цитирования: *Володина Н. В.* Литературная критика Н. Д. Ахшарумова: опыт независимости // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 2 (107). С. 90–110. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-7.

Literary criticism of N. D. Akhsharumov: the experience of independence

Natal'ia V. Volodina

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia

Abstract. The article considers the literary works of N. D. Akhsharumov – a critic little noticed by his contemporaries. The peculiarity of his approach is that he assessed fictional works not only as a critic, but also as a writer, having appropriate experience; and considered them in terms of understanding the logic of the fiction process, as well as in relation with the mastery of thought

© Володина Н. В., 2022

expression. The main internal laws of the work, followed by the critic, are integrity and the presence of a fictional idea (as opposed to the "forced" idea).
This paper presents an overview of the main articles by N. D. Akhsharumov, analysis of the drama "A Protégée of the Mistress" by A. N. Ostrovsky, "The Bitter Fate" by A. F. Pisemsky, as well as the novels "One Thousand Souls" by A. F. Pisemsky, "Home of the Gentry" by I. S. Turgenev, "Oblomov" by I. A. Goncharov, "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky, "War and Peace" by L. N. Tolstoy. The choice of these works was based solely on the author's interest. It is concluded that the literary criticism of N. D. Akhsharumov as a whole "fits" into the context of literary and critical thought in the 1860s, but at the same time it is distinguished by a special individual approach and maximalism of the free art requirements.
Keywords: literary criticism, N. D. Akhsharumov, literary process in the XIX century
For citation: Volodina N. V. Literary criticism of N. D. Akhsharumov: the experience of independence. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 2 (107), pp. 90–110. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-7.

Введение

Николай Дмитриевич Ахшарумов (1820–1893) как литературный критик был недооценен своими современниками. Ссылок на его статьи (он печатался с конца 1850-х по 1880-е годы) предельно мало, за исключением его программной работы «О порабощении искусства» (1858), получившей многочисленные отклики в печати[1]. Единственная на настоящий момент целостная характеристика творчества Н. Д. Ахшарумова дана в статье О. Е. Майоровой в первом томе биографического словаря «Русские писатели[2]. Несомненную ценность представляют появившиеся в последние годы работы о Н. Д. Ахшарумове-беллетристе[3], меняющие сложившееся в XIX в. представление о «литературной репутации» Ахшарумова как писателя, который «не обнаруживал никаких художественных достоинств»[4]. Однако как критик он все еще оказывается в ряду «забытых персонажей»: его статьи (за исключением двух работ) не переиздавались в XX в.; нет специальных исследований, посвященных ему. Вместе с тем это вполне сложившаяся и самостоятельная фигура в русской критике второй половины XIX в.

В предисловии к сборнику «Весна» (1859), где Ахшарумов был одним из составителей и участников, он пишет: «В литературе существует обычай, по которому всякое собирательное издание, выходя из печати, спешит, прежде всего, стать под

[1] См.: Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 г. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1865. 296 с.

[2] Майорова О. Е. Ахшарумов Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / под редакцией П. А. Николаева. Москва: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1: А–Г. С. 130–132.

[3] См.: Козлов А. Е. К вопросу о литературной репутации Н. Д. Ахшарумова // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 30–35 и другие работы исследователя; Лаврова С. Ю. Языковая личность Н. Д. Ахшарумова в семиотическом пространстве русской литературы второй половины XIX века (к постановке проблемы) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 4 (65). С. 100–106 и другие работы исследователя.

[4] Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы (1840–1890). Санкт-Петербург: Типография газеты «Новости», 1891. С. 349.

знамя какой-нибудь партии и сделаться представителем какого-нибудь известного, исключительного направления»[1]. Подчеркивая отличие издаваемого сборника от сложившейся традиции, Ахшарумов поясняет: «*Весна* является под общим знаменем русской литературы, и цвет этого знамени довольно ясно определен, чтобы избавить наш сборник от скучной формальности: выставлять над собой особую вывеску»[2]. Данная точка зрения обусловливает его отношение не только к литературе, но и к литературной критике. Как критик и как писатель Ахшарумов держался несколько особняком, настаивая на независимости творческого человека от сложившихся теоретических систем, общепризнанных литературных школ и направлений, а также внешних, внелитературных факторов. В своих статьях он не ссылался на современных критиков (за исключением редкой полемики с ними); не делал попыток к кому-то присоединиться, говорить от имени какой-либо общественной группы. Возможно, в этой подчеркнутой самостоятельности его литературно-критической позиции и содержится объяснение той фигуры умолчания, которая сопровождает Ахшарумова. Вместе с тем в его статьях неизбежно присутствует общее «поле идей», обсуждаемых в критике данного периода.

Основная часть

Многие теоретические идеи Ахшарумова близки эстетической критике 1850–60-х гг., как и его идеология умеренного либерала. В то же время есть и принципиальные отличия позиции Ахшарумова как критика от взглядов на литературу А. В. Дружинина, В. П. Боткина, П. В. Анненкова. Примечательно, что Николай Дмитриевич не печатался в журнале «Библиотека для чтения», во главе редакции которого в этот период был Дружинин, хотя круг изданий, где он размещал свои статьи, достаточно широк: «Отечественные записки», «Русский вестник», «Всемирный труд», «Эпоха», «Заря», «Новое время», «Нива», «Вестник Европы», «Вестник изящных искусств».

Своего рода эстетической программой Ахшарумова стала его статья «О порабощении искусства». Данный труд прямо перекликается с работами не только представителей эстетической критики, но и А. А. Григорьева, Е. Н. Эдельсона, М. Н. Каткова. К моменту появления статьи «О порабощении искусства» у Ахшарумова уже был опыт писательского творчества. В 1846 г. он дебютировал как автор одноактной пьесы «Маскарад»; в 1850 г. опубликовал повесть «Двойник», обратившую на себя внимание Ф. М. Достоевского; в 1858 г. – роман «Игрок». В дальнейшем Ахшарумов будет писать критические статьи параллельно с собственно литературными занятиями. Неслучайно в его критике всегда присутствует писательский взгляд на литературу: как с точки зрения понимания логики художественного процесса, так и с позиции мастерского владения различными формами выражения мысли.

Основой эстетической концепции Ахшарумова, изложенной в статье «О порабощении искусства», является оппозиция «свободное искусство» / «порабощенное ис-

[1] Ахшарумов Н. Д. Предисловие // Весна. Литературный сборник на 1859 год / составители Н. Д. Ахшарумов и др. Санкт-Петербург: Типография II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1859. С. III.

[2] Там же.

кусство». Эти концепты получают в труде критика общетеоретическое наполнение и вместе с тем конкретно-исторический смысл (в преддверии эпохи 1860-х годов). В отличие от привычного рассмотрения этого времени с позиции двух противоположных общественных движений (радикального и реформистского) и, соответственно, двух основных типов эпохи, Ахшарумов придерживается иной точки зрения. По мнению автора статьи, ведущим типом личности, свойственным представителю указанного периода, становится «реалист» – прагматик и рационалист, лишенный рефлексии, оценивающий все жизненные процессы с точки зрения их практической пользы и необходимости. Данный факт вкупе со спецификой эпохи, как считает Ахшарумов, определяет и характер современного литературного процесса, наиболее заметное явление которого – «реальная школа» – служит «конечным целям современных интересов общественного быта»[1] и стремится подчинить искусство «потребностям и нуждам общественной пользы»[2]. Эта польза, по мысли критика, состоит в разоблачении пороков, исправлении и просвещении человека, пропаганде современных взглядов на жизнь. Ахшарумов приходит к выводу, что в результате красота и возможность наслаждения ею, положительные ценности и идеалы исчезли из литературы, а «роман, повесть и драма стали какими-то дополнительными инстанциями уголовного суда»[3].

Очевидно, критику было чуждо само явление школы, регламентирующее, согласно его логике, творческий процесс (тем более что эти ограничения имели место в «реальной школе»). Полемизируя с подобным пониманием художественного творчества, Ахшарумов обращается к его сопоставлению с «произведениями» ремесла и приходит к парадоксальному, на первый взгляд, выводу о том, что в отличие от вещей, имеющих непосредственную практическую пользу и необходимых человеку, произведения свободного искусства дают ему «нечто во всех отношениях совершенно излишнее»[4]. Эта избыточность, согласно логике автора статьи, не поддается оцениванию посредством рациональных категорий, здравого смысла, ибо речь идет о «высших вопросах жизни»[5]. В итоге Ахшарумов отвергает сам критерий пользы в отношении искусства: «Да пользы никто и не ожидает от изящного слова…»[6]. Не претендуя на философское объяснение этой проблемы, критик тем не менее наметил ее научное истолкование. В качестве комментария воспользуемся суждением современного философа М. Мамардашвили: «…некоторые вещи, те, которые я назвал точками интенсивности или совершенными предметами и т. д., обладают свойством <…> бесполезности, ненужности или избыточности по отношению к нашей реальной жизни. < …> Что-то является основанием самого себя»[7].

[1] Ахшарумов Н. Д. О порабощении искусства // Отечественные записки. 1858. Т. CXIX. С. 298.

[2] Там же. С. 294.

[3] Там же. С. 317.

[4] Там же. С. 300.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 304.

[7] Мамардашвили М. К. Философские чтения. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2002. С. 546.

Объяснение того, что такое свободное искусство, носит у Ахшарумова не столько теоретический, сколько «художественный» (по форме выражения мысли) характер, ибо он и в критике остается писателем. Речь идет об искусстве, «царство которого – царство избытка и творческого произвола, мир силы, разбившей свои оковы и воплощающей себя на просторе, вне школьной упряжи…».[1] Метафорический характер данного рассуждения не лишает его теоретической определенности. Истинное искусство лишено дидактических задач и предполагает свободное «волеизъявление» художника, который вправе выбрать для себя любую тему (в том числе и современной общественной жизни), предмет изображения, руководствуясь исключительно внутренней потребностью.

Схожее понимание «полезности» искусства было свойственно эстетической критике, А. А. Григорьеву, М. Н. Каткову, также связывавшему пользу искусства с идеей свободы художественного творчества, его независимости от любого внешнего диктата. «Вы хотите, чтобы художник был полезен? – пишет Катков. – Дайте же ему быть художником и не смущайтесь тем, что он с полным усердием занят изучениями и приготовлениями, которые имеют своею единственною целью дело искусства. Когда дело исполнится, когда оно явится на свет, оно непременно окажет влияние на все стороны человеческого сознания и жизни, и окажет тем сильнейшее влияние, чем более будет соответствовать условиям своей внутренней природы»[2].

Как литературный критик Ахшарумов написал ряд статей о произведениях русской литературы середины и второй половины XIX века, преимущественно – романах, за исключением работ о драме А. Н. Островского «Воспитанница» (1859) и драме А. Ф. Писемского «Горькая судьбина» (1860). В середине 1880-х годов он опубликовал также несколько статей о живописи. Ахшарумов обратил внимание на такие современные романы, как «Тысяча душ» А. Ф. Писемского (1859), «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева (1859), «Обломов» И. А. Гончарова (1860), «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского (1867), «Война и мир» Л. Н. Толстого (1867–1869). Все эти статьи написаны в жанре монографических рецензий, они созданы Ахшарумовым вскоре после публикации того или иного произведения. Отбор художественных текстов обусловливался собственно авторским интересом, хотя Ахшарумов перекликается по тематике своих работ с П. В. Анненковым, А. В. Дружининым, Н. Н. Страховым, Н. А. Добролюбовым, А. А. Григорьевым и др. Архивные документы свидетельствуют о том, что критик, очевидно, планировал также работу об А. П. Чехове[3]. Отсутствие обязательств перед конкретным журналом и непосредственных связей со сложившимися направлениями в современной критике, по-видимому, давало Ахшарумову свободу выбора и возможность высказаться о наиболее заметных произведениях современного литературного процесса.

Литературно-критические труды Ахшарумова непосредственно сопряжены с его историко-литературной концепцией, изложенной во второй части статьи «О пора-

[1] Мамардашвили М. К. Философские чтения. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2002. С. 301.

[2] Катков М. Н. Пушкин // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / составители В. К. Кантор, А. Л. Осповат. Москва: Искусство, 1982. С. 388.

[3] Рукописный отдел Пушкинского дома (ИРЛИ РАН). Р. II. Оп. 1. № 15. Л. 107, 108.

бощении искусства», посвященной литературе предшествующего периода. Идеалом истинного художника для критика является творчество А. С. Пушкина: свободное, органичное и всеобъемлющее, для которого «было все доступно: история и современность, быт простого народа и жизнь высших его сословий, драма, сатира, роман и поэма, и минутное настроение духа, и его пламенные, упорные стремления»[1]. В этой оценке Ахшарумов словно предваряет знаменитую фразу А. А. Григорьева: «Пушкин – наше все», встречающуюся в статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина»[2] (опубликована в журнале «Русское слово» в 1859 г.). Н. В. Гоголь, с точки зрения критика, постепенно утратил характерную для его ранних произведений целостность и всесторонность изображения жизни, словно отвечая современной потребности в разоблачении пороков человека и общества. При этом Ахшарумов ссылается на горестные признания самого Гоголя в «Авторской исповеди», свидетельствующие о его сомнении в верности избранного пути. Критик полагает, что таланту М. Ю. Лермонтова мешал «личный характер автора с его неумолимою враждою, с его болезненным раздражением»[3]. Определяя особенности современной литературы, Ахшарумов отмечает ее несамостоятельность, ибо «одни подражали Лермонтову, другие – Гоголю, третьи – французским модным писателям и в особенности Жоржу Санду»[4]. Подобные утверждения выглядят как обобщение, однако критик, скорее всего, имеет в виду литературу второго ряда и наиболее характерные тенденции современного литературного процесса. На общем фоне он выделяет несколько талантливых произведений (хотя и не избежавших, с его точки зрения, влияния «реальной школы»): «Обыкновенную историю» И. А. Гончарова, «Семейную хронику» С. Т. Аксакова и ряд повестей Д. В. Григоровича. Авторитет и популярность «реальной школы» Ахшарумов объясняет не только ее «совпадением» с потребностями времени, но и влиянием критики В. Г. Белинского, теоретически обосновавшего необходимость критической и воспитательной направленности литературы. Вместе с тем Николай Дмитриевич явно не учитывает ни статьи Белинского «примирительного периода» (с их пафосом «чистого искусства»), ни сохранение этой идеи (наряду с пропагандой критиком гражданского пафоса литературы) в его статьях 1846–1847 гг., посвященных натуральной школе. Для Ахшарумова позиция Белинского – свидетельство того, что «он не уважал свободного искусства в истинном смысле этого слова»[5].

Первым опытом собственно литературно-критического анализа стали три статьи Ахшарумова, посвященные романам А. Ф. Писемского «Тысяча душ», И. С. Тургенева «Дворянское гнездо», а также комедии А. Н. Островского «Воспитанница» и вошедшие в сборник «Весна» 1859 г. Обратившись к критике, Николай Дмитриевич

[1] Ахшарумов Н. Д. О порабощении искусства // Отечественные записки. 1858. Т. CXIX. С. 305.

[2] Григорьев А. Сочинения: в 2 т. Москва: Художественная литература, 1990. Т. 2: Статьи. Письма. С. 57.

[3] Ахшарумов Н. Д. О порабощении искусства // Отечественные записки. 1858. Т. CXIX. С. 321.

[4] Там же. С. 324.

[5] Там же. С. 322.

развернуто изложил свое представление о ней в первой же статье – о романе Писемского. Понимание Ахшарумовым специфики, задач и назначения критики сообразно его эстетической концепции. Кроме того, будучи писателем, он воспринимает критику с позиции художника, признающего ее «законность» и необходимость, но в то же время осознающего ответственность перед автором. «Критика, – пишет Ахшарумов, – должна вытекать из сущности предмета своего, а не из чего-нибудь постороннего. Мерило критической оценки находится, прежде всего, в том самом произведении, которое мы хотим оценить. Из него оно должно быть выведено и к нему применено; а потому ценить художественное произведение на основании каких-нибудь готовых законов и правил – значит вовсе не понимать существенного смысла и достоинства критики»[1].

Фактически речь идет о возможностях критики, границах интерпретации, критериях понимания произведения, творчества автора. Ахшарумов по-своему развивает мысль, которая ранее уже была высказана русскими писателями (прежде всего, А. С. Пушкиным). Говоря о своем впечатлении от пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума», поэт замечает: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным» (письмо к А. А. Бестужеву, конец января 1825 года)[2]. В дальнейшем данная идея станет одной из ведущих в русской эстетике, теории литературы, критике, наряду с прямо противоположными утверждениями о том, что художник должен руководствоваться определенными эстетическими правилами (нормативные эстетики) либо внеэстетическими требованиями к искусству, продиктованными задачами времени, идеологией и т. п. (публицистическая критика, социологическое литературоведение). Эти противоположные интерпретационные концепции образовали своего рода биполярную систему координат, с которой соотносилась любая эстетическая или критическая теория. В то же время индивидуальное авторское решение каждый раз привносило в данную систему координат новые смысловые акценты и доказательства. Идея Ахшарумова о том, что понимание и оценка критиком художника, произведения должны быть обусловлены внутренними законами текста, была для 1860-х годов почти новаторской. Как отмечает М. Г. Зельдович, лишь «изредка критики 60-х годов отваживались заявить о своем праве исходить в оценке произведения из <…> самого произведения, но и это делалось без должной уверенности и, во всяком случае, без теоретической аргументации»[3]. Вместе с тем Ахшарумов никогда не оставался в границах собственно эстетического анализа – поэтики произведения, но всегда обращался к его нравственной проблематике, часто – историческому контексту. Безусловно, такое «единение» эстетики и этики в целом свойственно для русской критики. Однако индивидуальность Ахша-

[1] Ахшарумов Н. Д. «Тысяча душ», роман в 4-х частях Алексея Писемского // Весна. Литературный сборник на 1859 год / составители Н. Д. Ахшарумов и др. Санкт-Петербург: Типография II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1859. С. 293.

[2] Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Москва: Художественная литература, 1962. Т. 9. Письма 1815–1830. С. 133.

[3] Зельдович М. Г. Творческое поведение. О феномене литературной критики, логике ее развития в русской культуре середины 19 века и общих принципах подобных штудий. Харьків: Права людини, 2010. Ч. 1. С. 2.

румова заключается в характере понимания конкретных этических и эстетических проблем, а также в их «художественном» осмыслении.

Среди внутренних законов произведения, которыми Николай Дмитриевич руководствуется как критик, главными (с его точки зрения) оказываются цельность и наличие художественной идеи, в отличие от идеи «насильственной». «Под именем насильственной идеи в искусстве, – поясняет Ахшарумов, – мы разумеем какой бы то ни было теоретический взгляд на искусство, науку или жизнь, вытекающий не из художественного сознания автора, а предшествующий этому сознанию или навязанный ему со стороны и навсегда более или менее его угнетающий»[1]. Художественная идея, противоположная «насильственной», как пишет критик, «должна быть слита с лицами, ее осуществляющими, заключена в особенности их типического очертания», ее «нельзя определить двумя или тремя чертами одностороннего отвлечения, потому что она, как всякая живая и практическая идея, говорит нам о себе красками, образами и делом»[2]. Данное рассуждение Ахшарумова близко пониманию идеи литературного произведения эстетической критикой, например П. В. Анненковым – в статье «О мысли в произведениях изящной словесности» (1855). Приведем одно из положений указанной работы: «Там, где определяется относительное достоинство произведения по количеству мысли и ценность его по весу и качеству идеи, там редко является близкое созерцание природы и характеров, а почти всегда философствование и некоторое лукавство <…>. Под видом наблюдения за значением и внутренним достоинством произведения большею частью предъявляют требования не на художническую мысль, а на мысль или философскую, или педагогическую. С такого рода мыслями искусство никогда иметь дела не может…»[3].

Обратившись к роману А. Ф. Писемского, Ахшарумов увидел именно художественную идею, достаточно органично воплощенную в главных героях произведения. «Тип Калиновича, – пишет критик, – для своей художественной красоты не нуждается ни в каких оправданиях»[4]. Однако он приходит к выводу, что образ Калиновича удачно представлен лишь в первой части романа, особенно во взаимоотношениях с семьей Годневых; в дальнейшем поведение героя противоречит логике его характера. Кроме того, многие персонажи, а также отдельные сцены, по мнению Ахшарумова, лишены внутренней связи с другими и потому нарушают художественное единство произведения. «Прочтите, например, – пишет критик, – сцену Калиновича с директором или другую в кабинете редактора, или его разговор с поваром Полины, или свидетельство мнимого сумасшествия в губернском правлении.

[1] Ахшарумов Н. Д. «Тысяча душ», роман в 4-х частях Алексея Писемского // Весна. Литературный сборник на 1859 год / составители Н. Д. Ахшарумов и др. Санкт-Петербург: Типография II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1859. С. 337.

[2] Там же. С. 297.

[3] См.: Анненков П. В. О мысли в произведениях изящной словесности // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / составители В. К. Кантор, А. Л. Осповат. Москва: Искусство, 1982. С. 335.

[4] Ахшарумов Н. Д. «Тысяча душ», роман в 4-х частях Алексея Писемского // Весна. Литературный сборник на 1859 год / составители Н. Д. Ахшарумов и др. Санкт-Петербург: Типография II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1859. С. 299.

Как все это хорошо само по себе; но опять-таки как все это пропадает в общем. Одно противоречит другому, другое давит третье»[1]. Иное серьезное замечание, которое Ахшарумов делает в адрес автора, – излишнее внимание к темным сторонам жизни, в целом характерное для произведений, испытавших влияние «реальной школы» «с ее стремлением к дагерротипу и стереоскопу, и к микроскопическим этюдам и с ее отвращением от перспективы»[2]. Похожий упрек в отношении особенностей жанра «делового романа» высказывает П. В. Анненков: «Перед глазами читателя прямо расстилается одна бесплодная, сухая степь…»[3]. В целом оба исследователя дают роману вполне положительную оценку; однако именно статья Ахшарумова вызвала резкое неприятие публицистической критики и Н. А. Добролюбова – в рецензии на сборник «Весна».

Для идеолога «реальной критики» оказалась неприемлемой мысль о праве искусства на независимость от актуальных вопросов современности и обличительного направления в литературе. Это обусловило иронический комментарий Добролюбова к статье Ахшарумова о романе «Тысяча душ»: «За увлечение реальною школою и достается г. Писемскому от строгого критика! По мнению г. Ахшарумова, все недостатки “Тысячи душ” происходят от ядовитого влияния реальной школы, от порабощения искусства идее»[4]. Еще более жестко критик высказался о статье Ахшарумова, посвященной «Воспитаннице»: «Критик упрекает Островского – в чем бы вы думали?.. – в том, что он представил не идиллию, что изобразил только грязные пятна жизни, а не самую жизнь; что все его лица, кроме Нади, – “вовсе не лица, а какие-то отвлеченные, перегнанные и фильтрованные дозы разного рода человеческой грязи, от которых на душе у читателя остается самое тяжелое и неприятное впечатление”»[5]. Добролюбов приводит точную цитату из статьи Ахшарумова, хотя в более широком контексте ее смысл оказывается не столь однозначным. В рассуждениях Николая Дмитриевича этическая оценка персонажей постоянно «корректируется» эстетической. Он исходит из того, что действующие лица пьесы (за исключением Нади) изображены эскизно; их характеры являются статичными и односторонними и в итоге оказываются олицетворением лишь порока и зла. Таким образом, в комедии Островского, по мысли Ахшарумова, нарушена идея целостности и полноты воссоздания жизни; отсюда – ее тенденциозность. «Может ли, – пишет он, – в деревне и в подгородном селе русской помещицы происходить что-нибудь подобное тому, что происходит в доме Уланбековой? Конечно, может; но дают ли нам сцены г. Островского типическую картину жизни подобного рода, это уже довольно сомнительно.

[1] Ахшарумов Н. Д. «Тысяча душ», роман в 4-х частях Алексея Писемского // Весна. Литературный сборник на 1859 год / составители Н. Д. Ахшарумов и др. Санкт-Петербург: Типография II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1859. С. 335.

[2] Там же. С. 338.

[3] Анненков П. В. Деловой роман в нашей литературе. «Тысяча душ», роман А. Писемского. URL: http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0167.shtml (дата обращения: 07.07.2021).

[4] Добролюбов Н. А. Весна. Литературный сборник на 1859 год // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Москва; Ленинград: Художественная литература, 1962. Т. 4. Статьи и рецензии. Январь – июнь 1895. С. 376.

[5] Там же.

Скопировать грязные пятна с какой-нибудь сферы жизни и очертить самую жизнь – две вещи разные. Пятна могут быть до гадости сходны; но они одни жизни все-таки собой не дадут»[1].

Оценка Ахшарумовым пьесы Островского являлась диссонансной на фоне сочувственных критических отзывов: не только Н. А. Добролюбова, но и М. Е. Салтыкова-Щедрина, Д. И. Писарева, А. В. Дружинина, А. А. Григорьева, который соглашался с мнением Добролюбова относительно статьи критика. Вместе с тем в своих теоретических посылах Ахшарумов часто оказывается близок Григорьеву, разделяя с ним идею целостности явлений искусства и используя ту же терминологию, характерную для «органической критики».

В романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» особенно удачными Ахшарумов считает образ Лизы и общий лирический тон произведения. В то же время критику представляется психологически и, соответственно, художественно неубедительной любовь Лизы к Лаврецкому, ибо, с его точки зрения, «Лаврецкий, несмотря на свою замечательную лирическую красоту, слишком вял для такой героини, как Лиза»[2]. Однако основное их различие заключается для Ахшарумова даже не в этом: Лаврецкий не понимает того главного, что составляет натуру Лизы, не разделяет глубины ее веры. «Нет, он понял сердцем своим, – продолжает критик, – только одну наружную и легко доступную сторону ее сердца; а на другую смотрел с высоты своих европейских убеждений, – смотрел как робкий формалист, – и в душе Лизы до конца остался один уголок, куда он не мог проникнуть, истинный смысл которого он не в силах был разгадать»[3]. В статье Ахшарумова «Дворянское гнездо» появляется критерий оценки героя, в дальнейшем постоянно наличествующий в работах критика. Он видит в Лизе Калитиной истинно национальный характер (в отличие от Лаврецкого) с его правдивостью, искренностью, глубиной чувств.

С позиции выражения национального, народного характера Ахшарумов рассматривает драму Писемского «Горькая судьбина». Отзыв об этой пьесе, представленной Писемским на соискание Уваровской премии, Ахшарумову поручила дать Академия наук. Его рецензия оказалась, по сути, отрицательной. Критик полагает, что сам факт обращения писателя к народной жизни еще не делает его произведение подлинно народным или национальным[4]. Ахшарумов не был одинок в подобной оценке. Драма Писемского вызвала активное неприятие у славянофилов. Так, К. С. Аксаков говорит о неудачной попытке автора объяснить внутренний мир главного героя: «…противоречие заключается в самом художественном изображении этого лица, в

[1] Ахшарумов Н. Д. Воспитанница, комедия А. Н. Островского // Весна. Литературный сборник на 1859 год / составители Н. Д. Ахшарумов и др. Санкт-Петербург: Типография II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1859. С. 353.

[2] Ахшарумов Н. Д. Дворянское гнездо. И. С. Тургенев // Весна. Литературный сборник на 1859 год / составители Н. Д. Ахшарумов и др. Санкт-Петербург: Типография II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1859. С. 370.

[3] Там же. С. 364.

[4] См.: Мнение Н. Д. Ахшарумова о драме г. Писемского «Горькая судьбина». В кн.: Отчет о четвертом присуждении наград графа Уварова 25 сентября 1860 года. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1860. С. 53–54.

той полной неискренности, с какою это нравственное лицо представлено, в том глубоком отсутствии внутреннего сочувствия, в том совершенно внешнем отношении, в какое стал к нему художник»[1].

В этом же 1860-м году Ахшарумов написал статью о романе И. А. Гончарова «Обломов» («Русский вестник», 1860), представляющую собой (как и большинство его работ) монографическую рецензию. Критик опубликовал ее вскоре после выхода указанного произведения, когда только намечалось его обсуждение в печати. Статья Ахшарумова начинается со скрытой полемики с Н. А. Добролюбовым, публицистической критикой, или, как иронически замечает Николай Дмитриевич, с «медико-хирургическим департаментом нашей литературы» (имеется в виду революционно-демократическая публицистика), которым «уже объявлена была автору благодарность за то, что он первый открыл истинный корень одной из самых важнейших отраслей нашего русского, общественного недуга, – открыл и предложил врачевание»[2]. Элемент полемики в начале статьи нужен Ахшарумову для постановки вопроса, задающего тон всему дальнейшему ходу рассуждений: «Можно ли назвать эту черту недугом, и должно ли лечить нас от него предложенным медикаментом?»[3] В отличие от Добролюбова, его «реальной критики», которую роман Гончарова интересовал в первую очередь с точки зрения отражения современной общественной жизни, обличения социальных пороков русской действительности, Ахшарумов рассматривает «Обломова» под иным углом. По его мнению, в данном произведении получают художественное осмысление коренные проблемы национального бытия; одновременно с этим критик воспринимает его как эстетическое явление.

Ахшарумов обращает внимание на указанную Гончаровым параллель между героем романа и фольклорным персонажем. Для критика главный герой произведения – это вариант Емели-дурачка с его идеалом сытой и спокойной жизни, наделенный теми же чертами характера, хотя и более развитый: «Вглядитесь попристальнее в Обломова, и вы увидите, что он недалеко ушел от Емели Дурачка»[4]. Их близость и достоинство Ахшарумов видит в том, что Обломов, «в сущности, так же прост и безобиден, как и тот [Емеля. – *Н. В.*], и наделен такими же простыми желаниями»[5]. Важно отметить следующее: сказка «Емеля», как и некоторые другие (в авторской обработке), была включена Ахшарумовым в изданный им позднее сборник «Русские сказки» (1869)[6]. Необходимо учесть, как критик объясняет в нем образ сказочного Емели, особенно его нежелание трудиться. «Тип Емели, – пишет Ахшарумов, – по существу своему чисто русский, но вместе с тем идеальный тип, и потому он имеет в себе черты широкие, общечеловеческие. Это наш Диоген; это циник, который пре-

[1] Аксаков К. С. О драме г. Писемского «Горькая судьбина» // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. Москва: Современник, 1981. С. 247–249.

[2] Ахшарумов Н. Д. Обломов. Роман И. Гончарова. 1859 // Русский вестник. 1860. Т. 25. С. 600.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 605.

[5] Там же.

[6] См. об этом: Ахшарумов Н. Д. Русские сказки. URL: https://fantlab.ru/work550722 (дата обращения: 07.07.2021).

небрег удобствами жизни и не хочет работать не потому, чтобы крайняя глупость мешала ему оценить выгоды, доставляемые работой, а потому, что он стоит выше этого рода выгод и может без них обойтись»[1].

Если ретроспективно соотнести это рассуждение со статьей критика о романе Гончарова, то можно сделать вывод, что в ней была реализована примерно та же логика в объяснении принципиального неприятия Обломовым труда. Ахшарумов считает это совершенно естественным и обусловленным природой самого характера героя, его социальным статусом и положением русского барина. Причем критик называет подобную жизненную позицию «реализмом», т. е. умением понимать истинное положение вещей: «Он не был мечтатель, идеалист, он видел жизнь, как она есть; для русского барина она, действительно, не содержит в себе труда, как необходимого элемента; напротив, все в ней устроено и прилажено так, чтобы избавить барина от труда до последней возможности»[2]. Таким образом, вопреки традиционному положительному ответу на вопрос о необходимости труда как обязательного компонента полноценного существования человека, Ахшарумов приходит к парадоксальному выводу о том, что «труд как конечная цель немногим более имеет права на наше уважение, чем обломовский отдых или покой; потому что как то, так и другое в смысле конечной цели может клониться только к личному удовольствию, а в деле личного удовольствия один вкус остается верховным судьей, и решение его, в какую бы сторону оно ни было произнесено, проходит без апелляции»[3].

Подобные рассуждения отнюдь не свидетельствуют о консерватизме мировоззрения Ахшарумова, защите им крепостничества и проч. В данном случае он руководствуется логикой художественного образа героя, для которого, с точки зрения автора статьи, вполне закономерна подобная жизненная позиция. Рассуждая о причинах драматизма его судьбы и ранней смерти, критик приходит к выводу, что главная из них состоит в следующем: Обломов оказался вырван из родной почвы и попал в инородную для него среду. Ольга и Штольц – это чуждые ему по духу люди, которые стремятся подчинить его своим представлениям о жизни и в конечном итоге усугубляют драматизм положения героя. «Вот что значит дать волю немцам и пойти по их следам»[4], – заключает критик. Ахшарумов считает, что если бы Илья Ильич не уехал из Обломовки, то был бы счастлив и прожил бы долгую спокойную жизнь, как и его предки. Ахшарумов оценивает Обломова не только как исконный тип русской жизни, но и как литературный персонаж; оба эти плана постоянно пересекаются в статье, накладываются друг на друга. Так, критик видит в образе Обломова несомненную художественную удачу Гончарова, в отличие от схематичности и даже

[1] Ахшарумов Н. Д. Русские сказки. URL: https://fantlab.ru/work550722 (дата обращения: 07.07.2021).

[2] Ахшарумов Н. Д. Обломов. Роман И. Гончарова. 1859 // Русский вестник. 1860. Т. 25. С. 610.

[3] Там же. С. 611.

[4] Там же. С. 602.

«необязательности», с его точки зрения, образа Штольца. Схожую оценку этого персонажа дает в своей статье А. В. Дружинин[1].

Ахшарумов вновь обращается к критике только спустя семь лет, и первой его статьей, написанной после долгого перерыва, стала работа о романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (опубликована в журнале «Всемирный труд» в 1867 г.). Доминантой данной статьи является психологический анализ романа Достоевского, ибо сам исследователь как читатель испытал эффект эмоционального воздействия произведения. Индивидуальность критического метода Ахшарумова сразу обнаруживает себя в органичном сочетании аналитического начала и художественного видения текста, позволяющего Николаю Дмитриевичу создавать собственные (но вторичные по отношению к роману) образы и картины. Эмоциональное впечатление критика от произведения оказывается столь сильным, что «повествователь» (присутствие художественной модальности дает возможность использовать здесь термин нарратологии) ощущает себя частью художественного мира Достоевского. Он пытается, условно говоря, занять позицию героя, увидеть мир его глазами и в то же время постоянно отстраняется от него (эта дистанция будет постепенно увеличиваться), оценивает, объясняет, анализирует. Критик последовательно рассматривает события внутренней и внешней жизни Родиона Раскольникова, создавая в каком-то смысле «свой» психологический сюжет.

Ахшарумов высказывает важную мысль о том, что наказание вышеназванного героя началось еще до его преступления. Сам процесс возникновения и развития теории Раскольникова критик признает художественно убедительным, однако сомневается в способности такого человека, как Родион: мечтателя, идеалиста, внутренне слабого и безвольного, достаточно тривиального в своих умозаключениях, – совершить преступление. Отсюда, с точки зрения Ахшарумова, проистекает неясность, даже противоречивость фигуры указанного персонажа. В его образе мысли, мотивах поведения критик не видит никакого гуманистического начала. Очевидно, по этой причине он не рассматривает разговоры Раскольникова с Соней, где эта идея получает наиболее развернутый характер. Такая трактовка героя делает невозможным обращение к религиозно-философской проблематике романа, которая в дальнейшем окажется в центре внимания исследовательской мысли.

Иной взгляд на образ Раскольникова возник уже у современников Ахшарумова. Так, с точки зрения Н. Н. Страхова, данный герой близок типу нигилиста: неслучайно критик сравнивает его с Базаровым. При этом Раскольников вызывает гораздо более сочувственное отношение Страхова, чем центральный персонаж романа «Отцы и дети». В нигилизме героя критик видит глубоко трагическое по своей сущности явление. «Автор, – пишет он, – взял натуру более глубокую, приписал ей более глубокое уклонение от жизни, чем другие писатели, касавшиеся нигилизма. Цель его была – изобразить страдания, которые терпит живой человек, дойдя до такого раз-

[1] См.: Дружинин А. В. Обломов. Роман И. А. Гончарова // Дружинин А. В. Литературная критика. Москва: Советская Россия, 1983. С. 290–313.

рыва с жизнью <…> Это не смех над молодым поколением, не укоры и обвинения, это – плач над ним»[1].

Художественную противоречивость образа Раскольникова Ахшарумов объясняет прежде всего авторской позицией. «Мы должны допустить, – пишет критик, – что автор сделал ошибку, не отделив достаточно ясной чертой себя от своего создания. Он был, как говорили у нас во время оно, недостаточно объективен. Его собственный, местами высоко лирический, местами неподражаемо юмористический взгляд на Раскольникова и на его поступок в жару увлечения нечувствительно ускользнул от него, перешел к Раскольникову и со свойственною этому последнему дерзостью усвоен был им»[2]. Ахшарумов говорит о принципиально важной проблеме взаимоотношений автора и героя, получившей в XX в. фундаментальное теоретическое объяснение в работах М. М. Бахтина[3]. Однако, наметив столь важную теоретическую проблему, исследователь сам оказывается крайне субъективен в ее осмыслении применительно к роману Достоевского.

В том же 1867-м году Ахшарумов написал статью «1805-й год. Сочинения графа Льва Толстого», которая стала первым обстоятельным откликом на роман «Война и мир», еще не имевший тогда своего знаменитого названия. Вслед за этой работой, по мере выхода романа, критик опубликовал о нем еще две статьи. Интерес Ахшарумова к указанному произведению Толстого, помимо собственно литературного значения художественного текста, очевидно, обусловливался определенными биографическими обстоятельствами. Его отец был первым историком войны 1812 года[4], а сам Николай Дмитриевич в течение нескольких лет служил в канцелярии военного министерства.

Основными критериями оценки романа для критика стали те же принципы эстетического анализа, которые он определил еще в работе «О порабощении искусства»: авторская свобода, эстетическая целостность произведения и художественная природа его идеи. Вместе с тем важное место в статье занимают исторические комментарии, пристальное внимание уделяется национальному характеру эпопеи Толстого. Рассуждая о жанровой специфике «1805 года», Ахшарумов приходит к выводу, что «явление это мы не можем категорически отнести ни к одной из известных рубрик изящной словесности. Это не хроника и не исторический роман, хотя оно и подходит по форме довольно близко к последнему…»[5]. Подобную жанровую неопределенность критик воспринимает как проявление авторской свободы. Во всех его статьях о романе «Война и мир» присутствует сравнение данного произведения с кар-

[1] Страхов Н. Н. Литературная критика. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000. С. 101.

[2] Ахшарумов Н. Д. О романе «Преступление и наказание» // Всемирный труд. 1867. № 3. URL: http://az.lib.ru/a/ahsharumow_n_d/text_0040.shtml (дата обращения: 07.07.2021).

[3] См.: Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. С. 9–191.

[4] См.: Ахшарумов Д. И. Описание войны 1812 года. Санкт-Петербург: Типография В. Плавильщикова, 1819. 306 с.

[5] Ахшарумов Н. Д. 1805-й год. Сочинения графа Льва Толстого // Всемирный труд. 1867. № 6. С. 119.

тиной (сказывается интерес к живописи), которая органично соединяет в себе две части: картины войны и мира, «мастерски сгруппированные»[1]. В то же время Ахшарумов оценивает их по-разному. «Картина войны у него так хороша, – пишет он, – что мы не находим слов <…>, способных выразить хоть отчасти ее ни с чем не сравнимую красоту»[2]. Однако в изображении мира критику недостает художественного единства, которое обусловило бы эту красоту: «Картина мира не так легко поддается общей оценке и на первых порах приводит нас в сильное недоумение. Внимание наше поражено красотою отдельных частей, но мы не в состоянии уловить целого»[3]. Постоянно сопоставляя роман с эпохой, в нем изображенной, критик объясняет отсутствие цельности в картинах мира самим характером русской жизни, в которой еще не определились ее важнейшие ценности.

Едва ли не главную особенность этого периода (в изображении Толстого) Ахшарумов видит в его сложном переходном характере, когда «тысячелетний барьер, отделявший наше отечество от Европы, вдруг как будто был снят чьею-то невидимою рукою, и Россия вмешалась в водоворот европейской, международной политики»[4]. Вместе с тем именно для этой переходной эпохи свойственна, как пишет критик, «черта нравственного лакейства»[5], подражания Западу. Неслучайно данная историческая ситуация, считает Ахшарумов, предельно обострила вопрос о нравственной самобытности русских людей. Толстой, по мнению критика, сумел художественно воплотить момент столкновения противоположных исторических тенденций со всеми его обретениями и потерями. Прежде всего, как полагает Ахшарумов, писатель смог понять человека этой эпохи, к которому он относится с сочувствием и в то же время критично. «Он видит, – пишет критик, – всю правду, всю мелочь и низость нравственного характера и все умственное ничтожество в большинстве людей, им изображаемых, и не скрывает от нас ничего. Напротив, он беспрестанно скребет тонкую кожицу внешнего европейского лоска и отыскивает под нею варварство, но он далек сердцем от сухого и строгого приговора»[6]. Данная обобщенная характеристика человека переходной эпохи соотносится в статье Ахшарумова с конкретными персонажами романа, приобретая индивидуальный характер. Наиболее выразителен в этом плане, считает критик, Пьер Безухов: «Это детская кротость, податливость, искренность, доброта и детская глупость, бесхарактерность <… >. Он беспрестанно осматривает, проверяет и разбирает себя. Он на каждом шагу обдумывает то, что ему следует делать, или критикует сделанное; но он никогда не знает, худо или хорошо, глупо или умно, прилично или позорно то, что он делает, и потому у него никогда не хватает решимости выполнить до конца обдуманное. <…> На дне этого кисельного сердца есть что-то львиное, что Пьер унаследовал от отца и что иногда

[1] Ахшарумов Н. Д. Война и мир. Сочинения графа Л. Толстого. 1–4 части // Всемирный труд. 1868. № 4. С. 39.

[2] Там же. С. 40.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 31.

[5] Там же. С. 34.

[6] Там же. С. 36.

выходит наружу…»[1]. Однако Ахшарумов приходит к выводу, что Толстой не объяснил подобные противоречия в натуре Безухова.

Переходный характер эпохи сказался, по мнению критика, и в личности Андрея Болконского. Он полагает, что «в человеке этом нет цельности – его жизнь разбита на части, не связанные между собою ни единством практической цели, ни постоянными убеждениями»[2]. В характеристике Болконского появляется даже момент авторской (критика) иронии. Все перемены в его жизни: военные подвиги, занятия в комиссии Сперанского, увлечение Наташей – Ахшарумов поясняет следующим образом: «…его стукнуло что-то в голову» и т. д. Вместе с тем критик говорит о благородстве, смелости, великодушии героя. В конечном итоге он приходит к выводу, что это «истинно русский, коренной, самородный тип и что порода людей такого закала, если бы она сохранилась до наших времен, могла бы нам оказать услугу неоцененную»[3]. Ахшарумов был уверен, что лучшие герои Толстого с их настойчивым стремлением к европейским формам поведения, французскому языку и проч., в основе своей прочно связаны с родной страной и народом[4].

В одном из писем Л. Н. Толстой отреагировал на данное суждение критика. Писатель обратил внимание на предположение о том, что у Болконского был конкретный прототип; он опровергал мысль о портретном сходстве его героя с реальным человеком. Однако главный интерес представляет оценка Толстым Ахшарумова как критика: «Андрей Болконский – никто, как и всякое лицо романиста, а не писателя личностей или мемуаров. Я бы стыдился печататься, ежели бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить. Г-н Ахшарумов, comme un home de metier [как специалист. – *Н. В.*] и человек с талантом, должен бы это знать»[5].

Такого рода авторитетное признание «таланта» критика, несомненно, свидетельствует о его «надежной» «литературной репутации» в кругах образованных современников, творческой интеллигенции. Признание способности Ахшарумова к объективной и профессиональной оценке творчества того или иного писателя подтверждает также его оценка научным сообществом. В 1881 г. была утверждена Пушкинская премия, присуждаемая Академией наук. Отделение русского языка и словесности Академии наук определяло (каждый раз индивидуально) Комитет для присуждения премий. Помимо академиков почетных и ординарных, в него входили приглашенные литераторы. Члены данного комитета и являлись рецензентами представленных сочинений. Первый конкурс был объявлен в 1881 г. В качестве «посторон-

[1] Ахшарумов Н. Д. Война и мир. Сочинения графа Л. Толстого. 1–4 части // Всемирный труд. 1868. № 4. С. 43.

[2] Там же. С. 47.

[3] Там же. С. 48.

[4] Подробнее об оценке Н. Д. Ахшарумовым романа Л. Н. Толстого см.: Володина Н. В. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в оценке Н. Д. Ахшарумова (статья первая) // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 4. С. 72–74; Володина Н. В. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в оценке Н. Д. Ахшарумова (статья вторая) // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 5. С. 109–114.

[5] Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Москва: Художественная литература, 1984. Т. 17–18. С. 628.

них» лиц в комитет вошли Н. Д. Ахшарумов, Ф. Ф. Миллер, И. А. Гончаров, Н. Н. Страхов.

Выводы

В целом литературная критика Н. Д. Ахшарумова «вписывается» в контекст литературно-критической мысли 1860-х годов: она перекликается с эстетической критикой, идеями А. А. Григорьева, взглядами поздних славянофилов. Однако, несмотря на это, Ахшарумов вполне индивидуален – в максимализме своих требований свободного искусства, стремлении к объективности и независимости собственной позиции (неслучайно исследователи не включили его в какое-либо направление критики), а также синтезу эстетического и социально-этического анализа, антизападнической и в то же время цивилизационной позиции в отношении русской истории и современности, какими он их увидел в русском литературном процессе середины – второй половины XIX века.

Список источников

Аксаков К. С. О драме г. Писемского «Горькая судьбина» // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. Москва: Современник, 1981. С. 247–249.

Анненков П. В. Деловой роман в нашей литературе. «Тысяча душ», роман А. Писемского. URL: http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0167.shtml (дата обращения: 07.07.2021).

Анненков П. В. О мысли в произведениях изящной словесности // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / составители В. К. Кантор, А. Л. Осповат. Москва: Искусство, 1982. С. 319–344.

Ахшарумов Д. И. Описание войны 1812 года. Санкт-Петербург: Типография В. Плавильщикова, 1819. 306 с.

Ахшарумов Н. Д. 1805-й год. Сочинения графа Льва Толстого // Всемирный труд. 1867. № 6. С. 119–136.

Ахшарумов Н. Д. Война и мир. Сочинения графа Л. Толстого. 1–4 части // Всемирный труд. 1868. № 4. С. 25–54.

Ахшарумов Н. Д. Воспитанница, комедия А. Н. Островского // Весна. Литературный сборник на 1859 год / составители Н. Д. Ахшарумов и др. Санкт-Петербург: Типография II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1859. С. 345–357.

Ахшарумов Н. Д. Дворянское гнездо. И. С. Тургенев // Весна. Литературный сборник на 1859 год / составители Н. Д. Ахшарумов и др. Санкт-Петербург: Типография II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1859. С. 358–374.

Ахшарумов Н. Д. О порабощении искусства // Отечественные записки. 1858. Т. CXIX. С. 287–326.

Ахшарумов Н. Д. О романе «Преступление и наказание» // Всемирный труд. 1867. № 3. URL: http://az.lib.ru/a/ahsharumow_n_d/text_0040.shtml (дата обращения: 07.07.2021).

Ахшарумов Н. Д. Обломов. Роман И. Гончарова. 1859 // Русский вестник. 1860. Т. 25. С. 600–629.

Ахшарумов Н. Д. Предисловие // Весна. Литературный сборник на 1859 год / составители Н. Д. Ахшарумов и др. Санкт-Петербург: Типография II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1859. С. III.

Ахшарумов Н. Д. Русские сказки. URL: https://fantlab.ru/work550722 (дата обращения: 07.07.2021).

Ахшарумов Н. Д. «Тысяча душ», роман в 4-х частях Алексея Писемского // Весна. Литера-

турный сборник на 1859 год / составители Н. Д. Ахшарумов и др. Санкт-Петербург: Типография II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1859. С. 291–344.

Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. С. 9–191.

Володина Н. В. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в оценке Н. Д. Ахшарумова (статья первая) // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 4. С. 72–74.

Володина Н. В. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в оценке Н. Д. Ахшарумова (статья вторая) // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 5. С. 109–114.

Григорьев А. Сочинения: в 2 т. Москва: Художественная литература, 1990. Т. 2: Статьи. Письма. 509 с.

Добролюбов Н. А. Весна. Литературный сборник на 1859 год // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Москва; Ленинград: Художественная литература, 1962. Т. 4. Статьи и рецензии. Январь – июнь 1895. С. 375–391.

Дружинин А. В. Обломов. Роман И. А. Гончарова // Дружинин А. В. Литературная критика. Москва: Советская Россия, 1983. С. 290–313.

Зельдович М. Г. Творческое поведение. О феномене литературной критики, логике ее развития в русской культуре середины 19 века и общих принципах подобных штудий. Харьків: Права людини, 2010. Ч. 1. 327 с.

Катков М. Н. Пушкин // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / составители В. К. Кантор, А. Л. Осповат. Москва: Искусство, 1982. С. 369–400.

Козлов А. Е. К вопросу о литературной репутации Н. Д. Ахшарумова // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 30–35.

Лаврова С. Ю. Языковая личность Н. Д. Ахшарумова в семиотическом пространстве русской литературы второй половины XIX века (к постановке проблемы) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 4 (65). С. 100–106.

Майорова О. Е. Ахшарумов Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / под редакцией П. А. Николаева. Москва: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1: А–Г. С. 130–132.

Мамардашвили М. К. Философские чтения. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2002. 832 с.

Отчет о четвертом присуждении наград графа Уварова 25 сентября 1860 года. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1860. 181 с.

Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Москва: Художественная литература, 1962. Т. 9. Письма 1815–1830. 495 с.

Рукописный отдел Пушкинского дома (ИРЛИ РАН). Р. II. Оп. 1. № 15. Л. 107, 108.

Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы (1840–1890). Санкт-Петербург: Типография газеты «Новости», 1891. 536 с.

Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 г. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1865. 296 с.

Страхов Н. Н. Литературная критика. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000. 464 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Москва: Художественная литература, 1984. Т. 17–18. 911 с.

References

Aksakov K. S. O drame g. Pisemskogo “Gor'kaia sud'bina” [About the drama of Pisemsky “The Bitter Fate”]. Aksakov K. S., Aksakov I. S. *Literaturnaia kritika* [Literary criticism]. Moscow: Sovremennik, 1981, pp. 247–249.

Annenkov P. V. *Delovoi roman v nashei literature. "Tysiacha dush", roman A. Pisemskogo* [Business novel in our literature. "One Thousand Souls", a novel by A. Pisemsky]. Available at: http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0167.shtml (accessed: 07.07.2021).

Annenkov P. V. O mysli v proizvedeniiakh iziashchnoi slovesnosti [On thought in the works of elegant literature]. *Russkaia estetika i kritika 40–50-kh godov XIX veka* [Russian aesthetics and criticism of the 40–50s in the XIX century; compiled by V. K. Kantor, A. L. Ospovat]. Moscow: Iskusstvo, 1982, pp. 319–344.

Akhsharumov D. I. *Opisanie voiny 1812 goda* [Description of the war of 1812]. St Petersburg: Tipografiia V. Plavil'shchikova, 1819. 306 p.

Akhsharumov N. D. 1805-i god. Sochineniia grafa L'va Tolstogo [1805. Works by Count Lev Tolstoy]. *Vsemirnyi trud* [The world of work], 1867, no. 6, pp. 119–136.

Akhsharumov N. D. Voina i mir. Sochineniia grafa L. Tolstogo. 1–4 chasti [War and peace. Works of Count L. Tolstoy. 1–4 parts]. *Vsemirnyi trud* [The world of work], 1868, no. 4, pp. 25–54.

Akhsharumov N. D. Vospitannitsa, komediia A. N. Ostrovskogo [A Protégée of the Mistress, comedy by A. N. Ostrovsky]. *Vesna. Literaturnyi sbornik na 1859 god* [Spring. Literary collection for 1859; compiled by N. D. Akhsharumov and others]. St Petersburg: Tipografiia II-go Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii, 1859, pp. 345–357.

Akhsharumov N. D. Dvorianskoe gnezdo. I. S. Turgenev [Home of the Gentry. I. S. Turgenev]. *Vesna. Literaturnyi sbornik na 1859 god* [Spring. Literary collection for 1859; compiled by N. D. Akhsharumov and others]. St Petersburg: Tipografiia II-go Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii, 1859, pp. 358–374.

Akhsharumov N. D. O poraboshchenii iskusstva [On the enslavement of art]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 1858, vol. CXIX, pp. 287–326.

Akhsharumov N. D. O romane "Prestuplenie i nakazanie" [About "Crime and Punishment"]. *Vsemirnyi trud* [The world of work], 1867, no. 3. Available at: http://az.lib.ru/a/ahsharumow_n_d/text_0040.shtml (accessed: 07.07.2021).

Akhsharumov N. D. Oblomov. Roman I. Goncharova. 1859 [Oblomov. Novel by I. Goncharov. 1859]. *Russkii vestnik* [Russian Herald], 1860, vol. 25, pp. 600–629.

Akhsharumov N. D. Predislovie [Preface]. *Vesna. Literaturnyi sbornik na 1859 god* [Spring. Literary collection for 1859; compiled by N. D. Akhsharumov and others]. St Petersburg: Tipografiia II-go Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii, 1859, pp. III.

Akhsharumov N. D. *Russkie skazki* [Russian fairy tales]. Available at: https://fantlab.ru/work55-0722 (accessed: 07.07.2021).

Akhsharumov N. D. "Tysiacha dush", roman v 4-h chastiakh Alekseia Pisemskogo ["One Thousand Souls", a novel in 4 parts by Alexey Pisemsky]. *Vesna. Literaturnyi sbornik na 1859 god* [Spring. Literary collection for 1859; compiled by N. D. Akhsharumov and others]. St Petersburg: Tipografiia II-go Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii, 1859, pp. 291–344.

Bakhtin M. M. Avtor i geroi v esteticheskoi deiatel'nosti [Author and hero in aesthetic activity]. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Art]. Moscow: Iskusstvo, 1986, pp. 9–191.

Volodina N. V. Roman L. N. Tolstogo "Voina i mir" v otsenke N. D. Akhsharumova (stat'ia pervaia) [Leo Tolstoy's novel "War and Peace" in the evaluation of Nikolay Akhsharumov (article one)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2016, vol. 22, no. 4, pp. 72–74.

Volodina N. V. Roman L. N. Tolstogo "Voina i mir" v otsenke N. D. Akhsharumova (stat'ia vtoraia) [Leo Tolstoy's novel "War and Peace" in the evaluation of Nikolay Akhsharumov (article two)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2016, vol. 22, no. 5, pp. 109–114.

Grigor'ev A. *Sochineniia: v 2 t.* [Works: in 2 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1990, vol. 2: Stat'i. Pis'ma. 509 p.

Dobroliubov N. A. Vesna. Literaturnyi sbornik na 1859 god [Spring. Literary collection for 1859]. Dobroliubov N. A. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected works: in 9 vol.]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, 1962, vol. 4. Stat'i i retsenzii. Ianvar' – iiun' 1895 [Articles and reviews. January – June 1895], pp. 375–391.

Druzhinin A. V. Oblomov. Roman I. A. Goncharova [Oblomov. Novel by I. A. Goncharov]. Druzhinin A. V. *Literaturnaia kritika* [Literary criticism]. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1983, pp. 290–313.

Zel'dovich M. G. *Tvorcheskoe povedenie. O fenomene literaturnoi kritiki, logike ee razvitiia v russkoi kul'ture serediny 19 veka i obshchikh printsipakh podobnykh shtudii* [Creative behavior. About the phenomenon of literary criticism, the logic of its development in Russian culture of the mid-19th century and the general principles of such studies]. Khar'kiv: Prava liudini, 2010, part 1. 327 p.

Katkov M. N. Pushkin [Pushkin]. *Russkaia estetika i kritika 40–50-kh godov XIX veka* [Russian aesthetics and criticism of the 40-50s in the XIX century; compiled by V. K. Kantor, A. L. Ospovat]. Moscow: Iskusstvo, 1982, pp. 369–400.

Kozlov A. E. K voprosu o literaturnoi reputatsii N. D. Akhsharumova [On Nikolai Akhsharumov's literary reputation]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2015, no. 1, pp. 30–35.

Lavrova S. Iu. Iazykovaia lichnost' N. D. Akhsharumova v semioticheskom prostranstve russkoi literatury vtoroi poloviny XIX veka (k postanovke problemy) [Language personality of N. D. Akhsharumov in the semiotic space of Russian literature in the second half of the 19th century (to the problem statement)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2015, no. 4 (65), pp. 100–106.

Maiorova O. E. Akhsharumov Nikolai Dmitrievich [Akhsharumov Nikolay Dmitrievich]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary; ed. by P. A. Nikolaev]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1989, vol. 1: A–G, pp. 130–132.

Mamardashvili M. K. *Filosofskie chteniia* [Philosophical readings]. St Petersburg: Azbuka-klassika, 2002. 832 p.

Otchet o chetvertom prisuzhdenii nagrad grafa Uvarova 25 sentiabria 1860 goda [Report on the fourth Count Uvarov award September 25, 1860]. St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1860. 181 p.

Pushkin A. S. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols.]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1962, vol. 9. Pis'ma 1815–1830. 495 p.

Rukopisnyi otdel Pushkinskogo doma (IRLI RAN) [Manuscript department of the Pushkin House (IRLI RAS)]. R. II, op. 1, no. 15, l. 107, 108.

Skabichevskii A. M. *Istoriia noveishei russkoi literatury (1840–1890)* [History of the latest Russian literature (1840-1890)]. St Petersburg: Tipografiia gazety "Novosti", 1891. 536 p.

Sobranie materialov o napravlenii razlichnykh otraslei russkoi slovesnosti za poslednee desiatiletie i otechestvennoi zhurnalistiki za 1863 i 1864 g. [Collection of materials on the various branches of Russian literature over the past decade and national journalism for 1863 and 1864]. St Petersburg: Tipografiia Ministerstva vnutrennikh del, 1865. 296 p.

Strakhov N. N. *Literaturnaia kritika* [Literary criticism]. St Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2000. 464 p.

Tolstoi L. N. *Sobranie sochinenii: v 22 t.* [Collected works: in 22 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1984, vol. 17–18. 911 p.

Сведения об авторах

Наталья Владимировна Володина – доктор филологических наук, профессор; Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Natal'ia V. Volodina** – Doctor of Philological Sciences, Professor; Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 31.01.2022; Approved after reviewing 21.02.2022; Accepted for publication 01.03.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 111–122.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 111–122.

Научная статья
УДК 811.163.41
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-8

Конверсия в русском и сербском языках: сопоставительный аспект

Иван Голушин[1]✉, Ольга Александровна Попова[2]

[1]Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия,
[1]ivan@golushin.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-1901-9305
[2]Санкт-Петербургский университет МВД РФ,
Санкт-Петербург, Россия,
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова
институт войск национальной гвардии Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия,
[2]p-olgaperm@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8549-9538

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению конверсии как одного из продуктивных способов словообразования в русском и сербском языках. На основе анализа научно-исследовательской литературы определяется понятие конверсии, устанавливаются ее разновидности, описываются особенности данного способа словообразования в русском и сербском языках. Делается вывод о большей продуктивности конверсии в русском языке по сравнению с сербским. Высказывается предположение об участии указанного способа словообразования в выражении эмотивности.

Ключевые слова: словообразование, конверсия, русский язык, сербский язык, субстантивация, адвербиализация, вербализация, прономинализация, препозиционализация, конъюнкционализация, партикуляция, интеръективация

Для цитирования: *Голушин И., Попова О. А.* Конверсия в русском и сербском языках: сопоставительный аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 111–122. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-8.

Conversion in Russian and Serbian: comparative aspect

Ivan Golushin[1]✉, Olga A. Popova[2]

[1]Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russia,
[1]ivan@golushin.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-1901-9305
[2]Saint Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation,
St Petersburg, Russia,
Saint Petersburg Military Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops of the Russian Federation,
St Petersburg, Russia,
[2]p-olgaperm@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8549-9538

© Голушин И., Попова О. А., 2022

Abstract. The article considers the problem of conversion as one of the productive ways of word formation in Russian and Serbian. The authors define the concept of conversion, distinguish conversion varieties, describe features of conversion in the Russian and Serbian languages; make the conclusion about the greater productivity of conversion in Russian compared to Serbian. The assumption about the role of conversion in the expression of emotions is discussed.
Keywords: word formation, conversion, Russian, Serbian, substantivization, adverbialization, verbalization, pronominalization, prepositionalization, conjunctionalization, particularization, interjectivation
For citation: Golushin I., Popova O. A. Conversion in Russian and Serbian: comparative aspect. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 111–122. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-8.

Введение

Сопоставление русского и сербского языков входит в сферу интересов мировых лингвистов уже более ста лет. Основоположником сопоставительного анализа данных языков считается Радован Кошутич (1866–1949), автор фундаментальных работ по фонетике, морфологии и лексикологии русского языка, родоначальник сербской научной русистики, а также полонистики и богемистики[1]. Однако, несмотря на несомненный интерес ученых к данной проблематике, исследование словообразования славянских языков в сопоставительном аспекте находится на начальном этапе. Важнейшим выводом, к которому пришли специалисты, является заключение о чрезвычайной близости всех славянских языков (в том числе русского и сербского) именно в их словообразовательных системах.

Основные особенности словообразования у славянских народов сформировались еще в эпоху их языкового единства, поэтому данной группе языков свойственны одинаковые способы словопроизводства, разновидности морфологического способа (префиксальный, суффиксальный, префиксально-суффиксальный способы), схожие словообразовательные средства, включая нулевые морфемы, наличие продуктивных аффиксоидных типов словопроизводства, типов сложения и сращения слов и т. д.

Однако, несмотря на формальную близость словообразовательных систем, продуктивность применения тех или иных способов словообразования в славянских языках различна. Так, к примеру, проведенное нами ранее исследование показало, что диминутивные суффиксы в сербском языке используются гораздо реже, чем в русском, и переводчику при работе с текстом приходится прибегать к различным приемам для адекватной передачи смысла и стиля первоисточника[2]. И, наоборот, сербский язык оказывается богаче русского в применении аугментативных суффик-

[1] Терзич Б. Обзор современных сопоставительных исследований русского и других славянских языков (на материалах сборников докладов Белградских симпозиумов под эгидой МАПРЯЛ) // Русский язык как инославянский. 2010. Вып. 2. С. 39. URL: http://www.slavistickodrustvo.org.rs/pdf_dokumenti/rj2010.pdf (дата обращения: 21.02.2022).

[2] Голушин И., Попова О. А. Еще раз к вопросу о переводе диминутивов с русского языка на сербский // Новое и традиционное в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного: сборник статей / под редакцией Л. Чович. Баня-Лука: Панъевропейский университет «АПЕИРОН», 2021. С. 282–292.

сов, о чем свидетельствует анализ словарей современного сербского языка[1]. Различия в использовании словообразовательных средств, в том числе отдельных аффиксов, связано, на наш взгляд, не только с грамматическими особенностями языка, но и с менталитетом народа, с его национально-культурной спецификой.

Целью настоящего исследования является сопоставительный анализ конверсии как одного из продуктивных способов словообразования в русском и сербском языках. Ее достижение предполагает решение следующих задач:

– рассмотрение научно-исследовательской литературы, посвященной грамматическим особенностям русского и сербского языков;
– анализ словарей русского и сербского языков;
– выделение и сравнение видов конверсии в русском и сербском языках.

Актуальность данного исследования обусловливается востребованностью изучения славянских языков в сопоставительном аспекте, поскольку выявление общих черт в их структуре, в том числе в системе словообразования, свидетельствует об изначальной близости славянских народов.

Научная новизна настоящей работы связана с тем, что в ней впервые проводится контрастивный анализ конверсии в русском и сербском языках с точки зрения ее продуктивности.

Основная часть

Методы и материал исследования

Теоретическую и методологическую базу статьи составляют труды российских и сербских специалистов, посвященные особенностям словообразования в русском (Е. А. Земская[2]; Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова[3]; Н. Ю. Шведова[4]; С. М. Кравцов, А. Ю. Голубева[5]; Е. С. Кубрякова[6]) и сербском (И. Клайн[7], П. Пипер[8], Е. Лепоевич[9]) языках.

[1] Речник српскохрватскога књижевног језика: у 6 књ / уређивачки одбор М. Стевановић и др. Нови Сад: Матица српска, 1990.

[2] Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. Москва: Флинта, 2016. 324 с.

[3] Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. Москва: Оникс, 2003. 624 с.

[4] Русская грамматика: в 2 т. / под редакцией Н. Ю. Шведовой. Москва: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 784 с.

[5] Кравцов С. М., Голубева А. Ю. Конверсия в словообразовании: узус и окказиональность. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. 170 с.

[6] Кубрякова Е. С. Конверсия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под редакцией В. Н. Ярцевой. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 235.

[7] Клајн И. Творба речи у савременом српском језику: у 2 д. Београд; Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства; Институт за српски језик САНУ; Матица српска, 2003. Д. 2. Суфиксација и конверзија. С. 379–388.

[8] Пипер П., Клајн И. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013. 580 с.

[9] Лепојевић Ј. Б. Супстантивизација као творбени процес и именице неименичких деклинација у руском и српском језику: докторска дисертација. Београд, 2014. 361 с.

Материалом для изучения послужили словари[1], грамматики русского[2] и сербского[3] языков, а также Национальные корпусы русского[4] и сербского[5] языков.

В ходе анализа данного материала в работе применялись как общенаучные (анализ, классификация, интерпретация, сопоставление и проч.), так и лингвистические (функционально-семантический, семантико-стилистический) методы исследования, позволяющие установить специфику конверсии как способа словообразования в русском и сербском языках, определить ее разновидности, сделать выводы относительно функций ее использования.

Основные результаты и их обсуждение

Конверсия (*konverzija*, *pretvaranje* – серб.) как способ словообразования представляет собой переход слов из одной грамматической категории в другую без добавления каких-либо аффиксов. Согласно Е. А. Земской, конверсия как способ словообразования предполагает, что «деривационное значение в производном выражается с помощью специфического преобразования парадигмы словоизменения производящего»[6]. В «Большом энциклопедическом словаре» по языкознанию под редакцией В. Н. Ярцевой конверсия определяется как разновидность «транспозиции, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи»[7]. Производное слово начинает употребляться в несвойственной ему синтаксической функции и приобретает грамматические категории, характерные для новой части речи. В сербской лингвистической традиции конверсия рассматривается как переход слов из одной категории в другую без добавления каких-либо аффиксов и включает в себя, помимо субстантивации, другие типы преобразований[8].

При анализе данного явления в русском и сербском языках исследователи выделяют такие способы перехода слов из одной части речи в другую, как субстантивация (переход в разряд существительных), адъективация (переход в разряд прилагательных), адвербиализация (переход в разряд наречий), вербализация (переход в

[1] Речник српскохрватскога књижевног језика: у 6 књ / уређивачки одбор М. Стевановић и др. Нови Сад: Матица српска, 1990.

[2] Русская грамматика: в 2 т. / под редакцией Н. Ю. Шведовой. Москва: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 784 с.

[3] Пипер П., Клајн И. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013. 580 с.

[4] Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/new/ (дата обращения: 20.02.2022).

[5] Web corpus of Serbian. URL: https://www.clarin.si/noske/all.cgi/first_form?corpname=srwac (дата обращения: 22.02.2022).

[6] Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. Москва: Флинта, 2016. С. 187.

[7] Кубрякова Е. С. Конверсия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под редакцией В. Н. Ярцевой. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 235.

[8] Klajn I. Gramatika srpskog jezika. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2005. S. 218.

разряд глаголов), прономинализация (переход в разряд местоимений), препозиционализация (переход в разряд предлогов), конъюнкционализация (переход в разряд союзов), партикуляция (переход в разряд частиц) и интеръективация (переход в разряд междометий) (С. М. Кравцов, А. Ю. Голубева[1]; И. Клайн[2]).

Рассмотрим подробнее каждую из разновидностей вышеуказанного процесса. Как отмечают исследователи, наиболее продуктивным способом конверсии в русском и сербском языках является субстантивация (С. М. Кравцов, А. Ю. Голубева[3]; И. Клайн[4]). Правомерно вести речь о разных подходах к толкованию данного явления. Согласно одному из них, в качестве базовой лексемы при субстантивации могут выступать лишь прилагательные и причастия (Е. А. Земская[5]; В. В. Лопатин, И. Г. Милославский, М. А. Шелякин[6] и др.). Однако многие лингвисты (Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова[7]; С. М. Кравцов, А. Ю. Голубева[8]; Е. С. Кубрякова[9] и др.) считают, что субстантивироваться могут слова разных частей речи, в связи с чем субстантивация трактуется как вид конверсии, при котором слово той или иной части речи (как знаменательной, так и служебной) переходит в разряд имен существительных, полностью сохраняя при этом свою форму. Мы также придерживаемся данной точки зрения.

Так, в частности, С. М. Кравцов и А. Ю. Голубева выделяют такие виды субстантивации в русском языке, как субстантивация на основе прилагательных (ср., например: *гримерная комната* и *гримерная актера*); субстантивация на основе причастий (ср., например: *прибывшие на станцию пассажиры* и *прибывшие вышли из поезда*); субстантивация на основе числительных (например, наименование блюда – *на первое*, *на второе*); субстантивация на основе наречий (например, наименования учебной отметки – *удовлетворительно*, *хорошо*, *отлично*); субстантивация на основе служебных слов (например, *«за»* – довод в пользу чего-либо, *«против»* – довод не в пользу чего-либо). При этом наиболее распространенный и продуктивный вид суб-

[1] Кравцов С. М., Голубева А. Ю. Конверсия в словообразовании: узус и окказиональность. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. С. 58.

[2] Клајн И. Творба речи у савременом српском језику: у 2 д. Београд; Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства; Институт за српски језик САНУ; Матица српска, 2003. Д. 2. Суфиксација и конверзија. С. 379–388.

[3] Кравцов С. М., Голубева А. Ю. Конверсия в словообразовании: узус и окказиональность. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. С. 60.

[4] Klajn I. Gramatika srpskog jezika. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2005. S. 218.

[5] Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. Москва: Флинта, 2016. С. 187.

[6] Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А. Современный русский язык. Теоретический курс: Словообразование. Морфология. Москва: Русский язык, 1989. 262 с.

[7] Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. Москва: Оникс, 2003. 624 с.

[8] Кравцов С. М., Голубева А. Ю. Конверсия в словообразовании: узус и окказиональность. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. С. 58–60.

[9] Кубрякова Е. С. Конверсия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под редакцией В. Н. Ярцевой. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 235.

стантивации в русском языке – переход в разряд существительных прилагательных и причастий.

В сербском языке, как и в русском, наиболее частотным видом субстантивации (серб. *poimeničenje*) является переход прилагательных и причастий в категорию существительных. При этом прилагательное, как правило, сохраняет форму одного из трех родов и свою парадигму склонения. В качестве примеров субстантивов мужского рода можно привести такие слова, как *dragi* («дорогой»), *bližnji* («ближний» – религиозный термин), *presvetli*, *veličasni* (титулы) и т. п.; фамилии типа *Crnjanski*, *Rački*, *Mušiski* (ср. с рус. и другими славянскими: *Чайковский*, *Стравинский* и т. д.). К субстантивам женского рода относятся следующие образования: *draga* («дорогая»), *mlada* (синоним слова *невеста*), геометрические термины *prava* и *kriva* (прямая и кривая линии) и т. п. Наиболее важными примерами субстантивов среднего рода в сербском языке, по мнению И. Клайна, являются такие, как *dobro* («добро») и *zlo* («зло»). Данные слова имеют парадигму склонения существительных; это демонстрируют формы творительного падежа единственного числа (*velikim* ***dobrom*** – «большим добром», *velikim* ***zlom*** – «большим злом») и родительного падежа множественного числа (*dobara*, *zala*). Как отмечают П. Пипер и И. Клайн, субстантивации чаще всего подвергаются прилагательные и причастия; крайне редко в сербском языке субстантивы образуются на базе других частей речи. В качестве примера исследователи приводят наречие *danas* («сегодня»), которое может переходить в разряд существительных (*Čitao sam to u listu* ***"Danas"***. – «Я читал это в газете "**Сегодня**"»)[1].

Подробный анализ субстантивов в сербском языке в их сопоставлении с русским проведен в работах сербского лингвиста Елены Лепоевич «Субстантивация как словообразовательный процесс и существительные неименного склонения в русском и сербском языках»[2], «Субстантивация в группе имен собственных и в группе апеллятивов (на материале русского и сербского языка)»[3], «Субстантиваты как структурный элемент фразеологизмов»[4], «Анализ принципа языковой экономии на примерах субстантиватов»[5] и др. В отличие от И. Клайна, Е. Лепоевич, рассматривая субстантивацию более широко, считает, что в сербском языке субстантивы могут быть мотивированы не только прилагательными и причастиями, но и местоименными при-

[1] Пипер П., Клајн И. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013. С. 258.

[2] Лепојевић Ј. Б. Супстантивизација као творбени процес и именице неименичких деклинација у руском и српском језику: докторска дисертација. Београд, 2014. 361 с.

[3] Лепојевић Ј. Б. Супстантивизација у оквиру властитих имена према супстантивизацији у оквиру апелатива (на материјалу руског и српског језика) // Филолог – часопис за језик, књижевност и културу. 2014. X. С. 61–70.

[4] Лепојевић Ј. Б. Супстантивати као структурни елементи фразема // Радови Филозофског факултета. 2014. XVI/2. С. 699–714.

[5] Лепојевић Ј. Б. Испитивање принципа економије у језику на примерима супстантивата // Радови Филозофског факултета. 2013. XV/1. С. 357–368.

лагательными (например, *svako*, *poneki* – «каждый, всякий», «некоторые») и числительными (например, ***Jedna*** *je zapalila kandilo* – «***Одна*** *зажгла лампаду*»)[1].

В отличие от русского языка, имеющего формы действительных и страдательных причастий настоящего и прошедшего времени, в сербском сохранилась только форма страдательных причастий прошедшего времени – *trpni glagolski pridev* (серб.), соответствующая краткой форме в русском языке. Существующая в сербском форма действительных причастий (*radni glagolski pridev*) имеет другие грамматические характеристики, нежели в русском, и служит для образования сложных глагольных форм (перфекта, плюсквамперфекта, будущего второго и сослагательного наклонения). В соответствии с этим, в сербском языке, в отличие от русского, в котором все формы причастий могут мотивировать облик субстантивов, субстантивы образуются на базе страдательных причастий прошедшего времени (например, *pregaženi*, *pobeđeni* (серб.) и *пострадавший*, *побежденный* (рус.) и т. д.)[2].

Анализируя особенности перехода слов разных частей речи в разряд существительных в русском и сербском языках, исследователь обнаруживает разные степени эквивалентности субстантивов. С точки зрения Е. Лепоевич, эквивалентность субстантивов в русском и сербском языках может быть абсолютной (формально-грамматической), только лексической или вообще отсутствовать (безэквивалентная лексика). Субстантивы, обладающие абсолютной эквивалентностью, имеют общую словообразовательную базу, одинаковые грамматические характеристики, изменяются по одному и тому же типу склонения, а также близки по лексическому значению. К этой группе в основном относятся субстантивы, образованные от прилагательных (например, *sve živo* (серб.) и *все* ***живое*** (рус.); *ponavljajući* ***mladima*** (серб.) и *твердя* ***молодым*** (рус.) и т. п.). При лексической эквивалентности субстантивы обладают общим семантическим полем, однако имеют разные формально-грамматические характеристики (различные словообразовательные основы, типы склонения, род и т. д.). Например: *učionica* (серб., субстантив мотивирован глаголом *učiti* – «учить(ся)») и *классная* (рус., субстантив образован от прилагательного с основой существительного *класс*) в значении *«классная комната»*; *stariji*, *mlađi* (серб., субстантивы образованы от сравнительной степени прилагательных) и *пожилые*, *молодые* (рус., субстантивы мотивированы основной формой прилагательного). Если между субстантивами в русском и сербском языках не обнаруживается никаких параллелей, исследователь говорит о безэквивалентной лексике[3].

Следующей разновидностью конверсии является адъективация, при которой в русском языке причастие приобретает признаки прилагательного, утрачивая грамматические категории вида, времени и залога, в результате чего образуются так называемые адъективированные причастия (например, *блестящий ученик*, *начинающий преподаватель*, *потрясающая книга* и т. п.). В ряде случаев прилагательные могут

[1] Лепојевић Ј. Б. Супстантивизација као творбени процес и именице неименичких деклинација у руском и српском језику: докторска дисертација. Београд, 2014. С. 100–103.

[2] Там же. С. 96.

[3] Там же. С. 263.

быть образованы на основе порядковых числительных *первый*, *второй* и *третий* (например, *первое впечатление*, *второй сорт*, *третья сторона*)[1].

В сербском языке об адъективации (серб. *adjektivacija*, *popridevljenje*) правомерно говорить, как отмечает И. Клайн, при переходе причастий в «чистые» прилагательные, что проявляется в их способности находиться рядом с существительными в качестве атрибутов. Большинство таких прилагательных образовано от пассивных причастий, например: ***pobeđeni*** *neprijatelj* – «побежденный враг», ***izmenjeni*** *uslovi* – «измененные условия», ***otvoren*** *prozor* – «открытое окно» и др. Многие прилагательные, такие как *razuzdan* – «разнузданный, распущенный», *zabačen* – «заброшенный, закинутый», *usiljen* – «натянутый, неестественный, притворный», *uklet* – «проклятый», более привычны для современного сербского языка, чем глаголы, от которых они произошли. Образование прилагательных от действительных причастий происходит реже и, как правило, в тех случаях, когда речь идет об изменении состояния (***zaspalo*** *dete* – «уснувший ребенок», ***promukli*** *glas* – «охрипший (хриплый) голос», ***omršavele*** *ruke* – «исхудавшие руки» и т. п.).

Путем конверсии могут быть образованы и наречия. В таком случае речь идет об адвербиализации. Наиболее распространенным ее видом в русском языке является образование наречий на основе качественных прилагательных. Чаще всего в наречия переходят краткие прилагательные в форме среднего рода (например, *хорошо*, *плохо*, *здорово*, *резко*, *сильно*, *дорого* и т. д.). Кроме прилагательных, в разряд наречий могут переходить предлоги (например, *после* в значении «спустя какое-то время», *раньше* в значении «сначала, сперва», *внутри* в значении «в пределах, в середине чего-либо» и т. д.), существительные, как правило, в творительном падеже (например, *стрелой* в значении «стремительно», *утром*, *вечером*, *ночью* и т. д.), а также деепричастия (например, *стоя*, *молча* и т. д.), однако данные виды конверсии менее продуктивны в русском языке.

Адвербиализация (серб. *adverbijalizacija*) в сербском языке является регулярным и широко распространенным способом словообразования. Чаще всего в наречия переходят прилагательные и страдательные причастия в форме единственного числа среднего рода (ср. сочетания с прилагательными *lepo*, *daleko*, *mirno* (*mesto*) – «красивое, далекое, спокойное (место)» и с образованными от них наречиями – ***lepo*** *si govorio* – «ты хорошо / красиво говорил», *odlazim* ***daleko*** – «ухожу / уезжаю далеко», *sedi* ***mirno*** – «сядь смирно»), а также прилагательные на *-ski* (*-čki*, *-ški*) в форме единственного числа мужского рода с кратким і на месте долгого у прилагательных (например: *On živi* ***carski*** – «Он живет по-царски»; ***matematički*** *tačan* – «математически точный» и др.).

Слова служебных частей речи тоже могут быть образованы посредством конверсии. Например, предлоги и союзы в русском языке образуются на базе наречий, деепричастий, существительных, что позволяет говорить о таких способах конверсии, как препозиционализация (ср., например: *идти впереди* (наречие) и *идти впереди брата* (предлог); *благодаря друга* (деепричастие) и *благодаря другу* (предлог) и т. д.)

[1] Кравцов С. М., Голубева А. Ю. Конверсия в словообразовании: узус и окказиональность. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. С. 103.

и конъюнкционализация (например, так называемые адвербиальные союзы *едва*, *пока*, *как* и т. д.).

В сербском языке под препозиционализацией (серб. *prepozicionalizacija*, *prelazak u predloge*) также подразумевается процесс перехода самостоятельных частей речи в предлоги, образование производных предлогов (серб. *nepravi predlozi*). Выделяются три группы предлогов, образованных посредством конверсии:

1) предлоги, образованные от наречий (например, *posle* – «после», *blizu* – «близко» и т. д.);

2) предлоги, образованные от существительных (например, *mesto* – «место (вместо)», *kraj* – «край (рядом с)»);

3) предлоги, образованные от существительных в форме творительного падежа (например, *posredstvom* – «посредством», *putem* – «путем», *povodom* – «поводом (по поводу)»).

Выводы

Таким образом, можно заключить, что конверсия как способ словообразования характерна и для русского, и для сербского языков, однако, как показало проведенное нами исследование, переход слов из одной части речи в другую в русском языке происходит чаще, чем в сербском. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в сербском языке нами не были обнаружены примеры конъюнкционализации, т. е. перехода слов в разряд союзов. О меньшей продуктивности конверсии, по сравнению с префиксацией, суффиксацией, сложением, пишет также И. Клайн, отмечая при этом и ее малоизученность[1].

На основании сделанных нами наблюдений можно предположить, что активность конверсии в русском языке связана с повышенной потребностью выражения эмотивности, свойственной представителям русской культуры. Конверсия, наряду с другими способами словопроизводства, участвует в процессе репрезентации эмоций, поскольку переход слова из одной части речи в другую актуализирует его скрытые смыслы и имплицитные возможности, делая речь говорящего краткой и образной.

Проведенная нами работа является начальным этапом изучения богатого потенциала конверсии и ее роли в выражении эмотивности, в связи с чем одной из перспектив нашего исследования представляется сопоставительный анализ конверсии в романе М. Шишкина «Письмовник»[2] и его перевода на сербский язык, выполненного Л. Милинчич[3].

[1] Клајн И. Творба речи у савременом српском језику: у 2 д. Београд; Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства; Институт за српски језик САНУ; Матица српска, 2003. Д. 2. Суфиксација и конверзија.С. 379–388.

[2] Шишкин М. П. Письмовник. Москва: АСТ; Астрель, 2012. 412 с.

[3] Šiškin M. Pismovnik. Beograd: Paideia, 2011. 252 s.

Список источников

Голушин И., Попова О. А. Еще раз к вопросу о переводе диминутивов с русского языка на сербский // Новое и традиционное в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного: сборник статей / под редакцией Л. Чович. Баня-Лука: Панъевропейский университет «АПЕИРОН», 2021. С. 282–292.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. Москва: Флинта, 2016. 324 с.

Кравцов С. М., Голубева А. Ю. Конверсия в словообразовании: узус и окказиональность. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. 170 с.

Кубрякова Е. С. Конверсия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под редакцией В. Н. Ярцевой. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 235.

Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А. Современный русский язык. Теоретический курс: Словообразование. Морфология. Москва: Русский язык, 1989. 262 с.

Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/new/ (дата обращения: 20.02.2022).

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. Москва: Оникс, 2003. 624 с.

Русская грамматика: в 2 т. / под редакцией Н. Ю. Шведовой. Москва: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 784 с.

Терзич Б. Обзор современных сопоставительных исследований русского и других славянских языков (на материалах сборников докладов Белградских симпозиумов под эгидой МАПРЯЛ) // Русский язык как инославянский. 2010. Вып. 2. С. 39–43. URL: http://www.slavistickodrustvo.org.rs/pdf_dokumenti/rj2010.pdf (дата обращения: 21.02.2022).

Шишкин М. П. Письмовник. Москва: АСТ; Астрель, 2012. 412 с.

Klajn I. Gramatika srpskog jezika. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2005. 263 s.

Клајн И. Творба речи у савременом српском језику: у 2 д. Београд; Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства; Институт за српски језик САНУ; Матица српска, 2003. Д. 2. Суфиксација и конверзија. 514 с.

Лепојевић Ј. Б. Испитивање принципа економије у језику на примерима супстантивата // Радови Филозофског факултета. 2013. XV/1. С. 357–368.

Лепојевић Ј. Б. Супстантивати као структурни елементи фразема // Радови Филозофског факултета. 2014. XVI/2. С. 699–714.

Лепојевић Ј. Б. Супстантивизација као творбени процес и именице неименичких деклинација у руском и српском језику: докторска дисертација. Београд, 2014. 361 с.

Лепојевић Ј. Б. Супстантивизација у оквиру властитих имена према супстантивизацији у оквиру апелатива (на материјалу руског и српског језика) // Филолог – часопис за језик, књижевност и културу. 2014. X. С. 61–70.

Пипер П., Клајн И. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013. 580 с.

Речник српскохрватскога књижевног језика: у 6 књ / уређивачки одбор М. Стевановић и др. Нови Сад: Матица српска, 1990.

Šiškin M. Pismovnik. Beograd: Paideia, 2011. 252 s.

Web corpus of Serbian. URL: https://www.clarin.si/noske/all.cgi/first_form?corpname=srwac (дата обращения: 22.02.2022).

References

Golushin I., Popova O. A. Eshche raz k voprosu o perevode diminutivov s russkogo iazyka na serbskii [Again to the question of translating diminutivs from Russian into Serbian]. *Novoe i traditsionnoe v perevodovedenii i prepodavanii russkogo iazyka kak inostrannogo: sbornik statei* [New and traditional issues in translation studies and teaching Russian as a foreign language: collection of papers; ed. by L. Chovich]. Bania-Luka: Pan"evropeiskii universitet “APEIRON”, 2021, pp. 282–292.

Zemskaia E. A. *Sovremennyi russkii iazyk. Slovoobrazovanie* [The modern Russian language. Word formation]. Moscow: Flinta, 2016. 324 p.

Kravtsov S. M., Golubeva A. Iu. *Konversiia v slovoobrazovanii: uzus i okkazional'nost'* [Conversion in word formation: usage and occasionality]. Rostov-on-Don: Iuzhnyi federal'nyi universitet, 2016. 170 p.

Kubriakova E. S. Konversiia [Conversion]. *Iazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistics. Large Encyclopedic Dictionary; ed. by V. N. Iartseva]. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1998, pp. 235.

Lopatin V. V., Miloslavskii I. G., Sheliakin M. A. *Sovremennyi russkii iazyk. Teoreticheskii kurs: Slovoobrazovanie. Morfologiia* [The modern Russian language. Theoretical course: Word formation. Morphology]. Moscow: Russkii iazyk, 1989. 262 p.

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [The Russian National Corpus]. Available at: http://www.ruscorpora.ru/new/ (accessed: 20.02.2022).

Rozental' D. E., Telenkova M. A. *Spravochnik po russkomu iazyku. Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Russian language reference book. Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Oniks, 2003. 624 p.

Russkaia grammatika: v 2 t. [Russian grammar: in 2 vol.; ed. by N. Iu. Shvedova]. Moscow: Nauka, 1980, vol. 1: Fonetika. Fonologiia. Udarenie. Intonatsiia. Slovoobrazovanie. Morfologiia [Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. 784 p.

Terzich B. Obzor sovremennykh sopostavitel'nykh issledovanii russkogo i drugikh slavianskikh iazykov (na materialakh sbornikov dokladov Belgradskikh simpoziumov pod egidoi MAPRIaL) [Overview of modern comparative research of Russian and other Slavic languages (by the papers of the Belgrade symposia under the auspices of MAPRYAL)]. *Russkii iazyk kak inoslavianskii* [Russian as a foreign Slavic language], 2010, iss. 2, pp. 39–43. Available at: http://www.slavistickodrustvo.org.rs/pdf_dokumenti/rj2010.pdf (accessed: 21.02.2022).

Shishkin M. P. *Pis'movnik* [Letter Book]. Moscow: AST; Astrel', 2012. 412 p.

Klajn I. *Gramatika srpskog jezika* [Grammar of the Serbian language]. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2005. 263 p.

Klajn I. *Tvorba rechi u savremenom srpskom jeziku: u 2 d.* [Word formation in modern Serbian: in 2 vol.]. Beograd; Novi Sad: Zavod za uzdbenike i nastavna sredstva; Institut za srpski jezik SANU Matitsa srpska, 2003, iss. 2. Sufiksatsija i konverzija [Suffication and conversion]. 514 p.

Lepojevic J. B. Ispitivanje printsipa ekonomije u jeziku na primerima supstantivata [The study of the economy principles in language using examples of substantivised words]. *Radovi Filozofskog fakulteta* [Proceedings of the Philosophy Faculty], 2013, XV/1, pp. 357–368.

Lepojevic J. B. Supstantivati kao strukturni elementi frazema [Substantivised words as structural elements of the phraseme]. *Radovi Filozofskog fakulteta* [Proceedings of the Philosophy Faculty], 2014, XVI/2, pp. 699–714.

Lepojevic J. B. *Supstantivizatsija kao tvorbeni protses i imenitse neimenichkikh deklinatsija u ruskom i srpskom jeziku* [Substantivisation as a word-formation process and the nouns of non-nominal types of declension in the Russian and Serbian languages: Dr thesis]. Beograd, 2014. 361 p.

Lepojevic J. B. Supstantivizatsija u okviru vlastitikh imena prema supstantivizatsiji u okviru apelativa (na materijalu ruskog i srpskog jezika) [Substantivisation within the category of proper names in relation to substantivisation within the category of appellative (on the corpus of the Russian and Serbian languages)]. *Filolog – chasopis za jezik, knjizhevnost i kulturu* [Philologist – journal of language, literary and cultural studies], 2014, X, pp. 61–70.

Piper P., Klajn I. *Normativna gramatika srpskog jezika* [Normative grammar of the Serbian language]. Novi Sad: Matitsa srpska, 2013. 580 p.

Rechnik srpskokhrvatskoga knjizhevnog jezika: u 6 knj [The Dictionary of Serbo-Croatian literary language: in 6 vol.; ed. by M. Stevanovic i dr.]. Novi Sad: Matitsa srpska, 1990.

Shishkin M. *Pismovnik* [Letter Book]. Beograd: Paideia, 2011. 252 p.

Web corpus of Serbian. Available at: https://www.clarin.si/noske/all.cgi/first_form?corpname=srwac (accessed: 22.02.2022).

Сведения об авторах

Иван Голушин – старший преподаватель, кандидат филологических наук; https://orcid.org/0000-0002-1901-9305, ivan@golushin.ru, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (д. 29А, пр-т Комсомольский, 614990 г. Пермь, Россия); **Ivan Golushin** – Senior Lecturer, Candidate of Philological Sciences; https://orcid.org/0000-0002-1901-9305, ivan@golushin.ru, Perm National Research Polytechnic University (29A, pr. Komsomolskiy, 614990 Perm, Russia).

Ольга Александровна Попова – кандидат филологических наук, доцент; https://orcid.org/0000-0002-8549-9538, p-olgaperm@mail.ru, Санкт-Петербургский университет МВД РФ (д. 1, ул. Летчика Пилютова, 198206 г. Санкт-Петербург, Россия), Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации (д. 1, ул. Летчика Пилютова, 198206 г. Санкт-Петербург, Россия); **Olga A. Popova** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0002-8549-9538, p-olgaperm@mail.ru, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (1, ul. Letchika Pilutova, 198206 St Petersburg, Russia), Saint Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation (1, ul. Letchika Pilutova, 198206 St Petersburg, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 01.04.2022.

The article was submitted 28.02.2022; Approved after reviewing 25.03.2022; Accepted for publication 01.04.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 123–132.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 123–132.

Научная статья
УДК 821.161.1
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-9

Аксиология пространства в повести И. С. Никитина «Дневник семинариста»

Николай Александрович Дегтерев

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,
koldeg@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4897-0893

Аннотация. Автор статьи рассматривает художественное пространство повести И. С. Никитина «Дневник семинариста» в аксиологическом аспекте. На основе предложенной Ю. М. Лотманом дихотомии «героев места» и «героев пути» выполнен анализ образов основных персонажей произведения Никитина, в результате которого обнаружена их особая соотнесенность с окружающим пространством. Автор приходит к выводу, что восприятие пространства и поведение в нем героя обусловливает его ценностную ориентацию.

Ключевые слова: аксиология, пространство, И. С. Никитин, «Дневник семинариста», герой места, герой пути, хронотоп

Для цитирования: *Дегтерев Н. А.* Аксиология пространства в повести И. С. Никитина «Дневник семинариста» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 123–132. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-9.

The axiology of space in the “Diary of a seminarian” by I. S. Nikitin

Nikolai A. Degterev

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,
koldeg@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4897-0893

Abstract. The author of the paper considers the artistic space of the story by I. S. Nikitin “Diary of a seminarian” in an axiological aspect. Based on the dichotomy of “characters of the place” and “characters of the way” proposed by Yu. M. Lotman, he analyzes the images of the main characters in Nikitin’s work, revealing their special correlation with the surrounding space. The author comes to the conclusion that the perception of space and the behavior of the character in it show his value orientation.

Keywords: axiology, space, I. S. Nikitin, “Diary of a seminarian”, character of the place, character of the way, chronotope

For citation: Degterev N. A. The axiology of space in the “Diary of a seminarian” by I. S. Nikitin. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 123–132. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-9.

© Дегтерев Н. А., 2022

Введение

П. А. Флоренский в статье «Значение пространственности» писал: «…в художественном произведении ни сюжет, ни манера, ни технические средства и ни фактура характеризуют его наиболее существенно, а именно строение его пространства <…> Изучить пространство произведения – это, конечно, еще не все, но это – главное и первое. <…> войти в художественное произведение, как таковое, можно лишь через понимание его пространственной организации»[1]. Данная статья имеет непосредственное отношение к исследованию «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях», где речь в большей мере идет о живописи, а не о литературе. Однако автор сохраняет в своем труде словосочетание «художественное произведение», что позволяет использовать данный термин в широком смысле и применять его, в частности, к литературному тексту.

С момента введения в литературоведческую науку понятия «хронотоп» пространство рассматривалось в основном в составе художественного единства пространства – времени. М. М. Бахтин писал: «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом»[2]. Об этом «слиянии» говорит и И. Б. Роднянская. Анализируя пространство и время как «важнейшие характеристики художественного образа», она интерпретирует их взаимодействие так: «Литературно-поэтический образ, формально развертываясь во времени (как последовательность текста), своим содержанием воспроизводит пространственно-временную картину мира, притом в ее символико-идеологическом, ценностном аспекте»[3].

«Ведущим началом в хронотопе» М. М. Бахтин считал время[4]. Тем не менее «почти метафорический»[5] характер понятия допускает и иные трактовки. Так, например, В. С. Вахрушев, рассматривая хронотоп как «пра-образ (совокупность праобразов) данного произведения», пишет о том, что он, будучи образом, должен «чувственно восприниматься читателем»[6]. Поскольку визуальное восприятие у че-

[1] Флоренский П. А. Значение пространственности // Флоренский П. А. Собрание сочинений. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. Москва: Мысль, 2000. С. 272–274.

[2] Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Эпос и роман. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. С. 10.

[3] Роднянская И. Б. Художественное время и художественное пространство // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под редакцией А. Н. Николюкина. Москва: Интелвак, 2001. С. 1174.

[4] Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Эпос и роман. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. С. 10.

[5] См. у Бахтина: «Для нас не важен тот специальный смысл, который он имеет в теории относительности, мы перенесем его сюда – в литературоведение – почти как метафору (почти, но не совсем)» (Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Эпос и роман. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. С. 9).

[6] Вахрушев В. С. Время и пространство как метафора в «Тропике Рака» Г. Миллера (К проблеме хронотопа) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 36.

ловека является преобладающим, «в хронотопе он прежде всего обращает внимание на пространство и лишь в связи с ним – на время»[1].

Пространство может быть проанализировано не только в составе хронотопа, но и как отдельная категория поэтики[2].

Основная часть

Особым образом пространство организовано в повести «Дневник семинариста» – единственном прозаическом произведении И. С. Никитина (автор работал над ним в 1858–1860 гг.). «Дневник…» стал одним из первых произведений в русской литературе, в котором семинарский быт был показан детально в реалистическом ключе.

Повествование в тексте организовано в формате дневниковых записей, они ведутся семинаристом Василием Белозерским нерегулярно: то с очень небольшими, то с довольно внушительными интервалами. «Дневник…» иллюстрирует отрезок жизни семинариста Белозерского длиной чуть более года, однако этот период чрезвычайно значим. Как писал В. И. Кузнецов, содержание повести составляет «история духовного роста семинариста»[3]. Схожую точку зрения выразил Л. А. Плоткин, говоря о «духовном самоопределении и развитии»[4] главного героя. Именно с повестью «Дневник семинариста» в русской литературе появилась тема духовной школы как одного из объектов осмысления и изображения.

Не претендуя на целостный анализ организации пространства в рассматриваемом тексте, мы хотим сосредоточиться только на одном его аспекте – аксиологическом. Нам важно показать, в какие отношения (и каким образом) художественное пространство вступает с ценностными мирами героев произведения. Ю. М. Лотман писал: «…являясь принципом организации и расстановки персонажей в художественном континууме, структура топоса выступает в качестве языка для выражения других, непространственных отношений текста»[5]. Ценностное восприятие рассказчиком других персонажей произведения, взаимоотношения героев – все это так или иначе обнаруживается в повести «Дневник семинариста» и передается, говоря метафорически, «языком художественного пространства».

---

[1] Вахрушев В. С. Время и пространство как метафора в «Тропике Рака» Г. Миллера (К проблеме хронотопа) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 36.

[2] См., например: Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Москва: Просвещение, 1988. С. 251–293; Лихачев Д. С. Поэтика художественного пространства // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Москва: Наука, 1979. С. 335–351; Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87; Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / под редакцией Т. В. Цивьян. Москва: Наука, 1983. С. 227–284.

[3] Кузнецов В. И. Иван Саввич Никитин. URL: https://litlife.club/books/251289/read?page=37 (дата обращения: 28.02.2022).

[4] Плоткин Л. А. Жизнь и творчество И. С. Никитина // Плоткин Л. А. О русской литературе: А. И. Герцен, И. С. Никитин, Д. И. Писарев. Ленинград: Художественная литература, 1986. С. 108.

[5] Лотман Ю. М. Структура художественного текста. URL: https://adview.ru/wp-content/uploads/2015/09/Yu_M_Lotman_Struktura_Teksta.pdf (дата обращения: 28.02.2022).

Рассматривая вышеуказанное произведение И. С. Никитина, считаем необходимым обратиться к предложенному Ю. М. Лотманом разделению персонажей на «героев места» и «героев пути» [1]. С нашей точки зрения, эта дифференциация также связана с такой значимой бинарной оппозицией, как «статика / динамика». Безусловно, мы не отождествляем данные оппозиции, а лишь хотим подчеркнуть, что при анализе повести И. С. Никитина они могут быть определены как коррелирующие друг с другом. В частности, противопоставление «статика / динамика» (которое в ряде случаев имеет отношение и к внутреннему миру героев) в данной ситуации правомерно соотнести с пространством.

Д. С. Лихачев писал о пространстве в мире художественного произведения следующее: «Оно может обладать теми или иными свойствами, так или иначе “организовывать” действие произведения <…> Оно динамично. Оно создает среду для движения, и оно само меняется, движется. Это движение (в движении соединяется пространство и время) может быть легким или трудным, быстрым или медленным, оно может быть связано с известным сопротивлением среды и с причинно-следственными отношениями»[2]. С точки зрения плана движения правомерно разделить персонажей на «героев места» и «героев пути», соответственно в их образах допустимо преобладание как статических, так и динамических моментов.

В «Дневнике семинариста» присутствуют два ярко выраженных «героя места». Во-первых, это отец Василия Белозерского. Он сельский священник, привыкший к жизни в деревне, для которой характерна неподвижность, отсутствие динамики. Эту жизнь Белозерский так описывает в своем дневнике: «Но, если бы пришлось мне пожить здесь долгое время, полагаю, наверное, я ограничился бы тем, что вносил бы в него следующие краткие заметки: сегодня мы были в поле, или сегодня было то же, что вчера, или сегодня ничего особенного не случилось, и так далее, все в этом же роде…»[3]

К такой жизни сельский священник готовит и своего сына, словно предопределяя его судьбу заранее. Так, например, на вопрос Василия Белозерского о поступлении в университет отец отвечает: «А ты пребывай в том звании, для которого ты призван, и мечты свои оставь, если не хочешь меня обидеть»[4]. В одном из писем (его фрагмент приводится в «Дневнике…») отец дает сыну следующие наставления: «Ты поменьше предавайся мечтательности. *О перемене своей квартиры*, до твоего перевода в богословие, *думать не смей*…»[5] (Здесь и далее курсив наш. – *Н. Д.*). В данном случае примечателен запрет на перемещение в пространстве. Внутренняя статика (по-

[1] См.: Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Москва: Просвещение, 1988. С. 251–293.

[2] Лихачев Д. С. Поэтика художественного пространства // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Москва: Наука, 1979. С. 335.

[3] Никитин И. С. Дневник семинариста // Никитин И. С. Сочинения. Москва: Художественная литература, 1980. С. 434.

[4] Там же. С. 442.

[5] Там же. С. 487.

корность выбранной судьбе) в нем коррелирует с внешней, пространственной статикой.

В другой дневниковой записи сам Белозерский замечает следующее: «Он (отец. – *Н. Д.*) немножко как бы одичал, живя *безвыездно* в своей деревне»[1]. Таким образом, в повести встречается немало указаний не только на верность отца обычаям и боязнь их нарушить, но и на его приверженность «неподвижности» в пространстве.

Этот факт, безусловно, не означает, что герой произведения относится к родителю отрицательно. Напротив, образ отца представлен в «Дневнике семинариста» в сочувственных тонах. Однако не он является для Василия Белозерского нравственным ориентиром – прежде всего потому, что отец – очень зависимый человек. В описании обеда с благочинным, в изображении того, как в городе отец «торопливо давал дорогу всякому порядочно одетому человеку»[2], можно увидеть скорее жалость к родителю, чем желание подражать ему. Отец – «герой места», не способный (а главное – не желающий) вдохновить сына на какие-либо изменения в его судьбе.

Другой «герой места» в повести – профессор, на квартире которого живет Белозерский. Его статичность тоже может быть трактована двояко. Во-первых, профессор Федор Федорович постепенно становится антагонистом Белозерского в вопросе о чтении: он советует своему подопечному только учебные книги и всячески не рекомендует читать художественную литературу (в середине XIX века она считалась авангардом передовой мысли). Отношение профессора к художественной литературе демонстрирует косность его взглядов, а отсутствие какого-либо интеллектуального, психологического развития (пусть и в переносном смысле) можно назвать статичностью.

Однако в повести имеются и «пространственные» указания на статичность вышеназванного персонажа. Вот, например, как описывается квартира профессора, увиденная Белозерским в первый раз: «Над диваном висели, в деревянных рамках, за стеклами, засиженными мухами, портреты неизвестных мне духовных лиц. <…> На столе лежали разбросанные тетрадки и засохшие перья. Занавески на окнах потемнели от пыли»[3]. Это не только грязная или неопрятная обстановка, но и атмосфера, указывающая на отсутствие жизни, динамики (например, движения человека, который навел бы в этой комнате порядок); можно даже провести параллель с «Обломовым», вышедшим в свет несколько раньше повести И. С. Никитина. Кроме того, «статичность» профессора подчеркивается – даже несколько утрированно – его положением в этой комнате: «Он сидел за письменным столом и курил папиросу. На коленях его мурлыкал серый котенок <…> “Садитесь, отец Иван, без церемонии”, – сказал профессор, *не трогаясь с места*, *не переменяя ни на волос своего покойного положения*, вероятно из опасения потревожить дремавшего котенка»[4]. Если учесть, что ритуал приветствия духовного лица включает не только вставание, но и взятие

[1] Никитин И. С. Дневник семинариста // Никитин И. С. Сочинения. Москва: Художественная литература, 1980. С. 442.

[2] Там же. С. 442.

[3] Там же. С. 441.

[4] Там же. С. 441.

благословения и целование руки, такая «неподвижность» Федора Федоровича выглядит еще более впечатляющей.

В ценностном отношении мир профессора еще более далек от представлений Василия Белозерского, чем мир отца. После одного из разговоров с Федором Федоровичем семинарист делает следующую запись: «Я мысленно поблагодарил себя за то, что прятал от него почти всякую книгу, и решился <…> никогда не заводить с ним разговора о том, на что он имеет свой особенный взгляд. Этот взгляд и эта должность прислуги, которую я здесь несу, до того мне надоели…»[1]. В финале произведения расставание с профессором описано так: «Он, конечно, ждал от меня глубочайшей благодарности за все его заботы о моих дальнейших успехах, но благодарить его, право, не стоило»[2]. Федор Федорович как «герой места» не просто чужд Белозерскому, он во многом является антагонистом главного героя.

В противоположность «героям места» в анализируемой повести есть один «герой пути» – Яблочкин, «динамичность» которого можно проиллюстрировать следующей цитатой: «Яблочкин – другое дело: он хоть сейчас выдержит университетский экзамен. “*Пешком*, говорит, на Христово имя *пойду*, *а уж буду в университете*”. Я ему верю…»[3]. Белозерский любуется другом, когда тот «начинает с увлечением о чем-нибудь говорить»: «Сообразно настроению души, черты лица *меняются ежеминутно*. Во время разговора *все члены его приходят в движение*»[4].

«Героем пути» Яблочкина делает не столько его подвижность, сколько желание попасть в университет. Само это пространство – университет – появляется в повести благодаря ему, оно не «наличествующее», а желаемое, что придает стремлению Яблочкина еще большую ценность.

Вышеупомянутый герой хочет выйти из духовного звания, чтобы поступить в светское учебное заведение. На этом пути он преодолевает много трудностей: усердно учится, готовится к вступительным экзаменам, старается не просто «вызубрить» урок, а понять его. Именно благодаря Яблочкину происходят изменения во внутреннем мире Василия Белозерского. Главный герой, узнав, что жить его другу осталось недолго (тот болел чахоткой), записывает в дневнике: «Ведь Яблочкин – моя нравственная опора! Это – свет, который сиял передо мною во мраке, свет, *за которым я подвигался вперед по моей тяжелой и узкой тропе* <…> как же мне не плакать!»[5] Примечателен тот факт, что Яблочкин как «герой пути» (олицетворяющий динамику) не только сам идет в выбранном направлении, но и помогает двигаться другим.

Однако следовать заданному курсу герою мешает то, что Д. С. Лихачев назвал «сопротивлением среды»[6]. Преподаватели семинарии относятся к Яблочкину скеп-

[1] Никитин И. С. Дневник семинариста // Никитин И. С. Сочинения. Москва: Художественная литература, 1980. С. 479.

[2] Там же. С. 500.

[3] Там же. С. 425.

[4] Там же. С. 438.

[5] Там же. С. 494.

[6] Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 79.

тически и неуважительно, называют его «вольнодумцем»[1], «дураком»[2], сажают в карцер[3] (в рамках выбранной нами темы последнее означает «обездвижить», «лишить динамики и пространства»). Наконец, разговор с инспектором семинарии приводит к обострению чахотки, от которой Яблочкин в итоге умирает. Однако даже тот факт, что этот «герой пути» свой путь не прошел, не отменяет главного: друг остается лучшим воспоминанием Белозерского.

Именно Василий Белозерский – главный герой произведения, «автор» дневника – демонстрирует самый сложный случай взаимоотношений персонажа и пространства. Он является не только одним из действующих лиц, но и рассказчиком (причем персонифицированным). Принимая во внимание проблему точек зрения, отметим, что в «Дневнике семинариста» представлен частный случай, описанный в фундаментальном труде Б. А. Успенского: «…место рассказчика может совпадать с местом определенного персонажа в произведении, то есть автор в этом случае как бы ведет репортаж с места нахождения данного персонажа»[4].

Эта точка видения семинариста Белозерского интересна в плане пространственной динамики. В повести практически нет образов движения: герои перемещаются в пространстве, но это перемещение никак не показано. Перед читателями предстает длинный ряд отдельных сцен: дома, в квартире профессора, в квартире Яблочкина, в больнице. Однако нигде не встречается, например, образ дороги. В пути (из деревни / родного дома в город, в самом городе на улицах) ничего не происходит, его как будто нет. Это говорит об отсутствии динамики, по крайней мере, в восприятии мира главным героем.

Вместе с тем мы уже видели, что Белозерский пытался «продвигаться вперед по тяжелой и узкой тропе»[5] жизни. В его внутреннем мире за то время, которое охватывают дневниковые записи, произошли значительные изменения (в отличие от «героев места» – профессора Федора Федоровича и отца центрального персонажа). Это свидетельствует о достаточно серьезном «динамическом» потенциале Василия Белозерского.

Драматизм повести состоит в том, что главный герой, от лица которого ведется повествование, в полной мере не принадлежит ни к «героям места», ни к «героям пути». Для «героя места» он, как мы уже заметили ранее, слишком быстро начинает испытывать скуку, когда долго находится в пределах одного пространства (пусть даже и в родном доме). Для «героя пути» Белозерский нерешителен, так как не может нарушить запрет отца на поступление в университет. В то же время с «героями места» его роднит статическое восприятие пространства, а с «героем пути» – внутренние изменения, которые происходят на протяжении всего произведения, а также восхищение «недоступным» пространством – университетом.

---

[1] Никитин И. С. Дневник семинариста // Никитин И. С. Сочинения. Москва: Художественная литература, 1980. С. 458.

[2] Там же. С. 457.

[3] Там же. С. 464.

[4] Успенский Б. А. Поэтика композиции. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. С. 100.

[5] Никитин И. С. Дневник семинариста // Никитин И. С. Сочинения. Москва: Художественная литература, 1980. С. 494.

Тем не менее финал повести позволяет утверждать, что Белозерский все-таки является «героем пути», не исполнившим своего предназначения. В анализируемом произведении пространство родного дома в композиционном плане выполняет рамочную функцию: и первая, и последняя дневниковые записи делаются Белозерским, когда он оказывается в родной деревне. Однако если в начале повести мы видим наслаждение «райским уголком», то в конце герой испытывает совсем другие чувства. Особый интерес в его последней записи представляют строки, связанные с пространственной динамикой: «Все пришло в обыкновенный порядок: мечты мои остыли, желания *не переходят за известную черту*»; «Моя будущая судьба теперь окончательно определилась. Пройдут еще два года трудовой однообразной жизни, и я приму на себя звание духовного врача. Видит бог, намерения мои всегда были чисты. Если я заблуждался, *мечтая о другой дороге*, заблуждение мое было бескорыстно, мысль не заходила далеко и…»[1].

Образ дороги, возникающий только в предпоследнем абзаце текста, – это и есть тот самый «путь», по которому желал проследовать Яблочкин, увлекая за собой Белозерского. Из приведенной цитаты становится очевидно, что Белозерский сожалеет о потере пути и в какой-то степени пытается оправдать себя за отказ следовать по нему. Данный факт, как и все предыдущее развитие личности персонажа, позволяет нам говорить о нем как о «герое пути» (по крайней мере, потенциально), не исполнившем своего предназначения.

Выводы

Таким образом, по отношению к пространству всех основных персонажей повести можно разделить на «героев места» и «героев пути». Благодаря «герою пути» Яблочкину в произведении появляется университет – дополнительное (и очень ценное) пространство. Однако оно не реально, а только потенциально доступно. В ценностном отношении «герои места» чужды (как, например, отец – что, впрочем, не отменяет сыновней любви Василия Белозерского) или даже антагонистичны (как профессор) рассказчику. «Герой пути» Яблочкин, напротив, вдохновляет своего лучшего друга и служит для него нравственным ориентиром. Драматизм повести состоит в том, что главный герой-рассказчик, потенциально являясь «героем пути», не осуществляет свое предназначение, отказывается от него.

Список источников

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Эпос и роман. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. С. 9–193.

Вахрушев В. С. Время и пространство как метафора в «Тропике Рака» Г. Миллера (К проблеме хронотопа) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 35–43.

Кузнецов В. И. Иван Саввич Никитин. URL: https://litlife.club/books/251289/read?page=37 (дата обращения: 28.02.2022).

[1] Никитин И. С. Дневник семинариста // Никитин И. С. Сочинения. Москва: Художественная литература, 1980. С. 500.

Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.

Лихачев Д. С. Поэтика художественного пространства // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Москва: Наука, 1979. С. 335–351.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. URL: https://adview.ru/wp-content/uploads/2015/09/Yu_M_Lotman_Struktura_Teksta.pdf (дата обращения: 28.02.2022).

Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Москва: Просвещение, 1988. С. 251–293.

Никитин И. С. Дневник семинариста // Никитин И. С. Сочинения. Москва: Художественная литература, 1980. С. 419–500.

Плоткин Л. А. Жизнь и творчество И. С. Никитина // Плоткин Л. А. О русской литературе: А. И. Герцен, И. С. Никитин, Д. И. Писарев. Ленинград: Художественная литература, 1986. С. 56–113.

Роднянская И. Б. Художественное время и художественное пространство // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под редакцией А. Н. Николюкина. Москва: Интелвак, 2001. С. 1174–1177.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / под редакцией Т. В. Цивьян. Москва: Наука, 1983. С. 227–284.

Успенский Б. А. Поэтика композиции. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. 352 с.

Флоренский П. А. Значение пространственности // Флоренский П. А. Собрание сочинений. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. Москва: Мысль, 2000. С. 272–274.

References

Bakhtin M. M. Formy vremeni i khronotopa v romane [Forms of time and chronotope in the novel]. Bakhtin M. M. *Epos i roman* [Epic and novel]. St Petersburg: Azbuka, 2000, pp. 9–193.

Vakhrushev V. S. Vremia i prostranstvo kak metafora v “Tropike Raka” G. Millera (K probleme khronotopa) [Time and space as a metaphor in the “Tropic of Cancer” by G. Miller (To the chronotope problem)]. *Dialog. Karnaval. Khronotop* [Dialog. Carnaval. Chronotope], 1992, no. 1, pp. 35–43.

Kuznetsov V. I. *Ivan Savvich Nikitin* [Ivan Savvich Nikitin]. Available at: https://litlife.club/books/251289/read?page=37 (accessed: 28.02.2022).

Likhachev D. S. Vnutrennii mir khudozhestvennogo proizvedeniia [The inner world of the artwork]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 1968, no. 8, pp. 74–87.

Likhachev D. S. Poetika khudozhestvennogo prostranstva [Poetics of the art space]. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian literature]. Moscow: Nauka, 1979, pp. 335–351.

Lotman Iu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text]. Available at: https://adview.ru/wp-content/uploads/2015/09/Yu_M_Lotman_Struktura_Teksta.pdf (accessed: 28.02.2022).

Lotman Iu. M. Khudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolia [Art space in Gogol's prose]. Lotman Iu. M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'* [At school of a poetic word: Pushkin, Lermontov, Gogol]. Moscow: Prosveshchenie, 1988, pp. 251–293.

Nikitin I. S. Dnevnik seminarista [Diary of a seminarian]. Nikitin I. S. *Sochineniia* [Written works]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1980, pp. 419–500.

Plotkin L. A. Zhizn' i tvorchestvo I. S. Nikitina [Life and work of I. S. Nikitin]. Plotkin L. A. *O russkoi literature: A. I. Gertsen, I. S. Nikitin, D. I. Pisarev* [On Russian literature: A. I. Herzen, I. S. Nikitin, D. I. Pisarev]. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, 1986, pp. 56–113.

Rodnianskaia I. B. Khudozhestvennoe vremia i khudozhestvennoe prostranstvo [Artistic time and art space]. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts; ed. by A. N. Nikoliukin]. Moscow: Intelvak, 2001, pp. 1174–1177.

Toporov V. N. Prostranstvo i tekst [Space and text]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure; ed. by T. V. Tsiv'ian]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 227–284.

Uspenskii B. A. *Poetika kompozitsii* [The Poetics of composition]. St Petersburg: Azbuka, 2000. 352 p.

Florenskii P. A. Znachenie prostranstvennosti [Analysis of spatiality]. Florenskii P. A. *Sobranie sochinenii. Stat'i i issledovaniia po istorii i filosofii iskusstva i arkheologii* [Articles and research on the history and philosophy of art and archeology]. Moscow: Mysl', 2000, pp. 272–274.

Сведения об авторах

Николай Александрович Дегтерев – старший преподаватель; https://orcid.org/0000-0003-4897-0893, koldeg@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Nikolai A. Degterev** – Senior Lecturer; https://orcid.org/0000-0003-4897-0893, koldeg@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 02.03.2022; одобрена после рецензирования 30.03.2022; принята к публикации 07.04.2022.

The article was submitted 02.03.2022; Approved after reviewing 30.03.2022; Accepted for publication 07.04.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 133–151.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 133–151.

Научная статья
УДК 81’44; 811.161.1; 811.111
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-10

Концептуализация *страха* в русских и английских паремиях: сопоставительный аспект

Любовь Алексеевна Ермакова[1]✉, Светлана Юрьевна Лаврова[2]

[1]Костромской государственный университет,
Кострома, Россия,
[1]s.eadem@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-9263-2747
[2]Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,
[2]llavrov20@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-3628-3463

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу русских и английских паремий с концептуальным смыслом ‘страх’. Особое внимание уделяется системе средств выражения оценочной семантики исследуемых паремиологических конструкций. На основании сопоставления паремий двух языков доказывается, что искомые концепты обладают преимущественно негативными коннотациями; их вербализация осуществляется в паремиях на основе причинно-следственных отношений оценочного характера. Новизну данной работы обусловливает сопоставительный анализ явления страха как концептуализированной сущности в русских и английских паремиях, рассмотренного в конкретных координатах оценочной каузации, поведенческой нормы субъектов паремий и характеристики хронотопа, в котором осуществляется референция.

Ключевые слова: русские и английские паремии, концептуальный смысл, семантика ‘страх’ / ‘fear’, сопоставление

Для цитирования: *Ермакова Л. А., Лаврова С. Ю.* Концептуализация *страха* в русских и английских паремиях: сопоставительный аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 133–151. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-10.

Conceptualization of *fear* in Russian and English paroemias: comparative aspect

Liubov A. Ermakova[1]✉, Svetlana Yu. Lavrova[2]

[1]Kostroma State University,
Kostroma, Russia,
[1]s.eadem@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-9263-2747
[2]Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,
[2]llavrov20@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-3628-3463

© Ермакова Л. А., Лаврова С. Ю., 2022

Abstract. The article deals with a comparative analysis of Russian and English paroemias with the conceptual meaning of 'fear'. Particular attention is paid to the system of language means expressing the evaluative semantics of the paremiological constructions under study. The comparison of paroemias in two languages proves that the target concepts have predominantly negative connotations; their verbalization is carried out in paroemias on the basis of cause-effect relations of an evaluative nature. The novelty of this paper lies in a comparative analysis of the *fear* phenomenon as a conceptualized essence in Russian and English paroemias. The concept of fear is studied in specific coordinates of evaluative causation, the behavioral norm of the paroemia subjects and the characteristics of the chronotope in which the reference is realised.

Keywords: Russian and English paroemias, conceptual meaning, semantics of 'strakh' / 'fear', comparative analysis

For citation: Ermakova L. A., Lavrova S. Yu. Conceptualization of *fear* in Russian and English paroemias: comparative aspect. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 133–151. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-10.

Введение

Страх, отличаясь яркой эмоциональной окрашенностью, обусловливает соответствующее физиологическое и ментальное состояние человека, осознающего конечность жизни и непредсказуемость окружающего мира. Исследования, посвященные концептуальному анализу такого феномена, как *страх*, разноплановы и имеют место во всех гуманитарных науках: от философии (С. Кьеркегор[1], А. Вэленс[2], Л. Свендсен[3], Н. А. Васильева[4], А. А. Гришин[5] и др.) до лингвистики (С. В. Зайкина[6]; Л. В. Воронин[7]; Н. В. Кириллова[8]; И. В. Захаренко, Н. Б. Нестерова[9]; О. А. Подлесова[10]; Т. И. Попович[1]; Т. С. Глушкова[2]; А. Ф. Аветисян[3]; В. В. Галанина[4] и др.). Отме-

[1] Кьеркегор С. Страх и трепет. Москва: Республика, 1993. 383 с.

[2] Вэленс А. де. Заметки о понятии страха в современной философии // Феномен человека: Антология / составитель П. С. Гуревич. Москва: Высшая школа, 1993. С. 297–306.

[3] Свендсен Л. Философия страха. Москва: Прогресс-Традиция, 2010. 288 с.

[4] Васильева Н. А. Феномен страха: онтологический статус и пути преодоления страха // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 228–231.

[5] Гришин А. А. Феномен ужаса: этико-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново: [б. и.], 2015. 21 с.

[6] Зайкина С. В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: [б. и.], 2004. 24 с.

[7] Воронин Л. В. Концепт «страх» в русском и немецком языках (контрастивный анализ на материале произведений М. Булгакова, К. Тухольского и их переводов на английский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 2005. 17 с.

[8] Кириллова Н. В. Концептуализация эмоции страха в разноструктурных языках (на материале русского, английского и чувашского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары: [б. и.], 2007. 30 с.

[9] Захаренко И. В., Нестерова Н. Б. Представления о «страхе» в русской лингвокультуре (по данным проведенного эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / под редакцией В. В. Красных, А. И. Изотова. Москва: МАКС Пресс, 2012. Вып. 44. С. 54–62.

[10] Подлесова О. А. Английские лингвокультурные концепты отрицательных эмоций "fear" – "terror" // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 5 (106). С. 75–79.

Отметим, что целый ряд трудов, в которых нашло отражение изучение феномена *страха*, посвящен его языковым и концептуальным особенностям в структуре интересующих нас паремиологических конструкций (С. В. Зайкина[5]; Е. В. Иванова[6]; К. О. Банокина, М. Ю. Романюк[7]; И. В. Привалова[8] и др.).

Однако несмотря на интерес исследователей как к семантике специфического явления *страха*, так и к употреблению афористичных высказываний, репрезентирующих концепт «Страх», проблема языковой идентификации данного феномена не теряет своей значимости.

Актуальность выбранной темы обусловлена интересом к парадигме современных направлений, связанных с изучением глубинной семантики паремиологических конструкций различных языков. Устойчивые, воспроизводимые в речи высказывания, обладающие высоким эмоционально-оценочным потенциалом, привлекают лингвистов в качестве формул-сентенций, отражающих специфику менталитета стран, в языке которых они выявляются.

Особое внимание в настоящей статье уделяется работам сопоставительного характера, позволяющим не только детально описать глубинную семантику паремий, но и провести концептуально-фреймовый анализ референциальных ситуаций, описанных в них. Межъязыковые сходства и различия в концептуализации эмоций на

[1] Попович Т. И. Актуализация каузаторов эмоционального концепта *страх* (на материале современного англоязычного художественного дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (21): в 2 ч. Ч. 1. С. 133–136.

[2] Глушкова Т. С. Репрезентация концепта «страх» в русском языке (на материале лексикографических источников, паремий и текстов социальной рекламы) // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 4. С. 974–989.

[3] Аветисян А. Ф. Сопоставительный анализ вербальных и невербальных репрезентантов концепта *страх* (на материале евангельских текстов и романа Ч. Айтматова «Плаха») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 3. С. 103–110.

[4] Галанина В. В. Концептуализация страха: проблема лингвистического анализа эмоций (на материале диалектной речи) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов VII (XXI) Международной научно-практической конференции молодых ученых (16–18 апреля 2020 г.) / под редакцией А. Г. Кожевниковой. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. Вып. 21. С. 77–80.

[5] Зайкина С. В. Синтаксическая прагматика английских и русских пословиц и поговорок, объективирующих страх // Проблемы современной лингвистики: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2003. Вып. 2. С. 22–27.

[6] Иванова Е. В. Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2003. 38 с.

[7] Банокина К. О., Романюк М. Ю. О классификации паремий, содержащих компоненты семантического поля «Страх» в русском и английском языках // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 1 (176). С. 25–32.

[8] Привалова И. В. Аксиологический компонент паремий: специфика и роль в межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 3. С. 143–157.

материале русского и английского языков, по В. Ю. Апресяну[1], демонстрируют несхожесть и в картине мира их носителей.

Сопоставление рассматривается как общенаучный метод, для применения которого обязательно соблюдение определенных условий: в лингвистике таковыми являются сформулированные исследователем основания для соотнесения языковых единиц. Как отмечает И. А. Стернин, интерес к изучению национальной специфики семантики служит одним из поводов для обращения к сопоставлению[2]. Сфера традиций и привычек народа, отраженная в паремиях, обусловливает необходимость сравнения ее особенностей в различных языковых менталитетах.

Объектом исследования в данной работе являются паремии с семантикой ‘страх’ / ‘fear’ в русском и английском языках. *Предметом* изучения служит система средств выражения оценочной семантики в паремиологических конструкциях двух языков.

Цель работы состоит в обнаружении сходств и различий в концептуализации *страха* в русском и английском языках, а также в определении параметров варьирования эмоциональной оценочности данного смысла в русских и английских паремиях. Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить ряд задач:

1) рассмотреть историю вопроса исследования паремий с семантикой ‘страх’ в лингвистической литературе;

2) выявить и описать интегральные и дифференциальные семантические признаки, присущие концептуальным феноменам *страх / fear*;

3) провести сопоставительный анализ паремий русского и английского языков для установления сходств и различий в особенностях концептуализации *страха* в искомых единицах.

Материалом для исследования послужили русские и английские паремии, собранные с помощью метода сплошной выборки в корпус высказываний с семантикой ‘страх’. В качестве источников паремий были определены два авторитетных словаря: «Пословицы и поговорки русского народа»[3] В. И. Даля и “The Oxford Dictionary of English Proverbs”[4] (1949).

Основная часть

Обратимся непосредственно к проблематике нашей работы. Для выявления специфики семантики ‘страх’ необходимо провести лингвокогнитивный анализ в сопоставительном аспекте на основе следующего алгоритма:

[1] Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 19–51.

[2] Стернин И. А., Стернина М. А. Сопоставление как лингвистическая методология // Сопоставительные исследования 2015 / под редакцией М. А. Стерниной. Воронеж: Истоки, 2015. С. 4.

[3] Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Москва: ЭКСМО-Пресс, 2000. 606 с.

[4] The Oxford Dictionary of English Proverbs / compiled by W. G. Smith. Oxford: Clarendon Press, 1949. 645 p. URL: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.227228 (дата обращения: 11.03.2022).

1) установить значения лексем *страх / fear* (рассмотреть номинации в толковых словарях; определить наличие репрезентаторов деривационного и смыслового характера; изучить описание синонимических и антонимических рядов данных лексем);

2) дать характеристику употреблений лексем с семантикой ‘страх’ / ‘fear’ в структуре русских и английских паремий лексикографического дискурса (нас будут интересовать референциальные и инференциальные смыслы толкования данных единиц и их репрезентаторов при конкретном употреблении, расширение семантики смысла ‘страх’ / ‘fear’, оценочная составляющая лексем в структуре паремий как русского, так и английского языков);

3) на основе проанализированного материала сформировать представление о концептуальном смысле паремий с семантикой ‘страх’ / ‘fear’: в качестве выводного знания подразумевается репрезентация паремиологических концептов «Страх» / “Fear” в русском и английском языках, а также сопоставление их смысловых пересечений и различий.

Доказано, что данный тип концептов относится к эмоциональным культурным концептам, или концептам эмоциональных состояний человека (emotional reaction). В работе В. Ю. Апресяна представлено систематическое описание межъязыковых сходств и различий в концептуализации эмоций на материале русского и английского языков; ученый доказал, что «в обоих языках используются одни и те же метафорические средства для обозначения <…> типа поведения, вызванного страхом. Негативно окрашенная метафора страха строится на физиологической симптоматике страха у людей и у животных»[1]. Однако лингвист В. И. Шаховский утверждает, что идентичные эмоциональные культурные концепты разных стран обладают неодинаковой спецификой языкового выражения; это позволяет исследователям сравнивать языки с учетом дальнейшего изучения картин мира различных народов[2]. В статье И. В. Барсуковой проводится сопоставительный анализ трактовок культурных концептов эмоциональных состояний, предложенных отечественными и зарубежными специалистами с точки зрения оценочных, регуляторных и когнитивных компонентов эмоций[3]. Особое внимание уделяется известной теории польского лингвиста А. Вежбицкой, считающей, что «человеческая интерпретация собственных эмоций зависит от лексической “сетки координат”, которую дает им родной язык»[4].

Немало работ посвящено подробному анализу конкретных концептов. В труде Ю. С. Скворцовой, рассматривающей семантику концепта «Страх» и средства его вербализации в русском и французском языках, отмечается, что связь между семантикой слов, вербализующих концепт, и их сочетаемостью с другими лексическими

[1] Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 42.

[2] Шаховский В. И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты: сборник научных трудов / под редакцией В. И. Карасика. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 122–133.

[3] Барсукова И. В. Систематизация лингвистических концептов эмоциональных состояний // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 4 (63). С. 13–18.

[4] Там же. С. 14.

единицами не является абсолютной и однозначно предсказуемой[1], что подтверждают и результаты нашего исследования паремий. В статье И. Вотяковой и Л. Килиной рассмотрены две важные семантические зоны, характеризующие словообразовательное гнездо концепта «Страх», – это действие и признак. Лингвисты отмечают, что субъект не имеет производных в структуре словообразовательного гнезда существительных, репрезентирующих данный эмоциональный концепт[2]. Такое наблюдение оказывается интересным в контексте анализа выбранных нами паремий.

В исследовании С. В. Зайкиной, посвященном изучению эмоционального концепта «Страх» в русской и английской лингвокультурах, указано, что «для русского человека переживание страха представляет собой глубокое, мучительное чувство, затрагивающее душу, а для англичанина переживание страха сопряжено с внешними физическими неудобствами»[3]. Кроме этой особенности восприятия и оценки вышеназванного явления отмечается, что в английском языке существует тенденция к акцентированию на манипулятивной функции страха, а в русском языке чаще описана сама симптоматика страха, переживание человека по этому поводу[4].

В статье Т. И. Попович заостряется внимание на актуализации каузаторов эмоционального концепта «Страх» в современном англоязычном художественном дискурсе. Автор утверждает, что доминируют биологический, социальный, дезинтеграционный и моральный каузаторы, демонстрируя значимость негативного эмоционального состояния субъекта[5].

И. В. Захаренко и Н. Б. Нестерова, проведя свободный ассоциативный эксперимент с носителями русского языка, устанавливают следующее: концепт «Страх» исключительно многогранен по своей семантике, поскольку доминантные ассоциации указывают на физические проявления страха и на явления, внушающие страх; на враждебные человеку существа и на животных, птиц, растений; на цветовые эмоции и т. д.[6] Отметим, что практически все обнаруженные с помощью эксперимента эмоции находят воплощение в русских и английских паремиях.

Л. В. Воронин, описывая концепт «Страх» в русском и немецком языках, констатирует, что «страх – это активно действующий враг, совершающий насилие над че-

[1] Скворцова Ю. С. Семантика страха и средства ее вербализации в русском и французском языках. URL: http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Skvortsova.htm (дата обращения: 11.03.2022).

[2] Вотякова И., Килина Л. Словообразовательное гнездо как способ репрезентации концепта «страх» в русском языке // Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы / под редакцией И. Любохи-Круглик и др. Katowice: Śląsk; Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, 2017. С. 353.

[3] Зайкина С. В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: [б. и.], 2004. С. 23.

[4] Там же.

[5] Попович Т. И. Актуализация каузаторов эмоционального концепта *страх* (на материале современного англоязычного художественного дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (21): в 2 ч. Ч. 1. С. 133–136.

[6] Захаренко И. В., Нестерова Н. Б. Представления о «страхе» в русской лингвокультуре (по данным проведенного эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / под редакцией В. В. Красных, А. И. Изотова. Москва: МАКС Пресс, 2012. Вып. 44. С. 54–62.

ловеком, способный оказывать пагубное воздействие на психику человека и даже убивать»[1].

Анализируя семантическое поле и синтаксическую структуру словосочетаний с лексемой *страх* во французском языке, Л. Штребель отмечает, что важную роль в концептуализации страха играет интенсивность эмоции, которая проявляется при непосредственном переживании страха, а также в его языковой объективации[2]. С психолингвистической точки зрения на материале английского, немецкого и некоторых других языков страх рассмотрен, например, в статье А. Чемберлена “On the Words for ‘Fear’ in Certain Languages. A Study in Linguistic Psychology”[3].

Таким образом, результаты анализа работ, в которых исследуется явление страха, подтверждают, что субъект речи пытается с помощью вербализации защититься от опасного чувства, дать ему название и оценочную характеристику для того, чтобы иметь над ним определенный контроль.

Далее более подробно рассмотрим специфику концептуальной семантики как русских, так и английских паремий на примере отобранного нами языкового материала. Принимая во внимание существующие подходы лингвистов, отражающие специфику концепта «Страх», мы предлагаем фрагмент классификации, составленной нами с учетом критерия сущностной концептуализации страха, выявленной на основе паремиологических употреблений в русском и английском языках.

Наше исследование базируется на определении значения лексемы *страх*, представляющего собой семантическую сущность со следующими ядерными позициями: СТРАХ[1] – 1. *только ед.* Состояние крайней тревоги и беспокойства от испуга, от грозящей или ожидаемой опасности; 2. *только мн*. Представления, события или предметы, пугающие чем-н., вызывающие чувство боязни, ужаса, опасения (*разг.*); 3. *только ед.* Риск, ответственность за исход чего-н., за совершенные действия. СТРАХ[2], *нареч*. (*разг. фам.*). Очень, чрезвычайно, сильно[4].

Для выявления понятийного аспекта концепта “Fear” в английском языке обратимся к англоязычным толковым словарям. Слово *fear* имеет следующие значения: 1. The emotion of pain or uneasiness caused by the sense of impending danger, or by the prospect of some possible evil. 2. An instance of the emotion; a particular apprehension of some future evil. 3. A state of alarm or dread. 4. Apprehension or dread of something that

[1] Воронин Л. В. Концепт «страх» в русском и немецком языках (контрастивный анализ на материале произведений М. Булгакова, К. Тухольского и их переводов на английский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 2005. С. 12.

[2] Ströbel L. Linguistic Realizations of the Concept of FEAR // Meaning, Frames, and Conceptual Representation / edited by T. Gamerschlag etc. Düsseldorf: Düsseldorf University Press, 2015, pp. 219–236. https://doi.org/10.1515/9783110720129-011.

[3] Chamberlain A. F. On the Words for “Fear” in Certain Languages. A Study in Linguistic Psychology // The American Journal of Psychology. 1899. Vol. 10, no. 2. P. 302–305. https://doi.org/10.2307/1412486.

[4] Страх // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под редакцией Д. Н. Ушакова. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных слов, 1940. Т. 4: С–Ящурный. URL: http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/18/us454911.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 11.03.2022).

will or may happen in the future. 5. Apprehensive feeling towards anything regarded as a source of danger, or towards a person regarded as able to inflict injury or punishment. 6. A mingled feeling of dread and reverence towards God. 7. Solicitude, anxiety for the safety of a person or thing. 8. Ground or reason for alarm[1]; 1. The feeling you get when you are afraid or worried that something bad is going to happen. 2. The possibility or danger that something bad might happen[2]; 1. An unpleasant emotion or thought that you have when you are frightened or worried by something dangerous, painful, or bad that is happening or might happen[3]. В качестве глагола лексема *fear* употребляется в следующих значениях: 1. To be frightened of something or someone unpleasant. 2. To be worried or frightened that something bad might happen or might have happened[4].

Сопоставим основные семы вышеуказанных слов для того, чтобы определить границы номинативного поля: «страх» в русском языке: 1) испуг, боязнь, ужас, тревога, беспокойство, опасение (чувство или состояние, в том числе в ожидании чего-либо); 2) события и предметы, вызывающие страх (причина, каузатор страха); 3) богобоязненность; “fear” в английском языке: 1) alarm, anxiety, uneasiness, dread, apprehension (чувство / состояние); 2) possibility, danger (опасность, возможность чего-то нежелательного); 3) a feeling of dread and reverence towards God (чувство страха и благоговения перед Богом). Отметим ряд различий в семантическом представлении страха, характерных для носителей сопоставляемых языков. В русском языке присутствует сема ‘испуг’, подчеркивающая внезапность рассматриваемого чувства; кроме того, релевантным является семантический компонент ‘риск’, актуализирующий признак ответственности за совершенное действие. Слово *страх* как наречие имеет значение чрезмерности качества или признака. В английском языке выделяются семы ‘pain’ (боль), ‘evil’ (зло, беда), ‘injury’ (рана, повреждение), ‘punishment’ (наказание), ‘solicitude’ (забота, внимательность), которые уточняют возможную причину, вызвавшую чувство страха. Страх связан с вполне определенными психофизиологическими (pain, injury) и социальными (punishment) угрозами, а также морально-этическими нормами (evil, solicitude).

В качестве деривационных репрезентаторов страха в русских паремиях выступают прежде всего прилагательное *страшный*, наречие *страшно*, слово категории состояния *страшно*. В целом «дериваты лексемы *страх – страшилище*, *страшила*, *страшить*, *страшливый*, *страшный*, *страшенный*, *страхолюдный*, *страшно*, *страшать* используются в языке очень широко, причем, как правило, в прямом значении, сохраняя инвариантную сему ‘состояние, эмоция страха’»[5]. Деривационные репре-

[1] Fear // Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/oed2/00083015;jsessionid=3DC39204AB58F4737AC15CA47651324D (дата обращения: 11.03.2022).

[2] Fear // Longman Dictionary of Contemporary English. URL: http://www.вокабула.рф/словари/ldoce/fear (дата обращения: 11.03.2022).

[3] Fear // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/fear (дата обращения: 11.03.2022).

[4] Там же.

[5] Беловольская Л. А. Семантический объем лексем *страх – страшно* в пространстве русского языка // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 1. С. 83.

зентаторы исследуемого нами явления в английских паремиях ограничены лексемой *fearful* (*As fearful as Plutus*).

Номинантами эмоции *страха* служат следующие синонимичные лексемы: в русском языке – *паника*, *фобия*, *жуть*, *испуг*, *ужас*, *тревога*, *опасение*, *опаска*, *боязнь*; в английском – *alarm*, *anxiety*, *dread*, *fearfulness*, *fright*, *horror*, *panic*, *scare*, *terror*, *trepidation*. В качестве антонимов к слову *страх* в русском языке выступают *смелость*, *доверие*, *доблесть*, *самоуверенность*, *бесстрашие*, *любопытство*, *отвага*, *покой*, *храбрость*); в английском – *bravery*, *courage*, *courageousness*, *daring*, *dauntlessness*, *doughtiness*, *fearlessness*, *fortitude*, *gallantry*, *hardihood*, *intrepidity*, *intrepidness*, *stoutness*, *valor*.

Среди наиболее популярных ассоциаций с лексемой *страх* в русском языке можно отметить такие, как *ужас*, *боязнь*, *темнота*, *фобия*, *испуг*, *бояться*, *страшно*, *высота*, *чувство*, *ночь*; в английском – *panic*, *anxiety*, *dread*, *emotion*, *phobia*, *risk*, *fright*, *fearfulness*, *concern*, *awe*, *horror*, *afraid*, *intimidation*, *apprehension*, *worry*[1].

Обозначим основную проблематику анализа данных лексем как в их одиночном употреблении, так и в сопоставлении между собой. Результаты исследования языкового материала свидетельствуют о том, что явление страха как концептуализированной сущности может быть рассмотрено в определенных координатах. К ним мы относим **оценочную каузацию**, сопровождаемую наличием поведенческой **нормы** и **хронотопа** (в его рамках осуществляется референциальная ситуация).

Каузация понимается нами, вслед за Г. А. Золотовой, как «выражение причинно-следственных отношений, в которых воздействие субъекта или события вызывает действие, состояние, изменение качества другого субъекта»[2]. Мы разделяем точку зрения Л. Г. Ефановой, определяющей норму как «общенаучную категорию, отражающую наиболее общие и значимые законы природы, общества и мышления»[3]. Норма может обладать свойствами идеала, возникающего на основании представления человека о благе, а также стереотипа, посредством которого формируются представления человека о взаимодействии его с миром[4]. Хронотоп как понятие, получившее свое наполнение в гуманитарных науках, ввел философ М. М. Бахтин[5], показав взаимосвязь времени и пространства в репрезентирующих его языковых единицах.

Для определения специфики референциального и инференциального смысла *страха* в структуре паремий обратимся к наличию в них вышеуказанных координат: *У самого берега и море не страшно* (пространство, оценка); *Кто смел, тот наперед поспел* (оценка, время); *Нечего тому страшиться, кто ничего не боится* (норма);

[1] Fear // Related Words. URL: https://relatedwords.org/relatedto/fear (дата обращения: 11.03.2022).

[2] Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва: Наука, 2004. С. 267.

[3] Ефанова Л. Г. Норма как философская и семантическая категория // Вестник науки Сибири. 2015. № 1 (16). С. 70.

[4] Там же.

[5] Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.

Правда страха не ведает: сама страхи убивает; *Страху в глаза гляди, не смигни, а смигнешь – пропадешь*; *Где закон, там и страх*; *Иду вперед, лучше страх не берет*; *Пока молод, не страшен ни жар, ни холод* (каузация); *Стращай того, кто не смыслит ничего!*; *У страха глаза велики* (оценка) и т. п. В английском языке обнаруживаем следующие пословицы: *He that lives ill, fear follows him*; *Do right and fear no man*; *When we have gold we are in fear; when we have none we are in danger*; *To have money is a fear, not to have it a grief*; *He is never likely to have a good thing cheap that is afraid to ask the price* (каузация); *Fear (suspicion) is one part of prudence*; *There is no medicine (remedy) for fear (but cut off the head)*; *Fear nothing but sin*; *To fright a bird is not the way to catch her* (норма); *All the weapons of war (arms of England) will not arm fear*; *Fools rush in where angels fear to tread*; *Foolish fear doubles danger*; *He that fears death lives not*; *Fear has a quick ear* (оценка).

Возникает вопрос: какова логическая связь между последовательностью результатов деятельности субъекта и его оценок этой деятельности? Ответ, вероятно, кроется в народном опыте, основанном на повторяющихся референциальных ситуациях, ставших катализатором появления причинно-следственных связей, зафиксированных в паремиях. Каузация «поддерживается» некой условной нормой поведения людей, хронотопом, в котором происходит реальное или предполагаемое действие, и формирует смысловое поле реализации признака, характеризующего страх.

Референциальный смысл паремий обусловлен контролируемой ментальной оценочной ситуацией, определяемой верой говорящего в собственные силы. Адресант, обобщая человеческий опыт, пытается помочь виртуальному адресату в преодолении чувства страха, обосновывая в высказывании механизмы его преодоления. Выводной смысл паремий с учетом отмеченных координат трактуется как отрицание самой эмоции при правильном поведении. Оценка пространства также основывается на причинно-следственной связи: *У самого берега и море не страшно* (на суше море не страшно, поскольку берег хоть и край, но часть суши); *Кто смел, тот наперед поспел* (чем больше знания и умения, тем меньше страха); *Стращай того, кто не смыслит ничего!*; *У страха глаза велики*; *Правда страха не ведает: сама страхи убивает*; *Страху в глаза гляди, не смигни, а смигнешь – пропадешь* (правда сильнее страха; страх боится прямого взгляда – взгляда смелости); *Где закон, там и страх* (социальный аспект поднимается в связи с нормой поведения: наличие закона – это выполнение обязательств, подчинение ему); *Пока молод, не страшен ни жар, ни холод* (компонент времени как показатель молодости обусловливает проявление человеком смелости в связи с наличием у него здоровья и сил); *Иду вперед, лучше страх не берет* (перед первым как самым смелым страх отступает) и т. д.

Каузация в английских паремиях ориентирована на общечеловеческие ценности: *He that lives ill, fear follows him*; *Do right and fear no man* (не совершай плохих поступков, и тебе нечего будет бояться). Особое внимание в английской языковой картине мира уделяется значимости благосостояния: *When we have gold we are in fear; when we have none we are in danger*; *To have money is a fear, not to have it a grief* (наличие материальных благ порождает страх, но при этом их отсутствие представляет опасность для человека и приносит горе); *He is never likely to have a good thing cheap that is afraid to ask the price*) неумение вести торговые отношения приводит к

отсутствию необходимых благ. В последнем примере четко просматриваются капиталистические ценности британской лингвокультуры.

В паремиях с семантикой ‘fear’ также представлены нормы, опирающиеся на социальные конвенции: *Fear (suspicion) is one part of prudence* (страх порождает осторожность, а осторожность – одно из глубинных проявлений мудрости); *There is no medicine (remedy) for fear (but cut off the head)* (нет лекарства против страха, т. е. страх – вполне естественная эмоция); *Fear nothing but sin* (по-настоящему бояться нужно только греха, так как грех – ярко выраженная антинорма), *To fright a bird is not the way to catch her* (лучше скрывать свои злые намерения, чтобы никто не помешал их воплощению). Последний пример служит образцом того, что хитрость в определенных обстоятельствах может быть нормой. Цель использования оценочных паремий состоит в желании осуществить эмоциональное воздействие на слушателя, основанное на порицании: *Fools rush in where angels fear to tread* (глупцам свойственны необдуманные поступки); *Foolish fear doubles danger* (неоправданный страх влечет за собой еще большую опасность); *He that fears death lives not* (если быть очень осторожным, то ничего не достигнешь); *Fear has a quick ear* (полученный ранее отрицательный опыт может сделать человека чрезмерно осторожным, людям свойственно преувеличивать свои страхи).

Таким образом, инференциальный (выводной) смысл выявляется прежде всего в структуре **причинно-следственных отношений**.

Лингвист Е. В. Иванова отмечает, что в русских паремиях преимущественно проявляется крестьянский менталитет[1]. Приведем конкретные примеры: *Пустив козла в огород, яблонь страхом не огородишь*; *Что плохо положено, страхом не огорожено*; *Казенное добро страхом огорожено*; *Чужое добро страхом огорожено* и др. Антонимичные по смыслу паремии, связанные с концептом «Огород» как знаком границы, транслируют своеобразный способ защиты *от* страха либо свободу *для* страха. С точки зрения адресанта референциальной ситуации, в паремии выявляется инференциальный смысл: «огородить» – значит спасти от урона, поскольку страх не пересекает границу.

Крестьянский менталитет находит отражение и в паремиях, характеризующих быт славян, например: *Всяк страх в дому хорош*; *Где страх, там и принуждение*; *Не потакай своим, чтобы задать страха чужим* (1); *Страшно дело до зачину* (2); *Не страшись, да и не хвались* (3); *На всяку беду страха не напасешься* и др. Паремии данного типа описывают поведенческие реакции, которые адресаты должны воспринимать в качестве нормы: *подчиняйся и повинуйся главному в доме* (1); *не бойся новых дел – дерзай* (2); *выбирай правильную позицию* (3); *будь спокоен и мужественен* (4). В крестьянском менталитете англосаксов присутствует убеждение в том, что страх обеспечивает безопасность участка (сада, виноградника) лучше, чем это сделал бы владелец или садовник (*Fear keeps and looks to the vineyard, and not the owner*; *Fear keeps the garden better than the gardener*). Вероятно, в подобных паремиях проявляется уважение к закону, характерное для английской культуры.

[1] Иванова Е. В. Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2003. 38 с.

Тема хронотопа и поведения в определенных условиях также актуальна для русских паремий с лексемой *страх* и ее дериватами, например: *Страх по пятам за неправдой ходит* (1); *Страшен сон, да милостив Бог* (2); *Не стращай утку водой*; *Соколу лес не страшен*; *В согласном стаде волк не страшен* (3); *За Москву-мать не страшно и умирать* (4); *Беда не страшит, а путь укажет* (5) и др. Формируется некий абстрактный хронотоп, обладающий высокой степенью условности, поскольку страх понимается как живое существо, выбирающее «партнера» с негативной оценкой для сосуществования в рамках одного пространства. В паремиях постулируется предупреждение об опасности (1); опасность хронотопа сна как возможной инфернальной силы снижается при поддержке Бога (2); тема бесстрашия обусловлена сопоставлением человеческих реакций с реакциями птиц и животных, она подчеркивает, что бывалому человеку в своей привычной среде нет необходимости бояться чего-либо, тем самым снижается уровень страха (3). В некоторых случаях хронотоп приобретает реальные черты и характеризует патриотизм русского человека: столица государства определяется словом «мать», следовательно, тема сыновней защиты нивелирует эмоцию страха смерти (4); мужественное отношение к возможной беде обусловливает смысл хронотопа «путь» (5). Хронотоп в английских паремиях представлен небольшим количеством пространственных и временных кодов. Прежде всего этого локусы, имеющие отношение к ограниченному пространству, например: страна (*All the arms of England will not arm fear*); сад, виноградник (*Fear keeps and looks to the vineyard, and not the owner*; *Fear keeps the garden better than the gardener*); дом (*Burn not your house to fright the mouse away*); навозная куча (*A cock is bald on his own dunghill*). Если пространственные координаты в английских паремиях достаточно конкретны, то формы времени отличаются абстрактностью: *Afraid of far enough* (бояться того, что может никогда не наступить); *When he dies for age you may quake for fear* (пословицу используют, когда хотят сказать человеку, что он ненамного моложе кого-то); *Fear lends wings* (страх заставляет человека действовать быстрее).

Для того чтобы дополнить понимание концептуального смысла русских паремий в сопоставительном аспекте, обратимся к антонимичному номинанту страха – бесстрашию, означающему отсутствие страха, смелость, отвагу. Данная лексема передает положительную эмоциональную оценку (в отличие от лексемы *страх*), например: *Бесстрашие – мать победы*. Паремий с указанной лексической единицей практически не встречается в русском языке, однако существуют паремии со схожей семантикой, передаваемой посредством замещающей лексики: *Кто смерти не боится, того и пуля сторонится*; *Кто смотрит глазами смелости, тот будет в целости*; *Отвага мед пьет* и др. В русском языке концептуализированная лексема *бесстрашие* антонимична страху и синонимична риску: *Риск на войне – родной брат отваге*; *Кто храбр – тот жив, кто смел – тот цел*; *Нечего тому страшиться, кто ничего не боится*; *Отважному человеку никакое дело не страшно*; *Такое уж дело, что надо идти смело* и др. В британской лингвокультуре смелость также рассматривается в тесной взаимосвязи с явлением страха: иногда слыть трусом страшнее любой другой опасности (*Many would be cowards if they had courage enough*); смелость может быть лишь видимостью (*A cock is bald on his own dunghill*); тот, кто первым пробует что-то

новое, является смельчаком (*He was a bold man that first ate an oyster*) и др.

Эмоциональная оценочность в большей степени присутствует в высказываниях с каузацией, указывающих на хронотоп или норму. Пространство и время значимы для говорящего по причине своего бесконечного разнообразия; в паремиях представлены либо бесконечные нарушения нормы, либо ее оценочная мотивировка, например: *Под страхом ножки хрупки* (пространство); *Страшно видится, а сделается – слюбится* (норма); *Где страх, там и стыд* (каузация).

Выводы

В ходе проведенного сопоставительного анализа паремий нами было обнаружено, что концептуальный смысл ‘страх’, складывающийся из лексического значения и конкретного употребления лексемы в русских и английских высказываниях, приобретает следующие черты:

1) страх характеризуется как субъект или объект, обладающий серьезной и опасной силой воздействия на человека, так как данная эмоция связана с вполне определенными психофизиологическими и социальными угрозами;

2) хронотоп бытования страха весьма условен, поскольку само чувство ирреально, но конкретизируется в человеческом сознании как яркая негативно-оценочная эмоция;

3) вербализация страха реализуется преимущественно в структуре причинно-следственных отношений, формирующихся при определенных обстоятельствах с целью осуществления какого-либо действия; каузация, как правило, носит оценочный характер двух полюсов – страшно / не страшно;

4) в английских паремиях выявляется позитивная функция страха, заключающаяся в наличии сопровождающей его осторожности как показателя мудрости, способной уберечь человека от опасности;

5) в английских паремиях фиксируется страх, сопряженный с вероятностью потери материальных ценностей и наказанием при несоблюдении норм закона.

Сопоставительная интерпретация русских и английских паремий с концептуальным смыслом ‘страх’ выявляет наличие объективных критериев, демонстрирующих сходство и различие языкового выражения одной из базовых человеческих эмоций, представленной в обоих языках.

Список источников

Аветисян А. Ф. Сопоставительный анализ вербальных и невербальных репрезентантов концепта *страх* (на материале евангельских текстов и романа Ч. Айтматова «Плаха») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 3. С. 103–110.

Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 19–51.

Банокина К. О., Романюк М. Ю. О классификации паремий, содержащих компоненты семантического поля «Страх» в русском и английском языках // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 1 (176). С. 25–32.

Барсукова И. В. Систематизация лингвистических концептов эмоциональных состояний //

Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 4 (63). С. 13–18.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.

Беловольская Л. А. Семантический объем лексем *страх – страшно* в пространстве русского языка // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 1. С. 83–85.

Васильева Н. А. Феномен страха: онтологический статус и пути преодоления страха // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 228–231.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1996. 416 с.

Воронин Л. В. Концепт «страх» в русском и немецком языках (контрастивный анализ на материале произведений М. Булгакова, К. Тухольского и их переводов на английский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 2005. 17 с.

Вотякова И., Килина Л. Словообразовательное гнездо как способ репрезентации концепта «страх» в русском языке // Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы / под редакцией И. Любохи-Круглик и др. Katowice: Śląsk; Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, 2017. С. 341–354.

Вэленс А. де. Заметки о понятии страха в современной философии // Феномен человека: Антология / составитель П. С. Гуревич. Москва: Высшая школа, 1993. С. 297–306.

Галанина В. В. Концептуализация страха: проблема лингвистического анализа эмоций (на материале диалектной речи) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов VII (XXI) Международной научно-практической конференции молодых ученых (16–18 апреля 2020 г.) / под редакцией А. Г. Кожевниковой. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. Вып. 21. С. 77–80.

Глушкова Т. С. Репрезентация концепта «страх» в русском языке (на материале лексикографических источников, паремий и текстов социальной рекламы) // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 4. С. 974–989.

Гришин А. А. Феномен ужаса: этико-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново: [б. и.], 2015. 21 с.

Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Москва: ЭКСМО-Пресс, 2000. 606 с.

Ефанова Л. Г. Норма как философская и семантическая категория // Вестник науки Сибири. 2015. № 1 (16). С. 70–78.

Зайкина С. В. Синтаксическая прагматика английских и русских пословиц и поговорок, объективирующих страх // Проблемы современной лингвистики: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2003. Вып. 2. С. 22–27.

Зайкина С. В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: [б. и.], 2004. 24 с.

Захаренко И. В., Нестерова Н. Б. Представления о «страхе» в русской лингвокультуре (по данным проведенного эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / под редакцией В. В. Красных, А. И. Изотова. Москва: МАКС Пресс, 2012. Вып. 44. С. 54–62.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва: Наука, 2004. 544 с.

Иванова Е. В. Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2003. 38 с.

Кириллова Н. В. Концептуализация эмоции страха в разноструктурных языках (на материале русского, английского и чувашского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары: [б. и.], 2007. 30 с.

Кьеркегор С. Страх и трепет. Москва: Республика, 1993. 383 с.

Подлесова О. А. Английские лингвокультурные концепты отрицательных эмоций “fear” – “terror” // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 5 (106). С. 75–79.

Попович Т. И. Актуализация каузаторов эмоционального концепта *страх* (на материале современного англоязычного художественного дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (21): в 2 ч. Ч. 1. С. 133–136.

Привалова И. В. Аксиологический компонент паремий: специфика и роль в межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 3. С. 143–157.

Свендсен Л. Философия страха. Москва: Прогресс-Традиция, 2010. 288 с.

Скворцова Ю. С. Семантика страха и средства ее вербализации в русском и французском языках. URL: http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Skvortsova.htm (дата обращения: 11.03.2022).

Стернин И. А., Стернина М. А. Сопоставление как лингвистическая методология // Сопоставительные исследования 2015 / под редакцией М. А. Стерниной. Воронеж: Истоки, 2015. С. 3–11.

Страх // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под редакцией Д. Н. Ушакова. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных слов, 1940. Т. 4: С–Ящурный. URL: http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/18/us454911.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 11.03.2022).

Урысон Е. В. Понятие нормы в метаязыке современной семантики (Параметры человеческого тела с точки зрения русского языка) // Слово в тексте и в словаре: сборник статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна / под редакцией Л. Л. Иомдина, Л. П. Крысина. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 243–252.

Шаховский В. И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты: сборник научных трудов / под редакцией В. И. Карасика. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 122–133.

Chamberlain A. F. On the Words for “Fear” in Certain Languages. A Study in Linguistic Psychology // The American Journal of Psychology. 1899. Vol. 10, no. 2. P. 302–305. https://doi.org/10.2307/1412486.

Fear // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/fear (дата обращения: 11.03.2022).

Fear // Longman Dictionary of Contemporary English. URL: http://www.вокабула.рф/словари/ldoce/fear (дата обращения: 11.03.2022).

Fear // Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/oed2/00083015;jsessionid=3DC39204AB58F4737AC15CA47651324D (дата обращения: 11.03.2022).

Fear // Related Words. URL: https://relatedwords.org/relatedto/fear (дата обращения: 11.03.2022).

Ströbel L. Linguistic Realizations of the Concept of FEAR // Meaning, Frames, and Conceptual Representation / edited by T. Gamerschlag etc. Düsseldorf: Düsseldorf University Press, 2015, pp. 219–236. https://doi.org/10.1515/9783110720129-011.

The Oxford Dictionary of English Proverbs / compiled by W. G. Smith. Oxford: Clarendon Press, 1949. 645 p. URL: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.227228 (дата обращения: 11.03.2022).

References

Avetisian A. F. Sopostavitel'nyi analiz verbal'nykh i neverbal'nykh reprezentantov kontsepta *strakh* (na materiale evangel'skikh tekstov i romana Ch. Aitmatova “Plakha”) [Comparative analysis of verbal and non-verbal representations of the concept of fear (using the gospel texts and Chingiz Aitmatov’s novel “The scaffold”)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2020, vol. 42, no. 3, pp. 103–110.

Apresian V. Iu. Opyt klasternogo analiza: russkie i angliiskie emotsional'nye kontsepty

[Experience of cluster analysis: Russian and English emotional concepts]. *Voprosy iazykoznaniia* [Topics in the study of language], 2011, no. 1, pp. 19–51.

Banokina K. O., Romaniuk M. Iu. O klassifikatsii paremii, soderzhashchikh komponenty semanticheskogo polia “Strakh” v russkom i angliiskom iazykakh [Comparative classification of idioms having in its composition components of LSF “FEAR” / “STRAKH” in Russian and English languages]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2015, no. 1 (176), pp. 25–32.

Barsukova I. V. Sistematizatsiia lingvisticheskikh kontseptov emotsional'nykh sostoianii [Linguistic concepts of emotional state systematization]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2008, no. 4 (63), pp. 13–18.

Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniia raznykh let* [Questions of literature and aesthetics: studies of different years]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1975. 504 p.

Belovol'skaia L. A. Semanticheskii ob"em leksem *strakh – strashno* v prostranstve russkogo iazyka [The semantic volume of lexemes *strakh – strashno* in the space of the Russian language]. *Izvestiia vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of Higher Education Institutes. North Caucasus Region. Social Sciences], 2005, no. 1, pp. 83–85.

Vasil'eva N. A. Fenomen strakha: ontologicheskii status i puti preodoleniia strakha [Fear phenomenon: ontological status and ways of fear overcoming]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* [The world of science, culture and education], 2014, no. 5 (48), pp. 228– 231.

Vezhbitskaia A. *Iazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language, culture and cognition]. Moscow: Russkie slovari, 1996. 416 p.

Voronin L. V. *Kontsept “strakh” v russkom i nemetskom iazykakh (kontrastivnyi analiz na materiale proizvedenii M. Bulgakova, K. Tukhol'skogo i ikh perevodov na angliiskii iazyk)* [The concept of “fear” in Russian and German (a comparative analysis based on the works of M. Bulgakov, K. Tucholsky and their translations into English): Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2005. 17 p.

Votiakova I., Kilina L. Slovoobrazovatel'noe gnezdo kak sposob reprezentatsii kontsepta “strakh” v russkom iazyke [Family of words as a way of representing the concept of “fear” in the Russian language]. *Rusistika i sovremennost'. Starye voprosy, novye otvety* [Rusistics and modernity. Old questions, new answers; ed. by I. Liubokha-Kruglik i dr.]. Katowice: Śląsk; Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, 2017, pp. 341–354.

Velens A. de. Zametki o poniatii strakha v sovremennoi filosofii [Notes on the concept of fear in contemporary philosophy]. *Fenomen cheloveka: Antologiia* [Human phenomenon: Anthology; compiled by P. S. Gurevich]. Moscow: Vysshaia shkola, 1993, pp. 297–306.

Galanina V. V. Kontseptualizatsiia strakha: problema lingvisticheskogo analiza emotsii (na materiale dialektnoi rechi) [Conceptualization of fear: the problem of linguistic analysis of emotions (by the material of dialect speech)]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniia: sbornik materialov VII (XXI) Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh (16–18 aprelia 2020 g.)* [Topical issues of linguistics and literary criticism: Proceedings of the VII (XXI) International research and practice conference of young scientists (April 16–18, 2020); ed. by A. G. Kozhevnikova]. Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2020, iss. 21, pp. 77–80.

Glushkova T. S. Reprezentatsiia kontsepta “strakh” v russkom iazyke (na materiale leksikograficheskikh istochnikov, paremii i tekstov sotsial'noi reklamy) [Representation of the concept “FEAR” in the Russian language (based on the material of lexicographic sources, proverbs and texts of social advertising)]. *Kommunikativnye issledovaniia* [Communication studies], 2019, vol. 6, no. 4, pp. 974–989.

Grishin A. A. *Fenomen uzhasa: etiko-filosofskii analiz* [The phenomenon of horror: ethical and philosophical analysis: Abstract Cand. thesis in Philosophical Sciences]. Ivanovo, 2015. 21 p.

Dal' V. I. *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda* [Proverbs and sayings of the Russian people]. Moscow: EKSMO-Press, 2000. 606 p.

Efanova L. G. Norma kak filosofskaia i semanticheskaia kategoriia [Norm as a philosophical and semantic category]. *Vestnik nauki Sibiri* [Bulletin of Siberian Science], 2015, no. 1 (16), pp. 70–78.

Zaikina S. V. Sintaksicheskaia pragmatika angliiskikh i russkikh poslovits i pogovorok, ob"ektiviruiushchikh strakh [Syntactic pragmatics of English and Russian proverbs and sayings representing fear]. *Problemy sovremennoi lingvistiki: sbornik nauchnykh trudov* [Issues of modern linguistics: a collection of scientific works]. Volgograd: Peremena, 2003, iss. 2, pp. 22–27.

Zaikina S. V. *Emotsional'nyi kontsept "strakh" v angliiskoi i russkoi lingvokul'turakh (sopostavitel'nyi aspekt)* [Emotional concept of "fear" in English and Russian linguocultures (comparative aspect): Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Volgograd, 2004. 24 p.

Zakharenko I. V., Nesterova N. B. Predstavleniia o "strakhe" v russkoi lingvokul'ture (po dannym provedennogo eksperimenta) [Ideas about "fear" in Russian linguoculture (according to the experiment)]. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia: sbornik statei* [Language, consciousness, communication: a collection of papers; ed. by V. V. Krasnykh, A. I. Izotov]. Moscow: MAKS Press, 2012, iss. 44, pp. 54–62.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Iu. *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow: Nauka, 2004. 544 p.

Ivanova E. V. *Poslovichnaia kontseptualizatsiia mira (na materiale angliiskikh i russkikh poslovits)* [Proverbial conceptualization of the world (based on the material of English and Russian proverbs): Abstract Dr thesis in Philological Sciences]. St Petersburg, 2003. 38 p.

Kirillova N. V. *Kontseptualizatsiia emotsii strakha v raznostrukturnykh iazykakh (na materiale russkogo, angliiskogo i chuvashskogo iazykov)* [Conceptualization of fear emotion in languages with different structures (by the material of the Russian, English and Chuvash languages): Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Cheboksary, 2007. 30 p.

K'erkegor S. *Strakh i trepet* [Fear and Trembling]. Moscow: Respublika, 1993. 383 p.

Podlesova O. A. Angliiskie lingvokul'turnye kontsepty otritsatel'nykh emotsii "fear" – "terror" [English linguistic and cultural concepts of negative emotions ("fear" – "terror")]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2013, no. 5 (106), pp. 75–79.

Popovich T. I. Aktualizatsiia kauzatorov emotsional'nogo kontsepta *strakh* (na materiale sovremennogo angloiazychnogo khudozhestvennogo diskursa) [The causers actualization of emotional concept fear (by the material of modern English-language literary discourse)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2013, no. 3 (21): in 2 parts, part 1, pp. 133–136.

Privalova I. V. Aksiologicheskii komponent paremii: spetsifika i rol' v mezhkul'turnoi kommunikatsii [Axiological component of paroemias: specificity and role in intercultural comm unication]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 2021, no. 3, pp. 143–157.

Svendsen L. *Filosofiia strakha* [A philosophy of fear]. Moscow: Progress-Traditsiia, 2010. 288 p.

Skvortsova Iu. S. *Semantika strakha i sredstva ee verbalizatsii v russkom i frantsuzskom iazykakh* [Semantics of fear and the means of its verbalization in the Russian and French languages]. Available at: http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Skvortsova.htm (accessed: 11.03.2022).

Sternin I. A., Sternina M. A. Sopostavlenie kak lingvisticheskaia metodologiia [Comparison as a linguistic methodology]. *Sopostavitel'nye issledovaniia 2015* [Comparative studies 2015; ed. by M. A. Sternina]. Voronezh: Istoki, 2015, pp. 3–11.

Strakh [Fear]. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vol.; ed. by D. N. Ushakov]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i

natsional'nykh slov, 1940, vol. 4: S–Iashchurnyi. Available at: http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/18/us454911.htm?cmd=0&istext=1 (accessed: 11.03.2022).

Uryson E. V. Poniatie normy v metaiazyke sovremennoi semantiki (Parametry chelovecheskogo tela s tochki zreniia russkogo iazyka) [The concept of a norm in the meta-language of modern semantics (Parameters of the human body from the point of view of the Russian language)]. *Slovo v tekste i v slovare: sbornik statei k semidesiatiletiiu akademika Iu. D. Apresiana* [Word in the text and in the dictionary: a collection of papers for the seventieth anniversary of academician Yu. D. Apresyan; ed. by L. L. Iomdin, L. P. Krysin]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000, pp. 243–252.

Shakhovskii V. I. Emotsional'nye kul'turnye kontsepty: paralleli i kontrasty [Emotional cultural concepts: parallels and contrasts]. *Iazykovaia lichnost': kul'turnye kontsepty: sbornik nauchnykh trudov* [Language personality: cultural concepts: a collection of scientific works; ed. by V. I. Karasik]. Volgograd; Arkhangel'sk: Peremena, 1996, pp. 122–133.

Chamberlain A. F. On the Words for “Fear” in Certain Languages. A Study in Linguistic Psychology. *The American Journal of Psychology*, 1899, vol. 10, no. 2, pp. 302–305. https://doi.org/10.2307/1412486.

Fear. *Cambridge Dictionary*. Available at: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/fear (accessed: 11.03.2022).

Fear. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Available at: http://www.вокабула.рф/словари/ldoce/fear (accessed: 11.03.2022).

Fear. *Oxford English Dictionary*. Available at: https://www.oed.com/oed2/00083015;jsessionid=3DC39204AB58F4737AC15CA47651324D (accessed: 11.03.2022).

Fear. *Related Words*. Available at: https://relatedwords.org/relatedto/fear (accessed: 11.03.2022).

Ströbel L. Linguistic Realizations of the Concept of FEAR. *Meaning, Frames, and Conceptual Representation*; ed. by T. Gamerschlag etc. Düsseldorf: Düsseldorf University Press, 2015, pp. 219–236. https://doi.org/10.1515/9783110720129-011.

The Oxford Dictionary of English Proverbs; compiled by W. G. Smith. Oxford: Clarendon Press, 1949. 645 p. Available at: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.227228 (accessed: 11.03.2022).

Сведения об авторах

Любовь Алексеевна Ермакова – кандидат филологических наук; https://orcid.org/0000-0002-9263-2747, s.eadem@mail.ru, Костромской государственный университет (д. 17, ул. Дзержинского, 156005 г. Кострома, Россия); **Liubov A. Ermakova** – Candidate of Philological Sciences; https://orcid.org/0000-0002-9263-2747, s.eadem@mail.ru, Kostroma State University (17, ul. Dzerzhinskogo, 156005 Kostroma, Russia).

Светлана Юрьевна Лаврова – доктор филологических наук, профессор; https://orcid.org/0000-0003-3628-3463, llavrov20@gmail.com, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 г. Череповец, Россия); **Svetlana Yu. Lavrova** – Doctor of Philological Sciences, Professor; https://orcid.org/0000-0003-3628-3463, llavrov20@gmail.com, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.04.2022; одобрена после рецензирования 27.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted 04.04.2022; Approved after reviewing 27.04.2022; Accepted for publication 05.05.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 152–162.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 152–162.

Научная статья
УДК 10.01.01
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-11

Еще раз об организации усадебного сюжета у И. С. Тургенева (на примере повестей 1850-х годов)

Екатерина Андреевна Ерохина

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,
katty_basova@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности организации усадебного сюжета в повестях И. С. Тургенева 1850-х годов («Дневник лишнего человека», «Три встречи», «Два приятеля», «Затишье», «Переписка», «Фауст»). Указанные тексты писателя можно отнести к такому жанру, как «усадебная повесть», именно в них усадебный сюжет проявляется в наибольшей степени. В рамках статьи поместье рассмотрено как локус, место действия; проанализированы основные элементы структуры метатекста усадьбы, установлена их взаимосвязь с сюжетом; описаны особенности композиции усадебной повести и выделены центральные мотивы, способствующие развитию сюжета.

Ключевые слова: усадебный сюжет, функция, элемент, усадебный метатекст, усадебная повесть

Для цитирования: *Ерохина Е. А.* Еще раз об организации усадебного сюжета у И. С. Тургенева (на примере повестей 1850-х годов) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 152–162. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-11.

Once again about the organization of I. S. Turgenev's estate plot (by the stories of the 1850s)

Ekaterina A. Erokhina

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,
katty_basova@mail.ru

Abstract. The article describes the features of organizing the estate plot in the stories by I. S. Turgenev in the 1850s ("Diary of a Superfluous Man", "Three Meetings", "Two Friends", "Calm", "Correspondence", "Faust"). These texts of the writer can be attributed to such a genre as "estate story"; it is in them that the estate plot most manifests itself. Within the framework of the article, the estate is considered as a locus, a scene of action; the author of the article analyzes the main elements of the estate metatext structure, reveals their relationship with the plot, describes composition characteristics of the estate story and highlights the central motifs that move the plot forward.

© Ерохина Е. А., 2022

Keywords: estate plot, function, element, estate metatext, estate story
For citation: Erokhina E. A. Once again about the organization of I. S. Turgenev's estate plot (by the stories of the 1850s). *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 152–162. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-11.

Введение

Исследование образа русской усадьбы уже более двух десятилетий занимает важное место в современной культурологии и литературоведении. Ученые приходят к выводу, что усадьба как локус, место действия определяет композицию, сюжет и даже жанр художественного произведения. В русской литературе усадебный сюжет в «чистом виде» представлен в усадебной повести (термин В. Г. Щукина) и усадебном романе (термин В. А. Доманского). Следует отметить, что в последние годы появились работы, в которых полемически осмысляется идея рассмотрения усадебного топоса в качестве жанроопределяющего признака тургеневского романа[1]. Однако относительно структуры усадебных повестей писателя мнения исследователей в большинстве своем совпадают.

Метатекст усадьбы и отдельные элементы усадебного сюжета складываются еще на рубеже XVIII–XIX веков. О. Б. Кафанова[2] и Р. Г. Назиров[3] обнаруживают истоки усадебного текста в повести Н. М. Карамзина «Евгений и Юлия» (1789), в послании Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская» (1807), во многих произведениях А. С. Пушкина («Евгений Онегин», «Дубровский» и др.). Р. Г. Назиров пишет, что «…у Карамзина зародился сюжет, у Державина – его специфически русский locus»[4]. Таким образом, до И. С. Тургенева усадебный сюжет существовал лишь фрагментарно, писатель же закрепил его в жанрах драмы, рассказа, повести, романа, создав таким образом завершенный текст. Впервые такую структуру писатель использует в рассказе «Бретер» (1847), который представляет собой «очень близкую в деталях парафразу усадебного сюжета»[5]. Отмеченный аспект рассказа подробно изучен в работах разных исследователей[6].

[1] См. об этом: Ребель Г. М. Усадебный топос и жанровая специфика тургеневского романа // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30, вып. 6. С. 1055–1060.

[2] Кафанова О. Б. Поэзия и философия сада в творчестве И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / под редакцией Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. Вып. 1. С. 112–130.

[3] Назиров Р. Г. История усадебного сюжета // Назировский архив. 2017. № 1 (15). С. 13–113. URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2017_1_2_homestead.pdf (дата обращения: 04.02.2022).

[4] Там же. С. 15.

[5] Там же. С. 60.

[6] См. об этом: Доманский В. А., Кафанова О. Б., Шарафадина К. И. Литература в синтезе искусств: в 3 т. Санкт-Петербург: СПГУТД, 2010. Т. 1: Сад и город как текст. 362 с.; Назиров Р. Г. История усадебного сюжета // Назировский архив. 2017. № 1 (15). С. 13–113. URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2017_1_2_homestead.pdf (дата обращения: 04.02.2022).

Основная часть

В рамках данной статьи мы рассмотрим шесть повестей Тургенева 1850-х годов, действие которых происходит в усадьбе: «Дневник лишнего человека» (1850), «Три встречи» (1852), «Два приятеля» (1854), «Затишье» (1854), «Переписка» (1856), «Фауст» (1856). Эти тексты писателя можно отнести к такому жанру, как «усадебная повесть». Кроме того, именно в них усадебный сюжет проявляется в наибольшей степени. В то же время следует отметить, что указанным произведениям на сегодняшний день уделено недостаточно внимания: они упоминаются во многих научных работах, однако глубокому анализу не подвергаются; как правило, интерес исследователей вызывают романы писателя. Мы предприняли попытку выделить наиболее существенные принципы построения усадебного сюжета в повестях Тургенева и на их основе сравнить анализируемые тексты.

Действие усадебных повестей происходит в поместье. Во всех вышеупомянутых текстах автор соблюдает данный принцип, что в большей степени обусловливает причисление их к такому феномену, как усадебный текст. В повести «Дневник лишнего человека» главный герой Чулкатурин ведет свой дневник из родового сельца Овечьи Воды: здесь он проводит последние дни своей жизни; действие первой главы повести «Три встречи» происходит в селе Глинном; главный герой произведения «Два приятеля» Вязовнин «по домашним обстоятельствам» приезжает в свое родовое поместье, расположенное где-то в средней полосе России; события «Затишья» происходят в деревнях ***го уезда Т*** губернии (Сасово, Ипатовке, Акилино); историю юношеской любви в деревне вспоминают герои повести «Переписка»; из сельца М***ое пишет письма своему другу Павел Александрович Б. в «Фаусте».

Не всегда действие в этих повестях начинается и завершается в усадьбе. Бывает, что усадебный сюжет занимает только часть текста («Три встречи») или представлен как вставной фрагмент («Дневник лишнего человека», «Переписка»).

Как отмечает О. Б. Кафанова, метатекст усадьбы имеет свою структуру[1]. К ее элементам традиционно относят дом, сад, ландшафты, сельскохозяйственные постройки, интерьеры и др. Дом воспринимался как своеобразный центр усадьбы. В повестях Тургенева 1850-х годов преобладают описания небольших, часто обветшалых усадебных «домиков», что во многом определяет жизнь, быт этих поместий. Вязовнин по приезде в деревню находит свое имение «расстроенным, усадьбу запущенной, дом чуть не в развалинах»[2] («Два приятеля»). У его соседа, Крупицына, дела обстояли еще хуже: «домик» его, «небольшой и ветхий, скорее походил на простую дворовую лачужку, чем на жилище помещика»[3]. Еще один дом – в усадьбе Тиходуевых – описан в повести следующим образом: «Это было неуклюжее строение, просторное и пространное, какая-то масса темного тесу, с темными стеклами в ок-

[1] Кафанова О. Б. Поэзия и философия сада в творчестве И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / под редакцией Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. Вып. 1. С. 114.

[2] Тургенев И. С. Два приятеля // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 321.

[3] Там же. С. 325.

нах»[1]. В начале произведения «Затишье» изображен господский флигель в имении главного героя: «Судя по заметной кривизне потолка и покатости щелистого пола, флигелек, в который мы ввели читателя, существовал давным-давно»[2]. Самого дома мы так и не увидим. Павел Александрович Б., герой повести «Фауст», так говорит о своем жилище: «Домишко мой, уже давно ветхий, теперь чуть держится, весь покривился, врос в землю»[3], и отмечает, что постарел не только он сам. В «Трех встречах» описывается еще более печальная картина: заброшенное поместье в селе Глинном, главный дом которого предстает перед читателем «низеньким и неказистым», с «наглухо заколоченными окнами», «слепым стариком, вышедшим погреться на солнце»[4].

Вместе с тем усадьба была замкнутым миром, «островком феодальной самодостаточности»[5]. При благоприятных обстоятельствах этот мир мог показаться для некоторых раем. По мнению Р. Г. Назирова, «рай есть закрытая и самодовлеющая среда обитания (в библейской традиции – сад), где вследствие естественной повторяемости нет никаких событий, а потому течение времени не фиксируется, время «стоит», и жители рая не стареют. <…> оно, это событие <…> включает ход времени, вот оно сдвинулось с мертвой точки – и жизнь оборвалась»[6].

Важнейшим элементом этого рая, своеобразным продолжением дома являлся сад (парк). Описание сада в произведениях писателя глубоко лирично; он, подобно музыке и живописи, наполнен звуками и красками. Герои Тургенева невольно проникаются этой атмосферой, ощущают ее чутко и тонко. Так, рассказчик повести «Три встречи» пытается описать свои чувства и эмоции от окружающей его природы перед встречей с прекрасной незнакомкой: «Сердце во мне томилось неизъяснимым чувством, похожим не то на ожиданье, не то на воспоминание счастия; я не смел шевельнуться...»[7]. Томительное предвкушение чего-то необыкновенного и само это событие (неожиданная встреча) происходят именно в саду.

В анализируемых повестях Тургенева постоянно обнаруживается взаимодействие элементов усадебного сюжета и метатекста усадьбы. Неслучайно, являясь «пространством любви»[8], сад становится «свидетелем» встреч и бесед влюбленных геро-

[1] Тургенев И. С. Два приятеля // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 338.

[2] Тургенев И. С. Затишье // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 380.

[3] Тургенев И. С. Фауст // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 5: Повести и рассказы 1853–1857 годов; Рудин. Статьи и воспоминания, 1855–1859. С. 90.

[4] Тургенев И. С. Три встречи // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 217.

[5] Назиров Р. Г. История усадебного сюжета // Назировский архив. 2017. № 1 (15). С. 13. URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2017_1_2_homestead.pdf (дата обращения: 04.02.2022).

[6] Там же. С. 14.

[7] Там же. С. 219.

[8] См. об этом: Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. Москва: ОГИ, 2003. 528 с.

ев. Такое свидание (Марьи Павловны и Веретьева) мы видим в четвертой главе повести «Затишье». Развитие любовного чувства у Тургенева в принципе невозможно в замкнутом пространстве. Так описывает зарождение влюбленности герой повести «Переписка»: «Помните ли вы наши безмолвные вечерние прогулки вчетвером вдоль ограды вашего сада, после какого-нибудь долгого, теплого, живого разговора? Помните ли вы те благодатные мгновения? Природа ласково и величаво принимала нас в свое лоно. Мы входили, замирая, в какие-то блаженные волны. Кругом вечерняя заря разгоралась внезапным и нежным багрянцем; от заалевшегося неба, от просветленной земли, отовсюду, казалось, веяло огнистым и свежим дыханьем молодости, радостным торжеством какого-то бессмертного счастья; заря пылала; подобно ей, тихо и страстно пылали восторженные наши сердца, и мелкие листья молодых деревьев чутко и смутно дрожали над нами, как будто отвечая внутреннему трепету неясных чувств и ожиданий в нас»[1]. Трудно представить подобное описание чувств героев в другом, замкнутом пространстве.

Отметим, что в ранний период творчества сад в произведениях Тургенева не являлся «двигателем» сюжета, его функции больше сводились к обозначению места романтического свидания (например, в повести «Андрей Колосов»). В повестях же 1850-х годов образ сада уже приобретает структуро- и сюжетообразующую функции, являясь важнейшей и неотъемлемой частью усадебной повести и занимая в ней конкретное, четко определенное место. Как замечает В. А. Доманский, «художественный концепт сада отражает эволюцию авторской картины мира, приобретая с годами новые дополнительные значения»[2]. В то же время сады в повестях призваны развивать в большей степени именно любовную линию, отчасти затрагивая философские проблемы и вопросы бытия (жизни и смерти, одиночества, скоротечности человеческого существования и др.). Позднее, в романах, идеологические и философско-онтологические темы раскрыты Тургеневым значительно глубже, что находит отражение в расширении функционала сада в тексте: он будет наделен возможностью «порождать философско-идеологический бунт героев, связанный с ничтожеством человека перед бессмертной, но “равнодушной природой”»[3].

Обратимся непосредственно к элементам композиции усадебной повести. В большинстве произведений действие начинается с экспозиции, в которой традиционно описывается место действия. Обыкновенно события начинаются весной или ранним летом, когда природа, а вместе с ней и человек пробуждаются. Чулкатурин приступает к ведению своего дневника 20 марта («Дневник лишнего человека»); теплыми летними днями и ночами происходит действие в повести «Три встречи»; весной 184… года Вязовнин приезжает в свое родовое поместье («Два приятеля»); события в «Затишье» начинаются ранним летом; герои одноименной повести всту-

[1] Тургенев И. С. Переписка // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 5: Повести и рассказы 1853–1857 годов; Рудин. Статьи и воспоминания, 1855–1859. С. 27-28.

[2] Доманский В. А., Кафанова О. Б., Шарафадина К. И. Литература в синтезе искусств: в 3 т. Санкт-Петербург: СПГУТД, 2010. Т. 1: Сад и город как текст. С. 130.

[3] Там же. С. 138.

пают в переписку 7 марта, летом возникает их юношеское чувство влюбленности; первое письмо Павла Александровича датировано 6 июня («Фауст»).

Как пишет О. Б. Кафанова, «интрига начинается с приезда героя, который нарушает ритм пульсации времени в замкнутом пространстве усадьбы и расширяет, открывает его с помощью включения в него сада, парка»[1]. Р. Г. Назиров полагает, что именно этот момент становится отправной точкой для развития усадебного сюжета: «В сонном раю появляется Пришелец Извне. Только он способен нарушить цикличность растительной жизни: с ним является тревога, является любовь – наконец, сюжет»[2]. Тургеневские герои приезжают в усадьбу, где знакомятся с девушкой, героиней любовной истории; часто это жительница соседнего поместья («Два приятеля», «Затишье», «Переписка», «Фауст»), иногда приезжая из другого города или даже из-за границы. Так, в «Трех встречах» рассказчик, к своему изумлению, встречает «в степи, в одной из самых глухих сторон России» прекрасную итальянку, которой был очарован два года назад в Сорренто.

Следующим элементом композиции является развитие действия – описание встреч, свиданий героя и героини. Процесс сближения происходит в пределах сада, парка, во время прогулок, бесед, «в моменты созерцания и восприятия окружающей природы»[3]. Данное явление характерно для всех анализируемых нами повестей, в том числе для тех произведений, где действие развивается не в деревне, а в городе. Например, в «Дневнике лишнего человека» Чулкатурин описывает историю любви, которая случилась с ним в уездном городе О***. Однако в момент зарождения чувства автор переносит нас в «рощицу», в «публичный сад». Объяснение же Лизы и Бизьменкова происходит за домом Ожогиных, в «довольно большом саду, оканчивавшемся липовой рощицей, заброшенной и заросшей. Посредине этой рощи возвышалась старинная беседка в китайском вкусе»[4].

Мотив любви оказывается одним из центральных в усадебном сюжете, однако имели место различные варианты развития событий. Далеко не всегда приезжий герой обретал любовь сельской девушки. В эпилоге «Двух приятелей» после смерти Вязовнина автор «устраивает» счастье Верочки с Крупицыным; в «Дневнике лишнего человека» Чулкатурин так и не удостаивается внимания Лизы; в «Затишье» влюбленным героем оказывается Веретьев, а не Астахов; в «Трех встречах» и «Фаусте»

[1] Кафанова О. Б. Поэзия и философия сада в творчестве И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / под редакцией Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. Вып. 1. С. 116.

[2] Назиров Р. Г. История усадебного сюжета // Назировский архив. 2017. № 1 (15). С. 14. URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2017_1_2_homestead.pdf (дата обращения: 04.02.2022).

[3] Кафанова О. Б. Поэзия и философия сада в творчестве И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / под редакцией Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. Вып. 1. С. 116.

[4] Тургенев И. С. Дневник лишнего человека // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 211.

любовному чувству тоже не суждено перерасти в осознанные отношения двух взрослых людей.

За развивающейся историей любви, как правило, следует скорая трагичная развязка: «Мятежный герой стремится нарушить этот мир, но в своем конфликте с окружающим терпит крах»[1]. Часто развязке предшествует какой-либо знак, предвестник несчастья. Например, в повестях «Затишье» и «Фауст» таким предзнаменованием является гроза. События обычно завершаются осенью или зимой, когда природа и сад увядают: поздней осенью решается на самоубийство Марья Павловна («Затишье»), в сентябре умирает Верочка («Фауст»). Иногда повести заканчиваются эпилогами, действие в которых происходит через несколько лет после событий основной части. Так, через восемь лет встречаются Астахов и Веретьев («Затишье»). Очевидно, хронологическая дистанция необходима для того, чтобы герои смогли взглянуть на события прошлого через призму прожитых лет и накопленного опыта. В повести «Два приятеля» писатель идет еще дальше и старается постичь некоторые законы бытия: «Прошел год. От корней срубленного дерева идут новые отпрыски, самая глубокая рана зарастает, жизнь так же сменяет смерть, как и сама сменяется ею, – и сердце Верочки отдохнуло понемногу и зажило. Притом же ни Вязовнин не принадлежал к числу людей незаменимых (да и есть ли такие люди?), ни Верочка не была способна посвятить себя навек одному чувству (да и есть ли такие чувства?)»[2]. В то же время писатель отмечает независимость течения времени, сменяемости природных циклов, приходя к выводу, что тайны бытия, скрытые в законах природы, оказываются неподвластны человеку.

В усадебных сюжетах повестей Тургенева большое значение имеют *произведения искусства* – чаще всего словесного или музыкального. Так, в «Затишье» и «Фаусте» их роль особенно важна. Они являются своеобразными зеркалами чувств и мыслей героев, поясняют их движение и развитие, «в огромной мере стимулируют их возникновение»[3]. В повести «Затишье» на влюбленную в Веретьева Марью Павловну неизгладимое впечатление производит «Анчар» А. С. Пушкина: героиня просит Астахова прочитать стихотворение еще раз, а потом и вовсе записать его на бумаге. «Анчара» она «декламирует» ночью в саду и читает Веретьеву в березовом заказнике в момент свидания. В повести «Фауст» одноименную трагедию Гете герои читают ночью в китайском домике в саду. Драма производит на Веру Николаевну глубокое впечатление. Девушка, как и Марья Павловна, просит оставить ей книгу в надежде обратиться к произведению еще раз. Сама героиня так описывает свои чувства: «…я к этому не привыкла. В этой вашей книге есть вещи, от которых я никак отделаться

[1] Кафанова О. Б. Поэзия и философия сада в творчестве И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / под редакцией Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. Вып. 1. С. 116.

[2] Тургенев И. С. Два приятеля // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 379.

[3] Недзвецкий В. А., Пустовойт П. Г., Полтавец Е. Ю. И. С. Тургенев. «Записки охотника», «Ася» и другие повести 50-х годов, «Отцы и дети»: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. Москва: Издательство Московского университета, 2000. С. 19.

не могу; мне кажется, это они мне так жгут голову»[1]. Павел Александрович потрясен реакцией девушки: «О, друг мой Семен Николаич! если б ты мог видеть, как она была мила в это мгновение: бледная почти до прозрачности, слегка наклоненная, усталая, внутренне расстроенная – и все-таки ясная, как небо!»[2]. Можно предположить, что именно эти моменты душевного потрясения, пробуждения являются точкой невозврата для обеих героинь. Марья Павловна предчувствует неизбежность расставания с Веретьевым и в то же время понимает, что из-за своей любви она находится в положении «бедного раба у ног непобедимого владыки». В Вере Николаевне «Фауст» пробудил ранее не знакомые ей чувства, тем самым открыв ее сердце и душу для новой страсти и влюбленности. Обе героини умирают, не справившись с тяжестью своего душевного состояния. Таким образом, произведения словесности становятся в повестях Тургенева своеобразными «двигателями» сюжета, выступая в роли катализаторов чувств героинь.

Еще одной характерной особенностью поэтики усадебных повестей Тургенева 1850-х годов является наличие пролога («Дневник лишнего человека», «Переписка») или эпилога («Два приятеля», «Затишье»), иногда его вариации – примечания издателя, как в «Дневнике лишнего человека». Это создает впечатление замкнутости и законченности сюжета. Кроме того, часто повествование носит ретроспективный характер: рассказчик говорит о прошлом, об историях, случившихся с ним или его знакомыми задолго до настоящего момента.

Выводы

Таким образом, в своих повестях 1850-х годов Тургенев разрабатывает структуру и содержание усадебного сюжета. Вместе с тем возможностей «среднего» жанра писателю уже недостаточно. По этой причине он обращается к романам, позволившим более глубоко раскрыть тему, «в полном объеме развернуть метатекст усадьбы, репрезентировать все компоненты усадебного сюжета»[3].

Список источников

Грифцов Б. А. Теория романа. Москва: Государственная академия художественных наук, 1927. 151 с.

Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. Москва: ОГИ, 2003. 528 с.

Доманский В. А. Флористический код любовных коллизий прозы И. С. Тургенева // Спасский вестник: материалы Всероссийской Тургеневской конференции к 190-летию со дня рождения И. С. Тургенева (с. Спасское-Лутовиново, 21–25 сентября 2008 г.) / под редакцией Е. Н. Левиной. Тула: Гриф и К, 2009. Вып. 16. С. 52–60.

[1] Тургенев И. С. Фауст // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 5: Повести и рассказы 1853–1857 годов; Рудин. Статьи и воспоминания, 1855–1859. С. 109.

[2] Там же. С. 110.

[3] Кафанова О. Б. Поэзия и философия сада в творчестве И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / под редакцией Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. Вып. 1. С. 119.

Доманский В. А., Кафанова О. Б., Шарафадина К. И. Литература в синтезе искусств: в 3 т. Санкт-Петербург: СПГУТД, 2010. Т. 1: Сад и город как текст. 362 с.

Кафанова О. Б. Поэзия и философия сада в творчестве И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / под редакцией Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. Вып. 1. С. 112–130.

Назиров Р. Г. История усадебного сюжета // Назировский архив. 2017. № 1 (15). С. 13–113. URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2017_1_2_homestead.pdf (дата обращения: 04.02.2022).

Недзвецкий В. А., Пустовойт П. Г., Полтавец Е. Ю. И. С. Тургенев. «Записки охотника», «Ася» и другие повести 50-х годов, «Отцы и дети»: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. Москва: Издательство Московского университета, 2000. 111 с.

Ребель Г. М. Усадебный топос и жанровая специфика тургеневского романа // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30, вып. 6. С. 1055–1060.

Тургенев И. С. Два приятеля // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 321–379.

Тургенев И. С. Дневник лишнего человека // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 166–216.

Тургенев И. С. Затишье // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 380–451.

Тургенев И. С. Переписка // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 5: Повести и рассказы 1853–1857 годов; Рудин. Статьи и воспоминания, 1855–1859. С. 18–48.

Тургенев И. С. Три встречи // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 217–245.

Тургенев И. С. Фауст // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 5: Повести и рассказы 1853–1857 годов; Рудин. Статьи и воспоминания, 1855–1859. С. 90–129.

Щукин В. Г. Российский гений просвещения: Исследования в области мифопоэтики и истории идей. Москва: РОССПЭН, 2007. 608 с.

References

Griftsov B. A. *Teoriia romana* [Theory of the novel]. Moscow: Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk, 1927. 151 p.

Dmitrieva E. E., Kuptsova O. N. *Zhizn' usadebnogo mifa: Utrachennyi i obretennyi rai* [Life of the estate myth: lost and found paradise]. Moscow: OGI, 2003. 528 p.

Domanskii V. A. Floristicheskii kod liubovnykh kollizii prozy I. S. Turgeneva [Floristic code of love collisions in prose by I. S. Turgenev]. *Spasskii vestnik: materialy Vserosiiskoi Turgenevskoi konferentsii k 190-letiiu so dnia rozhdeniia I. S. Turgeneva (s. Spasskoe-Lutovinovo, 21–25 sentiabria 2008 g.)* [Spassky Bulletin: Proceedings of the All-Russian Turgenev Conference on the 190th anniversary of the birth of I. S. Turgenev (village of Spasskoye-Lutovinovo, September 21–25, 2008); ed. by E. N. Levina]. Tula: Grif i K, 2009, iss. 16, pp. 52–60.

Domanskii V. A., Kafanova O. B., Sharafadina K. I. *Literatura v sinteze iskusstv: v 3 t.* [Literature in the synthesis of arts: in 3 vols]. St Petersburg: SPGUTD, 2010, vol. 1: Sad i gorod kak tekst [Garden and city as text]. 362 p.

Kafanova O. B. Poeziia i filosofiia sada v tvorchestve I. S. Turgeneva [Poetry and garden philosophy in the work of I. S. Turgenev]. *I. S. Turgenev. Novye issledovaniia i materialy* [I. S. Turgenev. New research and materials; ed. by N. P. Generalova, V. A. Lukina]. Moscow; St

Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2009, iss. 1, pp. 112–130.

Nazirov R. G. Istoriia usadebnogo siuzheta [History of the estate plot]. *Nazirovskii arkhiv* [Nazirovsky archive], 2017, no. 1 (15), pp. 13–113. Available at: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2017_1_2_homestead.pdf (accessed: 04.02.2022).

Nedzvetskii V. A., Pustovoit P. G., Poltavets E. Iu. *I. S. Turgenev. "Zapiski okhotnika", "Asia" i drugie povesti 50-kh godov, "Ottsy i deti": V pomoshch' prepodavateliam, starsheklassnikam i abiturientam* ["The Hunter's Sketches", "Asya" and other stories of the 50s, "Fathers and Sons": To help teachers, high school students and applicants]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2000. 111 p.

Rebel' G. M. Usadebnyi topos i zhanrovaia spetsifika turgenevskogo romana [Manor topos and genre specificity of Turgenev's novel]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriia: Istoriia i filologiia* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2020, vol. 30, iss. 6, pp. 1055–1060.

Turgenev I. S. Dva priiatelia [Two friends]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Turgenev I. S. Complete set of works and letters: in 30 vol.]. Moscow: Nauka, 1980, vol. 4: Povesti i rasskazy, stat'i i retsenzii, 1844–1854 [Stories and short stories, articles and reviews, 1844–1854], pp. 321–379.

Turgenev I. S. Dnevnik lishnego cheloveka [Diary of a superfluous man]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Turgenev I. S. Complete set of works and letters: in 30 vols.]. Moscow: Nauka, 1980, vol. 4: Povesti i rasskazy, stat'i i retsenzii, 1844–1854 [Stories and short stories, articles and reviews, 1844–1854], pp. 166–216.

Turgenev I. S. Zatish'e [Calm]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Turgenev I. S. Complete set of works and letters: in 30 vols.]. Moscow: Nauka, 1980, vol. 4: Povesti i rasskazy, stat'i i retsenzii, 1844–1854 [Stories and short stories, articles and reviews, 1844–1854], pp. 380–451.

Turgenev I. S. Perepiska [Correspondence]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Turgenev I. S. Complete set of works and letters: in 30 vol.]. Moscow: Nauka, 1980, vol. 5: Povesti i rasskazy 1853–1857 godov; Rudin. Stat'i i vospominaniia, 1855–1859 [Stories and short stories of 1853–1857; Rudin. Articles and memoirs, 1855–1859], pp. 18–48.

Turgenev I. S. Tri vstrechi [Three meetings]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Turgenev I. S. Complete set of works and letters: in 30 vols.]. Moscow: Nauka, 1980, vol. 4: Povesti i rasskazy, stat'i i retsenzii, 1844–1854 [Stories and short stories, articles and reviews, 1844–1854], pp. 217–245.

Turgenev I. S. Faust [Faust]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Turgenev I. S. Complete set of works and letters: in 30 vols.]. Moscow: Nauka, 1980, vol. 5: Povesti i rasskazy 1853–1857 godov; Rudin. Stat'i i vospominaniia, 1855–1859 [Stories and short stories of 1853–1857; Rudin. Articles and memoirs, 1855–1859], pp. 90–129.

Shchukin V. G. *Rossiiskii genii prosveshcheniia: Issledovaniia v oblasti mifopoetiki i istorii idei* [Russian genius of the enlightenment. Studies in the field of mythopoetics and history of ideas]. Moscow: ROSSPEN, 2007. 608 p.

Сведения об авторах

Екатерина Андреевна Ерохина – кандидат филологических наук; katty_basova@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Ekaterina A. Erokhina** – Candidate of Philological Sciences; katty_basova@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 11.03.2022; одобрена после рецензирования 30.03.2022; принята к публикации 07.04.2022.

The article was submitted 11.03.2022; Approved after reviewing 30.03.2022; Accepted for publication 07.04.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 163–172.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 163–172.

Научная статья
УДК 811.161.1
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-12

Жанрово-тематическое разнообразие повседневного дискурса как проявление коммуникативных ценностей общества (на материале голосовых сообщений)

Альбина Владимировна Каминская

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
albina_kaminskaya_@ukr.net, https://orcid.org/0000-0002-2292-5720

Аннотация. В статье на материале голосовых сообщений анализируются жанрово-тематические особенности повседневного дискурса. Обсуждаются понятие и значение повседневного дискурса, рассматривается его специфика, определяющая тематическое и эмоциональное наполнение сообщений. Высказывается идея о том, что голосовые сообщения, будучи популярной формой повседневного дискурса, отражают ключевые (для современного общества) ценности коммуникации: сопереживание, откровенность и возможность высказаться. Установлено, что выявленные коммуникативные ценности оформляются в конкретные жанрово-тематические единицы.

Ключевые слова: повседневный дискурс, коммуникация, жанровая специфика, коммуникативные ценности, голосовое сообщение

Благодарность. Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента П. М. Эйсмонт.

Для цитирования: *Каминская А. В.* Жанрово-тематическое разнообразие повседневного дискурса как проявление коммуникативных ценностей общества (на материале голосовых сообщений) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 163–172. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-12.

Genre and thematic diversity of the everyday discourse as a display of social communicative values (by the material of voice messages)

Albina V. Kaminskaya

Saint Petersburg State University,
St Petersburg, Russia,
albina_kaminskaya_@ukr.net, https://orcid.org/0000-0002-2292-5720

Abstract. The article presents an analysis of the everyday discourse genre and thematic features based on voice messages. The notion and importance of the everyday discourse comparing to the institutional one is discussed; specifics of the everyday discourse are considered to define thematic and emotional voice message content. The author develops the idea of voice messaging being a

© Каминская А. В., 2022

popular everyday discourse form that shows the key communicative values of the modern society: empathy, frankness, possibility to speak out. Revealed communicative values are represented in certain genre units characterized by specific language features.

Keywords: everyday discourse, communication, genre specificity, communicative values, voice message

Acknowledgments. The research was conducted under the supervision of Candidate of Philological Sciences, Associate Professor P. M. Eismont.

For citation: Kaminskaya A. V. Genre and thematic diversity of the everyday discourse as a display of social communicative values (by the material of voice messages). *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 163–172. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-12.

Введение

Современный уровень развития интернет-технологий предоставляет человеку широкий выбор способов реализации повседневного дискурса, например: всевозможные чаты, эмотиконы, аудио- и видеозвонки, голосовые сообщения. Последний является относительно новым, но уже весьма популярным способом коммуникации. Голосовое сообщение (жаргонное название «войс» (букв. с англ. voice – голос)) – это форма общения, при которой человек наговаривает на встроенный в гаджет диктофон необходимое сообщение и отправляет его собеседнику. Данный вид коммуникации стал активно набирать популярность с 2018 г., когда эту функцию ввели все популярные социальные сети и мессенджеры (Вконтакте, Facebook, WhatsApp, Viber, Telegram). Однако такой способ общения обладает противоречивыми характеристиками, вызывающими интерес у лингвистов с точки зрения изучения его формы и содержания[1]. Если адресант голосовых сообщений может выбрать место и время для записи, то адресаты сталкиваются с дискомфортом при ее прослушивании из-за возможного присутствия посторонних, которые также могут слышать отправленное сообщение. В связи с этим в 2020 г. разработчики соцсети Вконтакте ввели функцию перевода голосового сообщения в текст. Другая проблема для получателей войсов состоит в их продолжительности: отправитель наговаривает желаемое без спешки и со всеми присущими устной речи дискурсивными особенностями (повтор, паузы хезитации и т. д.), что значительно увеличивает длительность записи. Вконтакте и WhatsApp решили указанную проблему, добавив функцию ускорения воспроизведения аудиодорожек. Несмотря на некоторые недостатки, голосовое сообщение набирает все большую популярность и становится яркой демонстрацией повседневного дискурса с точки зрения жанрово-тематического разнообразия, что помогает определить главное в повседневном общении – его ценность для говорящего.

Цель данной статьи – на материале примеров голосовых сообщений проиллюстрировать жанрово-тематическое разнообразие повседневного дискурса и его взаимосвязь с современными ценностями общества. Она предполагает рассмотрение понятия «повседневность» и варианты его реализации в дискурсе, а также демонстра-

[1] Орлова Н. В. Голосовые сообщения как источник сведений о коммуникативных нормах и ценностях // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3. С. 57–66. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2018/12/Orlova-N.V..pdf (дата обращения: 15.10.2021).

цию выборки голосовых сообщений, обладающих жанровой и тематической спецификой заданной формы коммуникации.

Основная часть

Традиционно гуманитарные науки изучали стратегии и тактики, которые реализовывали соблюдение и поддержание норм в обществе, однако с конца XX в. ученые обращают внимание на повседневность, где важен каждый индивид, а не система. На сегодняшний день повседневность – это «импровизация, она принципиально оппортунистична, то есть опирается на сиюминутные, открывающиеся здесь и сейчас возможности»[1]. Анализом данного явления занимаются социологи[2], философы, культурологи[3] и лингвисты[4], исследующие антропологические и культурные практики людей.

Французский философ П. Бурдье пришел к выводу о том, что повседневность воплощают язык и поведение людей во всем их разнообразии[5]. Лингвисты, акцентирующие свое внимание на изучении повседневности, выбрали в качестве объекта исследования бытовую речь; они позиционировали ее как индивидуальную, иногда не выводимую из правил языковой системы сторону коммуникации. Рассмотрение речи в рамках конверсационного анализа и теории речевых актов подтверждает важность изучения повседневной речи, поскольку «на первый взгляд незначимые детали беседы оказываются на самом деле средством актуализации важнейших социальных институтов»[6]. На сегодняшний день в профессиональной среде отсутствуют разногласия относительно того, что мы говорим не отдельными словами или предложениями, а логически выстроенными текстами – дискурсами, которые могут выполнять конкретные социальные требования (институциональный дискурс) или служить результатом выражения нашего состояния, отношения к повседневным вещам (дискурс повседневности). Изучение институционального дискурса уже дало ряд важных результатов, позволив ученым выделить его типы на основе списка критериев, таких как участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы[7].

---

[1] Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 8.

[2] Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, 1959. 259 p.

[3] Марков Б. В. Культура повседневности. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 352 с.

[4] The Handbook of Conversation Analysis / edited by J. Sidnell, T. Stivers. Chichester, UK: Wiley-Blackwell, 2012. 848 p.

[5] Bourdieu P. La distinction: critique sociale du jugement. Paris: Les Éditions de Minuit, 1979. 672 p.

[6] Исупова О. Г. Конверсационный анализ: представление метода // Социология: 4М. 2002. № 15. С. 36. URL: https://ecsocman.hse.ru/data/2012/03/19/1269116997/Isupova.pdf (дата обращения: 12.12.2021).

[7] Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов / под редакцией В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

С учетом понимания «повседневности» как усредненного мнения и реакции общества, «дискурс повседневности» можно определить в качестве набора речевых формул, регулирующих ежедневные коммуникативные ситуации. Однако в силу постоянной смены факторов, влияющих на наше ежедневное общение, до настоящего времени не было составлено целостное описание данного понятия. С одной стороны, повседневность основана на аккумуляции предыдущего опыта, с другой стороны, она предполагает освоение новых возможностей, а следовательно, проявление креативности в выборе и сочетании языковых средств разного уровня, а также неязыковой действительности. Ключевым является понимание противопоставления дискурса повседневности институциональному дискурсу, что позволяет раскрыть специфику неформального общения. В отличие от институционального дискурса, где каждый действует в соответствии со своей социальной ролью, дискурс повседневности сфокусирован на целях говорящего, которые соотносятся с его ценностями и намерениями, а не «наклеенной» на него ролью. Следует подчеркнуть, что повседневный дискурс часто спонтанен, поэтому находится в тесной взаимосвязи с коммуникативной ситуацией и эмоциональным состоянием адресанта, что помогает раскрыть его индивидуальность в большей степени, чем в институциональном дискурсе. Тем не менее можно отметить ряд общих черт, проявляющихся в повседневном дискурсе разных людей (например, жанрово-тематический репертуар речи, который и отражает «общую» повседневность с набором стандартных и важных тем для обсуждения).

Новые технологии коммуникации совершили «сдвиг» в изучении жанров. Исследования, осуществляемые в данном направлении, рассматривают жанр как «социальное действие, реализуемое в определенном социокультурном контексте»[1], поэтому анализ его функционирования в цифровой среде фокусируется на изучении коммуникативной ситуации и намерения говорящего (цель и установка, ценностные ориентиры). Использование голосовых сообщений прежде всего реализует намерение общения, т. е. предполагает выполнение фатической функции языка. Таким образом, в предполагаемом списке жанрового репертуара голосовых сообщений выделяются фатические речевые жанры, представляющие особую значимость для изучения повседневного дискурса, поскольку «выражают человека как языковую личность» и «имеют аксиологическую ценность»[2]. Для подтверждения данного предположения, а также определения разнообразия фатических речевых жанров, реализуемых при помощи голосовых сообщений, было проведено исследование эмпирического материала.

Анализ 270 голосовых сообщений, полученных из мессенджеров (WhatsApp, Viber, Telegram), социальных сетей (Вконтакте, Facebook, Instagram), позволил установить, что говорящий выбирает указанный способ коммуникации для реализации объяснения / разъяснения, личного рассказа, разговора по душам, сочувствия,

[1] Горошко Е. И., Землякова Е. А. Полиформатный мессенджер как жанр 2.0 (на примере мессенджера мгновенных сообщений Telegram) // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 93.

[2] Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Винокур Т. Г. и др. Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. Москва: Наука, 1993. С. 11.

просьбы, расспроса, благодарности, извинения и проч. В табл. 1 представлен перечень жанров голосовых сообщений и частота их применения (в абсолютных цифрах).

Таблица 1

Жанровое разнообразие голосовых сообщений

Жанр	Количество
Объяснение / разъяснение	90
Рассказ	84
Разговор по душам	38
Выражение сочувствия	14
Просьба	13
Выведывание информации	8
Беседы на обыденные темы	5
Инструкция	4
Благодарность	3
Совет	3
Ирония	3
Извинение	2
Поздравление	2
Приглашение	1

Использование голосового сообщения в большинстве случаев предполагает высокую степень эмоционального контакта и близости между участниками коммуникации. Как правило, такое сообщение отправляют друзьям, близким родственникам (сестрам, братьям, родителям, детям, мужу или жене), возлюбленным, коллегам, ставшим хорошими знакомыми. Подобная социальная дистанция в отношениях определяет особый круг тем для обсуждения, реализуемых посредством вышеуказанных жанров. Голосовыми сообщениями чаще всего пользуются люди в возрасте от 16 до 35 лет, что в некоторой мере обусловливает репертуар популярных тем. Говорящие записывают сообщения с рассказами о личных отношениях, проблемах и изменениях в учебе и на работе, а также делятся впечатлениями и чувствами. В табл. 2 представлена типология тем, обсуждаемых в сообщениях, и частота их использования (в абсолютных цифрах).

Таблица 2

Тематическое разнообразие голосовых сообщений

Тема	Количество
1	2
Отношения с парнем / девушкой	47
Работа (проблемы / сложности / новости / изменения)	44
Учеба (проблемы / сложности)	43
Интересы / увлечения	41
Самоощущение (чувства / состояние)	29
Повседневные проблемы в быту	24

Продолжение таблицы 2

1	2
Отношения с мало- / незнакомыми людьми	23
Ситуации в окружающем мире (погода, происшествия, наблюдения)	13
Семья	9

С точки зрения дискурсивных характеристик каждый жанр и определенный круг тем задают свои особенности содержания и выражения. В ходе анализа голосовых сообщений в жанре рассказа было установлено, что говорящий записывает их с целью передать слушающему информацию о случившемся событии или о том, что происходит в момент говорения. Необходимо отметить, что тексты о предстоящих событиях или планах составляют всего 4 % в отличие от сообщений о произошедшем и происходящем (83,5 % и 12,5 % соответственно). Такие данные свидетельствуют о потребности адресанта поделиться «реальной» информацией и эмоциями после пережитого, а не стремлении пространно рассуждать о гипотетическом будущем. Соответственно, говорящий организовывает свой нарратив как цепочку глагольных форм прошедшего времени или *praesens historicum*. Следует также отметить зависимость употребления времен от содержания повествования. Анализ голосовых сообщений показал, что говорящий использует форму прошедшего времени для передачи фоновых действий, отраженных в его рассказе, а настоящего – для кульминационных или эмоционально значимых эпизодов нарратива. Следовательно, создается контраст между кодированием актуализированной и отстраненной информации в рассказе, например: «У меня, короче, как обычно кровь **не шла**. **Короче, колет** Лариса. Она **колет** – вот все нормально. Кровь **идет.** Я **успела** удивиться, типа, а че, **получилось** с первого раза, **не может быть**! А-а-а, и кровь **перестает идти** [смеется]. М, ну, понятно, ну, ничего нового, собственно…». В данном голосовом сообщении девушка рассказывает молодому человеку о недавно проведенной процедуре сдачи крови, выйдя из медицинского учреждения. Такая ситуация была достаточно волнительной для адресанта, поскольку обычно указанный процесс вызывает у него трудности и страх.

Использование форм настоящего времени акцентирует внимание на самом ответственном моменте. Подобный фокус на кульминационном эпизоде можно отметить в следующем голосовом сообщении, которое девушка отправляет одногруппникам, чтобы рассказать о дороге домой из университета: «Мы с Ирой поели в столовке. Потом я пошла на остановку. И **думаю,** ну, дождяра такой **льет,** я **думаю,** залезу-ка я в 11-й троллейбус и запендалю на нем домой. И что же случилось? Оказывается, на Восстания где-то случилось ДТП, и нас всех попросили покинуть салон автобуса».

Адресант отправляет сообщение о случившемся не только ради передачи информации, цель говорящего состоит в том, чтобы поделиться впечатлениями и эмоциями, вызванными произошедшим. Выбор формата голосового сообщения для рассказа актуализирует такую коммуникативную ценность, как совместное проживание события. Человеку необходимо проговорить то, что произошло, чтобы осознать изменения в жизни и собственное эмоциональное состояние. Кроме того, такой формат

коммуникации позволяет передать чувства с помощью тембра, интонации и других просодических средств выражения, обладающих более ярким эффектом, чем эмотиконы в печатном формате общения.

Особое место в разнообразии голосовых сообщений занимает «разговор по душам», в рамках которого «личности говорящих и их отношения важнее, чем предмет речи»[1]. Коммуникативная цель общения ради общения играет значительную роль в русской культуре по сравнению с другими. А. Вежбицкая отмечает, что жанр «разговор по душам» – это русский коммуникативный идеал, поскольку с его помощью раскрываются два важных концепта культуры: правда и неправда[2]. Следовательно, использование указанного вида сообщений обусловливает проявление таких коммуникативных ценностей общения, как искренность и открытость. Адресант признается собеседнику в том, что его действительно волнует, озвучивая свое отношение к ситуации. Языковое оформление текстов данного жанра изобилует оценочной лексикой: «Не знаю, как это звучит, я просто знаю, что мне безумно **грустно**. И что **я должна** уволиться, потому что даже папа сейчас попросил. Потому что за бабушкой надо будет следить, а некому» (девушка рассказывает подруге о проблемах с работой и сложностях в семье); «Спасибо. Только у меня начинают **трястись руки**, потому что здесь очень много людей, и **это ужасно**» (жена делится с мужем эмоциями перед выступлением); «Слушай, Юль, ты настолько **непредсказуемая**, что я **честно в шоке**. Скажи мне сегодня утром, что тебя увижу, блин, хм, я бы не поверил. Скажи мне сегодня в обед, что я тебя увижу, и я бы тоже не поверил. **Это офигеть как! Это просто офигеть, как все!**» (молодой человек признается девушке в чувствах от незапланированной встречи).

Кроме того, посредством голосового сообщения адресанты отправляют информацию, которая уточняет детали относительно актуального вопроса, дает разъяснения для адресата. Стремление предоставить подобные сведения с помощью голосового канала говорит о том, что потребность быть услышанным в данном случае играет ключевую роль. Современный ритм жизни не всегда позволяет выразить свои мысли и мнение в полной мере, так как люди стремятся сэкономить время, а собеседник часто перебивает или сбивает встречными репликами. Формат голосового сообщения нивелирует риск быть перебитым или фактор нехватки времени для набора объемного сообщения. Например, в следующем голосовом сообщении девушка пытается доказать правильность выбора песни для поздравления именинницы: «Ну и что, что это песня-поклонение. **Так**, **наоборот**, **хорошо**, что мы такую песню взяли и поменяли слова в честь Дня рождения Галечки, чтобы ее поздравить, а не взяли какую-то песню с плохими словами и изменили ее. Ну я не знаю, короче, че я там наплела [смеется]. В общем, **надо оставлять**, **все очень классно и смешно**». В другом голосовом сообщении одногруппница передает итоги разговора с администрацией после долгих переписок: «Ты читала, что там написано? Она мне зво-

[1] Дементьев В. В. Теория речевых жанров. Москва: Знак, 2010. С. 305.

[2] Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 31–32.

нила сама и сказала, что **нельзя больше** никуда переводиться. Ты просто **можешь** с кем-то поменяться местами **и все!**».

Представленные примеры демонстрируют стремление адресанта выразить свое мнение в ходе изложения информации. Следовательно, говорящий старается еще раз зафиксировать для слушающего свое понимание ситуации, изложить собственное видение.

Голосовые сообщения, выражающие извинение и благодарность, также способствуют проявлению вышеупомянутых ценностей. С одной стороны, адресант хочет, чтобы его услышали и выслушали; с другой стороны, голосовое сообщение дает возможность сделать благодарность или извинение (как вид фатического жанра общения) более выразительным в эмоциональном плане. Отмеченные коммуникативные акты обладают большой значимостью не с содержательной точки зрения, а в социально-психологическом аспекте. Выбор в пользу голосового сообщения говорит о важности контакта между коммуникантами. Извинение свидетельствует о решении адресанта взять на себя ответственность, что является сложным и важным моментом в отношениях людей. Например, мама ученика приносит извинения учителю за сорванный урок: «**Извините**, **ради Бога**. Мы с вами про среду не обсудили. И я че-то подумала, что у нас нет сегодня урока. **Извините меня**, **пожалуйста**, мы просто уже уехали из дома. Я очень-очень сильно извиняюсь» или «Привет, **извини**, **пожалуйста**, но мне кажется, что у меня завтра не получится занятие провести с тобой. У меня просто у мамы завтра День рождения, и они сегодня вечером захотели, ну, поехать отмечать за город» (ученица приносит извинения за отмену занятия). Использование формата голосового сообщения для выражения благодарности можно проследить в следующем примере: «Еще **я хочу поблагодарить** тебя за Юльку мою. Я очень рада, что ты ее обучаешь. Она тобой так восхищается. Ты для нее, ну, тоже авторитет, поэтому я очень рада, что так вот сложилось, что ты ее обучаешь» (знакомая благодарит девушку за ее отношение к племяннице и обучение девочки).

Выводы

Анализ повседневного дискурса, выполненный на материале голосовых сообщений, позволил выявить определенный спектр социокоммуникативных и эмоциональных ценностей общения для человека. Сопереживание, откровенность и возможность высказаться обусловливают выбор голосового сообщения в качестве оптимального средства коммуникации между людьми (с учетом разнообразия тем и жанров). Роль звукового канала восприятия состоит в реализации главной ценности повседневного общения – в желании «здесь и сейчас» поговорить, не нарушая ритма жизни собеседника. Голосовое сообщение позволяет быть в постоянном контакте с людьми, несмотря на современный интенсивный ритм жизни. Таким образом, коммуникация посредством голосовых сообщений способствует сохранению важных фатических жанров в нашем повседневном общении, что представляет особую важность при наличии чрезмерных канцеляризмов и «сухого» языка в увеличивающемся количестве видов институционального дискурса. Кроме того, применение голосовых сообщений способствует яркому проявлению культурных и социальных особенно-

стей пользователей благодаря жанру «разговор по душам» и репертуару тем, волнующих молодежь.

Список источников

Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 6–34.

Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Винокур Т. Г. и др. Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. Москва: Наука, 1993. С. 5–29.

Горошко Е. И., Землякова Е. А. Полиформатный мессенджер как жанр 2.0 (на примере мессенджера мгновенных сообщений Telegram) // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 92–100.

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. Москва: Знак, 2010. 600 с.

Исупова О. Г. Конверсационный анализ: представление метода // Социология: 4М. 2002. № 15. С. 33–52. URL: https://ecsocman.hse.ru/data/2012/03/19/1269116997/Isupova.pdf (дата обращения: 12.12.2021).

Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов / под редакцией В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Марков Б. В. Культура повседневности. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 352 с.

Орлова Н. В. Голосовые сообщения как источник сведений о коммуникативных нормах и ценностях // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3. С. 57–66. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2018/12/Orlova-N.V..pdf (дата обращения: 15.10.2021).

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

Bourdieu P. La distinction: critique sociale du jugement. Paris: Les Éditions de Minuit, 1979. 672 p.

Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, 1959. 259 p.

The Handbook of Conversation Analysis / edited by J. Sidnell, T. Stivers. Chichester, UK: Wiley-Blackwell, 2012. 848 p.

References

Vezhbitska A. Russkie kul'turnye skripty i ikh otrazhenie v iazyke [Russian cultural scripts and their reflection in the language]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2002, no. 2 (4), pp. 6–34.

Vinokur T. G. Informativnaia i faticheskaia rech' kak obnaruzhenie raznykh kommunikativnykh namerenii govoriashchego i slushaiushchego [Informative and phatic speech to reveal different communicative intentions of the speaker and listener].Vinokur T. G. i dr. *Russkii iazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspect* [The Russian language in its function: communicative-pragmatic aspect]. Moscow: Nauka, 1993, pp. 5–29.

Goroshko E. I., Zemliakova E. A. Poliformatnyi messendzher kak zhanr 2.0 (na primere messendzhera mgnovennykh soobshchenii Telegram) [Polyformat messenger Telegram as a genre 2.0 (using the example of instant messages in Telegram)]. *Zhanry rechi* [Speech genres], 2017, no. 1 (15), pp. 92–100.

Dement'ev V. V. *Teoriia rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow: Znak, 2010. 600 p.

Isupova O. G. Konversatsionnyi analiz: predstavlenie metoda [Conversation analysis: method presentation]. *Sotsiologiia: 4M* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling], 2002, no. 15, pp. 33–52. Available at: https://ecsocman.hse.ru/data/2012/03/19/1269116997/Isupova.pdf (accessed: 12.12.2021).

Karasik V. I. O tipakh diskursa [On the types of discourse]. *Iazykovaia lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs: sbornik nauchnykh trudov* [Language personality: institutional and personal discourse: a collection of scientific works; ed. by V. I. Karasik, G. G. Slyshkin]. Volgograd: Peremena, 2000, pp. 5–20.

Markov B. V. *Kul'tura povsednevnosti* [The culture of everyday life]. St Petersburg: Piter, 2008. 352 p.

Orlova N. V. Golosovye soobshcheniia kak istochnik svedenii o kommunikativnykh normakh i tsennostiakh [Voice messages as a source of information on communicative rules and values]. *Ekologiia iazyka i kommunikativnaia praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 2018, no. 3, pp. 57–66. Available at: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2018/12/OrlovaN.V..pdf (accessed: 15.10.2021).

Serto M. de. *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The Practice of everyday life. Making Do]. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 330 p.

Bourdieu P. *La distinction: critique sociale du jugement*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1979. 672 p.

Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, 1959. 259 p.

The Handbook of Conversation Analysis; ed. by J. Sidnell, T. Stivers. Chichester, UK: Wiley-Blackwell, 2012. 848 p.

Сведения об авторах

Альбина Владимировна Каминская – аспирант; https://orcid.org/0000-0002-2292-5720, albina_kaminskaya_@ukr.net, Санкт-Петербургский государственный университет (д. 7–9, Университетская наб., 199034 г. Санкт-Петербург, Россия); **Albina V. Kaminskaya** – Postgraduate student; https://orcid.org/0000-0002-2292-5720, albina_kaminskaya_@ukr.net, Saint-Petersburg State University (7–9, Universitetskaia nab., 199034 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 22.02.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 22.02.2022; Approved after reviewing 15.04.2022; Accepted for publication 22.04.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 173–184.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 173–184.

Научная статья
УДК 81
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-13

К проблеме адаптации лексемы *инстаграм* и ее производных в современном русском языке

Наталия Витальевна Козловская[1]✉, Алина Сергеевна Павлова[2]

[1, 2]Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия,
[1]mnegolosbyl@gmail.com✉, https://orcid.org/0000-0001-7272-7979
[2]alina_pavlova@mail.ru

Аннотация. Объектом рассмотрения в данной статье являются лексема *Инстаграм* / *инстаграм* и ее многочисленные производные в русском языке новейшего периода. Функциональный, словообразовательный и текстовый параметры позволяют отнести эту лексическую единицу к числу ключевых слов текущего момента (до вступления в силу законодательных ограничений доступа к одноименной социальной сети). В статье рассмотрены этапы графической, фонетической, грамматической, лексико-семантической, коммуникативно-дискурсивной ассимиляции слова и его дериватов, проанализированы особенности первого этапа их лексикографического представления. Установлена высокая степень частоты встречаемости указанной лексической единицы и ее производных в коммуникативном пространстве Интернета и за его пределами.

Ключевые слова: заимствование, адаптация, этапы адаптации, принципы лексикографического описания

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-23009 РЯИК_А «Новая иноязычная лексика в русской и венгерской лексикографии XIX и XXI веков»).

Для цитирования: *Козловская Н. В., Павлова А. С.* К проблеме адаптации лексемы *инстаграм* и ее производных в современном русском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 173–184. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-13.

On the adaptation process of the lexeme *instagram* and its derivatives in the modern Russian language

Natalia V. Kozlovskaya[1]✉, Alina S. Pavlova[2]

[1, 2]Institute for Linguistic Studies RAS,
St Petersburg, Russia,
[1]mnegolosbyl@gmail.com✉, https://orcid.org/0000-0001-7272-7979
[2]alina_pavlova@mail.ru

© Козловская Н. В., Павлова А. С., 2022

Abstract. The article deals with the analysis of the lexeme *Instagram* / *instagram* and numerous words derived from this stem in the Russian language of the modern period. Due to functional, word-forming and textual parameters this lexical unit can be referred to as one of the current moment key words (the above-mentioned statement was true for the period before the legislative restrictions came into force in March 2022 that banned the social networking service "Instagram" in Russia). The article considers the stages of graphic, phonetic, grammatical, lexical-semantic, and communicative-discursive assimilation of the word and its derivatives, as well as analyzes the peculiar features observed at the first stage of their lexicographic representation. A high usage frequency of the word and its derivatives within and beyond the Internet discourse is established in the research.

Keywords: borrowing, adaptation, stages of adaptation, principles of lexicographic description
Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR (Project No. 20-512-23009 RYaIK_A "New foreign vocabulary in Russian and Hungarian lexicography of the 19th and 21st centuries").
For citation: Kozlovskaya N. V., Pavlova A. S. On the adaptation process of the lexeme *instagram* and its derivatives in the modern Russian language. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 173–184. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-13.

Введение

Одним из наиболее ярких и социально значимых процессов в современной русской речи (конец XX – первая четверть XXI в.) становится активизация употребления заимствований. Размышляя об иноязычных словах в контексте общественной жизни, Л. П. Крысин сформулировал основные предпосылки данного явления: наличие языковых контактов, принятие обществом иноязычных средств коммуникации, толерантное отношение к заимствованиям, а также «осознание своей страны как части цивилизованного мира»[1].

Важным фактором, способствующим языковой интеграции, служит Интернет как особая среда функционирования коммуникации. По мнению Б. В. Орехова, проблема русского языка во Всемирной сети с исследовательской точки зрения включает два основных аспекта: «русский язык Интернета» и «русский язык в Интернете»[2]. С этим связано понятие так называемых «словесных волн» – возникновения большого количества слов, репрезентирующих живое и социально значимое явление.

Рассуждая о феномене формирования в языке больших групп слов, М. А. Кронгауз говорит о «значительном изменении среды»: «После перестройки мы пережили минимум три словесных волны: бандитскую, профессиональную и гламурную, а в действительности прожили три важнейших одноименных периода, <…> разглядеть которые позволяет наш родной язык»[3]. Лексику социальных сетей и связанных с ними областей человеческой деятельности (информационный бизнес, обучение, творчество, ведение дневников) также можно назвать «словесной волной». Одним из

[1] Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 185.

[2] Орехов Б. В. Русский язык и новые технологии: современное состояние и перспективы исследований // Русский язык и новые технологии / составитель Г. Ч. Гусейнов. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. С. 22.

[3] Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. Москва: Знак; Языки славянских культур, 2007. С. 13.

ключевых в современном коммуникативном пространстве является слово *инстаграм*, процесс адаптации которого и охарактеризован в настоящей статье.

Основная часть

Американская социальная сеть Instagram* («Инстаграм»), предназначенная для обмена фотографиями и видео, была создана на основе приложения Burbn и получила новое название в 2010 г. По данным англоязычной Википедии, наименование Instagram представляет собой контаминацию словосочетания ***insta****nt camera* («фотоаппарат моментальной печати») и существительного *tele**gram*** («телеграмма»)[1]. В лексическом значении контаминанта дублируется семантический компонент ‘моментальность, мгновенность действия’, входящий в состав значений обоих элементов (*instant camera* и *telegram*), к которому добавляются семы отдельных составляющих бленда – ‘фотография, фотографическое изображение’ и ‘коммуникация, информация’.

Вероятно, включение словосочетания *instant camera* в словообразовательную структуру слова также объясняется тем, что изначально технические возможности Instagram позволяли размещать только фотографии квадратной формы, напоминающие снимки, сделанные с помощью устройства типа Polaroid; такая мотивированность названия социальной сети обнаруживается и на визуальном уровне – иконка (графический символ) Instagram стилизована под изображение фотоаппарата для моментальной съемки.

Таким образом, номинация содержит указание на две важнейшие функции нового сервиса: возможности размещения визуального контента и коммуникации (как в форме комментариев и выставления лайков публикациям, так и в форме обмена личными сообщениями и взаимодействия с подписчиками путем получения «живой», мгновенной обратной связи в Stories).

Указанные выше ключевые особенности социальной сети не только привели к возникновению новых явлений и своеобразной инстаграм-культуры в обществе и сформировали отношение к ним интернет-пользователей, но и повлияли на функционирование неолексемы в разных языках. В частности, в русском языке стремительное распространение и возрастающая популярность «Инстаграма» обусловили быструю ассимиляцию новой лексемы на всех языковых уровнях.

Из английского языка неологизм достаточно быстро был заимствован русским языком: база данных группы Словарей новых слов Отдела лексикографии современного русского языка ИЛИ РАН регистрирует первое употребление лексемы *Инстаграм* в 2011 г. Возникновению кириллического написания предшествовало использование лексемы (с 2010 г.) в русскоязычных текстах в оригинальном (нетранслитерированном) виде, которое сохраняется и в настоящее время (как правило, когда слово функционирует в качестве имени собственного для обозначения названия социальной сети), например:

* Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

[1] Instagram // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Instagram (дата обращения: 26.01.2022).

Многие владельцы iPhone используют приложения вроде Hipstamatic и Instagram для того, чтобы придать своим фотографиям вид некачественных аналоговых снимков, сделанных дешевым фотоаппаратом[1] (3DNews, 28.12.2010).

Маркерами принадлежности существительного *Инстаграм* к категории собственных имен на начальном этапе адаптации неологизма являются его употребление с заглавной буквы и / или в кавычках, а также наличие поясняющих комментариев, например:

...Инстаграм (программный сервис для тех, кто фотографирует, позволяет обрабатывать и выкладывать в сеть свои снимки; с апреля 2012 года принадлежит компании Facebook) (Наука и жизнь, 2012).

Впоследствии, по мере дальнейшего прохождения неологизмом процесса ассимиляции в русском языке, происходит фиксация написания лексемы со строчной буквы, что наряду с другими признаками (конкретизация / модификация лексического значения на основе метонимического переноса, употребление во множественном числе и др.) свидетельствует о постепенном переходе лексемы в нарицательное существительное:

Совершенно уже неохота делиться впечатлениями тут, все выплескала в эфирах, твиттере, инстаграме, но обещала, поэтому закину пару фоточек и вроде как сдержала обещание (rukavkaz.ru, 26.09.2012).

Смотрите инстаграмы фигуристов!!! (Невский спорт, 29.12.2012).

Вместе с тем даже по прошествии десяти лет с момента заимствования неологизма русским языком в интернет-источниках можно обнаружить написание слова с заглавной буквы и в кавычках; кроме того, в приведенном ниже контексте лексема выступает в качестве несклоняемого существительного, что свидетельствует о незавершенности процесса ассимиляции и о том, что слово в некоторых контекстах сохраняет орфографический облик имени собственного:

Картину новогодних салютов над Арсеньевом выложил Александр Бабаев на своей страничке в «Инстаграм», – сообщает «Вести: Приморье» (vestiprim.ru, 01.01.2021).

В своем Инстаграм он выложил фото, на котором завтракает с жирафами (Soccernews.ru, 03.01.2021).

Орфографическая адаптация новой единицы сопровождается появлением варианта написания слова с удвоением конечной *м* (*инстаграмм*), который, по данным неологической базы, впервые регистрируется в 2012 г. и с тех пор регулярно употребляется носителями языка:

[1] Цитаты публикуются с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Уважаемые очевидцы, если у вас есть фото пожара, опубликовывайте их в Твиттере, Вконтакте, инстаграмме с хэштегом #onlinekpru (Комсомольская правда, 25.01.2013).

Возникновение орфографических вариантов можно считать закономерным явлением, поскольку оно обусловливается одновременным действием нескольких факторов. Во-первых, вариативность может быть вызвана антиномией этимологического (опора на орфографию этимона, в данном случае требующую написания *инстаграм*) и парадигматического (опора на систему заимствующего языка, заставляющую говорящего усматривать в орфографическом варианте *инстаграмм* частичную аналогию со словами с конечным элементом-суффиксоидом *-грамма*: *телеграмма*, *кардиограмма* и т. п.) подходов к написанию заимствованного слова[1]. Во-вторых, попытка понять внутреннюю форму слова, вычленить словообразовательные компоненты в его структуре снова приводят носителя русского языка к необходимости проведения аналогии со словом *телеграмма*, которую в данном случае следует признать обоснованной, так как слово *telegram* («телеграмма»), как мы отметили выше, действительно является одним из компонентов контаминации *Instagram*. Наконец, вариант написания *инстаграмм* мог возникнуть под влиянием форм спряжения английского глагола *instagram* (они, в соответствии с системной парадигмой, образуются с удвоением конечной *m* (*instagramming*, *instagrammed*)) и дериватов типа прилагательного *Instagrammable* (слово часто встречается в русских текстах в нерусифицированном написании, кроме того, оно было заимствовано русским языком в вариантах *инстаграммабл* / *инстаграмабл*).

Несмотря на вышесказанное, следует отметить, что в результате сопоставительного анализа двух вариантов написания лексемы с помощью онлайн-системы комплексного мониторинга СМИ «Интегрум» установлено, что в течение 2021 г. количество употреблений лексемы *инстаграм* составило 729830 раз, в то время как вариант *инстаграмм* был зафиксирован в СМИ лишь в 26724 документах. Следовательно, вариант *инстаграм* в настоящее время обладает большей частотностью употребления, чем *инстаграмм*, и, возможно, в будущем окончательно его вытеснит.

Парадигматический подход (опора на существующую в русском языке акцентологическую модель – существительные (вероятно, в первую очередь – слово *телеграмма*), имеющие в составе суффиксоид *-грамма* со значением ‘запись того, что указано в слове ранее’[2], на который падает ударение) мог также оказать влияние и на ударение в существительном *Инстаграм* (*инстаграм*) в русском языке, падающее на последний слог, в отличие от английского слова *Instagram*, где основное ударение падает на первый слог.

[1] Подробнее об антиномии см. Нечаева И. В. Иноязычная неология: проблемы письменной адаптации // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): сборник научных статей / под редакцией Т. Н. Буцевой. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. С. 153.

[2] Козулина Н. А., Левашов Е. А., Шагалова Е. Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. С. 75.

Фонетическое приспособление слова к артикуляционной базе русского языка выразилось в замене альвеолярного [t] на русский зубной [т] и английского [r] на русский дрожащий [р], а также в изменении звучания гласных.

Грамматическая адаптация нового существительного выражается в приобретении им постоянных грамматических характеристик: мужского рода и склоняемости, а также способности употребляться во множественном числе в производном метонимическом значении ‘профиль какого-либо пользователя в социальной сети «Инстаграм»’:

Участница телепроекта «Дом-2» Элина Камирен сегодня выставила в своем Инстаграме несколько фотографий, соединенных вместе (Megatyumen.ru, 10.04.2014).

Дождаться финала конкурса, результаты которого будут опубликованы в нашем инстаграме @gorodtomsk (gorod.tomsk.ru, 14.11.2014).

Они отлично организуют петиции, сбор подписей, набеги на инстаграммы губернаторов и частично – видеообращения к президенту (а вот КПРФ больше любит пикеты) (nakanune.tv, 07.12.2021).

Однако, как уже отмечалось ранее, в обоих значениях (не только в основном, но и в переносном) лексема *инстаграм* до сих пор может вести себя как несклоняемое существительное, т. е. наблюдаются определенные колебания, которые могут быть разрешены только путем кодификации одного из вариантов.

Соответствующее фото Даша опубликовала в Инстаграм (Politeka.net, 15.04.2021).

Как отметил губернатор Астраханской области в своем Инстаграм, для Астраханской области это была очень своевременная помощь в тяжелый период (borisovka.bezformata.com, 11.12.2021).

Анализ многочисленных контекстов употребления исследуемой нами лексемы в современной русской речи позволяет сделать вывод о реализации процесса семантического варьирования, в результате которого у слова *инстаграм* на базе основного образовались новые, производные значения. Предварительно их можно охарактеризовать следующим образом:

1) социальная сеть для обмена фотографиями и видео (разг.). *Искать человека в* ***инстаграме***;

2) профиль какого-либо пользователя в социальной сети «Инстаграм». *Опубликовать что-либо в своем* ***инстаграме***;

3) первая часть сложных слов, имеющая значение ‘относящийся к социальной сети «Инстаграм», связанный с ней, по каким-либо параметрам подходящий для публикаций в этой социальной сети’. ***Инстаграм****-человек.* ***Инстаграм****-шаблон*.

Помимо орфографических вариантов, в русском языке сформировался и на сегодняшний день активно используется лексико-грамматический вариант неологизма *инстаграм* – усечение *инста*, по всей видимости, заимствованное из английского языка, где существительное *Insta* / *insta* употребляется как разговорный аналог лек-

семы *Instagram*, также словари фиксируют глагол *insta* (ср. рус. *инстаграмить*, *инстаграмиться*) и префикс *insta-*[1].

Как и в английском, в русском языке лексема *инста* носит разговорный характер и употребляется в ситуациях неформального общения. Анализ контекстов демонстрирует, что, как и в случае с неусеченной формой лексемы, варьируются и написание слова (с заглавной и со строчной буквы, в кавычках и без), и его грамматические характеристики (слово может функционировать и как склоняемое, и как несклоняемое существительное; наблюдаются также колебания грамматического рода: ж. р. / род не определяется в контексте – возможно, его следует считать м. р. по опорному слову *инстаграм*).

В аспекте лексикографирования слова отметим, что некоторой проблемой для неографов является и постановка ударения в слове, которое в английской лексеме *Insta*, как и в *Instagram*, падает на первый слог (тем не менее одна из нижеприведенных цитат – ее текст написан в рамках стихотворного размера (*В твоей инсте нет места для меня*) – позволяет говорить о том, что ударение в слове может падать на последний слог: *инста*).

Вирусные видео на этой площадке принесут новых подписчиков в «Инсту», но главное – отметить аккаунт (Сегодня.Ру, 25.08.2021).

Многие пишут, что активность в инсте Алины снижается, и это так (Sport.ru, 02.12.2021).

Меня запарили истории твои, В твоей инсте нет места для меня. Тебе соцсети все важней моей любви, Поэтому не обижайся на меня (agentstvo-prazdnik.com, 11.12.2021).

Не хочу, чтобы он имел «инсту» (Popcornnews.ru, 10.12.2021).

Раньше я их делала в инста, а сейчас пока удалила его с телефона, буду здесь показывать (diets.ru, 11.12.2021).

Саша Черно назвала дном всех, кто жаловался на ее аккаунт в инста, который заблокировали навсегда (kontrastniy.ru, 17.10.2021).

Наряду с лексемой *инстаграм* слово *инста* активно участвует в словообразовании как производящая основа (как правило, в качестве аналит-прилагательного в препозитивной функции): от нее образуются такие единицы, как *инстаблогер*, *инстамама*, *инстапопулярность* и т. д.; иногда могут возникать синонимические номинации с двумя вариантами первого компонента сложного слова: *инстаблог* и *инстаграм-блог*, *инстадива* и *инстаграм-дива*.

Охарактеризуем особенности функционирования и адаптации неологизма *инстаграм* на словообразовательном уровне, обратившись к данным выпусков «Новое в русской лексике».

[1] Insta // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/insta (дата обращения: 26.01.2022).

Упоминавшаяся выше неологическая база ИЛИ РАН фиксирует большое количество сложных слов с первой частью *инстаграм-*. До ввода базы в эксплуатацию производные лексемы *инстаграм* были отмечены в выпусках обновленной серии ежегодников «Новое в русской лексике»:

ИНСТАГРАМ-СЕЛЕБРИТИ, *неизм.*, *ж.* О том, кто стал известным благодаря активной деятельности в Инстаграме. *Девочка, которая раньше была популярна у себя в школе, теперь легко может стать инстаграм-селебрити с двумя миллионами подписчиков* (Собака.ru, 2015).

– Англ. **instagram celebrity**; **инстаграм**… (относящ. к социальной сети Инстаграм, 2012) + **селебрити** (англ. celebrity; известный человек, знаменитость, 1997)[1].

Количество производных, обозначающих лиц, которые через социальную сеть оказывают влияние на аудиторию, и тех, на кого это влияние распространяется, также велико:

ИНСТА-ДИВА, ы, *ж.* О девушке, женщине, размещающей в Инстаграме свои эффектные фотографии и имеющей в нем большое число подписчиков. *Ленту Инстаграма с хештегом #kadomskiyweddingday заполняли инста-дивы* (Собака.ru, 20.02.15).

– **Инста**… (относящ. к социальной сети Инстаграм, 2012) + **дива**[2].

ИНСТАГРАМ-ИНФЛЮЕНСЕР, а, *м*.

Во всех перечисленных случаях армия американских инстаграм-инфлюенсеров сделала свое дело – белая версия очков от именитых дизайнеров распродается молниеносно (the-village.ru, 14.07.17).

– **Инстаграм-**… (относящийся к социальной сети «Инстаграм», 2012) + **инфлюенсер** (англ. influencer; кто-л. (что-л.), оказывающий влияние на определенную аудиторию, 2011); англ. **Instagram influencer**[3].

ИНСТАПОКЛОННИЦА, ы, *ж.* Поклонница какого-л. известного лица в социальной сети Инстаграм. *Евгений Лысый – топ-менеджер и завидный холостяк по версии нашего журнала, снимает смешные видео и с юмором уходит от атак инстапоклонниц* (Собака.ru, 2015).

– **Инста…** (относящ. к социальной сети Инстаграм, 2012) + **поклонница**[4].

ИНСТАГРАМ-КОУЧЕР, а, *м*.

Она <Елена Третьякова> переквалифицировалась в инстаграм-коучеры и любого может избавить от комплекса неполноценности (Панорама, 2018).

[1] Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2015 / составители Н. А. Козулина, С. Д. Левина. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. С. 49.

[2] Там же.

[3] Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2017 / составители А. Ю. Кожевников, Ю. С. Ридецкая. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2019. С. 67.

[4] Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2015 / составители Н. А. Козулина, С. Д. Левина. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. С. 49.

– **Инста**… (относящийся к приложению, социальной сети «Инстаграм», 2010) + **коучер** (от англ. coach ‘консультант’)[1].

Словообразовательная адаптация слова нашла отражение в появлении в 2010 г. прилагательного *инстаграмный*, которое в течение краткого периода времени стало многозначным: помимо исходного значения ‘относящийся к инстаграму, связанный с ним’, сформировалось производное значение ‘по каким-либо параметрам подходящий для публикаций в социальной сети «Инстаграм»: фотогеничный, эффектный, привлекающий внимание’: *инстаграмная квартира*, *инстаграмный обед*, *инстаграмная внешность*.

С углублением процессов лексической адаптации производного прилагательного *инстаграмный* связан резкий рост синтагматического потенциала слова. Так, весьма интересны атрибутивные сочетания форм данного прилагательного с существительными разных семантических областей. Приведем наиболее часто встречающиеся примеры:

– внешность, лицо, ногти, нос, макияж;
– инструменты, курс (курсы), маркетинг, метод, продукт, прием, техники, технологии;
– словарь, сленг, язык;
– блюдо, завтрак, квартира, студия;
– фон, шаблон, шрифт.

Степень адаптации иноязычного слова во многом определяется частотой его использования в качестве вербальной составляющей мемов, отражающих актуальные культурные стереотипы и явления действительности. Данный факт обусловливается тем, что попадание мемов в сетевой дискурс становится одним из важнейших факторов формирования современной русской ментальности, ключевым социально-культурным процессом, позволяющим значительно расширить представление о существующей социолингвистической ситуации.

В этом отношении показательны примеры текстов, являющихся вербальной частью мемов-картинок:

Не смог придумать подпись в инстаграме (на изображении человека, лицо которого выражает отчаяние).

Съела суши – забыла залить в инстаграм.

А что, еда становится вкуснее, когда ее выкладывают в инстаграм?

В жизни – в инстаграм (серия мемов, состоящих из двух картинок, одна из которых (в инстаграм) отражает не то, что есть на самом деле, а приукрашенный, «отфотошопленный» образ (см. рисунок).

[1] Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2018 / составители Е. С. Громенко и др. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. С. 41.

Рисунок. Примеры мемов из серии «В жизни – в инстаграм»

Выводы

Проведенное исследование показало, что слово *инстаграм* в современном русском языке обладает всеми признаками ассимилированности – как необходимыми, так и избыточными[1]. Заимствованное слово освоено фонетически и грамматически, способно служить базой для создания производных слов с помощью русских аффиксов и широко употребляется в коммуникативном пространстве Интернета и за его пределами.

Лексикографическое описание слова *инстаграм* и его производных находится на начальной стадии: лексема зафиксирована в Викисловаре; ее многочисленные производные, в том числе слова однократного употребления, отражены в словарях-ежегодниках «Новое в русской лексике».

Во время проведения исследования функциональный, словообразовательный и текстовый параметры позволили отнести данную лексическую единицу к числу ключевых слов текущего момента. Однако ряд внелингвистических факторов (запрет использования социальной сети и ограничение доступа в марте 2022 г.) могут

[1] Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 44.

изменить эту оценку и поспособствовать выходу слова *инстаграм* и его производных из разряда активно употребительных.

Список источников

Инстаграм // Свободная энциклопедия Викисловарь. URL: https://ru.wiktionary.org//wiki/инстаграм (дата обращения: 26.01.2022).

Козулина Н. А., Левашов Е. А., Шагалова Е. Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. 288 с.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. Москва: Знак; Языки славянских культур, 2007. 232 с.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

Нечаева И. В. Иноязычная неология: проблемы письменной адаптации // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): сборник научных статей / под редакцией Т. Н. Буцевой. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. С. 152–156.

Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2015 / составители Н. А. Козулина, С. Д. Левина. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. 106 с.

Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2017 / составители А. Ю. Кожевников, Ю. С. Ридецкая. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2019. 138 с.

Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2018 / составители Е. С. Громенко и др. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. 104 с.

Орехов Б. В. Русский язык и новые технологии: современное состояние и перспективы исследований // Русский язык и новые технологии / составитель Г. Ч. Гусейнов. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. С. 15–23.

Insta // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/insta (дата обращения: 26.01.2022).

Instagram // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Instagram (дата обращения: 26.01.2022).

References

Instagram [Instagram]. *Svobodnaia entsiklopediia Vikislovar'* [Free Encyclopedia Wiktionary]. Available at: https://ru.wiktionary.org//wiki/инстаграм (accessed: 26.01.2022).

Kozulina N. A., Levashov E. A., Shagalova E. N. *Affiksoidy russkogo iazyka. Opyt slovaria-spravochnika* [Affixoids of the Russian language. Dictionary experience]. St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2009. 288 p.

Krongauz M. *Russkii iazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language is on the verge of a nervous breakdown]. Moscow: Znak; Iazyki slavianskikh kul'tur, 2007. 232 p.

Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniia po sovremennomu russkomu iazyku i sotsiolingvistike* [Russian word, our and others: Research on the modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 888 p.

Nechaeva I. V. Inoiazychnaia neologiia: problemy pis'mennoi adaptatsii [Foreign neology: problems of written adaptation]. *Neologiia i neografiia: sovremennoe sostoianie i perspektivy (k 50-letiiu nauchnogo napravleniia): sbornik nauchnykh statei* [Neology and neography: modern state and prospects (to the 50th anniversary of the scientific direction): a collection of research papers; ed. by T. N. Butseva]. St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2016, pp. 152–156.

Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy – 2015 [New in Russian vocabulary. Dictionary materials – 2015; compiled by N. A. Kozulina, S. D. Levina]. St Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovanii RAN, 2020. 106 p.

Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy – 2017 [New in Russian vocabulary. Dictionary materials – 2017; compiled by A. Iu. Kozhevnikov, Iu. S. Ridetskaia]. St Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovanii RAN, 2019. 138 p.

Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy – 2018 [New in Russian vocabulary. Dictionary materials – 2018; compiled by E. S. Gromenko and others]. St Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovanii RAN, 2020. 104 p.

Orekhov B. V. Russkii iazyk i novye tekhnologii: sovremennoe sostoianie i perspektivy issledovanii [Russian language and new technologies: current state and prospects for research]. *Russkii iazyk i novye tekhnologii* [Russian language and new technologies; compiled by G. Ch. Guseinov]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, pp. 15–23.

Insta. *Cambridge Dictionary*. Available at: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/insta (accessed: 26.01.2022).

Instagram. *Wikipedia*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Instagram (accessed: 26.01.2022).

Сведения об авторах

Наталия Витальевна Козловская – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник; https://orcid.org/0000-0001-7272-7979, mnegolosbyl@gmail.com, Институт лингвистических исследований РАН (д. 9, пер. Тучков, 199053 г. Санкт-Петербург, Россия); **Natalia V. Kozlovskaya** – Doctor of Philological Sciences, Leading Research Fellow; https://orcid.org/0000-0001-7272-7979, mnegolosbyl@gmail.com, Institute for Linguistic Studies RAS (9, per. Tuchkov, 199053 St Petersburg, Russia).

Алина Сергеевна Павлова – младший научный сотрудник; alina_pavlova@mail.ru, Институт лингвистических исследований РАН (д. 9, пер. Тучков, 199053 г. Санкт-Петербург, Россия); **Alina S. Pavlova** – Junior Research Fellow; alina_pavlova@mail.ru, Institute for Linguistic Studies RAS (9, per. Tuchkov, 199053 St Petersburg, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.02.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 21.03.2022.

The article was submitted 25.02.2022; Approved after reviewing 15.03.2022; Accepted for publication 21.03.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 185–196.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 186–196.

Научная статья
УДК 801.6
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-14

Зарифмованный вирус: Корпусный анализ поэтических текстов на актуальную тему (весна 2020)

Елена Федоровна Левочская (Югай)

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия,
leta.ugay@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8612-1361

Аннотация. В статье представлен анализ результатов корпусного исследования поэзии, опубликованной в социальных сетях весной 2020 г. Рассмотрены повторяющиеся рифмы к словам, связанным с актуальной темой – карантином и пандемией. Новые на тот момент явления и обозначающие их лексемы попадали в стихи, осмыслялись и вписывались в контекст, который отчасти был обусловлен инерцией стихосложения.

Согласно исследованию корпуса отобранных текстов, повторяющиеся рифмы обусловливают темы и ключевые слова, оказывающиеся в сильной позиции. Кроме того, был сделан вывод, что поэзия тяготеет к клишированности на уровне рифмы (в случае работы автора с определенными словами и темами).

Ключевые слова: антропология поэзии, корпусный анализ, рифма, коронавирус, сетевая поэзия, современная фольклористика и авторская поэзия

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-00318а «Стратегии порождения и тактики восприятия поэтического текста в традиционной и городской культурах»).

Для цитирования: *Левочская (Югай) Е. Ф.* Зарифмованный вирус: Корпусный анализ поэтических текстов на актуальную тему (весна 2020) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 185–196. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-14.

Rhyme to the virus: Corpus analysis of poetic texts on a current topic (Spring 2020)

Elena F. Levochskaya (Yugai)

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia,
leta.ugay@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8612-1361

Abstract. The article presents the results of the corpus analysis of poetry published on social media in the spring of 2020. The authors consider repetitive rhymes for the words related to the current topic of quarantine and pandemic. Phenomena that were new at that time and the lexemes denoting them were rhymed, interpreted and fit into the context, which was partly due to the inertia of versification. According to the study of the selected texts, repeated rhymes underlie topics and

© Левочская (Югай) Е. Ф., 2022

keywords that are in a strong position. In addition, it has been concluded that poetry gravitates to cliché character at the rhyme level (in the case of the author's work with certain words and topics).
Keywords: anthropology of poetry, corpus analysis, rhyme, coronavirus, internet poetry, modern folklore and author's poetry
Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR (Project No. 20-09-00318a "The strategies of generation and tactics of reception of the poetic text in rural and urban cultures").
For citation: Levochskaya (Yugai) E. F. Rhyme to the virus: Corpus analysis of poetic texts on a current topic (Spring 2020). *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 185–196. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-14.

Введение

В статье представлена попытка анализа авторской поэзии с точки зрения воплощения на практике идей и взглядов создателя произведения. Похожим образом принято рассматривать фольклор, в котором каждый текст – это акт сочетания слов в рамках заданного жанра, темы и ситуации, т. е. вариант общего инварианта. У нашего исследования два источника методологии: количественное литературоведение, провоцирующее изучать поэтические явления с дистанцией, не ограничиваясь каноном и фокусируясь не на отдельном тексте, а на единицах более крупных (жанр) или более мелких (прием), и работы группы «Мониторинг актуального фольклора» ШАГИ РАНХиГС (в них тексты трактуются как реакции на общественно значимые события)[1].

На пересечении данных методологий был создан корпус текстов-реакций на начало эпидемии Covid-19 и изоляцию весной 2020 г., цель которого состояла в анализе практики распространения стихотворных текстов в сети Интернет. В отличие от подборок «коронавирусных текстов», публикуемых участниками литературного процесса, выборка составлялась так, что исключались суждения, основанные на личных предпочтениях, и самоотбор (за исключением начального факта публикации текста в блоге). Корпус размечен по ряду как содержательных (мотивы), так и формальных (рифмы) параметров.

В фольклоре любая находка (новый поворот сюжета, эпитет или рифма) проходит «цензуру коллектива»[2], и, чтобы закрепиться, он должен повториться много раз. В результате «выживает» то, что подходит многим. В печатной культуре – в связи с возможностью фиксировать авторские варианты – разнообразие форм значительно больше. Яркие находки сохраняются, связываются с именем автора и институтом литературных репутаций и влияют на последующих художников слова уже посредством экспертной оценки профессиональных читателей. О том, как с авторскими текстами обходится «цензура коллектива», можно судить на материале городской песни, особым образом использующей книжную лирику, последовательно усредняя ее.

[1] Моретти Ф. Дальнее чтение. Москва: Издательство Института Гайдара, 2016. 352 с.; Архипова А. С. и др. Мониторинг актуального фольклора-2016: методы и результаты. Москва: РАНХиГС; ШАГИ, 2017. 34 с.

[2] Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. Москва: Искусство, 1971. С. 369–383.

Однако если принимать во внимание не только выдающиеся (с точки зрения экспертов) произведения (так называемый «канон» литературы), но и создание стихов, их публикацию в соцсетях, рассматривая их как достаточно распространенную практику, то отличия с фольклором будут не столь существенны. Ситуация и контекст провоцируют использование определенных формальных средств, которые могут проявляться в каждом поэтическом акте с разной степенью полноты и изящества. Вольфганг Изер назвал поэзию коммуникативным медиумом и, как и фольклористы, делал акцент на прагматике текста и ситуациях его исполнения[1].

Наша гипотеза состоит в том, что в стихах на одну и ту же тему будет наблюдаться формульность, клишированность формы, передающей схожее содержание. Повторяющиеся элементы структуры могут выделяться на разных уровнях; в данной статье хотелось бы более подробно остановиться на рифме.

Основная часть

Методика сбора материала

Мы не разделяем тексты разной успешности, но для того, чтобы выборка была сбалансирована, берем пробы из четырех сегментов: а) стихи «сообщества» («толстожурнальной поэзии») – людей, для которых занятие поэзией во многом определяет их идентичность и социальные взаимодействия, а мерилом успешности текста выступает публикация в «толстых журналах» и ограниченном круге издательств, обладающих внутрицеховой репутацией; б) поэзии любительской (или «сетевой поэзии-2», по определению Е. Вежлян)[2] – вне зависимости от профессионализма в иных сферах, в поэзии такие авторы декларируют искренность как основной критерий, а формально ориентируются на классические образцы; в) поэзии мемов и твитов, где рифмованный текст приближается по функции к анекдоту и часто имеет устойчивую форму печатной частушки, пирожка или порошка; г) тексты песен («популярная музыка» в социологическом значении термина). Выборка была стратифицирована с учетом площадок, на которых появлялись тексты: Facebook (френдленты нескольких человек, включавшие преимущественно произведения поэтов «сообщества»), Telegram-каналы, сети Instagram, ВКонтакте, Одноклассники, сайт Стихи.ру, видеохостинг Youtube. Дополнительно велся поиск по блогам в программе Интегрум. Время сбора – середина марта–июль 2020 г. Результаты были оформлены в базу данных: всего выявлено более 850 текстов (около 450 тыс. зн.), 275 из них собраны по выстроенной ленте Facebook (поэзия сообщества), 537 – найдены в других соцсетях по ключевым словам, 44 – песни, остальное – юмористические твиты. Всего 285 текстов всех сегментов содержат рифмы на актуальные темы (89 – поэзия сообщества, 157 – любительская поэзия, 16 – песни).

Тексты в базе расписаны по ряду параметров (20), позволяющих определить их успешность как высказываний (количество просмотров, лайков, комментариев;

[1] Изер В. К антропологии художественной литературы. URL: https://polit.ru/article/2009/02/27/izer/ (дата обращения: 23.12.2021).

[2] Воробьева (Вежлян) Е. И. Искренность, аффект, эмпатия: поэтические сообщества и новые контексты публичности // Russian Literature. 2020. Т. 118. С. 45–77.

вхождение в подборки), формальные (система стихосложения; твердая / строгая форма; первоисточник, если это переделка; объем в знаках; преобладающая стилистическая окраска лексики) и содержательные особенности (наличие цитат и аллюзий; юмористичность; ключевые мотивы). Кроме того, зафиксированы специфические рифмы и метафоры, связанные с Covid-19. Дополнительно введен критерий «юмор» (к юмористическим текстам – или текстам, воспринимаемым как юмористические, – читатели относятся принципиально иначе).

В интервью, состоявшемся весной 2020 г., участник современного литературного процесса (мужчина, родившийся в 70-х годах XX века) так отреагировал на вопрос об актуальной теме: «[А ковид как тема?] Но он еще не прошел. И о чем сейчас писать? Рифмовать коронавирус – это пошло. Зачем это? [смеется] Не знаю, это нужно определенную специфику иметь»[1]. Однако в реальности среди поэтов сообщества публиковалось достаточно много поэтических текстов (как шуточных, так и серьезных), а в актуальном крыле[2] и вовсе сразу же начали выходить подборки, оригинальные и переводные, в которых стихи о пандемии демонстрировали отношение к новому опыту как к материалу для творчества и декларировали попытку осмыслить происходящее[3]. Можно сказать, что возникшая в общественном пространстве тема коронавируса вызвала отклик в разных сегментах поэтического производства – и в непрофессиональной поэзии, и в интернет-фольклоре, и в песенной культуре, и среди поэтов сообщества. Она была одновременно актуальной (связанной с новостной повесткой) и сущностной (сопряженной с базовой тревогой и меняющей быт).

Популярные рифмы

В профессиональном сегменте на первых порах преобладают юмористические тексты, в том числе игры на поиск рифмы (*коронавирус*, *панголины* и др.). После появившейся в СМИ информации, согласно которой источником нового вируса стал панголин (вид ящеров), в Facebook лингвиста А. Пиперски 19 марта 2020 г. была опубликована следующая запись:

Почему-то весь вечер сочиняю стихи про панголинов. Присоединяйтесь!

Ах мой милый панголин,
Ты скотина из скотин.
Из китайских из долин
Смерть несет нам панголин.

[1] Данное интервью записано Е. Левочской (Югай).

[2] Деление современной поэзии на «традиционную» – ориентированную на бумажные публикации, классическую поэтику и вечные темы, и «актуальную» – поэзию прямого высказывания и социального действия – во многом условно. Одни и те же авторы и читатели могут находить себе место и в одном, и в другом сегменте. Однако, поскольку это обозначение «эмное» (существующее внутри современного поэтического сообщества как самоназвание одной из групп), оно выполняет различительную функцию. В данном случае имеются в виду в первую очередь публикации на ресурсе https://syg.ma/.

[3] Девочка из Уханя. URL: https://syg.ma/@elena-gennadievna/dievochka-iz-ukhania (дата обращения: 23.12.2021).

Ели-ели панголина,
Но закончилась малина[1].

Более пятидесяти комментариев содержат множество рифмовок на слово «панголин».

Подобные игры практикуются и вне сети: кто-то начинает рифмовать, другой подхватывает, и это служит некоей тренировкой, отличаемой от «серьезной» лирики[2]. Вместе с тем можно утверждать, что такое осваивание новых слов и смыслов – важный процесс в информационном поле, поскольку позволяет исследовать контексты использования новой лексики и вводить ее в повседневное употребление (ср. изучение иностранного языка). Ближе к концу периода процент неюмористических текстов в профессиональном сегменте увеличивается.

В корпусе выделились наиболее частотные рифмы (*коронавирус* / *вырос* / *папирус* / *минус*; *маски* / *ласки* и др.), причем они встречаются в разных сегментах. Мы считали рифмой то, что логикой текста позиционировалось как рифма. Например, в длинном стихотворении с перекрестной рифмовкой слово «тяжелобольным» находится в рифмующейся позиции относительно слова COVID:

Мы прочли все подряд, что ученым известно,
И раскроем секреты твои, о COVID!
Скоро выйду я в свет и смогу быть полезной.
И отдам антитела я тяжелобольным[3].

То же касается рифмы *вирусом* / *помогали всем* (две совпадающие согласные в клаузуле не дают рифмы в стиховедческом смысле, но для автора эти слова рифмуются).

В некоторых случаях рифма возникала за счет словообразования: *коронавир* / *кефир*, *covi* / *любви*, *спинку* / *карантинку*, *ляжку* / *изоляшку*. Такие примеры скорее единичны, однако по крайней мере один из них стал повторяющимся: *Басе* / *(корона)вирусе* встретилось в корпусе дважды у несвязанных пользователей (в Facebook 14 марта и в сети ВКонтакте 5 апреля).

Изначально при разметке корпуса отмечались все рифмы на слова семантического поля «коронавирус» (название болезни и ее симптомы, связанные с ними ограничения). Некоторые из них встречались редко: *кашей* / *кашель*, *откуда* / *простуда*, *зараза – фраза – раз за разом – разум*; другие – чаще. Так, на слово «пандемия» в разных его формах зафиксированы следующие рифмы:

пандемия / *кормили* // *пандемий* / *Вий* // *пандемия* / *пройди мимо* // *истерии* / *пандемии* // *поколений* / *пандемий* // *пандемия* / *таттатіа* // *Россия* / *пандемия*.

[1] Пиперски А. «Ах мой милый панголин…» URL: https://www.facebook.com/alexander.piperski/posts/10219552334512977 (дата обращения: 23.12.2021).

[2] По материалам включенного наблюдения, которые зафиксированы в полевых дневниках автора.

[3] Здесь и далее фрагменты текстов цитируются по собранному корпусу (в авторской редакции).

Несмотря на экзотичность полного названия (а может, благодаря ему), пять раз в рифмующейся позиции оказывается ортофемизм *Covid-19*, при этом некоторые авторы рифмуют оба слова (составная рифма), а некоторые – только последнее:

Айболит, *братцы* / ***COVID-19*** // *за 20* / *covid-19* // *вид*, *разобраться* / *Ковид, девятнадцать* // *клацай* / *COVID-19* // *covid-19* / *встречаться*.

Следующими по частотности идут официальное сокращенное название *Covid* и его эвфемизмы: просторечное *корона* и возвышенное *чума*:

индивид / ***COVID*** // *говорит* / *ковид* // *обид* / *covid* // *вид* / *covid* // *вид* / *covid* // *вид* / *covid* // *вид* / *ковид* / *аонид* // *ковиду* / *гниду* // *готовит* / *Covid* (с переносом ударения) // *ковида* / *Аида* // *c'estlavie* / *Covid* // *ковид* / *постит* // *корит* / *ковид* / *гастрит* // *ковид* / *скрипит* // *стыд* / *девятнадцатый ковид* // *ковид* / *плодовит* // *covid* / *на вид* // *как вид* / *ковид* // *Немезида* / *три ковида* // *ковид* / *победит* / *тяжелобольным* // *московит* / *пиит* / *и панда*, *и пандит* / *твит* / *Delete* / *Саид* / *аонид* / *Давид* / *левит* / *сидит* / *бандит* / *гнид* / *COVID*;

трона / ***корона*** // *короны* / *кроны* // *затрону* / *корону* // *короной* / *к трону*, *вороны* / *рулоны* // *Корона* / *Верону* // *дома* / *короне* // *корона* / *зеленой* // *корону* / *дому* // *короны* / *вороны* // *корону* / *кровный* // *корона* / *района* / *айфона* // *неуклонно* / *короной* // *короны* / *вороны* // *дома* / *корона* // *короной* / *картонный* // *трону* / *корону* // *волонтерить* / *короны* // *корона* / *оборону*;

чума / *домА* // *чума* / *ума* // *обречены* / *чумы* // *чуму* / *ни к чему* // *чума* / *ума* // *с ума* / *чума* // *чума* / *дома* // *чумы* / *князя Тьмы* // *сведу* / *чуму* // *чума* / *вчера* // *чума ума* / *дома* // *я и ты* / *чумы* // *чумы* / *как мы* // *они* / *чумы* // *кутерьма* / *чума*, *мы* / *чумы* // *чума* / *ума* // *чума* / *слова* // *чумы* / *сумы*.

Во всех трех случаях обращает на себя внимание однотипность рифм. Так, 6 из 21 рифмы на *ковид* – это *вид* (один раз глубокая рифма *как вид*), еще пять вхождений – глаголы настоящего времени 3 л. ед. ч. (окончание *-ит* и конец основы на согласный). Последняя подборка рифм в первом блоке организует текст, центральный прием которого – подбор рифмы к новому ключевому слову. *Корона* рифмуется в основном с существительными (*Верона*, *вороны*, *оборона*, *трона*). Ресурсы языка позволяют находить точные рифмы. *Чума* в 5 из 18 случаев рифмуется со словом *ума*, в 3 – *дома*, дважды – со словом *мы*, единожды – *ты*.

Достаточно часто в рифмующейся позиции оказываются слова *маска* (40 раз) и *(само)изоляция* (22 раза):

маску / *гримасой* // *развязки* / *маска* // *маска во* / *ласково* // *шампанским* / *маскиям* // *сказкой* / *маской* // *майские* / *маски и* // *маску* / *колбаску* // *ласки* / *маски* // *маски* / *указках* // *маски* / *краски* // *маски* / *сказки* // *маски* / *отмазки* // *маску* / *ласку* // *маски* / *краски* // *маске* / *ласки* // *опасность* / *маске* // *маски* / *Марксу* // *маске* / *краску* // *маски* / *отмазки* (написано «от маски») // *сказку* / *маску* // *маски* / *встряски*, *маски* / *красках*, *маски* / *ласке* // *масках* / *опасность* // *маски* / *в сказке* // *красок* / *масок* // *опаске* / *маске* // *ласки* / *маски* // *маски* / *глазки* // *сказка* / *маска* // *маску* / *Пасху* //

масок / красок // маске / сказке // сказке / маски // маске / завязке, прекрасный / маски // сказки / маски // опаской / маски / ласки // маски / сказки // глазки / маски // маски / краски / острастки // сказки / маски;

*изоляция / прокрастинация // **самоизоляцию** / общаются // деваться / самоизоляции // деградации / самоизоляции / интерпретации / нотации / фрустрации // самоизоляция / нации // изоляция / абляция // кастрация / самоизоляции // чечетку бацаю / самоизоляцию // самоизоляция / простраци*я */ стагнация // нация / самоизоляция / акции / медитация // ситуации / самоизоляции / онлайн-трансляции // дистанция / акция / самоизоляция // самоизоляция / адаптация // изоляции / сенсации // самоизоляции / приватизации // агитацией / изоляцией // самоизоляции / демонстрацию // изоляции / ситуации // эмиграция / изоляция // цивилизация / самоизоляция // самоизоляции / капитуляции / нации // демонстрации / самоизоляции*.

В представленных блоках за редким исключением рифмуются существительные, обладающие похожей структурой.

Наконец, наиболее частотными по количеству рифмований выступили слова *карантин* и *вирус*. Появляется даже рифма *карантине / covid-вирус* (глубокая и неточная).

*Серпантином / **карантином** // карантина / Тарантино // танце я / дистанция // рутине / карантине // аспирин / карантин // карантине / Плиний // карантинам / уйти нам // карантин / дивный -нтин // карантин / закон один // панголин / скотин / долин / блин / малина // карантин / Бородин / Насреддин / Тарантин / один / блондин / Мирамистин / валокордин / сардин / аспирин / мене текелупарсин / палантин / скотин(а) // карантина / кретина // карантин / захотим // карантин / квартир / мир // картин / карантин // Константин / магазин / карантин // карантин / кретин // разъединил / карантин // причин / карантин // карантин / один // карантине / магазине // картины / карантина // льдине / карантине / кабине // картина / карантина // сидим / карантин // карантин / магазин / мужчин // квартир / карантин // квартир / карантин / палантин / картин / один // карантин / картин // на войне / карантине // карантин / вакцин // мужчинах / карантине // карантин. Именин // гардин / карантин // господин / карантин // карантина / картина // помине / карантине // карантина / неумолимо // карантин / на пути // кретин / карантин // сильно / карантина // чужбине / карантине // магазин / карантин // карантина / паутина // один / карантин // карантин / в пути // картин / карантин // карантине / рутине // карантин / не я один // карантина / доктрина // карантин / как скотин // карантине / квартире // буратин / карантин // карантин / серпантин / Валентин // карантине / едино, глядим / карантин // карантине / covid-вирус // карантины / любимых // карантинам / любимы // серотонин / карантин // кретин / карантин // один / карантин // не дадим / карантин // блин / карантин // карантин / один // с ним / карантин // карантинах / квартирах // карантине / картине // сидим / карантин / посидим // карантина / противно // карантин / шерами // Тарантино / карантина // карантин / один // карантин / один // карантине / картине // карантин / серпантин // карантином / кретином, ликвидным / ковидным*;

вирус / *папирус* // *вырос* / *коронавирус* // *минус* / *вирус* // *вырос* / *коронавирус* // *вырос* / *коронавирус* // *остановилось* / *вирус* // *коронавирус* / *клирос* // *коронавируса* / *вырвался* // *вирус* / *вырос* // *коронавирусом* / *вырву сам* // *вырос* / *вирус* // *вируса* / *папирусах* / *клиросе* / *Осирису* // *вирусами* / *сами* // *вырос* / *коронавирус*, *коронавирус* / *выдаст* // *цымус* / *коронавирус* // *вирус* / *папирус* // *сырость* / *коронавирус* // *всполошились* / *вирус* // *клироса* / *вируса* // *коронавирус* / *минус* // *минус* / *коронавирус* // *коронавирус* / *милость* // *папирусов* / *вирусов* // *короновирус* / *милость* // *минус* / *коронавирус* // *коронавирус* / *минус* // *вирус* / *папирус* // *засов* / *вирусов* // *папирус* / *вирус* // *вирусом* / *концентрируюсь* // *коронавирус* / *по миру* // *вирус* / *мира* // *коронавирус* / *не снилось* // *коронавирус* / *синус* / *Гиннес* / *спину* / *минус* // *коронавирус* / *вшивость* // *миру* / *коронавирус* // *коронаврус* / *гаджетовирус*, *вирус* / *минус* // *коронавирус* / *минус* / *вирус* // *коронавирус* / *минус* // *вирус* / *карантином* // *минуса* / *коронавируса* // *короновирус* / *вырос* // *вирус* / *минус* // *коронавируса* / *подавилася* // *вырос* / *вирус* // *коронавирус* / *минус* // *миру* / *вирус* // *вырос* / *вирус* // *коронавирус* / *минус* // *не снилось* / *коронавирус* // *минус* / *вирус*, *вырос* / *вирус* // *приснилась* / *коронавирус* // *вирус* / *сдвинулось* // *вирусом* / *помогали всем* // *коронавирус* / *вырос* // *вырос* / *вирус* // *коронавирус* / *папирус* // *минус* / *вирус* // *миру-с* / *коронавирус* // *мире* / *вирус* // *папируса* / *кефируса* / *вируса* // *сырость* / *коронавирус* // *коронавирусных* / *выросли* // *коронавирус* / *минус* // *минус* / *коронавирус* // *вылезь* / *вирус* // *вылез* / *вирус* // *расходитесь* / *коронавирус* // *трусы* / *хитро-вирусы* // *этим вытрусь* / *коронавирус* // *минус* / *коронавирус* // *минус* / *коронавирус*.

Слово «(корона)вирус» имеет традицию рифмования. Если мы проследим по Национальному корпусу русского языка[1] (НКРЯ), как с названиями болезней – ортофемизмами, нейтральными обозначениями и поэтизмами – обращались поэты XX в., то увидим следующую картину.

На слово «ОРВИ» поэтический подкорпус НКРЯ выдает 0 документов, на «грипп» – 16 (по одному тексту И. Холина, Б. Ахмадулиной, Н. А. Ушакова, Н. А. Щеголева, Г. Н. Оболдуева, Я. Смелякова, О. Берггольц, Саши Черного, четыре текста Е. Л. Кропивницкого, по два – С. И. Кирсанова и В. Маяковского). Причем, например, у И. Холина и Е. Л. Кропивницкого ближайшее окружение слова – автологические образы, а само название болезни выступает в роли второго компонента рифмы или даже названия («Голова болит, а в глотке / Раздается сип. / Это, может быть, от водки / А возможно, грипп» И. Холин; «Я зябну снова – / Должно быть грипп. / Смешное слово, / Как будто гриб» Е. Л. Кропивницкий). У Б. Ахмадулиной, напротив, слово «грипп» укутано плотным слоем метафор: «Грипп в октябре – всевидящ, как господь. / Как ангелы на крыльях стрекозиных, / слетают насморки с небес предзимних / и нашу околдовывают плоть».

На слово «простуда» – тоже диагноз, но в меньшей степени воспринимаемый как медицинский термин – поэтическим подкорпусом НКРЯ выдается уже 27 документов (без учета словоизменения) (рифмы *чуда*, *покуда*, *оттуда*, *Ундервуда* встреча-

[1] Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html (дата обращения: 23.12.2021).

ются более одного раза); «болезнь» – 315, «чума» (в современном мире это либо отсылка к истории, литературе, либо метафора) – 129; «вирус» – 7 (*вырос*, *вырост*, *расширясь*), из них 3 – у В. Сосноры (в виде сравнения или метафоры); «карантин» – 12 документов от А. С. Пушкина до М. Н. Айзенберга, в каждом данная лексема является вторым компонентом рифмы (чаще всего первый компонент – слово «один», хотя вариантов много).

В выборке 2020 г. слово *вирус* сохраняет пару *вырос*, при этом, будучи частью нейтрального названия болезни, оно получает большое количество новых сочетаний. В Facebook указанную рифму включают одни из первых опубликованных стихотворений: «А еще ко всему “деревянный” упал, а “зеленый” напротив – лишь вырос. / Нурофен, арбидол или антигрипал – чем же мне одолеть этот вирус?» (Анна Лялякина, юмористическое); «А нынче мы, потомки бледные, / сидим и пьем за дни победные, / боясь то кризиса, то вируса. / Не дотянулись. Недовыросли» (Галина Илюхина, серьезное); «В наших глазах он теперь до небес вырос, / будит и в нас небеса наши и глубины. / Ах, господа, – но это же просто вирус, / маленький, глупенький и невинный» (Людмила Казарян); «Тут на днях коронавирус, / По-научному COVID, / В огороде нашем вырос – / Духовит и плодовит» (Игорь Иртеньев). Глаголы в данных примерах относятся к разным субъектам: вырастает сам вирус (наиболее ожидаемое), курс валют, люди.

В некоторых случаях рифма отсутствует как концевая, но остается как внутренняя: «Но лето кончилось. Пришла зима и вирус / за ней последовал. Поселок на ветру, / в котором полторы души и минус, / что цены выросли и водкой руки тру» (Герман Власов).

На Стихи.ру рассматриваемая рифма встретилась пять раз, например: «Здравствуй, враг короновирус, / Статистически ты вырос, / Как ты, каверзный, силен:/ Зараженных – легион!»

В сегменте «песни» обнаруживаются следующие строки: «Трудно бывает избавиться от масок, в которых вырос / Но в них, что в интернете, что в лайве, сложнее обычного: / Человек для человека сейчас – потенциальный вирус» (Павел Фахртдинов), «Очень вырос в целом мире / Новый вирус – три-четыре!» (SteamPunk) – аллюзия к В. Высоцкому.

Среди самых популярных рифм 2020 г. – *(корона)вирус – папирус*. В начале пандемии стихотворный отклик на актуальную тему превращается в игру на подбор рифмы; так, пост В. Емелина «Никогда коронавирус / Не заставит смолкнуть клирос!» получил отклик – комментарий «Никогда коронавирус не проникнет в твой попирус ☺». Рифма *вирус* / *папирус* появляется в разных сегментах. Она актуализируется посредством включения одного фольклорного текста в другой фольклорный текст:

– Вирус, вирус, запишись на папирус. С папируса на флешку, с флешки на Олежку. С Олежки на Якова, с Якова на всякого. Произнеси это три раза и будешь в безопасности.

– Извините, а Вы точно наш новый министр здравоохранения?[1] (Пятая Кёлёнка, 6 февраля – 395 ретвитов).

Иной вариант рифмовки попадает в СМИ: «Впрочем, на карантине студенты не скучают. Как и другие россияне. К этому мужчине с новостями о вирусе пришла муза: “Я прочитал один папирус, убьет нас всех коронавирус”. Юмор – отличная профилактика, говорят психологи. Уж если не от вируса, то от последствий шумихи вокруг него»[2].

На Стихи.ру рифма *вирус* / *папирус* появляется как в юмористических, так и в серьезных текстах:

Пожуй папируса,
Попей кефируса,
Раз пять продрищишься –
И нету вируса!... (А. Подушкин)

Проникает в наш мир страшный вирус,
Из далеких загадочных мест,
Что не помнит и древний папирус,
Заражая живущих окрест. (В. Щенников)

Последний пример иллюстрирует тот факт, что рифма перестает осознаваться как явление, вызывающее диссонанс (а потому тяготеющее к юмористическим текстам).

Рифма появляется и на площадке Facebook, возникая в комментарии к актуальному посту современного поэта сообщества («И каждый поганый вирус / Стремится в конституционный папирус»), и в тексте участника Московского поэтического слэма Дениса Аврамова («Москва, что теперь ты оставишь на своих пергаментах и папирусах / Победили печенегов, но обосрались вируса»).

Выводы

Мы часто слышим словосочетания «новая рифма», «банальная рифма», «избитая рифма», «оригинальная рифма». Как правило, речь идет о редкости или частотности употребления рифмы или оправдании / обмане читательских ожиданий, с которыми автор может «играть». Поиск по корпусу текстов, собранных весной 2020 г., показал, что тема и ключевые слова, оказывающиеся в сильной позиции рифмы, обусловливают ее повторение. Иногда рифмы притягивают темы (так, рифма *(корона)вирус – вырос* в процитированных примерах дважды имеет отношение к экономическим последствиям, росту цен и курса валют, а слово «карантин» вызывает рифму Тарантино, чей фильм «Однажды в Голливуде» был в российском кинопрокате осенью 2019 г.). Казалось бы, неожиданные сочетания, попадая в сеть, начинают широко тиражироваться и перепеваться.

[1] Пятая Кёлёнка. «Вирус, вирус, запишись на папирус». URL: https://twitter.com/5th_kolonka/status/1225538019512823808 (дата обращения: 23.12.2021).

[2] Шутки во время чумы: коронавирус породил мемы и анекдоты. URL: https://mir24.tv/articles/16400933/shutki-vo-vremya-chumy-koronavirus-porodil-memy-i-anekdoty (дата обращения: 23.12.2021).

Анализ формальных показателей и сопоставление их с поэтическим корпусом НКРЯ продемонстрировали, что поэзия тяготеет к клишированности на уровне рифмы в том случае, если автор работает с определенными словами и темами. При этом, безусловно, любая расхожая рифма может использоваться как прием (по типу хрестоматийной «рифмы розы») или применяться как быстрая находка при стихотворной игре или импровизации.

Список источников

Архипова А. С. и др. Мониторинг актуального фольклора-2016: методы и результаты. Москва: РАНХиГС; ШАГИ, 2017. 34 с.

Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. Москва: Искусство, 1971. С. 369–383.

Воробьева (Вежлян) Е. И. Искренность, аффект, эмпатия: поэтические сообщества и новые контексты публичности // Russian Literature. 2020. Т. 118. С. 45–77.

Изер В. К антропологии художественной литературы. URL: https://polit.ru/article/2009/02/27/izer/ (дата обращения: 23.12.2021).

Моретти Ф. Дальнее чтение. Москва: Издательство Института Гайдара, 2016. 352 с.

References

Arkhipova A. S. i dr. *Monitoring aktual'nogo fol'klora-2016: metody i rezul'taty* [Monitoring topical folklore 2016: methods and results]. Moscow: RANKhiGS; ShAGI, 2017. 34 p.

Bogatyrev P. G., Iakobson R. O. Fol'klor kak osobaia forma tvorchestva [Folklore as a special form of creativity]. Bogatyrev P. G. *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Issues of the theory of folk art]. Moscow: Iskusstvo, 1971, pp. 369–383.

Vorob'eva (Vezhlian) E. I. Iskrennost', affekt, empatiia: poeticheskie soobshchestva i novye konteksty publichnosti [Sincerity, affect, empathy: poetic communities and new contexts of publicity]. *Russian Literature*, 2020, vol. 118, pp. 45–77.

Izer V. *K antropologii khudozhestvennoi literatury* [On the anthropology of fiction]. Available at: https://polit.ru/article/2009/02/27/izer/ (accessed: 23.12.2021).

Moretti F. *Dal'nee chtenie* [Distant Reading]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2016. 352 p.

Сведения об авторах

Елена Федоровна Левочская (Югай) – кандидат филологических наук, доцент; https://orcid.org/0000-0001-8612-1361, leta.ugay@gmail.com, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (д. 82, пр-т Вернадского, 119571 Москва, Россия); **Elena F. Levochskaya (Yugai)** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0001-8612-1361, leta.ugay@gmail.com, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, pr.Vernadskogo, 119571 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 27.12.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 24.01.2022.

The article was submitted 27.12.2021; Approved after reviewing 20.01.2022; Accepted for publication 24.01.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 197–211.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 197–211.

Обзорная статья
УДК 811.161.1.04
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-15

Второе южнославянское влияние: история и современное состояние проблемы

Елизавета Сергеевна Лихачева

Северный (Арктический) Федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия,
liza.lihachyowa@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4174-8181

Аннотация. В данной статье исследуется проблема второго южнославянского влияния на русскую письменность, являющаяся одним из противоречивых аспектов истории русского языка. Впервые она была поставлена А. И. Соболевским и в дальнейшем получила множество истолкований и решений (не имеющих статуса окончательных). В данной работе рассматриваются концепции, отражающие основные мнения по вопросу второго южнославянского влияния; характеризуется тенденция к некритичному восприятию представленной проблемы, отличающаяся безусловным принятием этого феномена. Далее определяются факторы, препятствующие объективному изучению указанного вопроса, а также намечается возможное направление дальнейших исследований.

Ключевые слова: древнерусский язык, графика и орфография, второе южнославянское влияние, архаизация письма, реставрация церковнославянского языка

Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Л. В. Ненашевой.

Для цитирования: *Лихачева Е. С.* Второе южнославянское влияние: история и современное состояние проблемы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 197–211. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-15.

The second South Slavic influence: history and current state of the problem

Elizaveta S. Likhacheva

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia,
liza.lihachyowa@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4174-8181

Abstract. One of the controversial issues in the history of the Russian language is the problem of the second South Slavic influence on the Russian writing. Delivered by A. I. Sobolevsky, since then this problem has received a lot of interpretations and potential solutions, none of which, however, is still final. This article examines the main concepts on the issue of the second South Slavic influence that have developed at this time; in addition, the article describes the tendency of an uncritical attitude to this issue characterized by an unconditional acceptance of this phenomenon. Then the author

© Лихачева Е. С., 2022

identifies the problems that can impede an objective research of this issue. Finally, the article outlines a possible way for further researches related to this phenomenon.

Keywords: Old Russian language, graphics and orthography, the second South Slavic influence, writing archaization, restoration of the Church Slavonic language

Acknowledgments. The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor L. V. Nenasheva.

For citation: Likhacheva E. S. The second South Slavic influence: history and current state of the problem. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 197–211. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-15.

Введение

Период с конца XIV в. по XVI в. в истории русской письменности считается наиболее спорным, противоречивым, а вследствие этого – наиболее обсуждаемым. Именно данному этапу развития русского письма посвящено множество исследований, в которых ученые пытаются охарактеризовать процессы, происходившие в древнерусской графике и орфографии. «Отправной точкой» для дискуссий стало следующее наблюдение: в рукописях этого времени вновь появились буквы и их сочетания, присущие графике и орфографии XII–XIII вв., но уже не употреблявшиеся в течение XIV в. Действительно, неожиданное обращение писцов к уже устаревшим на тот период графико-орфографическим нормам, сходным с южнославянскими (болгарскими и сербскими) образцами и словно бы «отрицающим» древнерусские нормы, сложившиеся к XIV в., неизбежно должно было вызвать вопросы. Обнаруженные учеными факты требовали научного обоснования, как минимум – убедительного объяснения. Вследствие этого в лингвистике появляется гипотеза о втором южнославянском влиянии на русскую письменность.

Термин «второе южнославянское влияние» был предложен А. И. Соболевским в 1894 г. в статье «Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках». Именно Соболевский впервые отметил изменения в графике и орфографии русских рукописей, созданных, по его мнению, в период со второй половины XIV в. до середины XV в. Охарактеризовав обнаруженные изменения, ученый пришел к следующему выводу: «Ясно, что между половиною XIV и половиною XV в. русская письменность подпала под очень сильное влияние южнославянской письменности и в конце концов подчинилась этому влиянию. Это произошло благодаря усилившимся сношениям России с Константинополем и Афоном»[1].

Таким образом, в историю русского языка было введено новое понятие, которое в дальнейшем не только поспособствовало появлению многочисленных исследований, но и стало своеобразным «тупиком», куда ученых заводили их научные поиски. Анализ данного явления и дискуссии, посвященные ему, начались в конце XIX в. и продолжаются до сих пор, поэтому проблема второго южнославянского влияния практически не решена; более того, она дополняется все новыми вопросами. Так, на сегодняшний день в лингвистике нет четкого научного определения самого термина «второе южнославянское влияние»; спорными остаются временные рамки, причины,

[1] Соболевский А. И. Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. Санкт-Петербург: Типография М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, 1894. С. 8.

участники, принципы и даже само существование этого феномена. Если же допустить, что указанное явление все-таки имело место, то необходимо отметить следующее: до сих пор не обозначены сферы, на которые оно распространялось. Можно ли включать в рамки вышеназванного процесса, помимо языка, литературу, иконопись, церковное пение? Испытали ли его не только графика и орфография, но и другие уровни языка – лексика, морфология, синтаксис? Этот неполный перечень вопросов показывает, насколько обширна и разнородна проблема второго южнославянского влияния. Тем не менее ученые постоянно пытаются найти ее решения. В настоящей статье мы кратко охарактеризуем основные точки зрения по вопросу второго южнославянского влияния, сложившиеся в науке на данный момент. С учетом масштабности рассматриваемой темы и области наших научных интересов представим обзор самых общих ее вопросов, ограничив его сферой древнерусского языка. Задача данного исследования состоит в том, чтобы обозначить основные направления поиска ученых, пытающихся найти решение проблемы второго южнославянского влияния.

Основная часть

Прежде всего рассмотрим мнения ученых, являющихся сторонниками существования второго южнославянского влияния. Согласно А. А. Шахматову, в XIV в., вместе с возвышением Москвы, началось «обновление» древнерусского литературного языка, происходившее в соответствии с южнославянскими письменными традициями. Исследователь не использует сам термин «второе южнославянское влияние», однако не сомневается в значительном воздействии балканских книжных традиций на русскую письменность с конца XIV в., которое было особенно заметным в области словообразования, лексики и фразеологии. Впрочем, Шахматов кратко отмечает и некоторые графико-орфографические изменения, наблюдаемые в этот период в русском письме[1]. Все языковые новации, согласно Шахматову, являли собой масштабный процесс «обновления»: язык «освобождался» от местных и разговорных наслоений, чтобы, как прежде, «возвыситься» до статуса сакрального языка.

Подобно А. А. Шахматову, Б.-О. Унбегаун полагает, что второе южнославянское влияние затронуло, помимо древнерусской графики и орфографии, также словообразование, лексику и фразеологию. Согласно Унбегауну, церковнославянский язык Балкан был более «совершенным» и «более изысканным», нежели его русский извод; именно этим объясняется его существенное воздействие на русский вариант церковнославянского языка, который, являясь «несовершенным», не мог функционировать как язык богослужения[2].

В. В. Виноградов использует в своих трудах термин «второе южнославянское влияние», однако вкладывает в него иной смысл, подразумевая под влиянием лексико-фразеологические заимствования из старославянского языка, греческие кальки, а также южнославянские стилистические инновации в памятниках русской письмен-

[1] Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Москва: Учпедгиз, 1941. С. 91.

[2] Unbegaun B. O. Le russe littéraire est-il d'origine russe? // Revue des Études Slaves. 1965. T. 44, fasc. 1–4. P. 21.

ности. С точки зрения Виноградова, именно процессы второго южнославянского влияния разграничивают два этапа развития русского литературного языка: первый – X–XIV вв., второй – с конца XIV в. (или начала XV в.) до середины или конца XVI в. В данный период, по мнению ученого, русская письменность, активно заимствуя из балканской и греческой письменных традиций, избавляется от местной и разговорной специфики. В это время литературный язык сакрализируется, становясь все более абстрактным и нормированным[1].

Согласно Б. А. Успенскому, в основе второго южнославянского влияния лежало стремление книжников «к очищению и реставрации» языка священных текстов[2]. Указанное влияние заключалось в двух основных процессах: в реставрации церковнославянского языка, призванной возвратить его к изначальному, «подлинному» состоянию, и в «византинизации», т. е. ориентации на греческую культуру. Однако для Успенского южнославянское влияние не является механическим переносом балканских принципов письма в русские условия; причины этого влияния были русскими по своей природе. Именно русские, а не балканские книжники осуществляли данный процесс[3]. Действительно важным результатом южнославянского влияния Успенский считает не возвращение к устаревшим графико-орфографическим особенностям, а изменения в русских словообразовании и лексике[4].

Д. С. Лихачев отмечает двойственный характер второго южнославянского влияния: ориентацию древнерусской письменности на балканскую письменную традицию и на византийскую книжность. Названное явление осуществлялось на Руси, согласно ученому, непосредственно (русскими книжниками) и опосредованно (южными славянами). Появившийся в это время на Руси младший полуустав служит очевидным доказательством зависимости русской графико-орфографической системы от графики балканских рукописей[5]. Впрочем, в сферу южнославянского влияния Лихачев, помимо графики и орфографии, включает также словообразование и стилевые новации.

Обоснованным, уместным термин «второе южнославянское влияние» считает М. Г. Гальченко. С точки зрения ученого, данный процесс заключался прежде всего в «копировании южнославянских (особенно болгарских) рукописей»; заимствуя новые балканские тексты, русские писцы подражали графике и орфографии болгарских источников[6]. Гальченко отмечает следующие результаты южнославянского

[1] Виноградов В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 28–29.

[2] Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). Москва: Гнозис, 1994. С. 54.

[3] Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Москва: Аспект Пресс, 2002. С. 275–283.

[4] Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). Москва: Гнозис, 1994. С. 54.

[5] Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 4.

[6] Гальченко М. Г., Яценко А. Н. Палеографические и графико-орфографические особенности Лествиц 1421 и 1424 гг., написанных в Константинополе и на Афоне русским монахом

влияния: увеличение корпуса текстов русской литературы, изменения в русской графике и орфографии, распространение младшего полуустава, изменения в оформлении и орнаментике древнерусских рукописей и, наконец, стилистические новшества в оригинальных древнерусских текстах[1]. Согласно исследователю, графико-орфографические особенности южнославянского влияния возникают в оригинальных русских текстах в 10–20-е гг. XV в.; наиболее же последовательными они становятся «…не позднее первой половины XV в.»[2].

По мнению Е. В. Чешко, книжники целенаправленно привносили в русскую письменность специфические черты, свойственные южнославянскому влиянию; точное следование писцов принципам оформления южнославянских текстов способствовало унификации, искусственному нормированию языка церковных книг, резко отличавшемуся от языка повседневной жизни. Ученый приходит к следующему выводу: «Максимальное приближение языка перевода к греческому тексту и архаизация письменного языка, изгнание из него всех элементов живого языка <…> становится идеалом и для русских книжников, правщиков и переписчиков церковных книг»[3].

По словам Д. М. Буланина, крайняя малочисленность сведений о втором южнославянском влиянии не позволяет ученым игнорировать тот факт, что письменные памятники XIV и XV вв. в графико-орфографическом аспекте значительно отличаются друг от друга; если в первых отражена древнерусская графико-орфографическая специфика, то во вторых убедительно представлены южнославянские письменные нормы. По мнению исследователя, в период южнославянского влияния создавались рукописные копии, соответствовавшие новым требованиям письма, старые же рукописи вытеснялись из обихода. Отмечая значимость графико-орфографических изменений периода южнославянского влияния, Буланин полагает, что они являются лишь «эхом», одним из множества итогов встречи русской и южнославянской культур. Причиной же указанного процесса стала потребность в расширении книжного репертуара на Руси, а вовсе не подражание южнославянским традициям письма[4].

Итак, нами кратко рассмотрены наиболее известные, на наш взгляд, представления о втором южнославянском влиянии сторонников его существования. Однако

Евсевием-Ефремом (к вопросу о втором южнославянском влиянии) // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 31.

[1] Гальченко М. Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV в.) // Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. Москва; Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 325–326.

[2] Там же. С. 333–341.

[3] Чешко Е. В. Второе южнославянское влияние в редакции псалтырного текста на Руси (XIV–XV вв.) // Palaeobulgarica. Старобългаристика. 1981. Вып. 5, № 4. С. 79.

[4] Буланин Д. М. К изучению механизмов «второго южнославянского влияния» на русскую письменность // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 2 (10). С. 147–148.

далеко не все исследователи согласны с исходным утверждением А. И. Соболевского об указанном явлении. Не отрицая факт возникновения балканских и греческих графико-орфографических особенностей в русском письме, данная категория ученых связывает его с тенденцией к архаизации письма, считая термин «влияние» неуместным и не соответствующим языковой ситуации XV–XVI вв. Эту архаизацию могли обусловить не только языковые причины, но и историко-культурная ситуация, сложившаяся в то время на Руси. Здесь необходимо рассмотреть мнения таких исследователей, как Б. А. Ларин, Р. Пиккио, Л. П. Жуковская, Д. Ворт и Л. Г. Панин.

Б. А. Ларин отрицает существование второго южнославянского влияния, полагая, что с середины XV в. начинается иной процесс – «реставрация старославянского языка <...> и древнейшего русского языка домонгольской поры»[1]. Он был вызван необходимостью «очищения» древнерусского литературного языка от местных особенностей для его дальнейшей трансформации в «общеславянский» литературный язык. Таковым в течение X–XI вв. являлся старославянский язык; следовательно, «…естественно было попытаться превратить русский литературный язык в общеславянский с помощью реставрации старославянских элементов»[2].

По мнению Р. Пиккио, изменения в русском письме XV в. обусловливались сложными культурными процессами, свойственными всей Восточной Европе данного периода, а не только Балканам. По этой причине исследователь считает ошибочным сведение этих процессов к понятию «влияние», предполагающему механическое заимствование одной традицией компонентов другой. Изменения в письме XV в. Пиккио рассматривает как закономерный результат стремления к «очищению» языка, т. е. возврат к «подлинному» языку Кирилла и Мефодия; в этом свете любая локальная языковая особенность – южнославянского ли, восточнославянского ли характера – воспринимается как «искажение», подлежащее «изгнанию» из «высокого» книжного языка. Итак, в данном случае нельзя говорить о конфликте восточно- и южнославянской письменных традиций – обе они выступают равно «искаженными» перед «подлинным» языком Кирилла и Мефодия. Здесь уместно говорить не о языковой борьбе, а о различных нормативных тенденциях в рамках одного сакрального языка. Сама реформа правописания патриарха Евфимия Тырновского служит убедительным доказательством того, что и на Балканах местные языковые особенности воспринимались книжниками как «искажения»; по мысли Пиккио, в XV в. на Руси мы наблюдаем сходные процессы «очищения» языка – но не стороннее влияние[3].

Исследователь D. Worth считает термин «второе южнославянское влияние» некорректным в отношении древнерусской графики и орфографии. По мнению ученого, культурные и языковые процессы, наблюдаемые в XV–XVI вв., не были по происхождению южнославянскими, «чужими» для древнерусской культуры; их следует рассматривать как «автохтонные», «псевдоклассические», «архаизирующие» процессы. В этом отношении появление в рукописях уже устаревших к тому времени

[1] Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). Санкт-Петербург: Авалон; Азбука-классика, 2005. С. 304.

[2] Там же. С. 306.

[3] Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. Москва: Знак, 2003. С. 397–398.

написаний и букв – одно из частных свидетельств тенденции к архаизации. Данная тенденция, по мысли исследователя, наблюдается и в русской литературе этого периода, где она выражается, например, в усиленном использовании риторических средств, свойственных ранней древнерусской (а вовсе не сербской или болгарской) литературе[1].

Л. П. Жуковская рассматривает изменения в древнерусской графике и орфографии как реакцию на культурную, религиозную и политическую ситуацию, сложившуюся во второй половине XV в., когда Русь осталась единственным православным государством, обладающим политической независимостью; именно в это время на Руси возникает идея «Москва – третий Рим». Москва начинает восприниматься как духовная наследница Рима и Константинополя, как преемница и хранительница славянской письменности. «Вот здесь-то и возникает идея преемственности наследия письменного, в том числе даже в его графико-орфографическом аспекте», – замечает Л. П. Жуковская[2]. Идея о преемственности письменных традиций могла быть выражена в возвращении к графико-орфографическим нормам XII–XIII вв. Согласно исследователю, изменения в русском письме стали следствием сознательной установки русских книжников на его архаизацию. Кроме того, Л. П. Жуковская обращается к одному из важнейших аспектов проблемы южнославянского влияния – датировке понимаемых под влиянием графико-орфографических процессов. Располагая новыми палеографическими методами и большим, в сравнении с А. И. Соболевским, количеством рукописей, ученый заключает, что архаизирующие процессы происходили в русской письменности веком позднее, «…т. е. во 2-й половине не XIV, а XV в., и захватывали XVI век, а не завершались в 1-й половине XV»[3]. Такое уточнение чрезвычайно важно для дальнейшего исследования южнославянского влияния: сдвиг его временных границ на целое столетие не позволяет объяснить архаизирующие тенденции в письме, к примеру, личной инициативой митрополита Киприана или непосредственным переносом на Русь болгарской письменной реформы конца XIV–XV в. Однако новая датировка архаизирующих процессов вполне соответствует периоду распространения идеи «Москва – третий Рим». Итак, благодаря трудам Л. П. Жуковской XVI в. также был включен в эпоху архаизации русского письма.

Для описания спорных явлений в древнерусском письме Л. Г. Панин вводит понятие «реформации» церковнославянского языка. Как и Б. А. Ларин, ученый полагает, что подражание балканским рукописям вовсе не было целью данных процессов; на самом деле она заключалась в утверждении церковнославянского языка как языка духовного единства славян. Согласно представлениям русских книжников, став еди-

[1] Worth D. Так называемое «второе южнославянское влияние» в истории русского литературного языка // Резюме докладов и письменных сообщений: IX Международный съезд славистов (г. Киев, сентябрь 1983 г.) / под редакцией Г. В. Степанова и др. Москва: Наука, 1983. С. 222–223.

[2] Жуковская Л. П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV – 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому / под редакцией Л. П. Жуковской. Москва: Наука, 1987. С. 151.

[3] Там же. С. 145.

ным сакральным языком, церковнославянский язык мог бы способствовать объединению славянских народов. По этой причине, по мысли Панина, русские книжники реформируют местный извод церковнославянского языка, чтобы максимально приблизиться «…к его истокам – старославянской и древнерусской традициям…»[1].

Кратко охарактеризовав аргументы представителей двух основных позиций по вопросу второго южнославянского влияния, мы считаем необходимым обратиться к тенденции, наметившейся в изучении данного вопроса в последнее время. Некоторые специалисты, освещающие в своих трудах проблемы рассматриваемого нами явления, безоговорочно принимают факт его существования; термин «второе южнославянское влияние» используется ими регулярно и некритично, а обычно понимаемые под ним процессы представляются несомненными, словно уже доказанными. Как правило, ученые употребляют указанный термин для общей характеристики русской языковой ситуации конца XIV–XVI в., а затем обращаются непосредственно к теме своего исследования. Безусловно, нет необходимости подробно освещать столь масштабный вопрос в каждом труде, с которым он, помимо всего прочего, порой имеет слабую связь. Однако, касаясь данной проблемы, ученый должен представить научному сообществу свою позицию, а не просто разделять наиболее распространенную точку зрения, иначе вся его дальнейшая работа неизбежно будет зависеть от заранее принятой им теории. К сожалению, современные исследователи нередко не рассматривают проблему второго южнославянского влияния критически, представляя его в своих трудах как уже доказанное явление. Приведем несколько примеров такой тенденции.

Подобный подход встречаем у В. В. Кавериной в ее статье «Орфография как индикатор общественного сознания», где ученый говорит о втором южнославянском влиянии и о об участии в его распространении митрополита Киприана как о неоспоримой данности: «…теперь [в XV в.] впервые была предпринята попытка централизованного установления правил правописания. На Руси эту инициативу проявил Киприан, болгарин или серб по происхождению, бывший на рубеже XIV–XV вв. московским митрополитом»[2]. Анализируя Прологи XVI и XVII вв., И. Ю. Абрамова также уверенно пишет о южнославянском влиянии. Установка автора на его несомненность, на наш взгляд, и приводит исследователя к категоричным, нелогичным выводам: «Пролог XVI века, являясь памятником конфессионального жанра и находясь в хронологических рамках конца донационального периода, не мог не отразить черт так называемого “второго южнославянского влияния” и в целом процесса арха-

[1] Панин Л. Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: Издательство НИИ МИОО НГУ, 1995. С. 17.

[2] Каверина В. В. Орфография как индикатор общественного сознания // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения» (в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, 22–24 мая 2019 года) / под редакцией М. Н. Русецкой. Москва: ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 269.

изации языка»[1]. Отсюда следует, что второе южнославянское влияние захватывало весь XVI в., было необходимой приметой религиозных текстов и исчезло в строго определенный момент – к началу «национального» периода русского языка. В. Н. Шапоренко, описывая Псалтирь с прибавлениями XV в., уверенно утверждает: «Рукопись была создана в то время, когда второе южнославянское влияние полностью охватило русскую письменность»[2]. Анализируя Евангелие XIV в., А. И. Кузовенкова также характеризует южнославянское влияние как явление несомненное, что, вероятно, и приводит исследователя к нелогичному выводу: «…рукопись отражает высокую степень русификации славяно-книжного языка, которая впоследствии и вызвала реакцию в виде второго южнославянского влияния»[3].

Наконец, некоторые ученые воспринимают проблему второго южнославянского влияния как слишком масштабную, противоречивую, требующую объективности и беспристрастности. В своих мнениях они умеренны и не признают крайностей, которыми порой грешат точки зрения как сторонников, так и противников рассматриваемого явления.

Таково, в частности, суждение М. В. Ивановой, полагающей, что осложняет проблему второго южнославянского влияния зависимость ученых от этого термина, до сих пор носящего условный характер и находящегося вне научной терминологии. «Главным виновником этого является слово “второе”: если есть “второе” влияние, то должно быть по меньшей мере “первое”. Но термина “первое южнославянское влияние” в нашей науке нет»[4]. Это и создает неблагоприятную ситуацию для функционирования термина «второе южнославянское влияние». Отсутствует не только сам термин, но и его научное определение, конкретное понимание того, какие процессы за этим термином должны стоять. В итоге каждый исследователь предлагает свое понимание указанного влияния. М. В. Иванова видит выход из создавшейся ситуации в следующем: необходимо дать второму южнославянскому влиянию четкую научную дефиницию, исключающую возможность различных его интерпретаций, а также определить корпус текстов, отражающих явления, которые впоследствии будут охарактеризованы этим термином[5].

Строго и беспристрастно подходит к проблеме южнославянского влияния В. М. Живов. По мнению ученого, оно имело место в древнерусской культуре, одна-

[1] Абрамова И. Ю. Сравнительная характеристика языка рукописного августовского Пролога второй половины XVI века и Пролога XVII века в аспекте «второго южнославянского влияния» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 419.

[2] Шапоренко В. Н. Некоторые графические и графико-орфографические особенности Псалтири с прибавлениями XV века из главного собрания Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2016. № 3 (5). С. 54.

[3] Кузовенкова А. И. Фонетические инновации в Евангелии XIV века из фондов Научной библиотеки Казанского университета // Филология и культура. 2018. № 2 (52). С. 63.

[4] Иванова М. В. Второе южнославянское влияние. Термин и сущность // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме / под редакцией В. М. Кириллина. Москва: Наследие, 1996. С. 100.

[5] Там же. С. 101.

ко для явлений, обычно понимаемых под ним, «…давно уже стоило бы найти более подходящее название»[1]. Указанное влияние, как отмечает Живов, стало в среде славистов феноменом поистине мифологическим, а в его рамки специалисты включают самые разнородные процессы, характерные для древнерусской культуры XIV–XV вв.[2] Ученый полагает, что графико-орфографические изменения в южнославянском влиянии вторичны; главным его итогом было появление на Руси новых текстов. Изменения же в письме – закономерный результат историко-культурных условий: роста национального самосознания на Руси после монголо-татарского ига, нового расцвета литературного языка, который, при наступлении социально-культурной стабильности, становится готов к преобразованиям. В свете этой «готовности» прежняя языковая норма, «приспособившаяся» к местной специфике, понимается как «порча» языка; именно стремлением ограничить данный процесс можно объяснить возникновение в русских рукописях «новых» написаний[3]. Не слепое подражание южнославянскому письму, а осознанное стремление вернуться к исходной «чистоте» кирилло-мефодиевского языка, по мысли Живова, лежало в основе изменений русской графико-орфографической системы[4].

Одной из последних работ, посвященных рассматриваемой проблеме, является статья Е. Н. Соколовой «“Второе южнославянское влияние” на русскую письменность», опубликованная в 2020 г., где исследователь представляет собственное видение данного вопроса. Так, Соколова предлагает разграничивать (что редко встречается в научной литературе) результаты указанного влияния на литературу и язык Древней Руси. Ценно и ее замечание о том, что южнославянское влияние, было оно или нет, представляет собой многоаспектный феномен, который нужно изучать «…лишь с учетом совокупности всех его проявлений»[5]. Исследователь четко понимает, что причины южнославянского влияния необходимо искать в самой русской письменности; что его «историческим контекстом» следует считать идею духовного единства славян; что его результатом стало увеличение корпуса текстов, доступных русским книжникам.

Выводы

Итак, нами рассмотрены основные концепции, посвященные проблеме второго южнославянского влияния и разработанные в период с конца XIX в. по начало XXI в. Нетрудно заметить, что эти концепции различны как по степени охвата и разработки вопроса, так и по убедительности и оригинальности выводов. Их объединение в группы весьма условно, однако в целях систематизации материала мы попыта-

[1] Живов В. М. История языка русской письменности: в 2 т. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. Т. 2. С. 822.

[2] Там же. С. 822–823.

[3] Там же. С. 822.

[4] Там же. С. 833–834.

[5] Соколова Е. Н. «Второе южнославянское влияние» на русскую письменность // Modern philosophic paradigms: interrelation of traditions and innovative approaches: materials of the VII international scientific conference (Prague, March 3–4, 2020). Prague: Vědecko vydavatelské centrum “Sociosféra-CZ”, 2020. P. 31.

лись это сделать, выделив теории сторонников, противников второго южнославянского влияния и ученых, настаивающих на его «демифологизации» и объективности при его исследовании. Нами также обозначена одна из тенденций современной науки – неаргументированное использование термина «второе южнославянское влияние» и представление связанных с этим процессом предположений как не подлежащих сомнению фактов. Думается, данная тенденция – именно в силу своей некритичности – в случае ее дальнейшего распространения будет тормозить решение проблемы второго южнославянского влияния и нивелировать аргументированные концепции ученых из трех вышеуказанных групп.

Анализ мнений по вопросу второго южнославянского влияния показал, что решение данной проблемы до сих пор не найдено. Это может быть обусловлено рядом причин. Во-первых, отмеченным М. В. Ивановой отсутствием термина, под которым могут подразумеваться самые разнородные явления. Во-вторых, зависимостью специалистов от данного понятия, не столько изучаемого, сколько, по справедливому замечанию В. М. Живова, мифологизируемого. Становясь исходным пунктом исследования, указанный термин зачастую замедляет, ограничивает его вместо того, чтобы приводить к новым убедительным выводам. Наконец, на наш взгляд, нерешенность проблемы второго южнославянского влияния вызвана ее чрезмерным объемом и зыбкостью границ того, что должно подлежать анализу. Возможно ли одному ученому охватить исторический, лингвистический, литературный, временной и множество других аспектов этого явления, которое к тому же не имеет четкого определения? Ответ очевиден.

Потенциальный выход из создавшейся ситуации мы видим в следующем. Помимо необходимости дать второму южнославянскому влиянию четкую характеристику, преобразования данного понятия в термин, в первую очередь требуется определить границы того, что исследует каждый ученый. Так, занимаясь графико-орфографическим аспектом второго южнославянского влияния, не нужно смешивать изменения в письме со стилистическими, литературными инновациями и иными культурными событиями. Разумеется, графика и орфография – это частные случаи более широкого культурного процесса, не изолированного от социальной жизни, истории, межславянских связей и т. д. Однако изменения в языке нельзя объяснять преимущественно экстралингвистическими факторами; как правило, законы, которым подчиняется язык, исходят из самой же языковой системы. Мы полагаем, что каждый аспект масштабной проблемы второго южнославянского влияния заслуживает отдельного и глубокого изучения. Иначе, исследуя этот вопрос без должного внимания ко всем его аспектам, специалисты рискуют осуществить лишь поверхностный анализ и сделать поспешные выводы, что и наблюдается в некоторых современных научных трудах. На наш взгляд, концентрация на одной или двух особенностях этого феномена (в то же время не исключая общий контекст!) будет более успешным вариантом его изучения. К примеру, исследователь может сосредоточиться на графико-орфографическом и морфологическом аспектах вопроса. Кроме того, следует согласиться с М. В. Ивановой, считающей необходимым введение новых, еще не изученных рукописей в научный оборот; их данные могли бы пролить свет на некоторые вопросы указанной проблемы – к примеру, уточнить датировку и

характер спорных языковых процессов. Думается, именно такой подход будет способствовать внесению ясности в проблему второго южнославянского влияния, а также более глубокому анализу русской графико-орфографической ситуации конца XIV–XVI в.

Список источников

Абрамова И. Ю. Сравнительная характеристика языка рукописного августовского Пролога второй половины XVI века и Пролога XVII века в аспекте «второго южнославянского влияния» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 419–422.

Буланин Д. М. К изучению механизмов «второго южнославянского влияния» на русскую письменность // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 2 (10). С. 141–166.

Виноградов В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 3–34.

Гальченко М. Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV в.) // Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. Москва; Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 325–382.

Гальченко М. Г., Яценко А. Н. Палеографические и графико-орфографические особенности Лествиц 1421 и 1424 гг., написанных в Константинополе и на Афоне русским монахом Евсевием-Ефремом (к вопросу о втором южнославянском влиянии) // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 31–47.

Живов В. М. История языка русской письменности: в 2 т. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. Т. 2. 480 с.

Жуковская Л. П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV – 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому / под редакцией Л. П. Жуковской. Москва: Наука, 1987. С. 144–176.

Иванова М. В. Второе южнославянское влияние. Термин и сущность // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме / под редакцией В. М. Кириллина. Москва: Наследие, 1996. С. 99–101.

Каверина В. В. Орфография как индикатор общественного сознания // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения» (в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, 22–24 мая 2019 года) / под редакцией М. Н. Русецкой. Москва: ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 268–274.

Кузовенкова А. И. Фонетические инновации в Евангелии XIV века из фондов Научной библиотеки Казанского университета // Филология и культура. 2018. № 2 (52). С. 61–64.

Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). Санкт-Петербург: Авалон; Азбука-классика, 2005. 416 с.

Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. 67 с.

Панин Л. Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: Издательство НИИ МИОО НГУ, 1995. 217 с.

Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. Москва: Знак, 2003. 720 с.

Соболевский А. И. Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. Санкт-Петербург: Типография М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, 1894. 30 с.

Соколова Е. Н. «Второе южнославянское влияние» на русскую письменность // Modern philosophic paradigms: interrelation of traditions and innovative approaches: materials of the VII international scientific conference (Prague, March 3–4, 2020). Prague: Vědecko vydavatelské centrum "Sociosféra-CZ", 2020. P. 27–32.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Москва: Аспект Пресс, 2002. 558 с.

Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). Москва: Гнозис, 1994. 240 с.

Чешко Е. В. Второе южнославянское влияние в редакции псалтырного текста на Руси (XIV–XV вв.) // Palaeobulgarica. Старобългаристика. 1981. Вып. 5, № 4. С. 79–85.

Шапоренко В. Н. Некоторые графические и графико-орфографические особенности Псалтири с прибавлениями XV века из главного собрания Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2016. № 3 (5). С. 53–58.

Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Москва: Учпедгиз, 1941. 288 с.

Unbegaun B. O. Le russe littéraire est-il d'origine russe? // Revue des Études Slaves. 1965. T. 44, fasc. 1–4. P. 19–28.

Worth D. Так называемое «второе южнославянское влияние» в истории русского литературного языка // Резюме докладов и письменных сообщений: IX Международный съезд славистов (г. Киев, сентябрь 1983 г.) / под редакцией Г. В. Степанова и др. Москва: Наука, 1983. С. 222–223.

References

Abramova I. Iu. Sravnitel'naia kharakteristika iazyka rukopisnogo avgustovskogo Prologa vtoroi poloviny XVI veka i Prologa XVII veka v aspekte "vtorogo iuzhnoslavianskogo vliianiia" [Comparative characteristics of the language of the handwritten August Prologue of the second half of the 16th century and The Prologue of the 17th century in the aspect of the "second South Slavic influence"]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2010, no. 4 (2), pp. 419–422.

Bulanin D. M. K izucheniiu mekhanizmov "vtorogo iuzhnoslavianskogo vliianiia" na russkuiu pis'mennost' [To the study of the mechanisms of the "second South Slavic influence" on Russian writing]. *Paleorosiia. Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh* [Paleorosia. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas], 2018, no. 2 (10), pp. 141–166.

Vinogradov V. V. Osnovnye voprosy i zadachi izucheniia istorii russkogo iazyka do XVIII v. [The main issues and tasks of studying the history of the Russian language until the 18th century]. *Voprosy iazykoznaniia* [Topics in the study of language], 1969, no. 6, pp. 3–34.

Gal'chenko M. G. Vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie v drevnerusskoi knizhnosti (Grafiko-orfograficheskie priznaki vtorogo iuzhnoslavianskogo vliianiia i khronologiia ikh poiavleniia v drevnerusskikh rukopisiakh kontsa XIV – pervoi poloviny XV v.) [The second South Slavic influence in Old Russian bookishness (Graphic and spelling signs of the second South Slavic influence and the chronology of their appearance in Old Russian manuscripts of the late XIV – first half of the XV century)]. Gal'chenko M. G. *Knizhnaia kul'tura. Knigopisanie. Nadpisi na ikonakh Drevnei Rusi. Izbrannye raboty* [Book culture. Book writing. Inscriptions on icons of Ancient Russia. Selected works]. Moscow; St Petersburg: Aleteiia, 2001, pp. 325–382.

Gal'chenko M. G., Iatsenko A. N. Paleograficheskie i grafiko-orfograficheskie osobennosti

Lestvits 1421 i 1424 gg., napisannykh v Konstantinopole i na Afone russkim monakhom Evseviem-Efremom (k voprosu o vtorom iuzhnoslavianskom vliianii) [Paleographic and graphic-spelling features of Ladders 1421 and 1424, written in Constantinople and on Mount Athos by the Russian monk Eusebius-Ephrem (to the question of the second South Slavic influence)]. *Voprosy iazykoznaniia* [Topics in the study of language], 1997, no. 1, pp. 31–47.

Zhivov V. M. *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti: v 2 t.* [History of the language of Russian writing: in 2 vol.]. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke, 2017, vol. 2. 480 p.

Zhukovskaia L. P. Gretsizatsiia i arkhaizatsiia russkogo pis'ma 2-i pol. XV – 1-i pol. XVI v. (Ob oshibochnosti poniatiia "vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie") [Greekization and archaization of Russian writing in the second half of the XV – the first half of the XVI centuries (On the fallacy of the concept the "second South Slavic influence")]. *Drevnerusskii literaturnyi iazyk v ego otnoshenii k staroslavianskomu* [The Old Russian literary language in its relation to Old Slavic; ed. by L. P. Zhukovskaia]. Moscow: Nauka, 1987, pp. 144–176.

Ivanova M. V. Vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie. Termin i sushchnost' [The second South Slavic influence. The term and its essence]. *Drevniaia Rus' i Zapad. Nauchnaia konferentsiia. Kniga reziume* [Ancient Rus and the West. Scientific conference. Summary Book; ed. by V. M. Kirillin]. Moscow: Nasledie, 1996, pp. 99–101.

Kaverina V. V. Orfografiia kak indikator obshchestvennogo soznaniia [Spelling as an indicator of social consciousness]. *Slavianskaia kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeistvie: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Slavianskaia kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeistvie. XX Kirillo-Mefodievskie chteniia" (v ramkakh Mezhdunarodnogo Kirillo-Mefodievskogo festivalia slavianskikh iazykov i kul'tur, 22–24 maia 2019 goda)* [Slavic culture: origins, traditions, interaction: Proceedings of the International research and practice onference "Slavic Culture: Origins, Traditions, Interaction. XX Cyril-Methodius Readings" (as part of the International Cyril and Methodius Festival of Slavic Languages and Cultures, May 22–24, 2019); ed. by M. N. Rusetskaia]. Moscow: GIRIa im. A. S. Pushkina, 2019, pp. 268–274.

Kuzovenkova A. I. Foneticheskie innovatsii v Evangelii XIV veka iz fondov Nauchnoi biblioteki Kazanskogo universiteta [Phonetic innovations in the lectionary of the 14th century from the academic library of Kazan Federal University]. *Filologiia i kul'tura* [Philology and Culture], 2018, no. 2 (52), pp. 61–64.

Larin B. A. *Lektsii po istorii russkogo literaturnogo iazyka (X – seredina XVIII v.)* [Lectures on the history of the Russian literary language (from the X to the middle of the XVIII century)]. St Petersburg: Avalon; Azbuka-klassika, 2005. 416 p.

Likhachev D. S. *Nekotorye zadachi izucheniia vtorogo iuzhnoslavianskogo vliianiia v Rossii* [Some directions for studying the second South Slavic influence in Russia]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. 67 p.

Panin L. G. *Istoriia tserkovnoslavianskogo iazyka i lingvisticheskaia tekstologiia* [History of the Church Slavonic language and linguistic textology]. Novosibirsk: Izdatel'stvo NII MIOO NGU, 1995. 217 p.

Pikkio R. *Slavia Orthodoxa: Literatura i iazyk* [Slavia Orthodoxa: Literature and language]. Moscow: Znak, 2003. 720 p.

Sobolevskii A. I. *Iuzhno-slavianskoe vliianie na russkuiu pis'mennost' v XIV–XV vekakh* [South Slavic influence on Russian writing in the XIV–XV centuries]. St Petersburg: Tipografiia M. Merkusheva, byvsh. N. Lebedeva, 1894. 30 p.

Sokolova E. N. "Vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie" na russkuiu pis'mennost' [The "second South Slavic influence" on Russian writing]. *Modern philosophic paradigms: interrelation of traditions and innovative approaches: materials of the VII international scientific conference (Prague, March 3–4, 2020)*. Prague: Vedecko vydavatelske centrum "Sociosfera-CZ", 2020, pp. 27–32.

Uspenskii B. A. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian literary language (XI–XVII centuries)]. Moscow: Aspekt Press, 2002. 558 p.

Uspenskii B. A. *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo iazyka (XI–XIX vv.)* [Brief essay on the history of the Russian literary language (XI–XIX centuries)]. Moscow: Gnozis, 1994. 240 p.

Cheshko E. V. Vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie v redaktsii psaltyrnogo teksta na Rusi (XIV–XV vv.) [The second South Slavic influence in the editorial of the psalter text in Rus (XIV–XV centuries)]. *Palaeobulgarica. Starob"lgaristika* [Palaeobulgarica / Starobalgaristika], 1981, iss. 5, no. 4, pp. 79–85.

Shaporenko V. N. Nekotorye graficheskie i grafiko-orfograficheskie osobennosti Psaltiri s pribavleniiami XV veka iz glavnogo sobraniia Sviato-Troitskoi Sergievoi Lavry [Some graphic and spelling features of the Psalter with additions of the 15th century from the main collection of The Trinity Lavra of St. Sergius]. *Sovremennye problemy sotsial'no-gumanitarnykh nauk* [Topical issues of social and humanitarian sciences], 2016, no. 3 (5), pp. 53–58.

Shakhmatov A. A. *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [Essay on the modern Russian literary language]. Moscow: Uchpedgiz, 1941. 288 p.

Unbegaun B. O. Le russe littéraire est-il d'origine russe? *Revue des Études Slaves*, 1965, vol. 44, fasc. 1–4, pp. 19–28.

Worth D. Tak nazyvaemoe "vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie" v istorii russkogo literaturnogo iazyka [The "second South Slavic influence" in the history of the Russian literary language]. *Reziume dokladov i pis'mennykh soobshchenii: IX Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov (g. Kiev, sentiabr' 1983 g.)* [Proceedings of the IX International Congress of Slavists (Kyiv, September 1983); ed. by G. V. Stepanov and others]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 222–223.

Сведения об авторах

Елизавета Сергеевна Лихачева – аспирант; https://orcid.org/0000-0003-4174-8181, liza.lihachyowa@yandex.ru, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (д. 17, наб. Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия); **Elizaveta S. Likhacheva** – Postgraduate student; https://orcid.org/0000-0003-4174-8181, liza.lihachyowa@yandex.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (17, nab. Severnoi Dvini, 163002 Arkhangelsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 04.03.2022; одобрена после рецензирования 04.04.2022; принята к публикации 11.04.2022.

The article was submitted 04.03.2022; Approved after reviewing 04.04.2022; Accepted for publication 11.04.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 212–222.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 212–222.

Научная статья
УДК821.161.1-32
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-21

Возможности использования лингвокогнитивного аспекта анализа в исследовании синтаксиса текста (на материале художественной прозы Б. Л. Пастернака)

Светлана Александровна Соловьева

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,
ssa_doc@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7688-2108

Аннотация. Статья посвящена обоснованию использования лингвокогнитивного аспекта в анализе синтаксиса художественного текста. Исследование синтаксических структур как способов отражения мыслительных категорий авторского сознания позволяет рассматривать художественный текст в роли посредника, устанавливающего эстетический контакт между автором и читателем. Анализ синтаксической организации текста в лингвокогнитивном аспекте позволяет позиционировать ее как систему взаимодействующих ментальных ситуаций, реализованных в разной степени развернутости или свернутости соположенных фрагментов текста, помогает выявить особенности макроструктуры текстов художественной прозы, определить и описать монтажный фрагмент как основную единицу анализа и соотнести его с понятием модель ситуации. Все это дает возможность моделировать *стратегию читательского восприятия*, устанавливать специфику пространственно-временной организации текста, динамику смены точек зрения, систему модусной организации текста на уровне его макроструктуры.
Ключевые слова: лингвокогнитивный аспект анализа, синтаксическая структура, монтажный фрагмент, соположение, стратегия восприятия, модусная огранизация текста
Для цитирования: *Соловьева С. А.* Возможности использования лингвокогнитивного аспекта анализа в исследовании синтаксиса текста (на материале художественной прозы Б. Л. Пастернака) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 212–222. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-21.

Possibilities of applying the linguocognitive aspect of analysis in the study of text syntax (by the material of B. L. Pasternak's fiction)

Svetlana A. Soloveva

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,
ssa_doc@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7688-2108

© Соловьева С. А., 2022

Abstract. The article focuses on the linguocognitive aspect in the analysis of the fictional text syntax. The analysis of syntactic structures as ways of reflecting the mental categories of the author's consciousness allows considering a fictional text as an intermediary between the author and the reader. Analysis of the text syntactic organization in the linguocognitive aspect makes it possible to describe it as a system of interacting mental situations, implemented in the development of text fragments. This helps to characterize the macrostructure of fictional prose texts, identify and describe the montage fragment as the main unit of analysis, and correlate it with the concept of a situation model. This provides an opportunity to model the reader's perception strategy, reveal the specifics of the spatio-temporal organization of the text, the dynamics of changing viewpoints and the system of modus text organization at the level of its macrostructure.

Keywords: linguocognitive aspect of analysis, syntactic structure, montage fragment, juxtaposition, perception strategy, modus text organization

For citation: Soloveva S. A. Possibilities of applying the linguocognitive aspect of analysis in the study of text syntax (by the material of B. L. Pasternak's fiction). *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 212–222. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-21.

Введение

На современном этапе развития науки когнитивная парадигма в лингвистике признается в качестве одного из прогрессивных методов исследования. Ее применение в анализе художественного текста дает возможность реализации антропоцентрической направленности лингвистического исследования и создает условия для изучения процессов моделирования текста, основанных на субъективной составляющей. Возможность использования когнитивного аспекта связана с необходимостью выхода за рамки высказывания на уровень анализа целого текста и учета экстралингвистической составляющей.

Когнитивный аспект, применяемый на уровне анализа синтаксической организации текста, позволяет рассматривать синтаксические структуры как «формы содержания мысли»[1] и говорить о способах языкового воплощения мыслительных категорий авторского сознания, связанного с восприятием мира, стратегиями, моделируемыми в тексте[2].

В модели «автор – текст – читатель» художественный текст выступает в роли посредника, который реализует эстетический контакт между автором (адресантом когнитивной информации) и читателем (адресатом, адекватно интерпретирующим когнитивную информацию). В данную триаду включается и герой художественного произведения, специфика восприятия которого оказывает влияние на процесс фор-

[1] Бенвенист Э. Семиология языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва: Либроком, 2010. С. 69–89.

[2] Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33; Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под редакцией Ю. С. Степанова. Москва: Издательский центр РГГУ, 1995. С. 144–238; Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. 256 с.; Лакофф Д. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект / под редакцией В. И. Герасимова, В. П. Нерознака. Москва: Прогресс; Универс, 1995. С. 143–183.

мирования концептуально значимого смысла текста. При этом проблемы смысла текста и особенности его синтаксической организации приобретают универсальный характер, так как они отражают ментальные модели индивидуально-авторского стиля и влияют на стратегии читательского восприятия.

Для анализа языкового устройства текста: выявления системы языковых средств и связывающих их отношений, Э. Бенвенист предлагал использовать две взаимообусловленные операции, сегментацию и субституцию: «текст любой длины прежде всего должен быть сегментирован на более мелкие отрезки, пока не будет сведен к неразложимым далее элементам[1]. В этом процессе разноуровневые языковые средства оказываются тесно связаны между собой и направлены на выполнение когнитивных задач, прагматических и коммуникативных установок.

В процессе исследования синтаксиса текста художественной прозы применение лингвокогнитивного аспекта создает особые условия для изучения особенностей синтаксической структуры текста: синтаксических связей, отношений, средств, приемов, которые принципиально важны при моделировании когнитивно-ментальных процессов.

Основная часть

Теории естественной категоризации (Э. Рош, Дж. Лакофф, Дж. Тейлор), выделенности (Р. Лэнекер), фокусировки внимания (Л. Талми, Ч. Филлмор), концептуальной интеграции (Л. Теньер), опирающиеся на опыт освоения окружающего мира, регулярность в использовании и единство грамматических схем, заставляют задуматься над тем, какую типовую пропозицию эти схемы выражают и для какой типовой пропозиции создаются.

Структурообразующий потенциал синтаксических единиц в моделировании текстового пространства определяется взаимообусловленностью содержания и формы языкового знака. Это, в свою очередь, предполагает, что внетекстовая реальность по-разному кодируется на макроуровне, где действуют законы сюжетоведения и идеологического кодирования[2], и микроуровне.

Анализ динамической системы развертывания текста предполагает выявление принципов сочетаемости фрагментов текста, особенностей темпорально-временной организации, континуальных и дисконтинуальных отношений, анализ системы синтаксических средств, способных стабилизировать текст. Динамическая система текста может быть представлена как воплощение ситуаций восприятия, воспоминания, осмысления и реализована в разной степени развернутости или свернутости соположенных фрагментов. Такой подход позволяет моделировать *стратегию читательского восприятия*, заложенную в тексте, выявить специфику его пространственно-временной организации, динамику смены точек зрения, систему модусной организации текста.

[1] Бенвенист Э. Семиология языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва: Либроком, 2010. С. 69–89.

[2] Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. 247 с.

Традиция исследования когнитивного синтаксиса текста имеет большую историю[1]. Она опирается на труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвященных различным аспектам языковых и текстовых проблем: общей теории языка (Л. Витгенштейн, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов, М. В. Никитин, Б. М. Гаспаров), теории текста (Т. А. ван Дейк, В. П. Руднев), эксплицитности / имплицитности языковой информации (И. В. Арнольд, А. В. Бондарко, К. А. Долинин, С. Д. Кацнельсон, М. В. Никитин), разработке лингвистических концепций текстообразования (И. Р. Гальперин, В. Дресслер, М. Я. Дымарский, С. Г. Ильенко, И. А. Мартьянова), методологии анализа и интерпретации текста (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский), синтаксиса текста (В. Г. Адмони, Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко, В. Г. Гак, И. Б. Долинина, Г. А. Золотова, С. Д. Кацнельсон, В. Ю. Копров, Т. П. Ломтев, О. Н. Москальская, Е. В. Падучева, Г. Г. Почепцов, Ф. Данеш, Дж. Лайонз, Л. Теньер, Ч. Филлмор и др.).

Лингвокогнитивный аспект анализа синтаксиса текста позволяет определить значение синтаксической структуры (синтаксических связей, отношений, средств, приемов) в моделировании когнитивно-ментальных процессов, происходящих в сознании человека воспринимающего, понимающего, интерпретирующего.

В процессе первичной интерпретации субъект познания может проецировать объемные фрагменты действительности, связанные между собой отношениями взаимообусловленности, несамостоятельности, параллелизма, включенности, одновременности, градуальности. В результате возникает полипропозициональный комплекс (монтажный фрагмент), который в ментальном плане соотносится с «ментальной моделью события».

Объединение нескольких событий в едином фрагменте осуществляется на уровне концептуальной интеграции, которая предполагает объединение ментальных пространств на определенном уровне абстракции в смешанное пространство, семантика которого не сводима к сумме характеристик исходных пространств[2]. Результат смешения подвергается со стороны читателя вторичной интерпретации.

Применение лингвокогнитивного аспекта при анализе синтаксической организации текстов художественной прозы Б. Л. Пастернака позволяет характеризовать их как тексты монтажного типа, а методика когнитивного моделирования помогает выявить особенности макроструктуры текстов художественной прозы, определить и описать монтажный фрагмент как основную единицу анализа и соотнести его с понятием модель ситуации.

[1] Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под редакцией Ю. С. Степанова. Москва: Издательский центр РГГУ, 1995. С. 144–238; Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33; Лакофф Д. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект / под редакцией В. И. Герасимова, В. П. Нерознака. Москва: Прогресс; Универс, 1995. С. 143–183; Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. Москва: Флинта, 2012. 254 с.

[2] Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: Conceptual integration networks // Cognitive Linguistics: Basic Readings / edited by D. Geeraerts. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 303–371.

Материалом для анализа стали произведения Б. Л. Пастернака: «Аппелесова черта», «Письма из Тулы», «Детство Люверс», «Повесть» и «Петербург», созданные в период 1920-х – 1930-х гг.

Монтажный принцип основывается на соположении в пространстве – времени двух или более отличающихся друг от друга по денотатам или структуре ситуаций (монтажных фрагментов) и является условием конституирования концептологической организации текста.

Монтажный фрагмент является элементом макроструктуры текста, связанной с формированием глубинного когнитивного плана, концептуально значимого смысла текста, обладает текстообразующим, смыслообразующим потенциалом и стабилизирующей функцией в тексте монтажного типа, получая на уровне глубинной структуры текста темпорально-локальные и модальные характеристики. Семантика монтажного фрагмента формируется на уровне комплекса пропозициональных значений и связана с уровнем интерпретации.

Дробление текста на фрагменты, скачки повествования во времени, отсутствие эксплицитных причинно-следственных связей или их немотивированный разрыв, смена модусов, подчеркнутое чередование точек зрения (включение в текст писем героев, дневников, записок, стихов и т. д.) или их полное неразличение приводит к образованию монтажных «стыков», порождающих множественность интерпретаций текста.

Основной техникой синтаксической связи монтажных фрагментов, определяющей специфику реализации монтажного принципа в художественной прозе Б. Л. Пастернака, является соположение – техника, лежащая в основе осуществления определенных мыслительных операций сознания, основанных на предрасположенности соединяемых компонентов к вступлению в отношения на основании эксплицированного или имплицитного общего основания (воли автора, модуса восприятия, памяти, хронотопа).

Соположение не нарушает линейности синтаксической связности текста и принципа ее непрерывности в пределах категорий темпоральности, локативности, модальности. Как техника связи оно влияет на систему отношений «автор – текст – читатель», так как соотносится с авторской установкой на моделирование восприятия художественного времени и пространства, когда автор отчасти преднамеренно, отчасти бессознательно располагает монтажные фрагменты таким образом, что их взаимодействие вызывает процесс индукции смыслов и неоднозначность интерпретации.

Соположение по-разному реализуется во внутренней структуре монтажного фрагмента и на уровне макроструктуры текста. Внутренняя структура монтажных фрагментов, основанных на технике соположения, синтагматична и связана с метонимической ментальной моделью. На уровне макроструктуры текста при соположении монтажных фрагментов принципиальными становятся принципы отбора соположенных фрагментов на основе вероятностных, возможных имплицитных связей, устанавливаемых при наличии общего основания (темпоральность, локативность, достоверность, модальность).

Механизм установления парадигматических связей между фрагментами в структуре целостного текста осуществляется на основании концептуальной интеграции, в результате чего конструируется новое, не тождественное сумме исходных, ментальное пространство, и реализуется метафорическая ментальная модель. Преобладание имплицитных компонентов, скрытой информации формирует емкость и компактность метафорической модели. Соположение разнородных фрагментов, не совместимых в одной системе, заставляет читателя восстанавливать смысловые разрывы, в результате чего противоречивость восприятия текста снимается.

Недетерминированность соположенных фрагментов формирует в тексте: вероятностные возможности, симультанность, приводит к формированию монтажных швов, стабилизирующих структуру текста на уровне объемно-прагматического членения. Они формируются системой пространственно-временных координат (ФСК темпоральности и локативности); характером модусных отношений и их изменением (ФСК модальности); гипертекстовыми связями, «автобиографизмом», тесно связанным с функционально-семантической категорией достоверности. Объединяющим фактором для всех обозначенных принципов является точка отсчета (точка зрения), связанная с позицией автора.

Рассмотрим связь объемно-прагматического членения с категориями темпоральности и локативности. Соположенность ассоциативно смежных фрагментов в пределах категорий пространства и времени становится важным условием стабилизации монтажной структуры текста. Техника соположения глав повести «Апеллесова черта» со слабо выраженной сюжетной линией реализуется в рамках категорий темпоральности и локативности. Текст членится на семь нумерованных частей, не имеющих названия. Темпоральное пространство текста формируется четырьмя пространственно-временными координатами, занимающими инициальную позицию в первой, второй и пятой главах: *«В один из сентябрьских вечеров <…> я ведь* ***точно помню*** *число то: 23 августа…»* (глава 1) и *«На тротуарных плитах <…> и на набережных Арно…»* (глава 2). В пятой главе введение темпоральной и пространственных координат создает эффект торможения сюжета: *«Благоуханный вечер преисполнил собою все закоулки <…>. В кофейне шумно»* (глава 5) («Аппелесова черта»)[1]. В совокупности они формируют систему пространственно-временных отношений в сложной структуре монтажного текста, стабилизируя его.

Разрыв происходит на уровне связей между главами 2 и 3. Третья глава начинается диалогом, состав участников которого намеренно скрывается автором. В результате возникает конфликтный паратаксис, когда читатель вынужден самостоятельно восстанавливать связи с предтекстом. В результате образуются новые смыслы, которые позволяют осваивать имплицитные связи между главами. Механизм монтажа заключается в смене типа повествования. Вторая глава заканчивается чередованием цитации речи персонажа, несобственно-прямой речи героя, включенных в авторское повествование (*«Аппелесова черта…Рондольфина…». «Феррара! Иссиня-черный, стальной рассвет…»*). Это создает внутреннюю диалогичность текста, фик-

[1] Пастернак Б. Л. Собрание сочинений: в 5 т. Москва: Художественная литература, 1991. Т. 4. С. 7.

сирующую внимание читателя на новом способе передачи информации. Несмотря на то, что он является свидетелем услышанного, создаваемое многоголосие ставит его в тупик, так как участники диалога ему неизвестны, и восстанавливать фрагментарно намеченные связи с завязкой интриги он должен самостоятельно.

Фрагмент отражает процесс моделирования звукового пространства текста, в моделировании которого читатель, соотнося реплики с вероятностными участниками диалога, по крупицам восстанавливает сюжетную линия текста. Лакунарность смысловых отношений создает более широкие возможности для интерпретации воспринимаемой информации.

Монтажный шов на стыке шестой и седьмой глав связан со сменой фокуса наблюдения, выдвижением неодушевленного объекта в позицию наблюдателя – лампочки, единственного свидетеля, понимающего суть происходящего. Симультанность – одновременное восприятие пространства разными наблюдателями в разной проекции приводит к актуализации фоновой детали, основывающейся на метонимическом принципе.

Объемно-прагматическое членение в рассказе «Письма из Тулы» связано с включением в текст писем – жанра, актуализированного в названии текста. Единственным основанием соположенности первой и второй глав рассказа становится одновременность параллельно развивающихся сюжетных линий и общность переживаемых героями состояний: *«Он тоже, как и главное лицо, искал физической тишины»*. Хотя формальным средством связи двух неравноценных по объему глав является сочетание дейктического местоимения и ограничительной частицы (*Только тогда*), выступающее в функции детерминанта (глава II)[1] и последнего предложения первой главы *«Пели петухи, и оживала касса»*. Линейность синтаксической связи, контактность позволяет скрыть формальное противоречие соединяемых фрагментов текста (глав), сложно согласуемых на смысловом уровне:

*«**Пели петухи, и оживала касса**.*

*Только тогда улегся наконец в городских номерах на Посольской чрезвычайно странный старик. **Пока писались письма на вокзале**…»* («Письма из Тулы»)[2].

На фоне формальной связности глав в тексте появляется герой, образ которого лишь мелкими штрихами обозначен в первой части повести. Наметившийся стабилизирующий признак тут же разрушается, а сюжетная линия начинает развиваться вновь с той же точки отсчета, что и в первой части. Одна и та же ситуация, связанная с поиском смысла творчества и роли искусства в современном мире, переживается дважды разными героями, объединенными не только рамками пространственно-временных отношений, но и общей философской концепцией мира как живого организма, «пространством совести».

Симультанность соположения в монтажной технике Б. Л. Пастернака становится синонимом нового типа темпоральности, создающего условия для отражения вероятностной картины мира.

[1] Пастернак Б. Л. Собрание сочинений: в 5 т. Москва: Художественная литература, 1991. Т. 4. С. 31.

[2] Там же.

Объемно-прагматическое членение повести «Петербург» основывается на принципе соположенности нескольких фрагментов, объединенных галлюцинирующим локусом города. Действие механизмов монтажного принципа проявляется в ментальной модели восприятия пространства актуализацией обонятельного модуса: *«Может быть, именно этот запах довел когда-то Петра до галлюцинаций <…> Казалось, в настойчивости этого запаха был заказ исписывать еще и еще жадные, отдающиеся почерку страницы: – неудовлетворенность, мужественность, головокружительная активность, почти безумие действия вдыхалось в нем»* («Петербург»)[1].

Выдвижение обонятельного модуса приводит к слиянию временного и пространственного, усиливает эффект торможения в развитии слабо обозначенного сюжета. Отбор эстетически значимых объектов восприятия вовлекает читателя в активное сотворчество. Происходит слияние пространственных и временных координат. Время уплотняется, втягивая пространство.

В повести «Детство Люверс» монтажная техника основывается на ментальном модусе воспоминания («непроизвольного воспоминания») и осмысления жизненно важных моментов, уравновешенных в рамках темпорального пространства текста. Повесть состоит их двух глав: «Долгие дни» и «Посторонний», каждая из которых делится на нумерованные подглавки. Фрагментарность сюжета повести подчеркивается отсутствием формально выраженных средств связи между соседними главами текста. На уровне макроструктуры связность его частей представляется относительной.

Однако на уровне дополнительного графического членения текста почти в каждой из глав повести выделяются фрагменты, равные ментативным фрагментам текста. Их графическое выделение является особым способом актуализации их концептуальной семантики. В первой части повести (главы 1, 2) эти фрагменты связаны с наиболее значимыми событиями и выполняют роль резюмирующих, обобщающих, актуализирующих точку зрения автора: *«Из первобытного младенчества дети уже вышли. Понятия кары, воздаяния, награды и справедливости проникли уже подетски в их душу и отвлекали в сторону их сознание, давая жизни делать с ними то, что она считала нужным, веским и прекрасным»* (глава 1) («Детство Люверс»)[2].

В главах 2, 4 и 5 в графически выделенных фрагментах отражается глубокий уровень рефлексии, моделируется процесс осознания случившегося при полном слиянии точек зрения автора и героини: *«Это началось еще летом. Ей объявили <…>. Она не звала репетитора <…>. Она не назначала <…>. Но <…> все это* ***объявлялось*** (Курсив автора. – *С. С.*) *ей. Перестав быть поэтическим пустячком, жизнь забродила крутой черной сказкой постольку, поскольку стала прозой и превратилась в факт. Тупо, ломотно и тускло, как бы в состоянии вечного протрезвления,*

[1] Пастернак Б. Л. Собрание сочинений: в 5 т. Москва: Художественная литература, 1991. Т. 4. С. 472.

[2] Там же. С. 38.

попадали элементы будничного существования в завязывавшуюся душу» (глава 4) («Детство Люверс»)[1].

Процесс формирования интуитивного самостоятельного осознания происходящего, основанный на неосознанном восприятии деталей, звуков, образов отражается в графически выделенных фрагментах седьмой и восьмой глав второй части повести «Посторонний». На синтаксическом уровне процесс самостоятельного осмысления усиливается использованием несобственно-прямой речи, вводных слов, конструкций с прямой речью:

«Смутные ее предчувствия сбылись» (глава 7)[2].

«“Можешь ты рожать?” <…>» (глава 8)[3].

«Так прошла неделя и к концу другой, в четверг на рассвете она опять его увидала. <…> Тогда она увидала его. Она сразу его узнала по силуэту» (глава 8)[4].

Выделенные графическими пробелами фрагменты текста образуют особый пласт повествования, актуализирующий процесс интеллектуального взросления героини, зарождения и формирования собственной позиции, первоначально неотделимой от авторской. Вместе с системой средств, реализуемых на уровне глубинной структуры текста, эти фрагменты становятся одним из важных способов формирования категорий связности и цельности текста, демонстрируя специфику монтажной структуры текста повести. Чередуясь с нарративными, формально не связанными фрагментами текста, они моделируют концептуально значимый смысл произведения.

Специфика монтажности в «Повести» определяется включенностью в текст других текстов: описания сна, связанного со случайным воспоминанием, и текста черновика повести, принадлежащего герою. Это создает условия для чрезвычайной расчлененности текста, хотя его композиционно-синтаксическая организация становится проще.

В тексте «Повести» значительно увеличиваются по протяженности нарративные фрагменты, большая часть которых объединена общим пространством сна, что актуализирует отношения одновременности событий, происходящих в настоящем и прошлом. Средством усиления семантики одновременности является техника пунктирного введения каждой новой темы в графически выделенном фрагменте текста. При дистантном расположении они формируют монтажные стыки, указывающие на возврат к ранее намеченной теме.

Графическое деление повести таково, что каждый новый фрагмент связан с введением нового героя или иного типа текста. Смена модусов воспоминания, наблюдения, актуализация разных точек зрения на одно и то же событие, включение в текст других текстов (повесть), авторская установка на соотнесенность «Повести» с романом в стихах «Спекторский», обозначенная в начале текста, создают условия для особой монтажной организации текста.

[1] Пастернак Б. Л. Собрание сочинений: в 5 т. Москва: Художественная литература, 1991. Т. 4. С. 52.

[2] Там же. С. 71.

[3] Там же. С. 81.

[4] Там же. С. 83.

Выводы

Изучение синтаксиса текста с позиций когнитивной лингвистики расширяет возможности функционально-семантического подхода, дает возможность иначе посмотреть на выбор синтаксических средств, их структуру, содержание функций и их реализацию, устанавливая связи с категориями мышления и внеязыковыми отношениями, особенностью ситуации текста, в которой система отношений «автор – текст – читатель» предполагает активное сотворчество, обнаруживает особое отношение автора к выбору формы, синтаксической структуры, связи, языковому экспериментированию, отражающему особенности авторского сознания.

Когнитивное обоснование использования определенных синтаксических средств и структур в художественной прозе Б. Л. Пастернака связано с анализом интерпретативных стратегий текста. Перспективность лингвокогнитивного аспекта анализа синтаксических явлений позволяет выделить целый ряд синтаксических маркеров индивидуально-авторского стиля писателя в связи с описанием стратегий передачи информации и способов эмоционального воздействия на читателя.

Список источников

Бенвенист Э. Семиология языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва: Либроком, 2010. С. 69–89.

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под редакцией Ю. С. Степанова. Москва: Издательский центр РГГУ, 1995. С. 144–238.

Лакофф Д. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект / под редакцией В. И. Герасимова, В. П. Нерознака. Москва: Прогресс; Универс, 1995. С. 143–183.

Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. 247 с.

Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. Москва: Флинта, 2012. 254 с.

Пастернак Б. Л. Собрание сочинений: в 5 т. Москва: Художественная литература, 1991. Т. 4. 910 с.

Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. 256 с.

Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: Conceptual integration networks // Cognitive Linguistics: Basic Readings / edited by D. Geeraerts. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 303–371.

References

Benvenist E. Semiologiia iazyka [The semiology of language]. Benvenist E. *Obshchaia lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Librokom, 2010, pp. 69–89.

Dem'iankov V. Z. Kognitivnaia lingvistika kak raznovidnost' interpretiruiushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach]. *Voprosy iazykoznaniia* [Topics in the study of language], 1994, no. 4, pp. 17–33.

Kubriakova E. S. Evoliutsiia lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka (opyt paradigmal'nogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century

(experience in paradigm analysis)]. *Iazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the late twentieth century; ed. by Iu. S. Stepanov]. Moscow: Izdatel'skii tsentr RGGU, 1995, pp. 144–238.

Lakoff D. Kognitivnoe modelirovanie [Cognitive models]. *Iazyk i intellekt* [Language and intelligence; ed. by V. I. Gerasimov, V. P. Neroznak]. Moscow: Progress; Univers, 1995, pp. 143–183.

Lotman Iu. M. *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: in 3 vol.]. Tallin: Aleksandra, 1992. Vol. 1. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury [Papers on semiotics and cultural topology]. 247 p.

Norman B. Iu. *Kognitivnyi sintaksis russkogo iazyka* [Cognitive syntax of the Russian language]. Moscow: Flinta, 2012. 254 p.

Pasternak B. L. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected works: in 5 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1991. Vol. 4. 910 p.

Skrebtsova T. G. *Kognitivnaia lingvistika: kurs lektsii* [Cognitive linguistics: lecture course]. St Petersburg: SPbGU, 2011. 256 p.

Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: Conceptual integration networks. *Cognitive Linguistics: Basic Readings*; edited by D. Geeraerts. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006, pp. 303–371.

Сведения об авторах

Светлана Александровна Соловьева – кандидат филологических наук, доцент; https://orcid.org/0000-0001-7688-2108, ssa_doc@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 г. Череповец, Россия); **Svetlana A. Soloveva** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0001-7688-2108, ssa_doc@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 21.04.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

The article was submitted 21.04.2022; Approved after reviewing 20.05.2022; Accepted for publication 30.05.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 223–232.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 223–232.

Научная статья
УДК 821.161.1.09.19
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-16

Поэма-цикл Ю. П. Кузнецова «Путь Христа»: идейно-содержательный аспект и особенности жанровой организации произведения

Татьяна Николаевна Хриптулова

Тверской государственный университет,
Тверь, Россия,
khriptulovatat@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается произведение Ю. П. Кузнецова «Путь Христа» как лирическая поэма-цикл. Автор, чье творчество характеризуется национально-патриотической направленностью, утверждением идей державности, пониманием поэзии как проявления вселенского творческого начала, обратился к истокам русской народной духовности, ментальности, исторического православия. В поэме звучит мысль о жизненности национальных идеалов, чистоте и красоте народной нравственности и эстетики. Поэт приходит к осознанию Промысла Божия и признает наличие в мире Христа.
Ключевые слова: Ю. П. Кузнецов, духовный реализм, поэма-цикл, поэтика
Для цитирования: *Хриптулова Т. Н.* Поэма-цикл Ю. П. Кузнецова «Путь Христа»: идейно-содержательный аспект и особенности жанровой организации произведения // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 223–232. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-16.

The poem-cycle of Yu. P. Kuznetsov “The Path of Christ”: the ideological and substantive aspect and organizational features of the genre

Tatiana N. Khriptulova

Tver State University,
Tver, Russia,
khriptulovatat@rambler.ru

Abstract. The article considers the poem by Yu. P. Kuznetsov “The Path of Christ” as a lyrical poem-cycle. The poet, whose work is characterized by a national-patriotic orientation, by incorporation of the ideas of the state, creativity understanding as a manifestation of the universal creative principle, turned to the origins of Russian folk spirituality, mentality, historical Orthodoxy. The poem focuses on the vitality of national ideals, the purity and beauty of folk morality and aesthetics. The poet came to a sense of God's providence and the obvious presence of Christ in the world.
Keywords: Yu. P. Kuznetsov, spiritual realism, poem-cycle, poetics

© Хриптулова Т. Н., 2022

For citation: Khriptulova T. N. The poem-cycle of Yu. P. Kuznetsov “The Path of Christ”: the ideological and substantive aspect and organizational features of the genre. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 223–232. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-16.

Введение

Ю. П. Кузнецов является одним из самых ярких поэтов советского и постсоветского времени. В своем творчестве он часто обращается к вечным проблемам добра и зла, божественного и человеческого; в его стихах переплетаются философия и мифология. Творчество Кузнецова наполнено раздумьями над общемировыми, вселенскими вопросами, размышлениями о русском мире, русской душе. В его лирике взаимодействуют древние и новые символы, возрождается миф. Произведения Кузнецова по идейному замыслу и философской направленности были близки стихотворениям Н. Рубцова, Н. Тряпкина, С. Викулова и других поэтов-почвенников, чье творчество базировалось на осмыслении национальных основ бытия.

Основная часть

В позднем творчестве Ю. П. Кузнецова соединились острота социального взгляда с глубокими религиозными раздумьями над духовными процессами, происходящими в России. Кузнецов является ярким представителем поэзии православно-созерцательного типа, его творческий путь служит наглядным примером духовной эволюции от внерелигиозного сознания к миру христианских ценностей. В произведениях автора можно обнаружить черты духовного реализма.

Художественный метод духовного реализма можно выделить в современной литературе наряду с реализмом и романтизмом. После того как в конце 1980-х – 1990-е годы были потеснены и подвергнуты критике концепции реализма, в основе которых лежал социальный аспект (критический реализм, социалистический реализм), возвращение к поискам определения художественного метода на основе русской религиозно-философской и литературоведческой мысли начала XX в. стало неизбежным. Центром российской духовности является ее тысячелетнее лоно христианства с его соборностью, терпимостью, человеколюбием, открытостью Божественному откровению. Вера в Бога, в существование иного мира опирается на живой религиозный опыт[1]. Религиозно-поэтическому сознанию Ю. Кузнецова присуща особенность, неоднократно отмеченная Н. Бердяевым, Н. Лосским, С. Аскольдовым, М. Бродой как сугубо национальная.

В современном литературоведении идет поиск термина для обозначения метода изображения жизни, при котором духовный мир выступает как высшая реальность. Под термином «духовный реализм» (оказавшимся наиболее продуктивным) понимается облечение христианских идеалов в художественную форму. Следует признать, что данное понятие весьма условно, как и большинство других литературоведческих терминов. В этом случае речь идет о русской национальной литературе, о традиции,

[1] Редькин В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 71.

признающей существование духовной реальности и считающей истинной только православную духовность.

Кузнецов приходит к вере в конце своего творчества. Примером может служить широкое по замыслу итоговое произведение поэта («Путь Христа»), написанное на библейскую тематику и включающее пять глав («Детство Христа», «Юность Христа», «Путь Христа», «Сошествие в Ад», «Рай»):

Мы посеяли много костей.
Мы сорвали со старых гвоздей
Родовые гербы и скрижали.
Только гвозди остались торчать.
Вколотили, едреная мать,
Чтоб концы на том свете мешали!
Гвоздь – не только вселенский вопрос!
Стих меня в стольный город принес
За гвоздями для сельского быта.
Я прошел до родного вождя.
На селе, говорю, ни гвоздя,
Разгвоздилась и свищет планида!
И услышал я голос вождя:
– Как же так, говоришь, ни гвоздя?
А на чем бы икона висела?
– Отвечаю: – Без веры нельзя,
Но икона висит без гвоздя,
Гвоздь пошел на сердечное дело.
– Стало быть, не висит? – говорит.
Видит бог, не висит, а парит,
– Я всегда на ответ простодушен[1].

В 1998 г. по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Кузнецов перевел на современный русский язык и изложил в стихотворной форме (белый стих) «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона. «“И кто столь велик, как Бог наш? Он един творящий чудеса” уставил закон в предуготовление истины и благодати, чтобы пестуемое в нем человеческое естество, уклоняясь от языческого многобожия, обыкло веровать в единого Бога, чтобы подобно осквернённому сосуду, человечество, будучи, как водою, омыто законом и обрезанием, смогло воспринять млеко благодати и крещения»[2]. «Слово…» Святителя Иллариона изображает движение человечества, народа и каждого прозревшего человека от неверия к свету христианства. По этому же пути пошел и Ю. Кузнецов. «Раз-

[1] Кузнецов Ю. П. Ни рано ни поздно: Стихи и поэмы. Москва: Молодая гвардия, 1985. С. 55.

[2] Редькин В. А. Роль «Слова о Законе и Благодати» Илариона в поэме-цикле Ю. П. Кузнецова «Путь Христа» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. Вып. 5. С. 85.

рабатывая философскую концепцию русской идеи, Юрий Кузнецов опирался на идеи и образную систему “Слова о Законе и Благодати” митрополита Илариона. Художественный перевод “Слова…” Иллариона и поэма-цикл Ю. П. Кузнецова “Путь Христа” составляют единое целое в жанровом, стилевом и идейно-онтологическом планах. Перевод “Слова…” можно считать прологом, эпилогом или введением к циклу поэм Ю. П. Кузнецова о Христе»[1].

На протяжении всего литературного процесса XX вв. писатели были вынуждены выражать эпическое содержание, используя средства лирики. Одним из результатов творческого поиска в этом направлении стало развитие жанровой структуры, обозначаемой как поэма-цикл и позволявшей объективировать «лирические» переживания. Таким образом, цикл приблизился к самой границе эпоса. Появились работы Л. К. Долгополова, З. Г. Минц, В. А. Сапогова, обращенные к процессу формирования поэмы-цикла. Сближение поэмы и цикла – одно из проявлений видоизменения, расшатывания, смешения жанров, характерного для литературы XX в.

Под поэмой-циклом понимается текст, части которого связаны художественной идеей и образом поэта – лирического героя. В произведении данного жанра решается единая проблема, что создает эффект внутреннего единства текста. Особенность поэмы-цикла состоит в определенной, фиксированной последовательности составляющих ее частей – стихотворений. Автор сам формирует ее; она воспроизводится от издания к изданию[2]. Тексты, входящие в поэму-цикл, объединены общими мотивами, повторяющимися художественными приемами. Произведению данного жанра может быть присуща общность метрики. Поэма-цикл, как правило, имеет заглавие; возможен общий эпиграф для всех текстов, авторское предисловие к ним, нумерация частей. Кроме того, необходимо учитывать, какое жанровое определение дает произведению сам автор.

Правомерность определения поэмы «Путь Христа» как поэмы-цикла обусловливается значением и масштабом заключенной в нем проблемы. «Произведение проникнуто сквозной идеей, связанной с образом Христа, концепцией веры, бытия, Бога и судьбы человечества. От ощущения присутствия в мире сатаны Ю. Кузнецов пришел к чувству Божьего промысла и явного наличия в мире Христа»[3].

Целостность поэмы порождается единым историческим и художественным пространством, символикой создаваемых Кузнецовым картин. Сюжетная канва связана с жизнью и духовным подвигом Христа и основана на евангельском тексте. Эпиче-

[1] Редькин В. А. Роль «Слова о Законе и Благодати» Илариона в поэме-цикле Ю. П. Кузнецова «Путь Христа» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. Вып. 5. С. 81–88.

[2] Семенова Е. А. Поэма-цикл в творчестве Иосифа Бродского (традиции А. Блока, М. Цветаевой, А. Ахматовой в поэме И. Бродского «Часть речи»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 2001. С. 4.

[3] Редькин В. А. Поэма Юрия Кузнецова как жанровая система // Юрий Кузнецов и христианский мир: материалы шестой научно-практической конференции, посвященной творческому наследию Ю. П. Кузнецова / составители Г. Н. Дубинина, Е. В. Богачков. Москва: Московский культурно-образовательный центр при Литературном институте им. А. М. Горького, 2013. С. 79.

ские черты произведению придает изображение переломного момента в жизни человечества.

Поэт улавливает единый смысл в совокупности «истории» и «современности» (поэма имеет огромное значение для национальной истории и духовного выбора русского народа в современной действительности).

Главы выстраиваются Кузнецовым в определенной последовательности. Первый текст – это сказка о Христе, который рождается в положенный срок, растет, совершает маленькие и большие чудеса:

– Рано ты встал! – Мать погладила сына рукой,
Нежная ласка навеяла тихий покой.
Звон топора раздавался на тихом закате:
Плотник Иосиф рубил колыбель для дитяти.
Мать спеленала дитяти в тридевять земель,
Мать уложила дитяти в постель-колыбель,
Мать напевала ему колыбельную песню,
И растекалась она по всему поднебесью[1].

Мать поет сыну «христову колыбельную», напоминающую русскую народную песню:

Солнце село за горою,
Мгла объяла все кругом.
Спи спокойно. Бог с тобою.
Не тревожься ни о ком.
Я о вере, о надежде,
О любви тебе спою.
Солнце встанет, как и прежде.
Баю-баюшки-баю.

Солнце встанет над землею,
Засияет все кругом.
Спи, родимый. Бог с тобою.
Не тревожься ни о чем.
Дух Святой надеждой дышит,
Святость веет, как в раю,
Колыбель твою колышет…
Баю-баюшки-баю.

Веет тихою любовью
В небесах и на земле.
Что ты вздрогнул? Бог с тобою.
Не тревожься обо мне.

[1] Кузнецов Ю. П. Путь Христа. Часть 1. Детство. URL: https://stihi.ru/2006/02/17-2357?ysclid=l1uoqtzhzx (дата обращения: 25.03.2022).

Бог все видит и все слышит,
И любовью, как в раю,
Колыбель твою колышет…
Баю-баюшки-баю[1].

Во второй главе – «Юности Христа» – в целом сохраняются основные стилевые черты, присущие повествованию о детстве. В повествовании о юности Христа расширяется система действующих лиц, намечаются сюжетные линии, ведущие к последующему постижению тайны Крестного Пути. Здесь возникают и краткая предыстория Пилата, и символическая сцена воскрешения юным Христом убитого разбойника Вараввы, акцентирующая внимание на глубинных сплетениях в предначертанной свыше стезе главного героя поэмы[2]:

Римская спесь на державную ногу тверда.
Понтий Пилат был спесивым и твердым всегда.
Службу тянул на Востоке покамест как всадник,
Патрицианской сандалии стоптанный задник.
Тайный лазутчик донес, что бродячий зилот,
Некий Варавва, в пустыне смущает народ.
Речи пустые ведет о каком-то Мессии,
Злобно при этом бросая угрозы косые:
«Мир, трепещи! Твое золото в наших руках!..»
Рим не трепещет. Он знает, что делать и как!
Понтий Пилат разумел свое место и время,
А посему был решителен. – Конница, в стремя![3]

Третья глава по объему превосходит две первые части. В ней максимально детализировано и психологически подробно очерчен вектор Пути Христа – от Крещения до Воскресения:

Имя Христа излетало, как голубь, из уст.
Слава Его распускалась, как розовый куст.
Зависть и злоба, как черные свечи, зияли.
Он проходил – и следы Его долго сияли.
И навсегда превращались в святые места.
Он проходил – и везде узнавали Христа[4].

[1] Кузнецов Ю. П. Путь Христа. Часть 1. Детство. URL: https://stihi.ru/2006/02/17-2357?ysclid=l1uoqtzhzx (дата обращения: 25.03.2022).

[2] Ничипоров И. Б. Поэмная трилогия Юрия Кузнецова «Путь Христа» как явление современной духовной культуры. URL: https://portal-slovo.ru/philology/37280.php (дата обращения: 06.01.2021).

[3] Кузнецов Ю. П. Путь Христа. Часть 1. Детство. URL: https://stihi.ru/2006/02/17-2357?ysclid=l1uoqtzhzx (дата обращения: 25.03.2022).

[4] Там же.

В четвертой части описывается то, что происходит в аду, куда помещаются все без исключения исторические лица стран мира от древности до настоящего времени. Каждый персонаж испытывает свою муку:

Стражники грелись, и крайний окликнул Петра:
– Что ты здесь делаешь? – Я человек издалече.
– Ты человек Иисуса. Я слышу по речи.
– Я ничего не сказал! – бедный Петр прохрипел.
И в это время петух на востоке пропел.
Петр зарыдал, ибо трижды отрекся от Бога,
И поперхнулся слезами, как пылью дорога.
Кинулся прочь и седел на бегу, как ковыль.
Долго за ним оседала взметенная пыль[1].

В пятой части поэт выступает в роли свидетеля череды грандиозных событий, двигаясь вослед Христу, проходя все этапы земной жизни Сына Божьего; он идет за Ним сначала в Ад, а затем уже – в Рай, наблюдает его великое «второе заселение»[2]:

Рай перед вами. Ступайте! – промолвил Христос.
Реяли светы вдали. Участь Рая решалась[3].

Таким образом, сюжет поэмы строится на «дешифровке» смысла жизни Христа, проделанного им пути за счет постепенного приближения этого образа к современности и увеличения в нем доли «современного». Эволюционирует и образ героя.

Внутреннее единство произведения также реализуется с помощью целого «комплекса» цитат из «Евангелия», «Ветхого и Нового Завета», «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона. С их помощью передается мотив предчувствия, предсказания будущего. Цитация встречается на протяжении всего текста, связывая главы в одно целое.

Осознание происходящего в поэме обретает философскую глубину. События, представленные в произведении, рассматриваются поэтом как часть целостной картины мира. Глубина описываемых событий придает поэме общественную остроту. Земной и божественный миры в ней противопоставлены.

Действие в поэме-цикле разворачивается в едином пространстве. Прослеживается и временная динамика. Пространство и время у Кузнецова служат объединяющими факторами всех частей произведения в поэму-цикл. Она воспринимается как единое художественное целое в том числе благодаря разнообразным художественным средствам, стихотворным размерам.

[1] Кузнецов Ю. П. Путь Христа. Часть 1. Детство. URL: https://stihi.ru/2006/02/17-2357?ysclid=l1uoqtzhzx (дата обращения: 25.03.2022).

[2] Лютый В. Примятый цвет. Художественные черты поэмы Юрия Кузнецова «Рай». URL: http://www.hrono.ru/text/2010/lyut0210.php (дата обращения: 21.01.2021).

[3] Мир Юрия Кузнецова. Год спустя… Юрий Кузнецов. Рай (Неоконченная поэма). URL: http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2004&n=11&id=2 (дата обращения: 13.01.2021).

Особо следует отметить тот факт, что жанры способны видоизменяться и границы между ними не всегда четко определяются; таким образом, развитие жанра осуществляется в его взаимодействии с традициями. Традиция рассматривается в широком историко-литературном контексте. Отношение к ней является своего рода ориентиром при исследовании эволюции поэмы-цикла в процессе нарастания личностного начала в художественной словесности XX в.

Тексты в каждой части произведения связывают воедино и множество конкретных примет национальной поэтической стихии, что подтверждает «спаянность» фрагментов поэмы Кузнецова. Вместе с тем тексты, составляющие «Путь Христа», вполне самостоятельны и могут восприниматься изолированно. Они метрически неоднородны.

Выводы

Таким образом, в ходе данного исследования были сделаны следующие выводы:

1) проблема жанрового разнообразия поэмы Ю. П. Кузнецова связана с взаимодействием различных жанровых структур, появлением «гибридных» форм, характерных для литературы XX в. в целом и для творчества поэта в частности;

2) в жанровом отношении поэма полифонична: автор опирается на фольклорную традицию, традицию эпического повествования, обращается к жанру новеллы, священного предания, к традиции «фантастического» реализма. Ключ к пониманию замысла произведения Ю. П. Кузнецова находится в сфере жанровых традиций мировой и национальной культуры;

3) поэма «Путь Христа» – это национальная эпопея, хотя непосредственно о России в ней речь не идет. В ней заключен призыв к вере, добру, духовному подвигу;

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что произведение «Путь Христа» правомерно определить как поэму-цикл.

Список источников

Кузнецов Ю. П. Ни рано ни поздно: Стихи и поэмы. Москва: Молодая гвардия, 1985. 96 с.

Кузнецов Ю. П. Путь Христа. Часть 1. Детство. URL: https://stihi.ru/2006/02/17-2357?ysclid=l1uoqtzhzx (дата обращения: 25.03.2022).

Лютый В. Примятый цвет. Художественные черты поэмы Юрия Кузнецова «Рай». URL: http://www.hrono.ru/text/2010/lyut0210.php (дата обращения: 21.01.2021).

Мир Юрия Кузнецова. Год спустя… Юрий Кузнецов. Рай (Неоконченная поэма). URL: http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2004&n=11&id=2 (дата обращения: 13.01.2021).

Ничипоров И. Б. Поэмная трилогия Юрия Кузнецова «Путь Христа» как явление современной духовной культуры. URL: https://portal-slovo.ru/philology/37280.php (дата обращения: 06.01.2021).

Редькин В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 71–78.

Редькин В. А. Поэма Юрия Кузнецова как жанровая система // Юрий Кузнецов и христианский мир: материалы шестой научно-практической конференции, посвященной творческому наследию Ю. П. Кузнецова / составители Г. Н. Дубинина, Е. В. Богачков. Москва: Москов-

ский культурно-образовательный центр при Литературном институте им. А. М. Горького, 2013. С. 66–82.

Редькин В. А. Роль «Слова о Законе и Благодати» Илариона в поэме-цикле Ю. П. Кузнецова «Путь Христа» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. Вып. 5. С. 81–88.

Семенова Е. А. Поэма-цикл в творчестве Иосифа Бродского (традиции А. Блока, М. Цветаевой, А. Ахматовой в поэме И. Бродского «Часть речи»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 2001. 20 с.

References

Kuznetsov Iu. P. *Ni rano ni pozdno: Stikhi i poemy* [Neither early nor late: Verses and poems]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1985. 96 p.

Kuznetsov Iu. P. *Put' Khrista. Chast' 1. Detstvo* [Path of Christ. Part 1. Childhood]. Available at: https://stihi.ru/2006/02/17-2357?ysclid=l1uoqtzhzx (accessed: 25.03.2022).

Liutyi V. *Primiatyi tsvet. Khudozhestvennye cherty poemy Iuriia Kuznetsova "Rai"* [Flattened color. Artistic features of Yuri Kuznetsov's poem "Paradise"]. Available at: http://www.hrono.ru/text/2010/lyut0210.php (accessed: 21.01.2021).

Mir Iuriia Kuznetsova. God spustia. Iurii Kuznetsov. Rai (Neokonchennaia poema) [The world of Yuri Kuznetsov. A year later... Yuri Kuznetsov. Paradise (Unfinished Poem)]. Available at: http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2004&n=11&id=2 (accessed: 13.01.2021).

Nichiporov I. B. *Poemnaia trilogiia Iuriia Kuznetsova "Put' Khrista" kak iavlenie sovremennoi dukhovnoi kul'tury* [The poem trilogy of Yuri Kuznetsov "Path of Christ" as a phenomenon of modern spiritual culture]. Available at: https://portal-slovo.ru/philology/37280.php (accessed: 06.01.2021).

Red'kin V. A. Dukhovnyi realizm kak khudozhestvennyi metod sovremennoi literatury [Spiritual realism as an artistic method of modern literature]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Filologiia* [Vestnik TvGU Series: Philology], 2018, no. 1, pp. 71–78

Red'kin V. A. Poema Iuriia Kuznetsova kak zhanrovaia sistema [Poem by Yuri Kuznetsov as a genre system]. *Iurii Kuznetsov i khristianskii mir: materialy shestoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi tvorcheskomu naslediiu Iu. P. Kuznetsova* [Yuri Kuznetsov and Christendom: Proceedings of the sixth research and practice conference dedicated to the creative heritage of Yu. P. Kuznetsov; compiled by G. N. Dubinina, E. V. Bogachkov]. Moscow: Moskovskii kul'turno-obrazovatel'nyi tsentr pri Literaturnom institute im. A. M. Gor'kogo, 2013, pp. 66–82.

Red'kin V. A. Rol' "Slova o Zakone i Blagodati" Ilariona v poeme-tsikle Iu. P. Kuznetsova "Put' Khrista" [The role of Hilarion's "Word on Law and Grace" in cycle-poem "Path of Christ" by Yu. P. Kuznetsov]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Filologiia* [Vestnik TvGU Series: Philology], 2010, iss. 5, pp. 81–88.

Semenova E. A. *Poema-tsikl v tvorchestve Iosifa Brodskogo (traditsii A. Bloka, M. Tsvetaevoi, A. Akhmatovoi v poeme I. Brodskogo "Chast' rechi")* [Poem-cycle in the work of Joseph Brodsky (traditions of A. Blok, M. Tsvetaeva, A. Akhmatova in I. Brodsky's poem "Part of Speech"): Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2001. 20 p.

Сведения об авторах

Татьяна Николаевна Хриптулова – доктор филологических наук, доцент; khriptulovatat@rambler.ru, Тверской государственный университет (д. 33, ул. Желябова, 170100 г. Тверь, Россия); **Tatiana N. Khriptulova** – Doctor of Philological Sciences, Associate

Professor; khriptulovatat@rambler.ru, Tver State University (33, ul. Zheliabova, 170100 Tver, Russia).

Статья поступила в редакцию 30.03.2022; одобрена после рецензирования 26.04.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 30.03.2022; Approved after reviewing 26.04.2022; Accepted for publication 29.04.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 233–243.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 233–243.

Научная статья
УДК 811.161.1
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-17

Традиционные образы в «новой фразеологии»

Любовь Николаевна Чурилина

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова,
Магнитогорск, Россия,
lchurilina@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2898-8538

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с эволюцией русской языковой картины мира. Объектом исследовательского внимания является совокупность новых устойчивых фразем, которые выполняют в дискурсивной практике функцию репрезентантов концепта «Цифра / Цифровой» и при этом актуализируют связи с традиционными образами европейской культуры. Утверждается, что тематическое разнообразие новых единиц свидетельствует о трансформации указанного концепта.
Ключевые слова: концепт, концептуальная структура, трансформация, языковая репрезентация, «новая фразеология»
Для цитирования: *Чурилина Л. Н.* Традиционные образы в «новой фразеологии» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 233–243. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-17.

Traditional images in “new phraseology”

Ljubov N. Churilina

Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russia,
lchurilina@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2898-8538

Abstract. The article raises questions related to the evolution of the Russian language picture of the world. The article considers a set of new stable phrasemes that perform the function of representatives for the concept “Digit / Digital” in discursive practice and moreover actualize connections with traditional images of European culture. It is argued that the thematic diversity of the new units testifies to the concept transformation.
Keywords: concept, conceptual structure, transformation, linguistic representation, new phraseology
For citation: Churilina L. N. Traditional images in “new phraseology”. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 233–243. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-17.

© Чурилина Л. Н., 2022

Введение

Масштаб и стремительность социальных процессов, кардинальным образом меняющих жизнь, что называется, «на глазах одного поколения», предполагают неизбежную трансформацию когнитивных структур, в своей совокупности образующих, по терминологии современной исследовательской практики, *концептуальную картину мира*. Одним из магистральных направлений трансформации концептуальных картин мира признается универсализация, или стремление к освобождению от детерминированных специфическими историко-культурными процессами уникальных признаков. (Осмысление явления универсализации концептов и их языковых репрезентантов на сегодняшний день правомерно относить к числу вопросов традиционных, но не перестающих быть поводом для дискуссии[1].) Универсализация концептуальных структур экстраполируется на языки: следствием общности концептов, эволюционирующих во времени и способных к перемещению в социальном пространстве, оказывается семантическое тождество репрезентирующих эти концепты знаковых единиц, в частном случае – слов и фразеологизмов.

Объектом нашего внимания являются сверхсловные единицы, устойчиво воспроизводимые в речевой практике, или потенциальные фразеологизмы, неофраземы[2]. Материалом для исследования послужил русско-болгарский словарь фразеологических неологизмов[3]. Значительное число неофразем, включенных в корпус данного словаря, восходит к устойчивым словесным комплексам глобального (английского) языка, часто – терминологическим словосочетаниям[4].

Вхождение сверхсловной единицы во фразеологическую систему языка – процесс, растянутый во времени и предполагающий возможность членения на этапы. Особый интерес для нас представляет совокупность заимствованных неофразем, переживающих стадию освоения языком-реципиентом, что обусловливает как формальные, так и семантические трансформации сверхсловной единицы. В качестве показателя активной фазы данного процесса мы рассматриваем метафоризацию, ис-

[1] См. об этом: Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Издательство Харьковского университета, 1972. 215 с.; Новое в лингвистике / под редакцией В. Ю. Розенцвейга. Москва: Прогресс, 1972. Вып. 6. Языковые контакты. 536 с.

[2] Чурилина Л. Н., Позднякова Н. В. Фразеологизация как лингвокогнитивный процесс: формирование концептуальной структуры «поколение» // Филология и культура. 2020. № 2 (60). С. 122–132. https://doi.org/10.26907/2074-0239-2020-60-2-122-132; Чурилина Л. Н. Интернет-дискурс как среда формирования новой фразеологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3 (96). С. 126–135. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-3-96-11.

[3] Шулежкова С. Г. и др. Русско-болгарский словарь фразеологических неологизмов конца XX – начала XXI века. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2021. 457 с.

[4] Чурилина Л. Н. Глобальный мир, глобальный язык и «новая» фразеология как феномен // Шулежкова С. Г. и др. Проблемы русско-болгарской фразеологической неографии. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова; Пловдив: Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, 2021. С. 31–49.

ходя из принятого в рамках когнитивной парадигмы признания метафоры фундаментальной основой мышления[1].

Содержание статьи составляют результаты анализа группы потенциальных фразеологизмов с компонентом *цифровой* как репрезентантов концепта «Цифра».

Основная часть

Концепт «Цифра» в рамках европейской цивилизации изначально не обладал национальной спецификой, поскольку не имел необходимого в этом случае образного потенциала. Этимологические изыскания относят имя концепта к заимствованиям из арабского (şifr) со значением ‘нуль’, ‘ничто’; при этом появление в семантической структуре данного имени компонентов ‘число’, ‘условный знак’ обнаруживается практически во всех европейских языках (М. Фасмер[2], П. Я. Черных[3] и др.). Концепт со столь примитивной структурой изначально не мог претендовать на уникальность, а потому не отличался ею вплоть до конца XX века, когда в функции имени концепта стало устойчиво использоваться английское *digital* ‘цифровой’ (от *digit* – ‘цифра’).

Смена имени зафиксировала общую тенденцию к усложнению концептуальной структуры: ядерную позицию в смысловом ядре концепта в языке-доноре в новейший период занимает сема ‘информация’ (см.: “recording or storing *information* as a series of the numbers 1 and 0, to show that a signal is present or absent”[4]), и эта трансформация проецируется на языки-реципиенты (ср. дефиниции прилагательного *цифровой* в толковых словарях русского языка разных периодов: «обозначенный цифрами, выраженный в цифрах»[5] и «переводящий *информацию* в цифровую систему с помощью электронных аппаратов; необходимый для получения, хранения и передачи подобной *информации*»[6]).

Основными репрезентантами концепта в русском языке (равно как и в языке-доноре) становятся словосочетания с именем прилагательным *цифровой* в качестве зависимого слова, представляющие собой кальки, частотность использования которых в дискурсивных практиках позволяет говорить о них как о потенциальных фразеологизмах, или неофраземах.

Обращение к группе репрезентантов концепта «Цифровой», вошедших в русский язык в последнее десятилетие, позволило выявить 114 устойчиво воспроизводимых в речевой практике сверхсловных единиц (группа не закрыта, поскольку отмечается

[1] Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

[2] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Москва: Прогресс, 1987. Т. 4. (Т–Ящур). С. 303.

[3] Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Москва: Русский язык, 1999. Т. 2. С. 372.

[4] Digital // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/digital (дата обращения: 01.02.2022).

[5] Словарь русского языка: в 4 т. / под редакцией А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4: С–Я. С. 648.

[6] Словарь иностранных слов современного русского языка / составитель Т. В. Егорова. Москва: Аделант, 2014. С. 749.

тенденция к порождению новых сочетаний). Классификация отобранного лингвистического материала проводилась с учетом таких критериев, как способ образования и наличие образной основы.

Наиболее многочисленную группу составляют кальки, что вполне предсказуемо: исследователи, занимающиеся проблемой заимствований, возникающих при языковых контактах, калькирование относят к наиболее активным процессам[1]. Сверхсловные именования этого типа могут быть разбиты на несколько тематических подгрупп:

– «цифровая техника» – наименования технических средств / устройств: *цифровой аппарат / камера*, *видеокамера / фотокамера / бинокль / термометр*; *цифровая панель*, *цифровое табло*; *цифровые носители*, *цифровые сети*, *цифровой индикатор* и т. п.;

– «цифровые продукты» – названия материальных и нематериальных продуктов, производство которых связано с использованием информационных технологий: *цифровая фотография / изображение / снимок / картинка / видео / печать/ запись / вещание / телевидение*; *цифровая обработка / форма / вариант / режим / копия / связь* и т. п.;

– «информация» – наименование способа обработки / подачи информации: *цифровой контент*, *цифровые выкладки / данные / показатели*;

– «деньги» – названия платежных средств и способов их использования: *цифровая валюта*, *цифровой рубль*; *цифровая экономика*, *цифровой маркетинг*.

Особенностью единиц данной группы является полное отсутствие образного потенциала; при учете функционального критерия они могут быть отнесены к специальной лексике (элементы различных терминосистем). Выход таких сверхсловных наименований из разряда «потенциальных фразеологизмов» и закрепление во фразеологической системе русского языка спрогнозировать невозможно, поскольку эти процессы напрямую зависят от развития технологий.

Вторую по числу репрезентантов концепта «Цифровой» группу образуют кальки, объединенные в особый кластер по признаку наличия образной основы, сформировавшейся в языке-доноре и не нивелировавшейся в русском языке. Образы, давшие жизнь этим выражениям, основаны на традиционных для европейской культуры метафорах, что позволяет говорить о «межъязыковой образности» (interlingual figurativeness) как соотнесенности представлений, сформированных в сознании носителей разных языков и культур[2]. Так, базовая «метафора вместилища», или «контейнерная» метафора, реализуется в следующих выражениях:

– «цифра – содержимое пространства / времени»: *цифровой век / эра / эпоха*; *цифровая среда / вселенная / сфера / пространство / система*; *цифровое государство / общество*; *цифровое кладбище*;

[1] Багана Ж., Безрукая А. Н., Тарасова М. В. Калька и заимствование как результат иноязычного влияния // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2007. № 1 (9). С. 5–10.

[2] Трофимова Е. Б. Роль когнитивной метафоры в процессе опознавания иноязычных фразеологизмов, пословно переведенных на язык носителя // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3. С. 30–39.

– «цифра – содержимое человеческого разума»: *цифровая грамотность*, *цифровая память / амнезия / слабоумие / деменция*; *цифровой детокс*;

– «цифра – среда обитания субъекта»: *цифровая культура / революция / искусство*; *цифровые следы*, *цифровая крепость*; *цифровой барьер* и некоторые другие.

Как и единицы первой рассмотренной группы, все устойчивые выражения сформированы по одной синтаксической модели «*цифровой* + имя существительное», однако при этом обнаруживается специфический признак: переменный компонент словосочетания соотносится с образом «контейнера», наполненного информацией (*цифрой*). Варианты «смыслового» отклонения от общей модели (*детокс*, *следы*, *барьер*, а также *слабоумие / амнезия / деменция*) не обладают собственным образным потенциалом, поскольку опосредованно сохраняется связь с образом «наполненной чем-то емкости». Традиционная образная основа входит в структуру значения потенциального фразеологизма «в виде свернутых концептуальных структур»[1], косвенно его мотивируя. В перспективе именно соотнесенность с «базовой метафорой» может обеспечить включение новой единицы во фразеологическую систему русского языка.

В особую группу выделены нами сверхсловные образования, используемые в дискурсе в функции именования человека / социальной общности: *цифровые аборигены / эмигранты / иммигранты*, *цифровое поколение*; *цифровые кочевники*; *цифровой Л(л)евиафан*. Абсолютное большинство включенных в группу единиц также являются кальками (*digital natives*, *digital immigrants*, *digital nomads*).

Анализу неофразем тематической группы «поколение» была посвящена одна из наших статей[2]. Отметим только, что их значения базируются на «буквальном» понимании входящего в модель имени существительного (*поколение*, *аборигены* и проч.), а собственно образная (метафорическая) составляющая формируется как результат инференции, или логических импликаций[3]; речь идет о когнитивных операциях, производимых говорящим / слушающим «над релевантными знаниями, сопряженными с буквальным прочтением идиомы»[4].

Аналогичные процессы привели к формированию неофраземы *цифровые кочевники*. Семантически эта единица близка к тематической группе «поколение» (и должна быть включена в число репрезентантов соответствующего концепта), свидетельством чего служит устойчивое воспроизведение в современной дискурсивной практике формы множественного числа (вариант *цифровой кочевник* встречается практически только в случае описания нового социального феномена, в частности – при создании дефиниций терминологизированного словосочетания). Языковая еди-

[1] Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 75.

[2] Чурилина Л. Н., Позднякова Н. В. Фразеологизация как лингвокогнитивный процесс: формирование концептуальной структуры «поколение» // Филология и культура. 2020. № 2 (60). С. 122–132. https://doi.org/10.26907/2074-0239-2020-60-2-122-132.

[3] Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 142.

[4] Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 91.

ница не становилась объектом специального исследования, однако само явление привлекает внимание социологов[1]. Возникновение термина связывается с изданной в 1997 г. книгой Ц. Макимото и Д. Маннерса «Цифровые кочевники»[2], в которой провидчески предсказывалось создание принципиально нового средства связи, способного дать человеку свободу передвижения по миру.

Идея беспрепятственного перемещения в пространстве, отказ от привязанности к определенному месту пребывания составляет смысловое ядро концепта «Кочевник», имеющего глубокие корни в том числе и в русской культуре: по свидетельству П. Я. Черных, это тюркское заимствование неоднократно встречается уже в Никоновской летописи (XIV в.)[3]. В числе экспликаторов современного, связанного с цифровыми технологиями, варианта концепта отмечаются следующие лексемы: *путешествие* / *путешественник*, *туризм* / *турист*, *иностранец*, *фриланс* / *фрилансер*, *интернет-технологии*, *мобильность* / *мобильный*, *удаленный*. В семантическую структуру неофраземы *цифровой кочевник* в качестве обязательного компонента, помимо традиционных ‘образ жизни’, ‘пространство’ и ‘перемещение’, включается ‘работа’ / ‘деятельность’: «“Цифровой кочевник” – это занимающийся удаленной работой иностранец, деятельность которого не зависит от местонахождения»[4]; «Счастливые фрилансеры, чья жизнь не привязана к офису, так что они могут работать удаленно и переезжать с места на место»[5]; «Это не дауншифтеры, не туристы и не творческие бездельники. Их отличает то, что они работают удаленно»[6]. Находящийся в процессе формирования уникальный набор семантических компонентов, актуализируемых сверхсловной единицей, позволяет говорить о трансформации традиционного концепта «Кочевник», но не об изменении его смысловой доминанты.

Особое место в отобранном языковом материале занимает основанная на метафорическом переносе сверхсловная единица *цифровой Левиафан* – единственная неофразема, не имеющая прецедента в английском языке, т. е. не являющаяся калькой. Авторство принадлежит Игорю Шнуренко – российскому исследователю ис-

[1] См.: Цифровой кочевник // Финансовая энциклопедия. URL: https://nesrakonk.ru/digital-nomad/ (дата обращения: 21.09.2021).

[2] Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Chichester; New York: John Wiley & Sons, 1997. 246 p. URL: https://archive.org/details/digitalnomad0000maki (дата обращения: 10.02.2022).

[3] Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Москва: Русский язык, 1999. Т. 1. С. 437.

[4] Фаляхов Р. «Цифровой кочевник»: как в Европе стимулируют трудовую миграцию // Gazeta.ru. URL: https://www.gazeta.ru/business/2021/08/26/13917524.shtml (дата обращения: 21.09.2021).

[5] Сван А. Цифровые кочевники: как становятся digital nomads и где они обитают // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/forbeslife-photogallery/380089-cifrovye-kochevniki-kak-stanovyatsya-digital-nomads-i-gde-oni (дата обращения: 02.02.2021).

[6] Демина А. Цифровые кочевники: кто они такие, чем их мозг отличается от мозга домоседов, и как на них сказался всеобщий локдаун // Republic.ru. URL: https://republic.ru/posts/98617 (дата обращения: 04.02.2020).

кусственного интеллекта, автору нескольких книг, посвященных проблемам тотальной цифровизации и связанных с нею социальных процессов[1].

Ядром концептуальной структуры служит библейский образ морского монстра – Левиафана, имя которого возводится к еврейскому слову, означающему ‘свитый’ / ‘скрученный’. В многочисленных комментариях к тексту ветхозаветной Книги Иова Левиафан часто представляется огромным огнедышащим змеем / драконом, символизирующим действующие в мире и душах людей неподконтрольные человеку силы[2]: «Круг зубов его – ужас; крепкие щиты его – великолепие; <…> Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя, на шее его обитает сила, и перед ним бежит ужас. <…> Меч, коснувшийся его, не устоит, ни копье, ни дротик, ни латы. Железо он считает за солому, медь – за гнилое дерево»[3]. Этот, по выражению С. Худиева, «образ всесокрушающей мощи» с «демоническим оттенком» переосмысливался в европейской культуре многократно в соотнесении с бездушной, всесильной и враждебной человеку государственной машиной (Т. Гоббс, Ф. Ницше). Традиционный, общеизвестный образный потенциал эксплицитно задействуется автором неофраземы, усиливаясь за счет объединения с концептом «Цифровой»; ср.: «Цифровой Левиафан <…> под этим я понимаю систему компьютеров, людей, гаджетов и их всевозможных гибридов, аналитических василисков и математических гарпий…»; «…он сумел взломать человека, подменить симулякрами соцсетей коллективное бессознательное…»; «Цифровой, или Информационный Левиафан образован множеством ИИ-систем, нейросетей, отдельных людей и их коллективов, а также, и все больше, кибернетических гибридов»[4]; «…понятия “государство”, “корпорации”, “медиа-окружение”, “религии”, “цифровые платформы”, и человек вместе с ними, смешиваются и соединяются в один организм, который мы и назвали Левиафаном»[5]. Отличие цифрового Левиафана от его библейского прототипа определяется «рукотворной» природой: будучи творением человека, он становится необоримой угрозой для своего творца.

Узнаваемость предложенного образного основания обусловила возможность декодирования сложного, многослойного смысла сверхсловной единицы. Анализ речевого материала свидетельствует о том, что новый концепт оказался востребованным в дискурсах, посвященных обсуждению настоящего и будущего человечества, ока-

[1] Шнуренко И. Цифровой Левиафан, или как защитить идеалы Просвещения // Русская истина. URL: https://politconservatism.ru/articles/tsifrovoj-leviafan-ili-kak-zashhitit-idealy-prosveshheniya (дата обращения: 14.12.2021); Шнуренко И. Архитекторы трансгуманизма и цифровой Левиафан. URL: https://shnurenko.ru/articles/arhitektory-transgumanizma-i-czifrovoj-leviafan.html (дата обращения: 20.08.2021).

[2] Десницкий А. «За что» или «для чего»: вопросы Иова. URL: https://foma.ru/za-chto-ili-dlya-chego-voprosyi-iova.html (дата обращения: 17.12.2021).

[3] Цит. по: Худиев С. Кто такой Левиафан? URL: https://foma.ru/kto-takoy-lefiafan.html (дата обращения: 21.01.2022).

[4] Шнуренко И. Системный сбой. Возможно ли самоубийство цифрового Левиафана. URL: https://zavtra.ru/blogs/sistemnij_sboj_shnurenko (дата обращения: 17.12.2021).

[5] Шнуренко И. Архитекторы трансгуманизма и цифровой Левиафан. URL: https://shnurenko.ru/articles/arhitektory-transgumanizma-i-czifrovoj-leviafan.html (дата обращения: 20.08.2021).

завшегося (или ощущающего себя) на грани гуманитарной катастрофы: «Сейчас в России много говорят и пишут, причем очень эмоционально и пафосно, против “цифрового Левиафана”, т. е. против тотальной цифровизации, против искусственного интеллекта, против усиливающейся власти Грефа и иже с ним, в общем против порабощения человека и превращения его в придаток вычислительной машины»[1]. Приведенные нами текстовые фрагменты включают основные единицы, использующиеся в функции репрезентантов концепта «Цифровой Левиафан», поэтому позволим себе ограничиться попыткой обозначить его смысловые доминанты: ‘чудовище’, ‘мощь’, ‘античеловечность’, ‘неуправляемость’, ‘опасность’ / ‘угроза’. Яркая образность и неоднозначность интерпретаций позволяют предполагать жизнеспособность неофраземы.

Выводы

Отмеченное тематическое многообразие средств объективации концепта «Цифровой» рассматривается нами как непротиворечивое свидетельство его сложной организации. Многокомпонентный концепт как фрейм-структура (Ч. Филлмор[2]) представлен в дискурсивной практике совокупностью устойчивых, а потому становящихся предсказуемыми валентных связей слова – имени концепта, воспроизведение которых формирует условия для фразеосемиозиса – рождения новых сверхсловных единиц.

На процесс фразеообразования на современном его этапе определяющее влияние оказывает глобализация: неофраземы утрачивают национальную специфичность, большая их часть представляет собой кальки. В этой ситуации актуальным для исследования становится вопрос об обязательности образа как основы предметно-логического содержания фразеологизма. Рассмотренный материал позволяет утверждать, что образное основание неофразем оказывается универсальным: мы наблюдаем либо актуализацию традиционных метафор в новом контекстном окружении, либо трансформацию традиционных концептуальных структур за счет их усложнения.

Неофраземы с трансформирующейся или формирующейся на наших глазах образной основой заслуживают особого внимания, поскольку они имеют шанс обрести черты национальной специфичности.

Список источников

Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Издательство Харьковского университета, 1972. 215 с.

[1] Воин А. «Цифровой Левиафан» и кризис рационалистического мировоззрения. URL: https://proza.ru/2021/08/30/1233 (дата обращения: 17.12.2021).

[2] Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике / под редакцией М. А. Обориной. Москва: Прогресс, 1988. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. С. 52–92.

Багана Ж., Безрукая А. Н., Тарасова М. В. Калька и заимствование как результат иноязычного влияния // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2007. № 1 (9). С. 5–10.

Волошкина И. А. Фразеологический образ как отражение характера человека (на материале французского языка) // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: История. Филология. 2008. № 49. С. 55–58.

Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 71–93.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Новое в лингвистике / под редакцией В. Ю. Розенцвейга. Москва: Прогресс, 1972. Вып. 6. Языковые контакты. 536 с.

Словарь иностранных слов современного русского языка / составитель Т. В. Егорова. Москва: Аделант, 2014. 800 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под редакцией А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4: С–Я. 797 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Трофимова Е. Б. Роль когнитивной метафоры в процессе опознавания иноязычных фразеологизмов, пословно переведенных на язык носителя // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3. С. 30–39.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Москва: Прогресс, 1987. Т. 4. (Т–Ящур). 864 с.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике / под редакцией М. А. Обориной. Москва: Прогресс, 1988. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. С. 52–92.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Москва: Русский язык, 1999.

Чурилина Л. Н. Глобальный мир, глобальный язык и «новая» фразеология как феномен // Шулежкова С. Г. и др. Проблемы русско-болгарской фразеологической неографии. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова; Пловдив: Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, 2021. С. 31–49.

Чурилина Л. Н. Интернет-дискурс как среда формирования новой фразеологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3 (96). С. 126–135. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-3-96-11.

Чурилина Л. Н., Позднякова Н. В. Фразеологизация как лингвокогнитивный процесс: формирование концептуальной структуры «поколение» // Филология и культура. 2020. № 2 (60). С. 122–132. https://doi.org/10.26907/2074-0239-2020-60-2-122-132.

Шулежкова С. Г. и др. Русско-болгарский словарь фразеологических неологизмов конца XX – начала XXI века. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2021. 457 с.

Digital // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/digital (дата обращения: 01.02.2022).

References

Akulenko V. V. *Voprosy internatsionalizatsii slovarnogo sostava iazyka* [Issues of internationalization of the vocabulary of the language]. Khar'kov: Izdatel'stvo Khar'kovskogo universiteta, 1972. 215 p.

Bagana Zh., Bezrukaia A. N., Tarasova M. V. Kal'ka i zaimstvovanie kak rezul'tat inoiazychnogo vliianiia [Interrelation between borrowings and caique]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Lingvistika* [The Russian Journal of Linguistics], 2007, no. 1 (9), pp. 5–10.

Voloshkina I. A. Frazeologicheskii obraz kak otrazhenie kharaktera cheloveka (na materiale frantsuzskogo iazyka) [Phraseological image as a reflection of the character (by the material of the French language)]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia. Filologiia* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2008, no. 49, pp. 55–58.

Dobrovol'skii D. O. Obraznaia sostavliaiushchaia v semantike idiom [Image component in the meaning of idioms]. *Voprosy iazykoznaniia* [Topics in the study of language], 1996, no. 1, pp. 71–93.

Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p.

Novoe v lingvistike [The new in linguistics; ed. by V. Iu. Rozentsveig]. Moscow: Progress, 1972, iss. 6. Iazykovye kontakty [Language contacts]. 536 p.

Slovar' inostrannykh slov sovremennogo russkogo iazyka [Dictionary of foreign words in modern Russian; compiled by T. V. Egorova]. Moscow: Adelant, 2014. 800 p.

Slovar' russkogo iazyka: v 4 t. [Dictionary of the Russian language: in 4 vol.; ed. by A. P. Evgen'eva]. Moscow: Russkii iazyk; Poligrafresursy, 1999, vol. 4: S–Ia. 797 p.

Teliia V. N. *Russkaia frazeologiia. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow: Shkola “Iazyki russkoi kul'tury”, 1996. 288 p.

Trofimova E. B. Rol' kognitivnoi metafory v protsesse opoznavaniia inoiazychnykh frazeologizmov, poslovno perevedennykh na iazyk nositelia [The role of cognitive metaphor in recognizing idioms in literal translation from non-native into native language]. *Ekologiia iazyka i kommunikativnaia praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 2017, no. 3, pp. 30–39.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vol.]. Moscow: Progress, 1987, vol. 4. (T–Iashchur). 864 p.

Fillmor Ch. Freimy i semantika ponimaniia [Frames and semantics of understanding]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [The new in foreign linguistics; ed. by M. A. Oborina]. Moscow: Progress, 1988, iss. 23. Kognitivnye aspekty iazyka [Cognitive aspects of language], pp. 52–92.

Chernykh P. Ia. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vol.]. Moscow: Russkii iazyk, 1999.

Churilina L. N. Global'nyi mir, global'nyi iazyk i “novaia” frazeologiia kak fenomen [Global world, global language and “new” phraseology as a phenomenon]. Shulezhkova S. G. i dr. *Problemy russko-bolgarskoi frazeologicheskoi neografii* [Problems of Russian-Bulgarian phraseological neography]. Magnitogorsk: Magnitogorskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. G. I. Nosova; Plovdiv: Plovdivskii universitet im. Paisiia Khilendarskogo, 2021, pp. 31–49.

Churilina L. N. Internet-diskurs kak sreda formirovaniia novoi frazeologii [Internet discourse as a medium for the development of new phraseology]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2020, no. 3 (96), pp. 126–135. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-3-96-11.

Churilina L. N., Pozdniakova N. V. Frazeologizatsiia kak lingvokognitivnyi protsess: formirovanie kontseptual'noi struktury “pokolenie” [Phraseologization as a linguo-cognitive process: modeling the “generation” concept structure]. *Filologiia i kul'tura* [Philology and Culture], 2020, no. 2 (60), pp. 122–132. https://doi.org/10.26907/2074-0239-2020-60-2-122-132.

Shulezhkova S. G. i dr. *Russko-bolgarskii slovar' frazeologicheskikh neologizmov kontsa XX – nachala XXI veka* [Russian-Bulgarian dictionary of phraseological neologisms of the late

XX – early XXI centuries]. Magnitogorsk: Magnitogorskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. G. I. Nosova, 2021. 457 p.

Digital. *Cambridge Dictionary*. Available at: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/digital (accessed: 01.02.2022).

Сведения об авторах

Любовь Николаевна Чурилина – доктор филологических наук, профессор; https://orcid.org/0000-0002-2898-8538, lchurilina@gmail.com, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (д. 38, пр-т Ленина, 455000 г. Магнитогорск, Россия); **Ljubov N. Churilina** – Doctor of Philological Sciences, Professor; https://orcid.org/0000-0002-2898-8538, lchurilina@gmail.com, Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, pr. Lenina, 455000 Magnitogorsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 17.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 01.04.2022.

The article was submitted 17.02.2022; Approved after reviewing 25.03.2022; Accepted for publication 01.04.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 244–260.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 244–260.

Научная статья
УДК 372.881.161.1
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-18

Презентация устойчивых выражений разговорной речи иностранным студентам на начальном этапе обучения

Татьяна Григорьевна Аркадьева[1], Елена Дмитриевна Попкова[2], Надежда Сергеевна Федотова[3]✉

[1, 2, 3]Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,
[1]kafrki@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0693-757X
[2]kafrki@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7867-3016
[3]nadja_f78@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-4201-5510

Аннотация. В статье авторами предлагается минимум устойчивых выражений разговорной речи, который должен быть освоен иностранными студентами, а также упражнения, рекомендованные для внедрения в практику обучения русскому языку как иностранному на начальном этапе. Устойчивые выражения русской разговорной речи – сложный материал для иностранных студентов и преподавателей русского языка как иностранного. Неправильное восприятие и употребление обучающимися устойчивых выражений может привести к коммуникативно значимым ошибкам и нарушению коммуникации в реальной ситуации. Упражнения, предложенные в данной работе, направлены на усвоение и активизацию устойчивых выражений разговорной речи, способствуют формированию у иностранных студентов представлений о системе разговорной речи русского языка, развитию у них навыков использования устойчивых выражений в различных ситуациях.

Ключевые слова: разговорная речь, обучение русскому языку как иностранному, устойчивые выражения разговорной речи, диалогическая речь, интенции, начальный этап обучения

Для цитирования: *Аркадьева Т. Г., Попкова Е. Д., Федотова Н. С.* Презентация устойчивых выражений разговорной речи иностранным студентам на начальном этапе обучения // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 244–260. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-18.

© Аркадьева Т. Г., Попкова Е. Д., Федотова Н. С., 2022

Presentation of colloquial set expressions to foreign students at the initial stage of learning

Tatiana G. Arkadieva[1], Elena D. Popkova[2], Nadezhda S. Fedotova[3]✉

[1, 2, 3]The Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russia,
[1]kafrki@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0693-757X
[2]kafrki@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7867-3016
[3]nadja_f78@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-4201-5510

Abstract. In the article, the authors propose a minimum of colloquial set expressions, which should be mastered by foreign students, as well as exercises recommended for the practice of teaching Russian as a foreign language at the initial stage. Set expressions of Russian colloquial speech are considered to be complex material for foreign students and teachers of the Russian language as a foreign language. Incorrect perception and use of set expressions by students can cause communicatively significant errors and communicative failures in a real situation. The exercises proposed in this work are aimed at acquiring and activating set expressions of colloquial speech, contribute to the formation of ideas about the Russian spoken language system among foreign students, and the development of their skills in using set expressions in various situations.

Keywords: colloquial speech, teaching Russian as a foreign language, set expressions of colloquial speech, dialogical speech, intentions, initial stage of learning

For citation: Arkadieva T. G., Popkova E. D., Fedotova N. S. Presentation of colloquial set expressions to foreign students at the initial stage of learning. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 244–260. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-18.

Введение

Русская разговорная речь – это сфера, которая на всех этапах обучения русскому языку как иностранному неизменно вызывает устойчивый интерес у иностранных студентов. Данный факт обусловливается тем, что в ходе адаптации в стране изучаемого языка «многие сталкиваются с определенными трудностями, связанными с употреблением в диалогической речи носителей языка специфических речевых единиц, форма которых не всегда позволяет легко понять, что именно они выражают и в каких случаях следует их употреблять»[1]. В этом случае следует отметить фразы (реплики диалога), «не поддающиеся традиционным методам анализа синтаксических единиц и строящиеся по особым правилам»[2] (например: *Да, ну! А то это знаешь, как бывает… Да как же! Да, ладно! Ну, вот еще! Сиди не сиди! Чего это вдруг? Ты это брось! Вам чего? Вам зачем? Какое там!* и т. п.), а также ситуации, когда «го-

[1] Нечаева Е. В., Каргы Т. А. Штампы устной разговорной речи при обучении русскому языку как иностранному // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 3. С. 460.

[2] Максимова Е. П. Типологии синтаксических фразеологизмов в отечественной лингвистике // Языковой дискурс в социальной практике: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (г. Тверь, 29–30 марта 2019 г.) / под редакцией Н. А. Кожиной, И. В. Дорофеевой. Тверь: Хриптулова государственный университет, 2019. С. 172.

ворящий употребляет готовые, закрепленные в системе языка формы, которые, однако, обдуманно не отбираются, а используются естественно и непосредственно в процессе говорения»[1].

Иностранные студенты знают, что русская разговорная речь наполнена особыми выражениями, которым не обучают на занятиях. Эти специальные лексико-синтаксические конструкции с повторяющимися устойчивыми элементами, передающими согласие / несогласие с мнением собеседника, возмущение, удивление и т. п., в повседневном бытовом общении носители языка используют для обозначения разнообразных реакций в диалоге. Иностранным обучающимся непонятны эти выражения, их значение, структура и сфера использования. «В первый год обучения студенты чувствуют некоторый дискомфорт при общении с носителями языка, понимая, что их собственная речь несколько однообразна и даже примитивна»[2].

На начальном этапе освоения учебной программы формирование восприятия и навыков использования устойчивых выражений разговорной речи (далее – УВРР) не является особой целью образовательного процесса. Развитие навыков устной речи иностранных студентов представляет собой одну из основных задач, решаемых с помощью применения современных методов обучения русскому языку как иностранному (далее – РКИ), при этом большое внимание уделяется литературному языку, а разговорно-бытовой стиль речи (нелитературный язык) должен быть освоен иностранными обучающимися самостоятельно, вне аудиторных занятий[3]. Подразумевается, что в результате общения с носителями языка иностранный студент автоматически достигнет понимания и разнообразит свою речь благодаря УВРР. Однако, как показывает практика, чтобы обучающиеся смогли интерпретировать устойчивые выражения и правильно использовать их в конкретных социально-бытовых условиях общения, простого объяснения мысли или намерения говорящего с помощью УВРР оказывается недостаточно. Ситуация представляется весьма сложной, поскольку многие УВРР произносятся с разной интонацией, а следовательно, могут выражать противоположные друг другу интенции, трудны для прямого перевода на родной язык иностранных студентов, тесно связаны с контекстом речи и невербальными средствами коммуникации, которые, с свою очередь, также создают дополнительные сложности для иностранца.

[1] Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Москва: Издательство АН СССР, 1960. С. 3.

[2] Соляник О. Е. Преподавание основ разговорной речи иностранным учащимся технического вуза // Приволжский научный вестник. 2015. № 4–2 (44). С. 55.

[3] Savilova S. L., Smychkova E. G., Kokhanovskaya E. V., Kropotkina A. A. Latest Anglicisms Used in Teaching Russian as a Foreign Language to Contribute to Motivation and Adaptation of Polylingual Students in Russia // Proceedings of the International Conference on “Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects” (HSSNPP 2019) (Novosibirsk, 05–06 March 2019) / edited by M. V. Romm et al. Amsterdam; Paris: Atlantis Press, 2019. Vol. 333. P. 285.

Основная часть

Фразы, которые в данной статье мы называем устойчивыми выражениями разговорной речи, необходимы говорящему для высказывания своего согласия, несогласия, оценки, сомнения, удивления и т. п. в рамках диалогического взаимодействия. Практика работы с иностранной аудиторией свидетельствует о том, что в коммуникативном запасе обучающихся указанные единицы как особые маркеры устной неподготовленной речи часто отсутствуют, что не позволяет студентам поддержать диалог на необходимом уровне; «сами студенты после поездок в Россию или прямых контактов с российскими сверстниками отмечают, что носители изучаемого языка посмеиваются над “книжным” характером их русской речи»[1]. Однако именно непринужденность общения, естественность речи, интонационное соответствие сказанного коммуникативной ситуации являются показателями, к которым стремятся многие иностранные студенты в процессе изучения русского языка. Мы солидарны с утверждением, что живая разговорная речь наиболее эффективно осваивается в естественных условиях общения при непосредственном постоянном контакте с носителями языка, однако без квалифицированной методической помощи преподавателя иностранным обучающимся трудно сориентироваться в потоке устойчивых выражений, овладение которыми позволит им комфортно чувствовать себя в рамках диалога в обычной жизненной ситуации.

Отметим, что «разговорный стиль речи, которым иностранцы хотели бы овладеть на высоком уровне, в методическом аспекте остается малоразработанным»[2], обучение иностранных студентов русской разговорной речи представляет значительные трудности вследствие неразработанности аппарата упражнений, позволяющих развивать умение общаться с носителями русского языка в неформальной обстановке, используя адекватные языковые средства[3]. И если в качестве источников разговорной речи на среднем и продвинутом этапах могут использоваться видеофильмы[4] и аудиозаписи, то на начальной стадии создание упражнений сопровождается сложностями методического характера: ограниченный объем лексики у студентов, неотработанность всех интонационных конструкций, небольшой языковой опыт, отсутствие возможности дать научное объяснение строения конкретного УВРР и т. д. Таким образом, можно отметить ряд противоречий: уже с первых дней иностранные обучающиеся понимают, что для полноценного диалогового общения с носителями языка они должны уметь оперировать особыми лексико-синтаксическими конструк-

[1] Сладкевич Ж. Обучение разговорной речи на уроках русского как иностранного // Слово.ру: Балтийский акцент. 2013. № 3. С. 19.

[2] Олейник М. А., Попкова Е. Д., Федотова Н. С. Обучение иностранных студентов устойчивым выражениям устной разговорной речи // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 9. С. 66.

[3] Чжу Тинтин. Система упражнений для обучения китайских студентов-филологов употреблению русских разговорных конструкций (II сертификационный уровень) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–2 (72). С. 214–215.

[4] Romanova T., Rubtsova E., Simms E. The Use of Authentic Videos in Teaching Russian Conversation Outside the Language Environment // European Journal of Foreign Language Teaching. 2021. Vol. 5, iss. 3. P. 107–117.

циями, которые произносятся с определенной интонацией и имеют специфическое значение, однако эти выражения, как правило, не рассматриваются в рамках академических занятий. В учебных пособиях такие фразы присутствуют, но работа с ними, как правило, ограничивается комментариями преподавателя и рассмотрением модели диалога в контексте какого-либо сценария. Следует отметить, что в дальнейшем отсутствует возможность вернуться к такому выражению и проработать механизмы его включения в языковой материал. Таким образом, для начального этапа обучения РКИ необходимо выделить минимум УВРР, учитывающих коммуникативные возможности, интересы и потребности обучающихся и адаптированных именно к данному уровню владения языком; разработать упражнения, отвечающие ожиданиям и запросам иностранных студентов; продумать возможности регулярной актуализации обозначенных в рамках уровней А1, А2 устойчивых выражений разговорной речи в круге тем повседневного общения; создать диалоги, которые могут быть использованы в реальных жизненных ситуациях, но не вызывают серьезных затруднений у коммуникантов.

Обсуждение и материалы

Сложности, с которыми сталкиваются студенты в ходе освоения УВРР, обусловлены особенностями разговорной речи как функциональной разновидности языка[1]. Высказывания исследователей об устойчивых выражениях разговорной речи существенно различаются, «нет даже общепринятого термина для тех синтаксических или лексико-синтаксических образований, которые единодушно признаются учеными как своеобразные явления языка»[2]. Как отмечает И. А. Казачихина, «то, что лингвисты не пришли к единому мнению по поводу данного языкового явления, отражается и в терминах, используемых для их описания: “частичные слова”, “модальные слова”, “незнаменательные слова”, “структурные слова”, “служебные / неполнозначные слова”, “дискурсивные слова”, “слова-предложения”, “структурно-неоформленные предложения”, “междометные предложения”, “нечленимые предложения”, “непредложенческие коммуникаты”, “коммуникемы”, “коммуникативы”, “коммуникативные стереотипы”, “коммуникативные фрагменты”, “релятивы”, “сентенсоиды”, “фразеосхемы”, “междометные фразеологические единицы”, “некодифицируемые высказывания” и др.»[3], Т. М. Шкапенко указывает на сложность теоретической интерпретации данного класса единиц[4], а Е. В. Какорина обращает внимание

[1] Ермакова О. П. Косвенные ответы в естественном разговорном диалоге // Жанры речи. 2021. № 3 (31). С. 181.

[2] Дашян Н. А. Статус и методические аспекты обучения синтаксической фразеологии // Проблемы современной русистики. 2020. № 6 (10). С. 76.

[3] Казачихина И. А. Коммуникативы как объект описания в учебном пособии словарного типа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 26 (60). С. 115.

[4] Шкапенко Т. М. Коммуникативы в современном русском языке: теоретический и лингводидактический аспект // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2017. № 2 (40). С. 152.

на дискуссионность взглядов ученых и разнообразие лингвистических подходов к исследованию указанной категории единиц[1]. Е. П. Максимовой рассмотрены основные теоретические проблемы изучения синтаксической фразеологии и способы их решения, предлагаемые отечественными учеными-языковедами[2]. По словам Е. В. Нечаевой и Т. А. Каргы, «с точки зрения методики важно, что практически все лингвисты по-разному определяют данные языковые явления (междометия, релятивы, служебные слова, структурные слова, фразеосхемы и устойчивые модели), но сходятся в том, что основная сфера их употребления – разговорная речь»[3]. Согласно И. А. Шаронову, «отшлифованные до штампов в типизированных ситуациях бытовых диалогов, коммуникативы воспринимаются людьми с детства и используются автоматизировано, ниже порогового уровня осознания»[4]. Существуют словари, материалом для которых послужили указанные средства языка[5]. Следует отметить, что УВРР представлены в ряде учебных пособий по РКИ[6]. Однако работа с ними в рамках комментариев преподавателя относительно значения того или иного УВРР, его повторения с нужной интонацией является недостаточной. Авторами статьи подобные выражения систематизированы в специальном «Учебном словаре устойчивых

[1] Какорина Е. В. Коммуникативы в речи и в словаре: особенности функционирования и проблемы лексикографического описания // Семантика и прагматика языковых единиц: материалы Международной научной конференции (г. Калуга, 20–22 сентября 2019 г.) / под редакцией А. Н. Еремина. Калуга: Издательство Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, 2019. С. 97.

[2] Максимова Е. П. Теоретические аспекты изучения синтаксической фразеологии в отечественной лингвистике // Тверской лингвистический меридиан: межвузовский сборник научных трудов / под редакцией Ю. Н. Варзонина. Тверь: Тверской государственный университет, 2019. Вып. 8. С. 53.

[3] Нечаева Е. В., Каргы Т. А. Штампы устной разговорной речи при обучении русскому языку как иностранному // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 3. С. 460.

[4] Шаронов И. А. Коммуникативы в естественных и в художественных диалогах // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3. С. 116.

[5] Рогожникова Р. П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. Москва: Русский язык, 1983. 144 с.; Морковкин В. В. и др. Словарь структурных слов русского языка. Москва: Лазурь, 1997. 422 с.; Меликян В. Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели. Москва: Флинта, 2016. 336 с.

[6] Володина Г. И. А как об этом сказать? Специфические обороты разговорной речи. Москва: Русский язык. Курсы, 2003. 264 с.; Баско Н. В. Алло! Алло! Учебное пособие по ведению телефонных разговоров для иностранных учащихся (В1–В2). Москва: Русский язык. Курсы, 2019. 160 с.; Величко А. В. Когда есть о чем поговорить, или Предложения фразеологизированной структуры в русской речи. Санкт-Петербург: Златоуст, 2016. 188 с.; Жаркова Е. Х., Кутукова Н. В., Ольхова Л. Н. Разговоры по душам. Учебное пособие для изучающих русский язык. Продвинутый этап. Санкт-Петербург: Златоуст, 2002. 88 с.; Жукова Т. А. Русский язык как иностранный: разговорный практикум (В2–С1). Москва: Юрайт, 2021. 181 с.; Киприянов В. Ф. Фразеологизмы-коммуникативы в современном русском языке (Состав фразеологизмов-коммуникативов). Владимир: [б. и.], 1975. 68 с.

выражений русской разговорной речи»[1]. Кроме того, наличие в языке мощного пласта разговорных конструкций, их повседневная употребительность, трудности в их понимании, усвоении и употреблении иностранными обучающимися обусловили необходимость создания специального словаря-справочника[2]. Такое издание отвечает требованию оперативности в решении возникающих практических вопросов и способствует осуществлению ряда учебных задач: помочь иностранному пользователю адекватно отреагировать на речевую ситуацию, соотнести свое высказывание с соответствующей речевой интенцией в неподготовленной спонтанной обстановке. Однако в методике обучения РКИ востребованы также упражнения, позволяющие уже на начальном этапе освоения образовательной программы – особенно ответственном периоде, когда закладываются основы для дальнейшего изучения языка, – не только ознакомиться с некоторыми особенностями разговорной речи, но и овладеть ограниченным объемом УВРР с целью дальнейшего максимально естественного, непосредственного использования актуальных среди носителей языка структурно и семантически сложных УВРР (например: *Как бы не так! Если бы… Ну ты даешь! Повезло так повезло!* и т. д.).

Отметим, что в рамках государственного образовательного стандарта уже на уровне А2 по русскому языку как иностранному студент должен уметь реализовать ряд интенций при решении коммуникативных задач[3]. Одна часть указанных в стандарте интенций вербализуется с помощью этикетных формул (поздороваться, представиться, ответить на благодарность, поблагодарить, извиниться и т. п.), другая – предполагает, что обучающемуся требуется развернуто представить свою мысль в процессе демонстрации намерения, желания, совета, предложения и проч. (например: *Я согласен поехать сегодня в библиотеку после занятий*; *К сожалению, у меня сегодня нет времени, чтобы поехать в библиотеку* и т. п.). Обращают на себя внимание интенции выражения согласия, несогласия, оценки лица, предмета, факта, действия, события, для вербализации которых иностранный студент может как аналитически выразить свою мысль (*Помоги Антону сделать домашнее задание! – Хорошо, я помогу Антону сделать домашнее задание*), так и воспользоваться устойчивыми выражениями русской разговорной речи (*Помоги Антону сделать домашнее задание. – Без проблем! / Какой вопрос!* и т. д.). Полагаем, что на начальном этапе обучения РКИ (элементарный А1, базовый А2) определенное количество времени на занятиях должно быть уделено понимаю УВРР и их употреблению в диалогах. Для достижения указанных целей необходимо определиться с объемом данных выражений, а также со структурой и содержанием упражнений. Отбор материала осуществляется в соответствии с принципами функциональности, системности, минимизации,

[1] Колосько Е. В., Попкова Е. Д., Федотова Н. С. Учебный словарь устойчивых выражений русской разговорной речи. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. 91 с.

[2] Попкова Е. Д., Федотова Н. С. Учебный словарь-справочник по разговорной речи для студентов-иностранцев // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2006. № 4 (46). С. 144–150.

[3] Нахабина М. М. и др. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Москва; Санкт-Петербург: Златоуст, 2001. 32 с.

социокультурной ценности, доступности. В объем, рекомендуемый для обучения иностранных студентов на начальном этапе, предлагается включить следующие УВРР: *«Ну, не знаю»* (выражение сомнения); *«Надо же!»*, *«Да что ты!»*, *«Как это?»*, *«Ничего себе!»* (выражение удивления); *«Ну, да»*, *«Почему нет»* (выражение согласия); *«А вот и нет»*, «*Ну, что ты (Вы)!*», «Да нет» (выражение несогласия); *«А что?»* (уточнение информации); *«Без проблем»* (положительный ответ на просьбу); *«Боюсь, что нет (да)»* (употребляется как вежливый отказ или извинение за что-либо (= *«Извините, я сожалею, но…»*); *«Ну и что»* (выражение равнодушия, спокойствия); *«В курсе»* (служит для подтверждения того, что данная информация уже получена или кто-либо знает все, что нужно, поэтому не надо объяснять подробности (= *«Я все знаю»*); *«Нет слов!»*, *«Вот это да!»* (выражение положительной или отрицательной оценки); *«Ничего особенного»* (выражение оценки = «обычный»); «*Ну, давай*» (служит для завершения разговора и прощания); *«Просто так»* (= синонимично «ни по какой причине»)»; «*Ну и хорошо»* (выражение положительной оценки, удовлетворения чьим-либо решением или ответом). Указанный минимум устойчивых выражений разговорной речи является открытым, он может быть дополнен или сокращен, однако, на наш взгляд, данный список уже на начальном этапе обучения позволит включить УВРР в содержание занятий с учетом особенностей группы обучающихся, а также регулярно обращаться к ним в рамках последовательно изучаемых новых разговорных тем.

Приведем примеры диалогов с использованием некоторых выражений (из «Учебного словаря устойчивых выражений разговорной речи»).

А вот и нет – служит для выражения несогласия (= «Это совсем не так, как вы думаете, не то, что вы думаете»):

1. – Ты говоришь, что эта машина Мерседес?
   – Да, я думаю, что это Мерседес.
   – *А вот и нет*. Это Вольво, видишь, здесь написано “Volvo”.
2. – Вы, наверное, очень хотите есть, с утра ничего не ели?
   – *А вот и нет*, мы были у родителей, и мы вместе пообедали.

Без проблем – может использоваться в качестве положительного ответа на чью-либо просьбу (= «Конечно, я сделаю, мне это не трудно»):

1. – Олег, помоги мне, пожалуйста, сделать перевод. Тебе не трудно?
   – Да, *без проблем*, у меня сегодня вечером есть время, я помогу тебе.
2. – Дима, ты можешь поговорить с Валерой, у меня нет его номера телефона.
   – *Без проблем*, я поговорю с ним. Мы хорошие друзья.

Ничего себе! – выражает удивление (= «Трудно поверить»):

1. – *Ничего себе* елка! Наверное, метров 100.
   – Да, действительно, очень высокая.
2. – Посмотри, какую большую дыню я купил!
   – *Ничего себе!* Мы ее за неделю не съедим.

Ну, давай – служит для завершения разговора и прощания:

1. – Значит, завтра в 7.00 у метро.
   – Да, хорошо.

– *Ну, давай.* Пока.
– До завтра.

2. – Принеси завтра лекцию по культуре.
– А я не был вчера на лекции.
– Жаль. *Ну, давай.*
– Пока.

Просто так – синонимично «Ни по какой причине»:

1. – Почему ты купил мне кофе?
– *Просто так.*
2. – Ты не ешь лук? Почему?
– *Просто так.*

Рассмотрим типовые упражнения, которые могут быть использованы при обучении иностранных студентов УВРР. Процесс развития навыков их употребления строится на программном тематическом материале. Интонационные сложности, присущие УВРР, обусловливают необходимость работы над произношением данных выражений на этапе введения учебного материала.

1. Прослушайте диалоги. Обратите внимание на фонетическое и интонационное оформление ответных реплик. С какой интенцией они произносятся?

А. – До Эрмитажа надо идти 5 минут?
– Ну, что вы! Это не так, 5 минут на автобусе № 3.

Б. – Антон, ты уже свободен?
– А что?
– Пойдем обедать!
– С удовольствием!

Повторяйте за диктором прослушанный диалог, обращая внимание на интонационное и фонетическое оформление ответных реплик.

2. Воспроизведите диалоги вслед за диктором.

А. – Сейчас уже 18.00!
– Ну, что ты! Еще только 16.00.

Б. – У нас есть мука, сахар, яйца?
– А что?

3. Прочитайте диалоги. Выделите УВРР, выражающие согласие с мнением собеседника.

А. – Сегодня отличная погода.
– Согласен. Солнце, тепло.

Б. – Вечером пойдем на стадион?
– Почему нет. Уроки я уже сделал.

4. Произнесите устойчивое выражение разговорной речи «Ничего себе!» (или другие выражения) так, чтобы передать удивление (или иные интенции, соответствующие определенным УВРР).

5. Прочитайте диалоги с устойчивыми разговорными выражениями, повторите их, записывая себя на какое-либо устройство. Сверьте с образцом произношения (запись может быть заранее подготовлена). Это задание позволяет осуществить са-

моконтроль над усвоением материала с опорой на звучащий и написанный текст.

А. – Вы никогда не были в Москве?
– *А вот и нет*, были. И даже 2 раза.

Б. – Посмотри, какой дворец!
– Ничего себе! Очень большой дворец.

Представленные упражнения направлены на отработку произношения УВРР, понимание и освоение их графической формы, распознавание и слуховое восприятие. Они позволяют корректно интерпретировать и воспроизводить УВРР, преодолевать трудности, связанные с интонированием выражений. На данном этапе целесообразно использовать осознанные (так как обучаются взрослые люди) имитативные упражнения, дающие возможность создать новый образ звукового сочетания двух и более слов в единстве с определенной интонацией («Ну что вы!»). В ходе работы с подобными заданиями иностранным студентам необходимо внимательно слушать и часто повторять, по возможности записывая свое произношение и сравнивая себя с образцами. Кроме того, важно не только слушать, но и подключать визуальный канал – наблюдать, как произносят определенные выражения носители языка. В это время происходит закрепление произношения слова на фонетическом уровне (ассимиляция по глухости–звонкости, мягкости–твердости, редукция, сандхи и проч.), следовательно, представление УВРР происходит в единстве фонетического и интонационного оформления с обязательным учетом коммуникативной установки. Таким образом, последовательное ознакомление со звуковой и интонационной характеристиками устойчивых разговорных выражений с помощью упражнений способствует развитию речевого слуха иностранных студентов и способности к осознанному восприятию УВРР, а также приближает их произношение к аутентичному произношению носителей языка. Употребление УВРР в разных контекстных условиях, многоразовое повторение обусловливает правильное понимание данного устойчивого выражения в общении с носителями языка и адекватную реакцию в рамках диалога. Приведенные выше примеры упражнений носят рецептивно-репродуктивный характер, опираются на слуховую имитацию, способствуют развитию фонетического слуха и произносительных навыков. Проработанные по отдельности УВРР постепенно включаются во фразу, в диалоги, которые проговариваются обучающимися вслед за говорящим. Это обеспечивает одновременное усвоение фонетических, интонационных, лексико-грамматических особенностей русского языка.

Необходимым элементом работы с УВРР является осмысление их лексических и грамматических характеристик. Как синтаксически неделимые конструкции, в состав которых могут входить частицы, союзы, предлоги, междометия, знаменательные части речи, устойчивые выражения разговорной речи имеют общее значение всей конструкции, не равное сумме значений входящих в нее компонентов («Ну, давай!», «Ничего себе!», «Ну, да» и др.).

Условно-речевые и коммуникативные упражнения позволяют закрепить в сознании студентов лексический состав предлагаемых выражений и их грамматическое оформление, обеспечивая соотнесение конкретной конструкции с определенной интенцией, тем самым формируя устойчивый коммуникативный навык – использова-

ние УВРР в ситуациях живого общения.

Рассмотрим упражнения на запоминание устойчивого разговорного выражения, его соответствие названной речевой интенции.

1. Исключите из предложенных устойчивых разговорных выражений то, которое не соответствует названной речевой интенции (дана интенция «Выражение согласия» и следующие УВРР: «Да ну!», «Без проблем», «Ну и ладно», «Вот это да!»).

2. Соотнесите имеющиеся выражения с предложениями (дано: «Без проблем», «В курсе», «А вот и нет», «Почему нет» и «Да, я сделаю так, как вы хотите», «Я знаю», «Нет, это не так», «Я согласен»).

3. Найдите в следующих высказываниях устойчивые разговорные выражения. Определите их эмоционально-экспрессивное значение:

А. – Какой красивый дворец! А посмотри, какой большой фонтан!
– *Вот это да!* Такого я еще не видел.

Б. – Я умею готовить плов.
– Да? Интересно, покажи.
– Смотри (готовит плов).
– *Вот это да!* Молодец!

В. – Зачет по грамматике будет на следующей неделе.
– *Как это?*
– А вот так. Преподаватель в командировке.

Г. – А где Антон?
– Его нет на уроке.
– *Как это* нет? Я видела его в коридоре.

Вот это да! – выражает удивление и восхищение при взгляде на кого-либо, что-либо (= «Да, это великолепно», «Отлично»).

Как это? – выражает недоумение, удивление (= «Почему?»).

Представим упражнения на закрепление УВРР и их использование в речи.

1. Выберите из предложенных разговорных выражений наиболее подходящее ситуации: «Надо же!», «Почему нет», «Боюсь, что нет», «Ну и хорошо», «Вот это да!», «Как это?», «Без проблем», «Ну и что».

А. Ваш друг говорит, что экзамен будет нетрудный и не стоит тратить время на его подготовку.

Б. Вы говорите другу, что скоро будете свободно говорить на иностранном языке, потому что поедете в страну изучаемого языка на год.

В. Ваш друг просит Вас перевести новые слова, Вы с радостью готовы это сделать.

Г. Родители просят Вас не идти гулять, так как на улице дождь. Вы не боитесь дождя.

2. Что Вы скажете в указанной ситуации? Используйте примеры устойчивых разговорных выражений из справочных материалов.

– Рассматривая фотоальбом друга, Вы выражаете удивление.

– Вы приглашаете друга покататься на горных лыжах. Он выражает радость и согласие.

– Вы проявляете несогласие с мнением собеседника относительно даты основания города.

3. Замените высказывания с устойчивыми разговорными выражениями на нейтральные, сохранив при этом общий смысл.

А. – Антон получил диплом!
– Да ну-у-у! Вот молодец!

Б. – Я заболел, не могу поехать в Москву.
– Как же это так? А как же билеты?

В. – Сегодня на улице дождь.
– Да, ладно! Серьезно? А у меня нет зонтика.

4. Прослушайте диалог. Найдите в нем устойчивые выражения разговорной речи. Составьте аналогичный диалог.

– Знаешь, я всегда мечтал стать учителем.
– Да ты что! Вот почему ты сейчас здесь?!
– Да, именно поэтому. Только представь, уже через пару лет мы будем настоящими учителями!
– Вот то-то и оно. Мои родители тоже убедили меня поступить сюда. Если честно, я не хотел. Хотел стать музыкантом.
– Ничего себе! Но ты же никогда не говорил, что умеешь играть на музыкальных инструментах!
– Умею. Да еще как! Скрипка очень нравится.
– Ну ты даешь!

Следует отметить, что в процессе выполнения условно-речевых и коммуникативных упражнений необходимо использовать ситуации, приближенные к реальной жизни обучающихся.

При закреплении УВРР происходит не только формирование коммуникативных навыков, но и адаптация иностранных студентов к иной социальной и языковой среде, что способствует расширению их лексического запаса, развитию грамматических навыков. Обучающиеся начинают привыкать к разным коммуникативным условиям уже на начальном этапе обучения.

Выводы

Обучение устойчивым выражениям разговорной речи в определенной последовательности поэтапно приводит к тому, что студенты, знакомясь с новыми выражениями, получают возможность наблюдать за употреблением уже известных УВРР, анализируют контекст, тренируются в правильном произношении, создают диалоги. Вся работа по овладению такими выражениями происходит в системе. Набор предложенных в данной статье УВРР варьируется в зависимости от поставленных методических задач, что помогает иностранным студентам преодолевать возникающие коммуникативные трудности.

Список источников

Баско Н. В. Алло! Алло! Учебное пособие по ведению телефонных разговоров для иностранных учащихся (В1–В2). Москва: Русский язык. Курсы, 2019. 160 с.

Величко А. В. Когда есть о чем поговорить, или Предложения фразеологизированной структуры в русской речи. Санкт-Петербург: Златоуст, 2016. 188 с.

Володина Г. И. А как об этом сказать? Специфические обороты разговорной речи. Москва: Русский язык. Курсы, 2003. 264 с.

Дашян Н. А. Статус и методические аспекты обучения синтаксической фразеологии // Проблемы современной русистики. 2020. № 6 (10). С. 76–91.

Ермакова О. П. Косвенные ответы в естественном разговорном диалоге // Жанры речи. 2021. № 3 (31). С. 181–189.

Жаркова Е. Х., Кутукова Н. В., Ольхова Л. Н. Разговоры по душам. Учебное пособие для изучающих русский язык. Продвинутый этап. Санкт-Петербург: Златоуст, 2002. 88 с.

Жукова Т. А. Русский язык как иностранный: разговорный практикум (В2–С1). Москва: Юрайт, 2021. 181 с.

Казачихина И. А. Коммуникативы как объект описания в учебном пособии словарного типа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 26 (60). С. 115–119.

Какорина Е. В. Коммуникативы в речи и в словаре: особенности функционирования и проблемы лексикографического описания // Семантика и прагматика языковых единиц: материалы Международной научной конференции (г. Калуга, 20–22 сентября 2019 г.) / под редакцией А. Н. Еремина. Калуга: Издательство Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, 2019. С. 97–109.

Киприянов В. Ф. Фразеологизмы-коммуникативы в современном русском языке (Состав фразеологизмов-коммуникативов). Владимир: [б. и.], 1975. 68 с.

Колосько Е. В., Попкова Е. Д., Федотова Н. С. Учебный словарь устойчивых выражений русской разговорной речи. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. 91 с.

Максимова Е. П. Теоретические аспекты изучения синтаксической фразеологии в отечественной лингвистике // Тверской лингвистический меридиан: межвузовский сборник научных трудов / под редакцией Ю. Н. Варзонина. Тверь: Тверской государственный университет, 2019. Вып. 8. С. 53–60.

Максимова Е. П. Типологии синтаксических фразеологизмов в отечественной лингвистике // Языковой дискурс в социальной практике: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (г. Тверь, 29–30 марта 2019 г.) / под редакцией Н. А. Кожиной, И. В. Дорофеевой. Тверь: Тверской государственный университет, 2019. С. 172–177.

Меликян В. Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели. Москва: Флинта, 2016. 336 с.

Морковкин В. В. и др. Словарь структурных слов русского языка. Москва: Лазурь, 1997. 422 с.

Нахабина М. М. и др. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Москва; Санкт-Петербург: Златоуст, 2001. 32 с.

Нечаева Е. В., Каргы Т. А. Штампы устной разговорной речи при обучении русскому языку как иностранному // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 3. С. 460–465.

Олейник М. А., Попкова Е. Д., Федотова Н. С. Обучение иностранных студентов устойчивым выражениям устной разговорной речи // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 9. С. 65–70.

Попкова Е. Д., Федотова Н. С. Учебный словарь-справочник по разговорной речи для студентов-иностранцев // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2006. № 4 (46). С. 144–150.

Рогожникова Р. П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. Москва: Русский язык, 1983. 144 с.

Сладкевич Ж. Обучение разговорной речи на уроках русского как иностранного // Слово.ру: Балтийский акцент. 2013. № 3. С. 17–22.

Соляник О. Е. Преподавание основ разговорной речи иностранным учащимся технического вуза // Приволжский научный вестник. 2015. № 4–2 (44). С. 53–58.

Чжу Тинтин. Система упражнений для обучения китайских студентов-филологов употреблению русских разговорных конструкций (II сертификационный уровень) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–2 (72). С. 214–218.

Шаронов И. А. Коммуникативы в естественных и в художественных диалогах // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3. С. 114–127.

Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Москва: Издательство АН СССР, 1960. 378 с.

Шкапенко Т. М. Коммуникативы в современном русском языке: теоретический и лингводидактический аспект // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2017. № 2 (40). С. 152–157.

Romanova T., Rubtsova E., Simms E. The Use of Authentic Videos in Teaching Russian Conversation Outside the Language Environment // European Journal of Foreign Language Teaching. 2021. Vol. 5, iss. 3. P. 107–117.

Savilova S. L., Smychkova E. G., Kokhanovskaya E. V., Kropotkina A. A. Latest Anglicisms Used in Teaching Russian as a Foreign Language to Contribute to Motivation and Adaptation of Polylingual Students in Russia // Proceedings of the International Conference on “Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects” (HSSNPP 2019) (Novosibirsk, 05–06 March 2019) / edited by M. V. Romm et al. Amsterdam; Paris: Atlantis Press, 2019. Vol. 333. P. 284–289.

References

Basko N. V. *Allo! Allo! Uchebnoe posobie po vedeniiu telefonnykh razgovorov dlia inostrannykh uchashchikhsia (B1–B2)* [Allo! Allo! Textbook on telephone conversations for foreign students (B1-B2)]. Moscow: Russkii iazyk. Kursy, 2019. 160 p.

Velichko A. V. *Kogda est' o chem pogovorit', ili Predlozheniia frazeologizirovannoi struktury v russkoi rechi* [When there is something to talk about, or syntactic idioms in Russian speech]. St Petersburg: Zlatoust, 2016. 188 p.

Volodina G. I. *A kak ob etom skazat'? Spetsificheskie oboroty razgovornoi rechi* [How to say about it? Specific expressions of the colloquial speech]. Moscow: Russkii iazyk. Kursy, 2003. 264 p.

Dashian N. A. Status i metodicheskie aspekty obucheniia sintaksicheskoi frazeologii [Status and methodological aspects of teaching syntactic phraseology]. *Problemy sovremennoi rusistiki* [Main issues in modern Russian studies], 2020, no. 6 (10), pp. 76–91.

Ermakova O. P. Kosvennye otvety v estestvennom razgovornom dialoge [Indirect responses in natural conversation]. *Zhanry rechi* [Speech genres], 2021, no. 3 (31), pp. 181–189.

Zharkova E. Kh., Kutukova N. V., Ol'khova L. N. *Razgovory po dusham. Uchebnoe posobie dlia izuchaiushchikh russkii iazyk. Prodvinutyi etap* [Heart-to-heart. Textbook for students of the Russian language. Advanced level]. St Petersburg: Zlatoust, 2002. 88 p.

Zhukova T. A. *Russkii iazyk kak inostrannyi: razgovornyi praktikum (B2–C1)* [Russian as a foreign language: conversational workshop (B2–C1)]. Moscow: Iurait, 2021. 181 p.

Kazachikhina I. A. Kommunikativy kak ob"ekt opisaniia v uchebnom posobii slovarnogo tipa [Communicatives as an object of description in a dictionary-type study guide]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2008, no. 26 (60), pp. 115–119.

Kakorina E. V. Kommunikativy v rechi i v slovare: osobennosti funktsionirovaniia i problemy leksikograficheskogo opisaniia [Communicatives in speech and in the dictionary: features of functioning and problems of lexicographic description]. *Semantika i pragmatika iazykovykh edinits: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Kaluga, 20–22 sentiabria 2019 g.)* [Semantics and pragmatics of language units: Proceedings of the International Scientific Conference (Kaluga, September 20–22, 2019); ed. by A. N. Eremin]. Kaluga: Izdatel'stvo Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. E. Tsiolkovskogo, 2019, pp. 97–109.

Kipriianov V. F. *Frazeologizmy-kommunikativy v sovremennom russkom iazyke (Sostav frazeologizmov-kommunikativov)* [Phraseologisms-communicatives in the modern Russian language (Structure of phraseologisms-communicatives)]. Vladimir, 1975. 68 p.

Kolos'ko E. V., Popkova E. D., Fedotova N. S. *Uchebnyi slovar' ustoichivykh vyrazhenii russkoi razgovornoi rechi* [Learning dictionary of set expressions in Russian colloquial speech]. St Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena, 2013. 91 p.

Maksimova E. P. Teoreticheskie aspekty izucheniia sintaksicheskoi frazeologii v otechestvennoi lingvistike [Theoretical aspects of studying syntactic phraseology in Russian linguistics]. *Tverskoi lingvisticheskii meridian: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Tver linguistic meridian: Interuniversity collection of scientific works; ed. by Iu. N. Varzonin]. Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 2019, iss. 8, pp. 53–60.

Maksimova E. P. Tipologii sintaksicheskikh frazeologizmov v otechestvennoi lingvistike [Typology of syntactic phraseologisms in Russian linguistics]. *Iazykovoi diskurs v sotsial'noi praktike: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Tver', 29–30 marta 2019 g.)* [Language discourse in social practice: a collection of scientific works of the International research and practice conference (Tver, March 29–30, 2019); ed. by N. A. Komina, I. V. Dorofeeva]. Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 2019, pp. 172–177.

Melikian V. Iu. *Slovar' ekspressivnykh ustoichivykh fraz russkogo iazyka. Frazeoskhemy i ustoichivye modeli* [Dictionary of expressive set phrases of the Russian language. Phraseoschemes and set models]. Moscow: Flinta, 2016. 336 p.

Morkovkin V. V. i dr. *Slovar' strukturnykh slov russkogo iazyka* [Dictionary of structural words of the Russian language]. Moscow: Lazur', 1997. 422 p.

Nakhabina M. M. i dr. *Gosudarstvennyi standart po russkomu iazyku kak inostrannomu. Bazovyi uroven'* [State standard for Russian as a foreign language. Elementary level]. Moscow; St Petersburg: Zlatoust, 2001. 32 p.

Nechaeva E. V., Kargy T. A. Shtampy ustnoi razgovornoi rechi pri obuchenii russkomu iazyku kak inostrannomu [The cliches of oral spoken language in teaching Russian as a foreign language]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsial'nost'* [RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices], 2017, vol. 14, no. 3, pp. 460–465.

Oleinik M. A., Popkova E. D., Fedotova N. S. Obuchenie inostrannykh studentov ustoichivym vyrazheniiam ustnoi razgovornoi rechi [Teaching foreign students to use set expressions of spoken language]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2017, no. 9, pp. 65–70.

Popkova E. D., Fedotova N. S. Uchebnyi slovar'-spravochnik po razgovornoi rechi dlia studentov-inostrantsev [Educational dictionary-reference book on spoken language for foreign students]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Vestnik of

Orenburg State Pedagogical University], 2006, no. 4 (46), pp. 144–150.

Rogozhnikova R. P. *Slovar' sochetanii, ekvivalentnykh slovu* [Dictionary of combinations equivalent to the word]. Moscow: Russkii iazyk, 1983. 144 p.

Sladkevich Zh. Obuchenie razgovornoi rechi na urokakh russkogo kak inostrannogo [Teaching colloquial Russian as a foreign language]. *Slovo.ru: Baltiiskii aktsent* [Slovo.ru: Baltic accent], 2013, no. 3, pp. 17–22.

Solianik O. E. Prepodavanie osnov razgovornoi rechi inostrannym uchashchimsia tekhnicheskogo vuza [Teaching the basics of colloquial language to foreign students at technical college]. *Privolzhskii nauchnyi vestnik* [Volga scientific bulletin], 2015, no. 4–2 (44), pp. 53–58.

Chzhu Tintin. Sistema uprazhnenii dlia obucheniia kitaiskikh studentov-filologov upotrebleniiu russkikh razgovornykh konstruktsii (II sertifikatsionnyi uroven') [The system of exercises for teaching Russian colloquial constructions (Level B2) to Chinese students-philologists]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2017, no. 6–2 (72), pp. 214–218.

Sharonov I. A. Kommunikativy v estestvennykh i v khudozhestvennykh dialogakh [Communicatives in real and fiction dialogues]. *Ekologiia iazyka i kommunikativnaia praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 2017, no. 3, pp. 114–127.

Shvedova N. Iu. *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoi rechi* [Essays on the syntax of Russian colloquial speech]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. 378 p.

Shkapenko T. M. Kommunikativy v sovremennom russkom iazyke: teoreticheskii i lingvodidakticheskii aspekt [Interjection phrases in contemporary Russian language: the theoretical and linguodidactic aspects]. *Izvestiia Baltiiskoi gosudarstvennoi akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki* [News of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet: Psychological and Pedagogical Sciences], 2017, no. 2 (40), pp. 152–157.

Romanova T., Rubtsova E., Simms E. The Use of Authentic Videos in Teaching Russian Conversation Outside the Language Environment. *European Journal of Foreign Language Teaching*, 2021, vol. 5, iss. 3, pp. 107–117.

Savilova S. L., Smychkova E. G., Kokhanovskaya E. V., Kropotkina A. A. Latest Anglicisms Used in Teaching Russian as a Foreign Language to Contribute to Motivation and Adaptation of Polylingual Students in Russia. *Proceedings of the International Conference on "Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects" (HSSNPP 2019) (Novosibirsk, 05–06 March 2019)*; ed. by M. V. Romm et al. Amsterdam; Paris: Atlantis Press, 2019, vol. 333, pp. 284–289.

Сведения об авторах

Татьяна Григорьевна Аркадьева – доктор филологических наук, профессор; https://orcid.org/0000-0002-0693-757X, kafrki@mail.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, Набережная реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Tatiana G. Arkadieva** – Doctor of Philological Sciences, Professor; https://orcid.org/0000-0002-0693-757X, kafrki@mail.ru, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, Naberezhnaia reki Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Елена Дмитриевна Попкова – кандидат педагогических наук, доцент; https://orcid.org/0000-0002-7867-3016, kafrki@mail.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, Набережная реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Elena D. Popkova** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0002-7867-3016, kafrki@mail.ru, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, Naberezhnaia reki Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Надежда Сергеевна Федотова – кандидат филологических наук, доцент; https://orcid.org/0000-0003-4201-5510, nadja_f78@mail.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, Набережная реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Nadezhda S. Fedotova** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0003-4201-5510, nadja_f78@mail.ru, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, Naberezhnaia reki Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.03.2022; одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 04.04.2022.

The article was submitted 14.03.2022; Approved after reviewing 28.03.2022; Accepted for publication 04.04.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 261–268.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 261–268.

Научная статья
УДК 37.013.42
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-19

Музыка как учебный предмет в образовательных учреждениях Череповца в XIX–XXI вв.

Маргарита Михайловна Косаренкова

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,
pimno@chsu.ru, https//orcid.org/0000-0003-3339-6278

Аннотация. В статье представлен опыт преподавания музыки как учебной дисциплины в общеобразовательных и педагогических образовательных учреждениях Череповца в XIX–XXI вв. Автором проанализированы архивные документы, учебные планы образовательных организаций, статьи научных конференций, существующая педагогическая практика. Сформулирован вывод о том, что «Музыка» являлась обязательной для изучения дисциплиной на протяжении трех последних веков. Исследователи из разных областей науки подчеркивают значение музыки для гармоничного развития личности. Это актуализирует ее изучение в общеобразовательных и педагогических образовательных организациях, обусловливает сохранение существующих традиций.

Ключевые слова: музыка, учебный предмет «Музыка», методика музыкального образования, воздействие музыки на человека

Для цитирования: *Косаренкова М. М.* Музыка как учебный предмет в образовательных учреждениях Череповца в XIX–XXI вв. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 261–268. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-19.

Music as an academic subject in educational institutions of Cherepovets in the XIX–XXI centuries

Margarita M. Kosarenkova

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,
pimno@chsu.ru, https//orcid.org/0000-0003-3339-6278

Abstract. The article presents the experience of teaching music as an academic subject in Cherepovets general educational and pedagogical institutions of the XIX–XXI centuries. The author analyzes archival documents, curricula of educational institutions, articles of scientific conferences, pedagogical practice and concludes that “Music” was a compulsory subject for the past three centuries. Researchers from different fields of science emphasize the importance of music for the harmonious development of personality. This determines the relevance of the study for general

© Косаренкова М. М., 2022

educational and pedagogical organizations in our century and provides the preservation of existing traditions.

Keywords: music, the subject “Music”, teaching methods of music education, the impact of music on a person

For citation: Kosarenkova M. M. Music as an academic subject in educational institutions of Cherepovets in the XIX–XXI centuries. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 261–268. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-19.

Введение

Во все времена занятия музыкой являлись составной частью учебного процесса в образовательных учреждениях. Сложившийся в Древней Греции идеал гармонично развитой личности включал обязательную музыкальную подготовку подрастающего поколения; в средние века церковное пение предполагало участие всех слоев населения. В славянской культуре было распространено музыкальное искусство скоморохов. Первые профессиональные музыканты появились в Новое время. В период XIX–XX вв. развивается светская традиция музыкального образования, основы которой были заложены М. И. Глинкой. В дворянских семьях, светских салонах, различных учебных заведениях культивировалось вокальное пение и игра на фортепиано. Череповец указанного периода часто называют русским Оксфордом, поскольку он являлся отражением лучших традиций, сложившихся в сфере образования[1].

Основная часть

В процессе изучения архивных документов, хранящихся в музеях г. Череповца, выяснилось, что музыка как учебная дисциплина входила в учебные планы приходских и реальных училищ, гимназий и семинарий (как женских, так и мужских), в дальнейшем реорганизованных в трудовые школы и народные училища. До 1918 г. при всех образовательных учреждениях функционировали домовые церкви, следовательно, обучающиеся занимались церковным пением. В 1874–1885 гг. практически во всех учебных заведениях г. Череповца учителем музыки работал Федор Никандрович Лаговский. Однако его деятельность не ограничивалась только массовыми уроками: вместе с учениками он собирал и записывал крестьянские песни, ставил оперы, давал частные уроки игры на скрипке, руководил оркестром и хором, организовывал концерты и музыкальные вечера[2].

В музее Череповецкого государственного университета хранятся доклады студентов – участников IV научной студенческой конференции (секция истории педагогики и школы) 1966 г., выполненные под руководством доцента М. Г. Хитаряна. В них представлен анализ опыта работы школ г. Череповца и

[1] 50-летие Череповецкой женской гимназии. Исторический очерк развития гимназии (1865–1915) / составители Н. И. Ахутин, Н. И. Друэн. Череповец: Типография М. Максимовой, 1915. 141 с.

[2] Дьяковский Л. М., Зайцева Л. В., Зверева З. А. 130-летие Череповецкой средней школы № 1 имени Максима Горького. Исторический очерк развития школы за 130 лет (1865–1995 гг.). Череповец: Метранпаж, 1996. 149 с.

Череповецкого уезда (далее – района), начиная со второй половины XIX в. до 1945 г., а также Череповецкой учительской семинарии с 1875 г. по 1907 г. В докладах имеются выписки из учебных планов с перечнем дисциплин и часов, отводимых на их освоение. Согласно этим планам, для занятия музыкой было предусмотрено не менее одного часа в неделю.

Кроме того, материалы архива череповецкого вуза позволяют утверждать, что музыка входила в учебные планы данного образовательного учреждения, которое в разное время называлось учительской семинарией (с 1875 г.), Череповецким институтом народного образования (с 1919 г.), педагогическим техникумом повышенного типа (с 1921 г.), педагогическим училищем (с 1937 г.), учительским институтом (с 1939 г.), Череповецким государственным педагогическим институтом (ЧГПИ с 1954 по 1996 г.); оно традиционно занималось кадровым обеспечением сельских, а позднее и городских школ. Название дисциплин по изучению музыки и методики ее преподавания менялось, однако сам предмет оставался в плане подготовки педагогов для начальной школы. До 1998 г. проводились также хоровые занятия (на всех педагогических специальностях) и обучение игре на музыкальном инструменте (на факультетах дошкольного и начального образования). Все это позволяло подготовить учителя (в частности, начальных классов), способного на высоком уровне осуществлять профессиональную деятельность по всем предметам.

Образовательная программа подготовки учителей начальных классов с 1998 по 2020 г. предусматривала только предмет «Методика музыкального образования» (3 зачетные единицы), затем он был включен в дисциплину «Художественно-эстетическое образование младших школьников» (2 зачетные единицы). Поскольку указанного количества часов для освоения данного предмета недостаточно, лишь немногие выпускники направления «Педагогическое образование» (профиль «Начальное образование») ведут музыку в начальных классах. Кроме того, только у 9 % студентов уровень музыкальной культуры находится на отметке «выше среднего», у остальных – «средний» и «низкий» в равных пропорциях.

В общеобразовательных школах учебный предмет «Музыка» относится к области «Искусство»; на его изучение отводится 1 час в неделю с 1 по 7 класс. На сегодняшний день в начальных классах школ г. Череповца среди наиболее популярных программ по музыке можно отметить следующие: программу, разработанную Г. П. Сергеевой, Е. Д. Критской, Т. С. Шмагиной[1]; программу, авторами которой являются Л. В. Школяр, М. С. Красильникова, Е. Д. Критская и др.[2]; а также рабочую программу Т. И. Баклановой.

Кроме того, ряд педагогов в своей работе опираются на программу «Музыка» для 1–4 классов Д. Б. Кабалевского, чей подход к музыке стал важной частью концепции ФГОС НОО и вышеуказанных программ. Особо следует отметить деятельность учителя музыки «Средней общеобразовательной школы № 3» г. Череповца, кандидата педагогических наук Л. Л. Романовой, реализующей на уроках

[1] Критская Е. Д., Сергеева Г. П., Шмагина Т. С. Уроки музыки 1–4 классы. Москва: Просвещение, 2010. 207 с.

[2] Школяр Л. В. и др. Теория и методика музыкального образования детей. Москва: Флинта; Наука, 1998. 329 с.

собственную авторскую программу «В мире искусства», построенную на интеграции всех видов искусства на основе духовного постижения мира[1].

В рамках VII Таисиинских образовательных чтений на секции «Проблемы музыкознания и преподавания музыковедческих дисциплин» были представлены доклады учителей музыки, активно использующих технологии дистанционного обучения посредством сервисов ZOOM, WhatsApp, Viber, а также с помощью социальных сетей (vk.com, Instagram.com), электронной почты, сервисов Online Test Pad, Google (google.classroom, google.forms), Jigsaw Planet, Learning Apps. Однако педагоги отмечают, что с появлением в жизни детей электронных средств обучения замедляется их эмоциональное развитие. Дети не очень хорошо разбираются в своих и чужих эмоциях, говорят на языке гаджетов, тогда как занятия музыкой, особенно живой, работа со «Словарем настроений» (В. Г. Ражникова), театрализация (в том числе музыкальных произведений) помогают избежать эмоциональной немоты. Преподаватели музыки считают, что для полноценного развития обучающихся приоритетным должен оставаться традиционный формат урочной и внеурочной деятельности в стенах образовательного учреждения[2].

Такие авторитетные педагоги, как Ш. А. Амонашвили, М. П. Щетинин и др., в качестве первостепенного элемента процесса обучения (до знаний, умений, навыков и опыта творческой деятельности) рассматривают эмоционально-ценностный компонент содержания образования и в качестве примера приводят японские уроки красоты или уроки самопознания, имеющие место в школах Казахстана. Схожую мысль высказывают методисты Е. Д. Критская, Г. П. Сергеева, Т. С. Шмагина: «Акцент на уроках музыки в системе массового музыкального воспитания и образования должен быть поставлен, по нашему мнению, не столько на приобретение теоретических знаний, сколько на расширение интонационно-образного багажа ребенка, развитие его эмоционального отклика на музыку, формирование устойчивого интереса к музыкальному искусству как части окружающей его жизни. Главным являются не столько знания о музыке, сколько погружение детей в саму музыку, знание самой музыки»[3]. Более глубоко отмеченные проблемы прорабатываются в специальных образовательных учреждениях (в музыкальных школах города, Череповецком областном училище искусств и художественных ремесел им. В. В. Верещагина).

Значение музыки для развития мозга и поддержания его работоспособности в любом возрасте неоднократно подчеркивала доктор филологических наук, доктор биологических наук, ученый в области нейронауки и психолингвистики

[1] Романова Л. Л. Социокультурная адаптация младшего школьника в процессе общения с искусством. Череповец: ЧГУ, 2006. 168 с.

[2] Проблемы преподавания музыкально-теоретических дисциплин: материалы секции // VII Таисиинские образовательные чтения «К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность». URL: https://vk.com/club189381435 (дата обращения: 25.11.2021).

[3] Критская Е. Д., Сергеева Г. П., Шмагина Т. С. Уроки музыки 1–4 классы. Москва: Просвещение, 2010. С. 5.

Т. В. Черниговская. В своем докладе «Как научить мозг учиться?»[1] она отмечает, что занятия музыкой, начатые в раннем детстве, ускоряют и интенсифицируют развитие мозга, улучшают качество нейронной сети, обеспечивают более высокую пластичность мозга, влияют на его состояние в пожилом возрасте, в частности – при восприятии устной речи, которое с возрастом ухудшается.

Наукой выявлена непосредственная связь диапазонов слухового восприятия человека, вибраций его голоса с состоянием здоровья. Музыка воздействует на физиологические процессы организма, корректирует психосоматические нарушения. Венгерский композитор Золтан Кодай доказал, что занятия музыкой стимулируют успехи обучающихся в других дисциплинах.

Учеными установлено несколько функций, которые музыка как вид искусства может осуществлять в нашей жизни. Помимо отмеченных выше развивающей и лечебно-коррекционной функций (психическое и сенсорное развитие, воздействие на физиологические процессы мозга и организма в целом, коррекция психосоматических нарушений), также выделяют познавательную, аксиологическую, воспитательную, эстетическую, креативную, коммуникативную, компенсаторную, гедонистическую, катарсистическую, терапевтическую функции. Особую популярность на сегодняшний день приобрели арт-терапевтические техники работы с детьми и взрослыми. В нашей стране наиболее изучена и распространена музыкотерапия; она активно применяется как в психологии, так и в медицине (при нервно-психических, соматических заболеваниях).

По мнению В. С. Жидкова и К. Б. Соколова, с помощью искусства человек расширяет свое знание о мире, о человеке, его чувствах, мировоззрении (познавательная функция). «На всех этапах человеческого существования искусство играло роль специфического инструмента познания действительности, и история знает много фактов, свидетельствующих, что художнику нередко открывалось то, к чему наука подбиралась значительно позднее»[2].

В. М. Аллахвердов утверждает, что «художник – реальный гуру как современников, так и следующих поколений. Конечно, он не может породить идеалы, которых нет у его читателей и слушателей, – идеалы каждый человек создает и выбирает сам. Но художник способен своими произведениями возродить, восстановить у зрителей обесцененные им ранее идеалы. <…> И когда созданный художником шедевр возвращает зрителю утраченную ранее мечту и доставляет при этом непосредственную эмоциональную радость, вот тогда и возникает подлинный катарсис»[3] (аксиологическая и катарсическая функции).

Еще Аристотель отмечал, что музыка способна оказывать воздействие на этическую сторону души, следовательно, она должна быть в числе предметов, способствующих воспитанию молодежи. В разные времена с помощью искусства (через

[1] Черниговская Т. В. Как научить мозг учиться? URL: https://otkrytoe-prostranstvo.ru/passed-lecture/tatyana-chernigovskaya-kak-nauchit-mozg-uchitsya/ (дата обращения: 25.11.2021).

[2] Жидков В. С., Соколов К. Б. Искусство и картина мира. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. С. 253.

[3] Аллахвердов В. М. Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. Санкт-Петербург: ДНК, 2001. С. 102.

социальный заказ художникам, отбор произведений для изучения, их трактовок) школа пыталась сформировать такие качества личности, которые были бы полезны государству (воспитательная функция).

Как писал В. С. Соловьев, красота, разлитая в природе, в ее формах и красках, на картине является сосредоточенною, сгущенною, подчеркнутою (эстетическая функция). Художники – это люди, обладающие наиболее яркой и своеобразной картиной мира, через которую они его воспринимают и затем воплощают свое видение в творчестве.

По мнению В. М. Аллахвердова, искусство выполняет креативную функцию, так как даже его восприятие имитирует процесс самовыражения, порождает эмоциональное переживание инсайта, вдохновляет на поиск творческих решений и новых идей во всех областях человеческой жизнедеятельности[1]. Особенно ярко креативная сторона проявляется, если педагог, будучи художником (в широком смысле этого слова), способен создать условия для творчества в классе. Примером такого учителя может служить композитор и педагог Д. Б. Кабалевский.

Специалисты в области музыкального образования детей (Л. В. Школяр и др.) полагают, что музыка представляет собой средство человеческого общения на языке эмоций-интонаций (коммуникативная функция)[2]. Благодаря искусству человек может переноситься в другие страны и эпохи, общаться с людьми разных культур и поколений, в чьих образах художник отразил собственные представления, настроения, чувства, взгляды. Психолог Е. П. Крупник говорит о восприятии искусства как о процессе художественной коммуникации реципиента (зрителя, слушателя) с автором произведения.

Воспринимая какое-либо произведение, мы примеряем на себя различные роли, судьбы, дополняем собственный жизненный опыт (компенсаторная функция). Существует мнение, что стремление к самовыражению становится компенсацией психических конфликтов и разочарований. Так, греческий психотерапевт Дракулидзе утверждал, что именно фактор психического страдания непосредственно связан как с творческим вдохновением, так и с художественным наслаждением[3].

Искусство вызывает эмоциональные переживания, поэтому человек обращается к нему с целью получения удовольствия (гедонистическая функция). По мнению Л. С. Выготского, художественное произведение заключает в себе два источника наслаждения: эмоции, вызываемые содержанием (материалом), и эмоции, порождаемые формой. В. М. Аллахвердов говорит о том, что человек наслаждается искусством, если оно помогает ему решить осознанные или неосознанные противоречия и, как следствие, вызывает положительные эмоции даже при многократном повторении.

[1] Аллахвердов В. М. Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. Санкт-Петербург: ДНК, 2001. С. 94–95.

[2] Школяр Л. В. и др. Теория и методика музыкального образования детей. Москва: Флинта; Наука, 1998. 329 с.

[3] Жидков В. С., Соколов К. Б. Искусство и картина мира. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. С. 302.

По мысли Ю. А. Огородникова, после общения с искусством человек испытывает разрядку чувств, психологическое очищение. Погружаясь в художественное произведение, человек восстанавливает свою внутреннюю гармонию, «очищаясь» от случайности и дробности быта. К. С. Станиславский утверждал, что люди, идущие в театр для развлечения, незаметно для себя покидают его с чувствами и мыслями, обогащенными познанием жизни духа.

Выводы

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что занятия музыкой, представляющей собой эмоциональный вид искусства, очень важны для человека на протяжении всей жизни. Они помогают нам лучше понимать себя и друг друга, обмениваться эмоциями, формировать и транслировать вовне собственные ценности, гармонизировать наше восприятие мира. Как показывает анализ работ ученых из разных областей науки (философии, психологии, физиологии, психиатрии, психолингвистики, педагогики и др.), музыка оказывает существенное влияние на развитие человека. По этой причине на протяжении XIX–XX вв. данную дисциплину изучали в массовых образовательных учреждениях всех уровней. Согласно истории образования (в частности, педагогического), изученной нами на основе архивных документов, хранящихся в музеях г. Череповца (учебных планов образовательных учреждений, статей научных конференций, педагогической практики), мы пришли к выводу, что «Музыка» как учебный предмет занимала достойное место в процессе обучения (ей отводилось не менее 1 часа в неделю). Нам представляется весьма важным продолжение этой традиции в XXI в., заключающееся в создании оптимальных условий для музыкального образования как детей, так педагогов образовательных организаций.

Список источников

50-летие Череповецкой женской гимназии. Исторический очерк развития гимназии (1865–1915) / составители Н. И. Ахутин, Н. И. Друэн. Череповец: Типография М. Максимовой, 1915. 141 с.

Аллахвердов В. М. Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. Санкт-Петербург: ДНК, 2001. 200 с.

Дьяковский Л. М., Зайцева Л. В., Зверева З. А. 130-летие Череповецкой средней школы № 1 имени Максима Горького. Исторический очерк развития школы за 130 лет (1865–1995 гг.). Череповец: Метранпаж, 1996. 149 с.

Жидков В. С., Соколов К. Б. Искусство и картина мира. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. 463 с.

Критская Е. Д., Сергеева Г. П., Шмагина Т. С. Уроки музыки 1–4 классы. Москва: Просвещение, 2010. 207 с.

Проблемы преподавания музыкально-теоретических дисциплин: материалы секции // VII Таисиинские образовательные чтения «К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность». URL: https://vk.com/club189381435 (дата обращения: 25.11.2021).

Романова Л. Л. Социокультурная адаптация младшего школьника в процессе общения с искусством. Череповец: ЧГУ, 2006. 168 с.

Черниговская Т. В. Как научить мозг учиться? URL: https://otkrytoe-prostranstvo.ru/passed-

lecture/tatyana-chernigovskaya-kak-nauchit-mozg-uchitsya/ (дата обращения: 25.11.2021).

Школяр Л. В. и др. Теория и методика музыкального образования детей. Москва: Флинта; Наука, 1998. 329 с.

References

50-letie Cherepovetskoi zhenskoi gimnazii. Istoricheskii ocherk razvitiia gimnazii (1865–1915) [The 50th anniversary of the Cherepovets women's gymnasium. Historical essay on the development of the gymnasium (1865–1915); compiled by N. I. Akhutin, N. I. Druen]. Cherepovets: Tipografiia M. Maksimovoi, 1915. 141 p.

Allakhverdov V. M. *Psikhologiia iskusstva. Esse o taine emotsional'nogo vozdeistviia khudozhestvennykh proizvedenii* [Psychology of Art. Essay on the mystery of the emotional impact of artworks]. St Petersburg: DNK, 2001. 200 p.

D'iakovskii L. M., Zaitseva L. V., Zvereva Z. A. *130-letie Cherepovetskoi srednei shkoly № 1 imeni Maksima Gor'kogo. Istoricheskii ocherk razvitiia shkoly za 130 let (1865–1995 gg.)* [130th anniversary of Cherepovets secondary school No. 1 named after Maxim Gorky. Historical sketch of the school's development over 130 years (1865–1995)]. Cherepovets: Metranpazh, 1996. 149 p.

Zhidkov V. S., Sokolov K. B. *Iskusstvo i kartina mira* [Art and the picture of the world]. St Petersburg: Aleteiia, 2003. 463 p.

Kritskaia E. D., Sergeeva G. P., Shmagina T. S. *Uroki muzyki 1–4 klassy* [Music lessons, grades 1–4]. Moscow: Prosveshchenie, 2010. 207 p.

Problemy prepodavaniia muzykal'no-teoreticheskikh distsiplin: materialy sektsii [Problems of teaching musical and theoretical disciplines: proceedings of the section]. *VII Taisiinskie obrazovatel'nye chteniia "K 350-letiiu so dnia rozhdeniia Petra I: sekuliarnyi mir i religioznost'"* [VII Taisiinsky educational readings "On the 350th anniversary of the birth of Peter I: secular world and religiosity"]. Available at: https://vk.com/club189381435 (accessed: 25.11.2021).

Romanova L. L. *Sotsiokul'turnaia adaptatsiia mladshego shkol'nika v protsesse obshcheniia s iskusstvom* [Sociocultural adaptation of a younger student in the process of communication with art]. Cherepovets: ChGU, 2006. 168 p.

Chernigovskaia T. V. *Kak nauchit' mozg uchit'sia?* [How to teach the brain to learn?]. Available at: https://otkrytoe-prostranstvo.ru/passed-lecture/tatyana-chernigovskaya-kak-nauchit-mozg-uchitsya/ (accessed: 25.11.2021).

Shkoliar L. V. i dr. *Teoriia i metodika muzykal'nogo obrazovaniia detei* [Theory and methods of musical education for children]. Moscow: Flinta; Nauka, 1998. 329 p.

Сведения об авторах

Маргарита Михайловна Косаренкова – кандидат педагогических наук, доцент; https//orcid.org/0000-0003-3339-6278, pimno@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 г. Череповец, Россия); **Margarita M. Kosarenkova** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor; https//orcid.org/0000-0003-3339-6278, pimno@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 24.01.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 16.03.2022.

The article was submitted 24.01.2022; Approved after reviewing 10.03.2022; Accepted for publication 16.03.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 269–286.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 269–286.

Научная статья
УДК 377.015.31:004
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-20

Формирование информационной компетентности студентов колледжа средствами цифрового взаимодействия

Николай Петрович Сенченков[1]✉, Екатерина Алексеевна Марченкова[2]

[1, 2]Смоленский государственный университет,
Смоленск, Россия,
[1]pedagogik1@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-3332-0380
[2]Смоленский колледж телекоммуникаций (филиал) Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича,
Смоленск, Россия,
[2]marchenkova1katya@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1197-3724

Аннотация. В данной статье затрагивается актуальная на сегодняшний день для педагогической сферы проблема подготовки обучающихся системы среднего профессионального образования к успешной реализации цифрового взаимодействия. Исследуются структурные единицы рассматриваемого процесса. Кроме того, выделяются и анализируются этапы формирования информационной компетентности студентов колледжа телекоммуникационной направленности. Формулируется вывод об эффективности применения цифровых образовательных технологий в рамках учебного процесса.

Ключевые слова: информационная компетентность, компетентность, специалист телекоммуникационной направленности, студент, профессиональная информационная компетентность, колледж

Для цитирования: *Сенченков Н. П., Марченкова Е. А.* Формирование информационной компетентности студентов колледжа средствами цифрового взаимодействия // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 269–286. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-20.

Development of college students' information competence by means of digital interaction

Nikolai P. Senchenkov[1]✉, Ekaterina A. Marchenkova

[1, 2]Smolensk State University,
Smolensk, Russia,
[1]pedagogik1@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-3332-0380
[2]Smolensk college of telecommunication (branch) of St Petersburg State University of Telecommunications named after Professor M. A. Bonch-Bruevich,
Smolensk, Russia,
[2]marchenkova1katya@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1197-3724

© Сенченков Н. П., Марченкова Е. А., 2022

Abstract. This article touches upon the problem of training students for successful digital interaction within the secondary vocational education system, which is currently relevant for pedagogy. The structural units of the considered process are analyzed. In addition, the authors highlight and analyze the stages of students' information competence development at the college of telecommunication; and draw the conclusion about the efficiency of applying digital educational technologies within the framework of the educational process.

Keywords: information competence, competence, telecommunication specialist, student, professional information competence, college

For citation: Senchenkov N. P., Marchenkova E. A. Development of college students' information competence by means of digital interaction. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 269–286. (In Russ.). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-20.

Введение

В ряде государственных документов (среди приоритетных назовем национальный проект «Образование», Концепцию информатизации сферы образования в России, Национальную доктрину образования Российской Федерации до 2025 года) отмечается стратегическая роль информации в развитии науки, культуры, образования, реализующая социальный заказ общества на подготовку компетентных специалистов. Для осуществления данной цели в нашей практике используются инновационные подходы, направленные на обновление и развитие педагогических технологий и образования в целом. Согласно В. П. Беспалько, педагогическая технология – это «проект определенной педагогической системы, реализуемой на практике»[1]. В основе педагогической технологии лежит системный подход. По этой причине ее воспроизводимость и планируемая эффективность целиком зависят от степени системности и структурированности. Н. И. Гендина подчеркивает, что глобальные кризисы человечества, рост конкуренции стран на мировых рынках нацеливают на необходимость развития инновационного образования[2]. Кроме того, она отмечает сложности в получении и переработке нужных сведений в условиях переизбытка информации. Следует отметить, что мировое сообщество осознает необходимость решения глобальной проблемы подготовки людей к новым реалиям жизни и профессиональной деятельности в высокоавтоматизированной информационной среде.

Однако нельзя забывать о том, что цифровизация обусловливает фундаментальные преобразования во всех сферах жизнедеятельности общества. Как отмечает И. Д. Бекмурзаев, технологии не только служат мощным средством для совершенствования новых отраслей экономики, но и обретают важнейшие социальные роли, внося значительный вклад в разрешение общественных проблем, так как глобализация экономики и развитие бизнеса на базе интернет-технологий, интеграция в интернет-среду коммерческих компаний, государственных структур и общества является концептуальным основанием возникновения новой парадигмы развития логи-

[1] Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. Москва: Педагогика, 1989. С. 6.

[2] Гендина Н. И. Информационная культура личности и задачи инновационного образования // Университетская книга. 2010. № 3. С. 70–74. URL: https://docplayer.com/33379233-Informacionnaya-kultura-lichnosti-i-zadachi-innovacionnogo.html (дата обращения: 03.01.2021).

стики[1]. Кроме того, исследователь подчеркивает, что функционирование современной логистики тесно связано с эволюцией рыночных отношений, а точнее – с развитием теории и практики управления материальными и сопутствующими не только финансовыми, но и информационными потоками[2].

С учетом приоритетных задач модернизации образования в Смоленском колледже телекоммуникаций осуществляется взаимодействие преподавателей и студентов с целью становления и совершенствования профессиональной мобильности и непрерывного роста в условиях наукоемких технологий с использованием инновационных образовательных методик. Таким образом, формируется новый тип мышления, расширяется информационное пространство, определяются ключевые векторы в развитии информационной компетентности будущего специалиста телекоммуникационной направленности (программиста).

Целью данной статьи является выделение этапов формирования информационной компетентности у студентов-программистов Смоленского колледжа телекоммуникаций посредством установления уровня владения ими информационными технологиями.

Как отмечает Е. П. Белозерцев, образование представляет собой важнейший элемент культуры, обеспечивающий ее воспроизводство, творящий самого человека; оно исторически, культурно, генетически связано с государством, обществом и человеком. Каждый народ должен иметь только ему принадлежащее образование; образование национально по содержанию и характеру, государственно по мере ответственности за него. На сегодняшний день данная культурно-образовательная среда четко отличается от иных подобных феноменов России. Она была и остается многофакторным и интегральным истоком развития как региона, так и всей страны, что не раз показали история и многочисленные исследования. Однако нельзя при этом забывать об особенностях среды конкретного региона, влияющих на состояние жизни каждого человека[3]; об интернет-зависимости обучающихся в условиях интенсивного развития информационных технологий и объектной действительности социального пространства, выстраиваемой в виртуальном измерении – интернет-пространстве[4]; об уровне владения информационными технологиями и читательской грамотности[5]; о важной характеристике настоящего времени, а именно возрастающей изменчиво-

[1] Бекмурзаев И. Д. Развитие логистической системы в условиях цифровизации // Известия Чеченского государственного университета. 2021. № 2 (22). С. 84–89.

[2] Там же.

[3] Белозерцев Е. П., Дюжакова М. В. О некоторых фундаментальных проблемах регионального образования // Педагогика. 2021. Т. 85, № 10. С. 38–45.

[4] Гальченко А. С., Григорьев П. Е., Поскотинова Л. В. Интернет-зависимость обучающихся // Педагогика. 2021. Т. 85, № 10. С. 57–63.

[5] Антипкина И. В., Кузнецова М. И. Оценивание читательской грамотности младших школьников с использованием компьютерного тестирования // Педагогика. 2021. Т. 85, № 10. С. 64–75.

сти мира, проявляющейся посредством небывалого прежде многообразия[1]; об интеграции и дифференциации – взаимосвязанных процессах развития природы и общества, обусловливающих динамическую связь стабильности, устойчивости и изменчивости[2]; об особенностях культурно-исторического бытия учащихся поколений[3] и т. д.

Как отмечает А. Мильман, учение как процесс не заканчивается получением образования на той или иной ступени: школы, колледжа, университета. Он не только подразумевает присвоение, усвоение, освоение отдельных предметных знаний, умений и навыков, но и обладает такими характеристиками, как перманентность, непрерывность, следовательно, умение учиться, осмысленно приобретать компетенции, вписывая в контекст той или иной деятельности, является главной задачей каждого человека. Кроме того, исследователь отмечает, что субъектность педагога-профессионала многовекторна, она выстраивается на основе авторской дидактической системы и компетентностного подхода при овладении им профессиональными (soft skills) и информационно-технологическими (digital skills) компетенциями. Преподаватель моделирует межпоколенческую связь, являясь носителем духовно-ценностной и смысловой составляющей человеческой деятельности. Мы разделяем точку зрения автора о том, что процесс обучения должен стать не только личностно, но и ценностно ориентированным, т. е. между теоретическим уровнем владения ценностными смыслами и ограниченностью их практического применения существуют небольшие противоречия[4]. Роль ценностных смыслов приобретают общенаучные понятия, а их усвоение возможно только посредством **деятельностно-компетентностного подхода**, который описан в работах Ф. Ялалова и А. Мильман. Его сущность состоит в формировании и развитии в структуре личности метапредметных способов мыслительной (когнитивной) и практической деятельности через «Я-концепцию», понимание, понятийное мышление и дидактику[5].

В результате применения **компетентностного подхода** у обучающихся развиваются не только общие (далее – ОК), но и профессиональные (далее – ПК) компетенции. Однако следует различать такие понятия, как «компетентность» и «компетенция» (их отличия представлены в работе Ж. Н. Броновец «Сущность понятий “компетенция” и “компетентность”»). После терминологического анализа данных поня-

[1] Павлов И. С., Баграмян Э. Р., Воля Е. С., Сахарчук Е. С., Феоктистова Н. А. Об актуальности информационно-аналитического обеспечения развития педагогического образования // Педагогика. 2021. Т. 85, № 2. С. 71–76.

[2] Перминова Л. М. Дидактические основы конструирования интегрированного урока // Педагогика. 2021. Т. 85, № 5. С. 17–27.

[3] Мирошниченко В. В. Подготовка учителей к работе в школах с родным (нерусским) языком обучения на современном этапе // Педагогика. 2021. Т. 85, № 10. С. 90–99.

[4] Мильман А. Компетентностная модель образовательной среды: ресурсы развития. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2019. 92 с.

[5] Ялалов Ф. Деятельностно-компетентностный подход к практико-ориентированному образованию // Высшее образование в России. 2008. № 1. С. 89–93; Мильман А. Компетентностная модель образовательной среды: ресурсы развития. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2019. 92 с.

тий автор делает вывод о том, что «компетентности формируются в процессе обучения, и не только в колледже, но и под воздействием семьи, друзей, работы, политики, религии, культуры и др.»[1]

Нам импонирует мнение А. Мильман, согласно которому конкретизация понятия «компетенция» позволяет наполнить его структуру определенными умениями и навыками, превращая его в систему, где все элементы взаимодействуют между собой и существует необходимость выстраивать многоплановые отношения, сопутствующие педагогическому процессу на любом уровне[2].

Ж. Н. Броновец и Е. Г. Афанасьева в ходе анализа работ А. В. Хуторского установили, что в состав общих (ключевых) компетенций входят ценностно-смысловые, общекультурные, учебно-познавательные, коммуникативные, социально-трудовые, информационные компетенции, а также личного самосовершенствования. Они формируются на базе главных целей образования, структурного представления социального и личностного опыта, а также основных видов деятельности студента, позволяющих ему адаптироваться в обществе, получать различные навыки[3].

А. А. Темербекова отмечает, что «термин “информационная компетентность”, появившийся на официальном уровне в 1992 году в проекте Совета Европы “Среднее образование в Европе”, включен в текст “Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года”, где система универсальных знаний, умений и навыков, а также опыт самостоятельной деятельности и личной ответственности названы “современными ключевыми компетенциями”. Наиболее пристальное внимание отечественных ученых к понятию “информационная компетентность” наблюдается в связи с вхождением России в Болонский процесс»[4]. Кроме того, автор подчеркивает, что указанный термин вошел в российскую педагогическую практику с появлением устойчивого интереса к данной проблеме со стороны ученых, учителей-практиков и IT-специалистов. Так, Б. С. Гершунский и Т. А. Гудкова рассматривают исследуемое понятие в качестве элемента профессиональной компетентности.

Анализ научной литературы показал, что изучение вопроса информационной компетентности специалиста находит отражение в работах таких авторов, как В. Л. Акуленко, Н. Г. Витковская, А. В. Гоферберг, Д. В. Голубин, Т. Г. Головко,

[1] Броновец Ж. Н. Сущность понятий «компетенция» и «компетентность» // Вести образования Слутчины. URL: https://westysluzk.jimdofree.com/номера/сущность-понятия/ (дата обращения: 02.01.2021).

[2] Мильман А. Компетентностная модель образовательной среды: ресурсы развития. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2019. 92 с.

[3] Броновец Ж. Н. Сущность понятий «компетенция» и «компетентность» // Вести образования Слутчины. URL: https://westysluzk.jimdofree.com/номера/сущность-понятия/ (дата обращения: 02.01.2021); Афанасьева Е. Г. Формирование общих компетенций у студентов учреждений среднего профессионального образования в процессе воспитательной деятельности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические науки. 2016. № 6 (110). С. 40–47.

[4] Темербекова А. А. Формирование информационной компетентности учителя в региональной системе дополнительного профессионального образования: автореф. дис. … д-ра пед. наук. Москва: [б. и.], 2009. С. 17.

М. Г. Дзугоева, Н. В. Евладова, О. Б. Зайцева, А. Л. Семенов, Н. Ю. Таирова, О. М. Толстых и др. При этом, по мысли Т. Г. Кузнецовой, проблема компетентности до сих пор остается дискуссионной и открытой даже на уровне терминологического аппарата[1].

А. Л. Семенов информационную компетентность рассматривает как новую грамотность, в состав которой входят умение человека активно самостоятельно обрабатывать информацию, принимать принципиально новые решения в непредвиденных и нестандартных ситуациях с использованием технологических средств[2].

А. В. Хуторской, описывая формирование информационной компетентности при помощи различных объектов, указывает на то, что они помогают развивать умение самостоятельно искать, анализировать и отбирать необходимые сведения, организовывать, преобразовывать, сохранять и передавать их[3].

Подобные установки ученых ориентируют нас на необходимость уделять особое внимание получению будущими специалистами знаний и умений посредством поиска современных форм, методов и средств обучения, нацеленного на непрерывное приумножение и воспроизведение профессиональной информационной деятельности.

Согласно утверждению Т. Г. Кузнецовой, «целью компетентностного обучения является подготовка специалиста, не только обладающего знаниями, умениями и навыками, но и активно их применяющего для решения профессиональных и социальных задач»[4]. В рамках данного исследования предполагается формирование у студентов такой компетенции, как осуществление поиска и использования информации, необходимой для эффективного выполнения профессиональных задач, профессионального и личностного развития[5].

Как отмечает Л. Р. Вотякова, именно «педагогические условия вырабатывают у студентов психологическую установку на постоянное совершенствование профессионально-информационных компетенций, формируют умение ориентироваться в больших потоках информации, позволяют достичь такого уровня профессионально-

[1] Кузнецова Т. Г. Формирование информационной компетентности студентов при изучении иностранного языка // Образование в современном мире: сборник научных статей / под редакцией Ю. Г. Голуба. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2017. Вып. 12. С. 291–294.

[2] Семенов А. Л. Роль информационных технологий в общем среднем образовании // Информатика и образование. 2001. № 2. С. 2–6.

[3] Хуторской А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. Доклад на Отделении философии образования и теоретической педагогики РАО // Интернет-журнал «Эйдос». 2002. № 1. URL: http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm (дата обращения: 02.01.2021).

[4] Кузнецова Т. Г. Формирование информационной компетентности студентов при изучении иностранного языка // Образование в современном мире: сборник научных статей / под редакцией Ю. Г. Голуба. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2017. Вып. 12. С. 292.

[5] Хуторской А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. Доклад на Отделении философии образования и теоретической педагогики РАО // Интернет-журнал «Эйдос». 2002. № 1. URL: http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm (дата обращения: 02.01.2021).

информационных компетенций, который необходим для решения разнообразных информационных и учебно-профессиональных задач. Совокупность педагогических условий обеспечивает получение заранее прогнозируемых результатов, соответствующих намеченной цели и определяемых содержанием, методами и компонентами учебно-информационной деятельности, создающих развитие профессиональных информационных компетенций»[1].

Методы и методология исследования

На начальном этапе данной работы нами были использованы такие методы, как анкетирование по вопросу информационной деятельности, анализ его результатов и целенаправленное наблюдение в процессе решения информационных задач, сбора и обработки полученных сведений студентами первого и второго курсов во время занятий и выполнение ими индивидуальных заданий.

Основу исследования составляют три психолого-педагогических адаптивных подхода: компетентностный, когнитивный и деятельностно-рефлексивный.

Когнитивный подход – это подход к обучению, базирующийся на положениях когнитивной психологии и опирающийся на принцип сознательности и предусматривающий учет различных когнитивных стилей. *Деятельностно-рефлексивный подход* представляет собой систему принципов и технологий содействия развитию студента в ходе его сотрудничества с преподавателями и студенческим коллективом, основанную на поддержке позиции обучающегося как субъекта осуществляемой деятельности, ее рефлексии, осознании, перестройке и конструировании способов ее осуществления. С позиции психолого-педагогического подхода специфика рефлексивного управления рассматривается нами с учетом роли человеческого фактора[2].

После комплексного изучения подходов нами была проведена диагностика уровня сформированности информационной культуры студентов – будущих программистов телекоммуникационной направленности (работа осуществлялась на базе Смоленского колледжа телекоммуникаций (филиала) Санкт-Петербургского государственного университета им. проф. Бонч-Бруевича) посредством информационных технологий, позволяющих исследовать необходимость влияния на степень владения обучающимися информационными технологиями, на их информационное осознание и способности к информационной деятельности.

В качестве инструмента для определения уровня владения информационными технологиями использовались анкеты по выявлению потребности и заинтересованности студентов в применении ИКТ в образовательном процессе, составленные Н. Б. Сэкулич. Кроме того, анализ данных осуществлялся с учетом итогов каждого из этапов проведения эксперимента, основанного на алгоритме, представленном в научной работе Е. М. Дорофеева[3].

[1] Вотякова Л. Р. Развитие профессионально-информационной компетентности студентов – будущих педагогов: автореф. дис. … канд. пед. наук. Казань: [б. и.], 2010. С. 16.

[2] Дюков В. М., Пьянкова Г. С. Рефлексивно-деятельностная педагогика: пути и возможности // Образовательная политика. 2011. № 6 (56). С. 72–80.

[3] Дорофеев Е. М. Формирование экономической культуры кадетов – будущих морских специалистов в условиях цифровизации образования: дис. … канд. пед. наук. Великий Новгород: [б. и.], 2019. 203 с.

Основная часть

Этапы проведения эксперимента

1 этап – проведение анкетирования (модифицированной диагностики) «Владение информационными технологиями респондентами в условиях формирования информационной культуры» среди студентов. Опросник включает 16 вопросов, разбитых на четыре блока:

Блок 1 – вопросы для определения УВ 1: (5), (8), (12), (13).

Блок 2 – вопросы для определения УВ 2: (6), (10), (11), (15).

Блок 3 – вопросы для определения УВ 3: (1), (4), (14), (16).

Блок 4 – вопросы для определения УВ 4: (2), (3), (7), (9).

2 этап – расчет по формуле низкого, среднего и высокого уровней владения информационными технологиями в условиях формирования информационной культуры, имеющей следующий вид:

$$УВ = (УВ\ 1 + УВ\ 2 + УВ\ 3 + УВ\ 4) / 4,$$

где УВ 1 – уровень знаний и умений использования современных информационных технологий в учебном процессе и личных информационных проблемах (ситуациях); УВ 2 – уровень саморегуляции респондентов в освоении инновационных информационных технологий; УВ 3 – уровень потребности в использовании информационных технологий; УВ 4 – уровень заинтересованности в применении информационных технологий.

3 этап – соотнесение полученного результата с расшифровкой низкого, среднего и высокого уровней.

Низкий уровень характеризуется способностью респондентов к саморегуляции в процессе овладения информационными технологиями, однако их самоорганизация ситуативна и зависит от внешних факторов. Это связано с тем, что поведение испытуемых обусловливается в основном внешними стимулами, а не личными знаниями в области цифровизации, кроме того, положительный опыт поведения в информационном сообществе неустойчив и проявляется слабо.

Участникам опроса, обнаружившим *средний уровень*, свойственны более глубокие знания в сфере информационных технологий, однако они недостаточно активно применяют свои навыки и умения в ходе овладения информационными технологиями.

Респонденты с *высоким уровнем* владения информационными технологиями самостоятельно получают новые знания с помощью инновационной цифровой техники.

Рассмотрим результаты эксперимента поэтапно.

На первом констатирующем этапе эксперимента для определения уровня владения информационными технологиями нами была выбрана анкета Н. Б. Сэкулич по выявлению потребности и заинтересованности студентов в применении ИКТ в образовательном процессе, она представлена в работе Е. М. Дорофеева. Опрос проводился в начале 2019 / 2020 учебного года среди 64 студентов-программистов 1-го и 2-го курсов по модифицированной анкете Е. М. Дорофеева «Владение информационны-

ми технологиями респондентами в условиях формирования информационной культуры», состоящей из 16 вопросов.

Выполненный контент-анализ позволил установить широкий диапазон компонентов, их присутствие на каждом уровне владения информационными технологиями как в отношении конкретной личности, так и применительно к экспериментальной и контрольной группам (в обеих насчитывается по 32 человека).

Значения выборочной дисперсии и стандартного отклонения указанных групп на констатирующем этапе эксперимента представлены в табл. 1. Дисперсия отражает степень разброса данных относительно среднего значения выборки по каждому вопросу анкеты. Стандартное отклонение характеризует средний показатель существующего сдвига от среднего значения выборки, указывает на верность определения среднего арифметического значения всей выборки по каждому вопросу анкеты.

Таблица 1

Средние статистические данные самооценки студентов по каждому вопросу анкеты «Владение информационными технологиями респондентами в условиях формирования информационной культуры» на констатирующем этапе эксперимента

КЭ (64 ч)	УВ 1				УВ 2				УВ 3				УВ 4			
	5	8	12	13	6	10	11	15	1	4	14	16	2	3	7	9
μ	2,58	2	1,67	2,65	2,81	3,17	2,79	2,58	2,76	2,34	2,70	2,54	2,48	2,98	2,56	2,52
σ	0,92	0,97	0,89	1,10	1,32	1,25	0,99	1,22	1,23	1,03	1,29	1,23	1,13	1,37	1,34	1,17
D	0,85	0,95	0,79	1,21	1,74	1,57	0,99	1,49	1,52	1,05	1,67	1,52	1,27	1,89	1,81	1,36
$C_υ$	0,36	0,48	0,53	0,42	0,46	0,39	0,35	0,47	0,44	0,44	0,47	0,48	0,45	0,45	0,52	0,46

Условные обозначения, принятые в таблице: μ – среднее значение самооценки студентов по каждому вопросу анкеты; σ – среднее квадратическое отклонение; D – дисперсия выборки; $C_υ$ – коэффициент вариации.

Показатель коэффициента вариации ($C_υ$) демонстрирует высокую колеблемость значений (< 35 %) и их существенную неоднородность (< 33 %).

Таким образом, качественный анализ самооценки позволил установить, что усредненные статистические данные свидетельствуют о среднем уровне развития исследуемого качества у всех респондентов в целом. Результаты по каждому вопросу анкеты подтверждают тот факт, что студенты уверенно выражают желание использовать Интернет для приобретения навыков владения информационными программами (средняя оценка 3,17) и высказывают необходимость в консультационном общении в интернет-сообществах (средняя оценка 2,98). Обучающиеся подчеркивают, что при встрече с информационной проблемой им не требуется создавать свой личный сайт или блог (средняя оценка 1,67). Кроме того, мало кто из них имеет свою базу данных цифровых средств и информационных технологий для решения бытовых или личных информационных проблем, несмотря на то, что у каждого студента есть и телефон, и компьютер.

По итогам проведения качественного анализа можно сделать вывод о том, что

студенты при освоении информационных технологий более всего заинтересованы в саморегуляции (средняя оценка 2,84), однако характерный для обучающихся низкий уровень знаний, умений в сфере применения цифровых технологий в учебном процессе и бытовых проблемах (средняя оценка 2,23) является существенным препятствием (см. рис. 1).

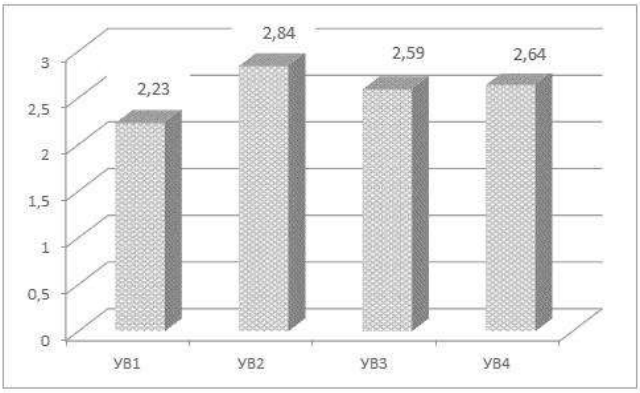

Рис. 1. Диаграмма качественного анализа результатов тестирования по анкете «Владение информационными технологиями респондентами в условиях формирования информационной культуры» на констатирующем этапе эксперимента по каждому блоку (критерию)

Анализ результатов эмпирических данных, полученных в ходе тестирования, дает возможность утверждать, что высокий уровень владения респондентами информационными технологиями в условиях формирования информационной культуры на констатирующим этапе эксперимента наблюдается у 10,9 %, низкий уровень – у 15,6 %. Такие показатели свидетельствуют об актуальности и необходимости проведения педагогами соответствующей работы в указанном направлении. Графически результаты тестирования представлены на рис. 2.

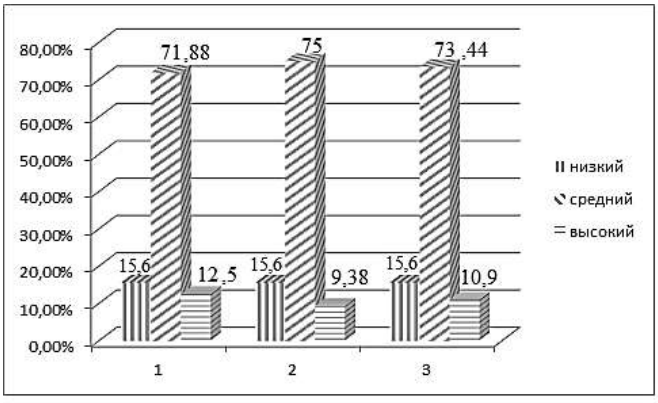

Рис. 2. Результаты диагностики уровня владения респондентами информационными технологиями в условиях формирования информационной культуры на констатирующем этапе эксперимента (количественный анализ)

Количественный анализ эмпирических данных, полученных на констатирующем этапе эксперимента, представлен в табл. 3.

Таблица 3

Результаты диагностики уровня владения респондентами информационными технологиями в условиях формирования информационной культуры на констатирующем этапе эксперимента (количественный анализ)

Уровень развития	Контрольная группа (КГ)		Экспериментальная группа (ЭГ)		Количество всех респондентов в обеих группах (ВР)	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Низкий	5	15,625	5	15,625	10	15,625
Средний	23	71,875	24	75	47	73,44
Высокий	4	12,5	3	9,375	7	10,94
Итого	32	100	32	100	64	100

Исследование результатов обеих групп (контрольной и экспериментальной – КГ и ЭГ соответственно) и их сравнение позволяет сделать вывод о том, что значения выборки КГ несколько выше, чем ЭГ. Следовательно, можно установить, является ли имеющаяся разница существенной.

Обсуждение и результаты исследования

Эмпирические данные по каждому критерию, соответствующему уровню владения респондентами информационными технологиями в условиях формирования информационной культуры на констатирующем этапе эксперимента, представлены в табл. 4.

Таблица 4

Результаты диагностики уровня владения респондентами информационными технологиями в условиях формирования информационной культуры на констатирующем этапе эксперимента (по каждому блоку / критерию)

		УВ 1			УВ 2			УВ 3			УВ 4		
		КГ	ЭГ	ВР	КГ	ЭГ	ВР	КГ	ЭГ	ВР	КГ	ЭГ	ВР
Низкий	Ч	6	6	12	2	3	5	4	2	6	4	6	10
	%	18,75	18,75	18,24	6,25	9,375	7,6	12,5	6,25	9,12	12,5	18,75	15,2
Средний	Ч	25	21	46	19	16	30	18	23	41	20	18	38
	%	78,125	65,625	69,92	59,375	50	45,6	56,25	71,875	62,32	62,5	56,25	57,76
Высокий	Ч	1	5	6	11	13	24	10	7	17	8	8	16
	%	3,125	15,625	9,12	34,375	40,625	36,48	31,25	21,875	21,28	25	25	24,32

В ходе анализа итогов эксперимента было установлено, что **уровень саморегуляции респондентов** в освоении инновационных информационных технологий как способности к мобилизации сил и энергии, к волевому усилию и преодолению препятствий при встрече с новыми технологиями (цифровыми аппаратами) и их освоении находится на достаточно высоком уровне (средний – 45 %, высокий – 36 %). Данный факт свидетельствует о том, что студенты способны поднять собственный

уровень самостоятельно и не нуждаться в помощи преподавателя.

Уровень знаний и умений использования современных информационных технологий в учебном процессе и личных информационных проблемах (ситуациях) у обучающихся развит слабее, чем другие компоненты. Мы полагаем, что внеаудиторная (самостоятельная) работа, организованная в форме информационных проектов в рамках авторской рабочей программы, будет способствовать восполнению данного пробела.

Низкий **уровень потребности в применении информационных технологий** был выявлен у 9 % обучающихся. Этим обусловливается необходимость включения в рабочую программу мероприятий, в ходе которых главными инструментами решения информационной проблемы станут средства цифровизации.

Заинтересованность в применении информационных технологий развита у обучающихся на достаточном уровне (низкий – 15 %, средний – 57 %, высокий – 24 %). В результате анализа данных было обнаружено, что студенты способны самостоятельно (однако еще не в полной мере) поднять указанный уровень в случае необходимости; обучающиеся частично нуждаются в помощи преподавателя.

Этапы формирования информационной компетентности

В рамках выводов по проведенному констатирующему эксперименту в контрольной и экспериментальной группах мы выражаем солидарность с мнением Л. Р. Вотяковой, что информационная компетентность у студентов на занятиях формируется поэтапно (в ходе адаптивной, продуктивной и творческой стадий). Так, на *адаптивном этапе* обучающиеся совместно с преподавателем стремятся к овладению *информационной компетентностью*. Педагог помогает студентам с обработкой информации. Мы обращаем внимание на то, что важную роль в данном случае играют знания, способствующие самостоятельной обработке информации, необходимой для решения поставленных преподавателем задач по программированию, алгоритмизации и обработке сведений, нацеленных на укрепление межпредметных связей с другими дисциплинами (например, чтение кодов программы в оригинале, описание алгоритмической структуры каждой программы и др.). Все это способствует осознанию значимости проведения деловых и ролевых игр, участия в олимпиадах, научных конференциях и иных мероприятиях, реализуемых в колледже и вне его. При чтении программного кода в оригинале студенты соотносят каждую структуру программы с алгоритмическим и графическим отображением ее выполнения. На первых занятиях по программированию они прописывают алгоритм выполнения каждой задачи и графически отображают ее реализацию.

На *продуктивном этапе* студенты совместно с преподавателем стремятся к овладению *профессионально-информационной компетентностью* в контексте современных требований к конкурентоспособной личности. Как правило, при этом обучающиеся демонстрируют недостаточный уровень личностной инициативы и самостоятельности. В процессе перехода на *творческий этап* студенты предпринимают попытку самореализации в учебно-познавательной аудиторной и внеаудиторной деятельности, которая способствует развитию собственного индивидуального опыта творческой, исследовательской, информационной активности, формированию *про-*

фессионально-информационной компетентности и конкурентоспособности.

С учетом вышеизложенного отметим, что особое внимание развитию информационных запросов и потребностей студентов в колледже уделяется уже на первом курсе. Мы ориентируем обучающихся на изучение источников компьютерной информации (литературы по специальности, специализированных изданий для начинающих программистов, словарей по тому или иному языку программирования) для того, чтобы каждый из них смог осуществлять самостоятельную работу, а также изучать основы алгоритмизации в программировании. С целью обеспечения соответствующего уровня компетентности и изменения уровня владения информационными технологиями на каждом занятии мы внедряем элементы таких инновационных образовательных технологий, как LMS-платформа (личный кабинет студента Смоленского колледжа телекоммуникаций, педагогическая платформа «Юрайт», Get Course, PROFобразование и др.), Google Диск (Google Таблицы, Google Презентации, Google Документы, Google Формы, Google Рисунки, Google Мои карты, Google Jamboard, Powtoon и др.), Google инструменты для эффективной организации работы, обучения, связи и общения. Так, личный кабинет (далее – ЛК) педагога колледжа помогает в организации дистанционного обучения как группы в целом, так и каждого студента в частности (см. рис. 3). Студент, зайдя в свой ЛК, может ответить на полученное от преподавателя сообщение и отправить ему выполненное задание.

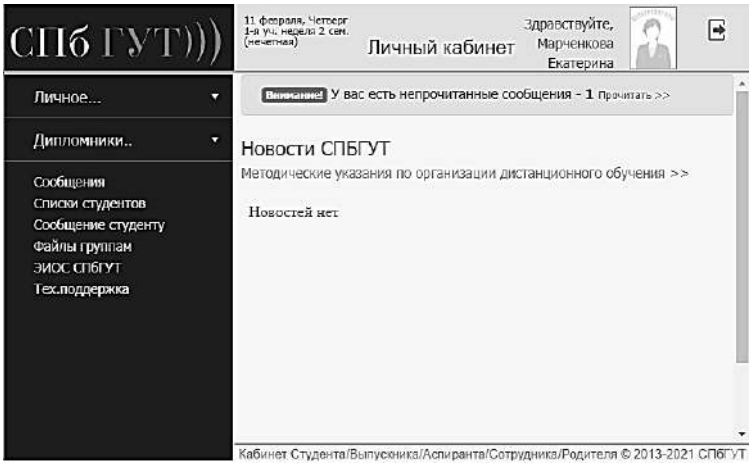

Рис. 3. Личный кабинет преподавателя

С помощью личного кабинета студента Смоленского колледжа телекоммуникаций обучающиеся оперативно получают задания по программированию. Кроме того, они читают учебную литературу, размещенную на платформе «Юрайт», или источники из иных электронных библиотек, или книги, которые преподаватель разместил в облаке на Google Диске. Выполненную работу студенты организованно отправляют либо через личный кабинет, либо через Google Форму в Google Таблицу. Google Презентации, Google Документы, Google Рисунки, Google Мои карты, Google Jamboard и Powtoon и другие инструменты помогают обучающимся в процессе органи-

зации их деятельности, что очень важно для программиста.

И у студентов, и у преподавателей нашего учебного заведения имеются аккаунты с подтвержденной ролью, т. е. оформлена подписка на образовательную платформу «Юрайт». Мы ориентируем студентов на данный ресурс (https://urait.ru/), поскольку он включает электронную библиотеку и интернет-магазин, где можно прочитать и купить электронные, печатные учебники преподавателей ведущих университетов для всех уровней профессионального образования, а также воспользоваться видео- и аудиоматериалами. В рамках данной платформы мы организуем и проводим тесты на знание предмета и текущие экзамены, знакомство с электронными версиями учебных пособий из каталога; добавляем закладки в соответствующих учебниках; подбираем книги по дисциплинам; осуществляем поиск по тексту книг, выделяем и сохраняем цитаты. Следует особо отметить, что организаторы данной образовательной платформы проводят серии вебинаров для преподавателей, авторов, студентов и библиотекарей. На указанном сайте также можно найти информацию о том, как быть в авангарде образовательного процесса, как создавать современные курсы, как использовать актуальные методики преподавания и как учиться эффективнее.

С помощью Google Таблиц, Google Документов, Google Форм и Google Презентаций мы осуществляем дистанционное обучение в режиме реального времени.

На платформе Get Course мы создали онлайн-школу, которая позволяет объединить задачи по коммуникации со студентами в одном сервисе. Данный ресурс обладает широким функционалом: дает возможность настраивать расписание и планировать индивидуальные достижения каждому студенту; составлять удобный базовый онлайн-курс; просматривать свой интерфейс с необходимой информацией по пройденному материалу, отслеживать достижения; проводить тестирование; настраивать вебинарную комнату, осуществлять email-рассылку; автоматизировать онлайн-процессы.

Во время занятий в рамках очной, дистанционной и заочной форм обучения нами используются и LMS-платформа, и Google Диск. При использовании новых технологий в сфере предметных знаний нами задействованы дидактические возможности программно-прикладных средств. Такие инновации способствуют знакомству с этапами развития языков программирования, обогащению словарного запаса студентов, индивидуализации процесса обучения, формированию мотивации к учебно-познавательной деятельности средствами цифрового взаимодействия.

Особый интерес в работе мы уделяем веб-квест проектам, подразумевающим обработку большого количества материала, исследовательскую деятельность и критический анализ информации. Как отмечает Т. Г. Кузнецова, самостоятельная работа с использованием веб-квестов является эффективным способом изучения языка и культуры за счет погружения в естественную языковую и культурную среду, созданную виртуальным пространством Интернета[1].

[1] Кузнецова Т. Г. Формирование информационной компетентности студентов при изучении иностранного языка // Образование в современном мире: сборник научных статей / под редакцией Ю. Г. Голуба. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2017. Вып. 12. С. 291–294.

Выводы

Для формирования информационной компетентности студентов телекоммуникационной направленности с учетом этапов ее становления и уровня владения обучающимися информационными технологиями важно развивать у них потребность в применении информационных технологий и повышать уровень знаний и умений с помощью современных цифровых средств (таких как LMS-платформа, Get Course, Google Инструменты) в учебном процессе и личных информационных ситуациях. Кроме того, они необходимы для эффективной организации работы, обучения, связи и общения. Следует отметить важность разработки веб-квест проектов, позволяющих обрабатывать большое количество материала, проводить исследовательскую деятельность и критический анализ информации, в том числе осуществлять активное цифровое взаимодействие всех субъектов образовательного процесса колледжа, нацеленных на повышение уровня владения информационными технологиями при формировании информационной компетентности и информационной культуры.

Список источников

Антипкина И. В., Кузнецова М. И. Оценивание читательской грамотности младших школьников с использованием компьютерного тестирования // Педагогика. 2021. Т. 85, № 10. С. 64–75.

Афанасьева Е. Г. Формирование общих компетенций у студентов учреждений среднего профессионального образования в процессе воспитательной деятельности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические науки. 2016. № 6 (110). С. 40–47.

Бекмурзаев И. Д. Развитие логистической системы в условиях цифровизации // Известия Чеченского государственного университета. 2021. № 2 (22). С. 84–89.

Белозерцев Е. П., Дюжакова М. В. О некоторых фундаментальных проблемах регионального образования // Педагогика. 2021. Т. 85, № 10. С. 38–45.

Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. Москва: Педагогика, 1989. 192 с.

Броновец Ж. Н. Сущность понятий «компетенция» и «компетентность» // Вести образования Слутчины. URL: https://westysluzk.jimdofree.com/номера/сущность-понятия/ (дата обращения: 02.01.2021).

Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org (дата обращения: 02.01.2021).

Вотякова Л. Р. Развитие профессионально-информационной компетентности студентов – будущих педагогов: автореф. дис. … канд. пед. наук. Казань: [б. и.], 2010. 22 с.

Гальченко А. С., Григорьев П. Е., Поскотинова Л. В. Интернет-зависимость обучающихся // Педагогика. 2021. Т. 85, № 10. С. 57–63.

Гендина Н. И. Информационная культура личности и задачи инновационного образования // Университетская книга. 2010. № 3. С. 70–74. URL: https://docplayer.com/33379233-Informacionnaya-kultura-lichnosti-i-zadachi-innovacionnogo.html (дата обращения: 03.01.2021).

Дорофеев Е. М. Формирование экономической культуры кадетов – будущих морских специалистов в условиях цифровизации образования: дис. … канд. пед. наук. Великий Новгород: [б. и.], 2019. 203 с.

Дюков В. М., Пьянкова Г. С. Рефлексивно-деятельностная педагогика: пути и возможности // Образовательная политика. 2011. № 6 (56). С. 72–80.

Кузнецова Т. Г. Формирование информационной компетентности студентов при изучении иностранного языка // Образование в современном мире: сборник научных статей / под редакцией Ю. Г. Голуба. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2017. Вып. 12. С. 291–294.

Мильман А. Компетентностная модель образовательной среды: ресурсы развития. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2019. 92 с.

Мирошниченко В. В. Подготовка учителей к работе в школах с родным (нерусским) языком обучения на современном этапе // Педагогика. 2021. Т. 85, № 10. С. 90–99.

Павлов И. С., Баграмян Э. Р., Воля Е. С., Сахарчук Е. С., Феоктистова Н. А. Об актуальности информационно-аналитического обеспечения развития педагогического образования // Педагогика. 2021. Т. 85, № 2. С. 71–76.

Перминова Л. М. Дидактические основы конструирования интегрированного урока // Педагогика. 2021. Т. 85, № 5. С. 17–27.

Семенов А. Л. Роль информационных технологий в общем среднем образовании // Информатика и образование. 2001. № 2. С. 2–6.

Темербекова А. А. Формирование информационной компетентности учителя в региональной системе дополнительного профессионального образования: автореф. дис. … д-ра пед. наук. Москва: [б. и.], 2009. 42 с.

Тришина С. В., Хуторской А. В. Информационная компетентность специалиста в системе дополнительного профессионального образования // Интернет-журнал «Эйдос». 2004. № 1. URL: http://www.eidos.ru/journal/2004/0622-09.htm (дата обращения: 02.01.2021).

Хуторской А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. Доклад на Отделении философии образования и теоретической педагогики РАО // Интернет-журнал «Эйдос». 2002. № 1. URL: http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm (дата обращения: 02.01.2021).

Ялалов Ф. Деятельностно-компетентностный подход к практико-ориентированному образованию // Высшее образование в России. 2008. № 1. С. 89–93.

References

Antipkina I. V., Kuznetsova M. I. Otsenivanie chitatel'skoi gramotnosti mladshikh shkol'nikov s ispol'zovaniem komp'iuternogo testirovaniia [Assessment of younger schoolchildren's reading literacy using computer testing]. *Pedagogika* [Pedagogy], 2021, vol. 85, no. 10, pp. 64–75.

Afanas'eva E. G. Formirovanie obshchikh kompetentsii u studentov uchrezhdenii srednego professional'nogo obrazovaniia v protsesse vospitatel'noi deiatel'nosti [Development of students' general competences in secondary professional educational institutions in the process of educational work]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Pedagogicheskie nauki* [Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2016, no. 6 (110), pp. 40–47.

Bekmurzaev I. D. Razvitie logisticheskoi sistemy v usloviiakh tsifrovizatsii [Development of the logistic system in the conditions of digitalization]. *Izvestiia Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Chechen State University], 2021, no. 2 (22), pp. 84–89.

Belozertsev E. P., Diuzhakova M. V. O nekotorykh fundamental'nykh problemakh regional'nogo obrazovaniia [Fundamental problems of regional education]. *Pedagogika* [Pedagogy], 2021, vol. 85, no. 10, pp. 38–45.

Bespal'ko V. P. *Slagaemye pedagogicheskoi tekhnologii* [Components of pedagogical technology]. Moscow: Pedagogika, 1989. 192 p.

Bronovets Zh. N. Sushchnost' poniatii "kompetentsiia" i "kompetentnost'" [The essence of the concept "competence" and "competency"]. *Vesti obrazovaniia Slutchiny* [Conduct education Slutchiny]. Available at: https://westysluzk.jimdofree.com/номера/сущность-понятия/ (accessed:

02.01.2021).

Vikipediia. Svobodnaia entsiklopediia [Wikipedia. The free encyclopedia]. Available at: https://ru.wikipedia.org (accessed: 02.01.2021).

Votiakova L. R. Razvitie professional'no-informatsionnoi kompetentnosti studentov – budushchikh pedagogov [Development of professional and information competence of students – future teachers: Abstract Cand. thesis in Pedagogical Sciences]. Kazan', 2010. 22 p.

Gal'chenko A. S., Grigor'ev P. E., Poskotinova L. V. Internet-zavisimost' obuchaiushchikhsia [Internet addiction of students]. *Pedagogika* [Pedagogy], 2021, vol. 85, no. 10, pp. 57–63.

Gendina N. I. Informatsionnaia kul'tura lichnosti i zadachi innovatsionnogo obrazovaniia [Information culture of personality and goals of innovative education]. *Universitetskaia kniga* [University book], 2010, no. 3, pp. 70–74. Available at: https://docplayer.com/33379233-Informacionnaya-kultura-lichnosti-i-zadachi-innovacionnogo.html (accessed: 03.01.2021).

Dorofeev E. M. *Formirovanie ekonomicheskoi kul'tury kadetov – budushchikh morskikh spetsialistov v usloviiakh tsifrovizatsii obrazovaniia* [Development of the economic culture of cadets – future marine specialists in the context of digitalization of education: Cand. thesis in Pedagogical Sciences]. Velikii Novgorod, 2019. 203 p.

Diukov V. M., P'iankova G. S. Refleksivno-deiatel'nostnaia pedagogika: puti i vozmozhnosti [Reflexive-activity pedagogy: ways and opportunities]. *Obrazovatel'naia politika* [The Educational Policy], 2011, no. 6 (56), pp. 72–80.

Kuznetsova T. G. Formirovanie informatsionnoi kompetentnosti studentov pri izuchenii inostrannogo iazyka [Development of students' information competence in the study of a foreign language]. *Obrazovanie v sovremennom mire: sbornik nauchnykh statei* [Education in the modern world: a collection of scientific papers; ed. by Iu. G. Golub]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2017, iss. 12, pp. 291–294.

Mil'man A. *Kompetentnostnaia model' obrazovatel'noi sredy: resursy razvitiia* [Competent model of the educational environment: development resources]. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2019. 92 p.

Miroshnichenko V. V. Podgotovka uchitelei k rabote v shkolakh s rodnym (nerusskim) iazykom obucheniia na sovremennom etape [Teacher training for work in schools with the native (non-Russian) language of education at the modern stage]. *Pedagogika* [Pedagogy], 2021, vol. 85, no. 10, pp. 90–99.

Pavlov I. S., Bagramian E. R., Volia E. S., Sakharchuk E. S., Feoktistova N. A. Ob aktual'nosti informatsionno-analiticheskogo obespecheniia razvitiia pedagogicheskogo obrazovaniia [On the relevance of information and analytical supporter for the development of teacher education]. *Pedagogika* [Pedagogy], 2021, vol. 85, no. 2, pp. 71–76.

Perminova L. M. Didakticheskie osnovy konstruirovaniia integrirovannogo uroka [Didactic foundation for designing an integrated lesson]. *Pedagogika* [Pedagogy], 2021, vol. 85, no. 5, pp. 17–27.

Semenov A. L. Rol' informatsionnykh tekhnologii v obshchem srednem obrazovanii [The role of information technology in general secondary education]. *Informatika i obrazovanie* [Informatics and Education], 2001, no. 2, pp. 2–6.

Temerbekova A. A. *Formirovanie informatsionnoi kompetentnosti uchitelia v regional'noi sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniia* [Development of a teacher's information competence in the regional system of supplementary professional education: Abstract Dr thesis in Pedagogical Sciences]. Moscow, 2009. 42 p.

Trishina S. V., Khutorskoi A. V. Informatsionnaia kompetentnost' spetsialista v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniia [Information competence of a specialist in the system of supplementary professional education]. *Internet-zhurnal "Eidos"* [Eidos Internet Journal], 2004,

no. 1. Available at: http://www.eidos.ru/journal/2004/0622-09.htm (accessed: 02.01.2021).

Khutorskoi A. V. Kliuchevye kompetentsii i obrazovatel'nye standarty. Doklad na Otdelenii filosofii obrazovaniia i teoreticheskoi pedagogiki RAO [Key competencies and educational standards. Paper at the Department of Education Philosophy and Theoretical Pedagogy of Russian Academy of Education]. *Internet-zhurnal "Eidos"* [Eidos Internet Journal], 2002, no. 1. Available at: http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm (accessed: 02.01.2021).

Ialalov F. Deiatel'nostno-kompetentnostnyi podkhod k praktiko-orientirovannomu obrazovaniiu [Activity and competence approach to practical-oriented education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2008, no. 1, pp. 89–93.

Сведения об авторах

Николай Петрович Сенченков – доктор педагогических наук, профессор; https://orcid.org/0000-0002-3332-0380, pedagogik1@yandex.ru, Смоленский государственный университет (д. 4, ул. Пржевальского, 214000 г. Смоленск, Россия); **Nikolai P. Senchenkov** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; https://orcid.org/0000-0002-3332-0380, pedagogik1@yandex.ru, Smolensk State University (4, ul. Przhevalskogo, 214000 Smolensk, Russia).

Екатерина Алексеевна Марченкова – аспирант; https://orcid.org/0000-0003-1197-3724, marchenkova1katya@gmail.com, Смоленский государственный университет (д. 4, ул. Пржевальского, 214000 г. Смоленск, Россия); преподаватель информатики, Смоленский колледж телекоммуникаций (филиал) Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (д. 21, ул. Коммунистическая, 214000 г. Смоленск, Россия); **Ekaterina A. Marchenkova** – Postgraduate student; https://orcid.org/0000-0003-1197-3724, marchenkova1katya@gmail.com, Smolensk State University (4, ul. Przhevalskogo, 214000 Smolensk, Russia); Informatics teacher, Smolensk college of telecommunication (branch) of St Petersburg State University of Telecommunications named after Professor M. A. Bonch-Bruevich (21, ul. Kommunisticheskaia, 214000 Smolensk, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 06.04.2022.

The article was submitted 28.02.2022; Approved after reviewing 28.03.2022; Accepted for publication 06.04.2022.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 287–289.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 287–289.

Информационная статья
УДК 81

«Преподаватель словесности и его роль в формировании культурно-образовательного пространства»: итоги Всероссийского конкурса студенческих научно-исследовательских работ

В начале 2021 года Вологодский государственный университет и Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина выступили с инициативой проведения Всероссийского конкурса на лучшую научно-исследовательскую работу, посвященную преподавателю словесности – ученому, учителю, исследователю родного края, популяризатору идей словесного творчества и межкультурной коммуникации. Первый раз конкурс прошел весной 2021 г., завершившись в День славянской письменности и культуры победами *Е. Р. Мудровой* (Череповецкий государственный университет), *А. И. Туровой* (Вологодский государственный университет) и *В. С. Тиво* (Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина). Предметом обсуждения в конкурсных работах стало научно-методическое наследие известных российских ученых *Л. А. Вербицкой*, *М. А. Кронгауза*, *С. А. Мызникова*, *Т. В. Черниговской*, преподавателей-методистов *Л. И. Ходяковой*, *Е. Н. Ильина*, ярких представителей региональных научных школ *Ю. И. Чайкиной*, *С. Н. Смольникова*, *В. И. Чуглова*. Статьи всех участников конкурса были опубликованы в сборнике научных работ молодых ученых «Филология смотрит в будущее» (Вологда, 2021)[1]. Основная цель конкурса состояла в следующем: приобщиться к идеям отечественной филологии через знакомство с личной историей и научно-методическим наследием российских филологов. Данное мероприятие позволило собрать коллектив единомышленников, убедить организаторов в том, что этот конкурс следует проводить регулярно. В 2022 г. он состоялся снова под названием «Преподаватель словесности и его роль в формировании культурно-образовательного пространства». В конкурсе приняли участие более тридцати молодых исследователей из Владимира, Вологды, Оренбурга, Пскова, Сыктывкара, Ярославля. Мероприятие проходило в два тура: на первом конкурсное жюри оценивало качество научных статей, посвященных классикам филологической науки, осмыслению их научного наследия и методического опыта; во втором туре были представлены научные доклады победителей первого этапа.

Работы первой номинации «Филология в лицах: галерея коммуникативных портретов» оценивали кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина *Т. Н. Бунчук* и ученый секретарь Института лингвистических исследований РАН *О. Н. Крылова*. В рамках указанной номинации принимали участие студенты выпускного курса Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Со-

[1] Филология смотрит в будущее: сборник научных статей молодых исследователей / под редакцией Е. Н. Ильиной. Вологда: ВоГУ, 2021. 170 с.

рокина. Лучший доклад представили *С. М. Коснырева*, *В. С. Тебенькова* и *Т. Е. Терентьева*. Их работа была посвящена личности *Владимира Викторовича Колесова*, «Моцарта петербургской русистики», как его называли коллеги и друзья. Второе место заняла работа *В. Е. Усатовой*, в которой шла речь об основателе Курской школы лингвофольклористики *Александре Тимофеевиче Хроленко*. Научные интересы автора тесно связаны с этим направлением филологии, поэтому работу можно назвать многоаспектной и содержательной; она позволила слушателям осмыслить как научно-исследовательскую, так и учебно-методическую значимость работ курской школы, идейным вдохновителем которой является А. Т. Хроленко. Третье место заняла коллективная работа *И. А. Иевлева* и *С. И. Ивониной*. Студенты представили коммуникативный портрет *Максима Анисимовича Кронгауза* – известного российского ученого и популяризатора науки, полемические выступления и книги которого оказывают значительное влияние на сознание современной молодежи. Вокруг данного исследования развернулась широкая дискуссия: кажущаяся простота общения ученого с читателем и зрителем – это вершина айсберга, его подводную часть составляют труды М. А. Кронгауза по грамматической семантике, социолингвистике и теории речевой деятельности. Абсолютное лидерство сыктывкарских конкурсантов в данной номинации – во многом заслуга их научных руководителей – докторов филологических наук *Т. Ф. Волковой*, *И. А. Кобелевой* и кандидатов филологических наук *Т. Н. Бунчук*, *Г. И. Глебко*, *Т. С. Каневой*, *Ю. Н. Ильиной*, *Е. В. Прокуратовой*.

Исследовательские работы второй номинации «Классики филологической науки: осмысление научного наследия» оценивали доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета *Е. Н. Ильина* и кандидат филологических наук, доцент, преподаватель языковой школы OISE г. Гейдельберга (Германия) *Н. Л. Фишер*. В этой номинации участвовали конкурсанты из Пскова, Оренбурга и Вологды. В своих работах они продолжили обсуждение научной концепции наследия *Максима Анисимовича Кронгауза*, а также весьма полно представили биографии известных ученых XX в. – литературоведа *Евгения Александровича Маймина* и лингвиста *Николая Ивановича Зорина*. Первенство в данной номинации завоевали студентки Псковского государственного университета *С. М. Краснова* и *О. В. Михайлова*. Их исследование выполнено под руководством доктора филологических наук, профессора *А. Г. Разумовской*. Второе место в номинации получила третьекурсница Оренбургского государственного педагогического университета *М. И. Жулева* (научный руководитель – доктор филологических наук, доцент *Е. Н. Бекасова*), а третье – студентка третьего курса Вологодского государственного университета *М. Ю. Петрова* (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор *Е. Н. Ильина*).

В третьей номинации «Преподаватель словесности: освоение педагогического опыта» работы оценивали кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой русского языка, журналистики и теории коммуникации *Т. Г. Овсянникова* и кандидат филологических наук, доцент, преподаватель русского языка как иностранного Венского университета прикладных наук (Австрия) *Е. С. Малеева*. Лучшей в этой номинации была признана работа *У. С. Батановой*, магистранта Ярославского государ-

ственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. В ее исследовании, выполненном под руководством кандидата филологических наук, доцента *Ж. К. Гапоновой*, были обозначены проблемы филологического образования, обсуждаемые на страницах журнала «Родной язык в школе» в 1914 г. и до сих пор не утратившие своей актуальности. Второе место в данной номинации присудили работе магистранта Вологодского государственного университета *М. А. Паничевой*, посвященной проблемам научно-методического освоения хэштегов – относительно новых коммуникативных единиц интернет-коммуникации, лингвистический статус, семантика и грамматическая специфика которых имеют дальнейшую перспективу исследования. Замыкает тройку лидеров в этой номинации работа студентки выпускного курса Вологодского педагогического колледжа *Ю. Н. Волковой.* Под руководством кандидата филологических наук *Е. А. Кириловой* она исследует специфику деятельности учителя в ходе формирования языковых понятий у младших школьников в подготовительный период обучения грамоте в начальной школе.

Конкурс 2022 г. показал, что обсуждение личного вклада известных ученых и педагогов в развитие филологической науки и методики преподавания словесности находит живой отклик у молодых исследователей, служит делу научной преемственности, поддерживает региональный патриотизм и связь поколений в отечественной филологии. Основная задача конкурса состоит в том, чтобы выявлять молодые таланты, способствовать сохранению культурно-образовательного пространства России и аккумулировать свежие идеи развития номинаций мероприятия и форм его проведения. Конкурс продолжает жить!

Е. Н. Ильина,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка, журналистики
и теории коммуникации Вологодского государственного университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском и английском языках по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. При этом статьи, опубликованные на русском языке, сопровождаются аннотациями на английском языке, а статьи, опубликованные на английском языке, – аннотациями на русском языке. Научные статьи принимаются при условии положительных результатов независимой экспертизы и включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Материалы статьи должны быть оригинальными, ранее нигде не публиковавшимися. Авторами могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели. Работа, предлагаемая к публикации, должна иметь четкую структуру и должна быть логически выстроена (см. образец оформления).

3. Статьи публикуются в порядке очередности (по мере их поступления и прохождения процедуры рецензирования). Преподаватели, сотрудники, аспиранты и докторанты ЧГУ, исполнители государственных контрактов в рамках федеральных целевых программ, грантов и конкурсов имеют право приоритета при комплектовании номера. Статьи ведущих приглашенных ученых размещаются в ближайшем номере журнала.

4. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес **vestnik-chsu@yandex.ru** один файл формата Microsoft Word, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И. О._научное направление статьи** (при наличии 2-х и более авторов, указывается фамилия только первого автора). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

5. Все статьи проверяются на оригинальность в системе РУКОНТЕКСТ. Значение оригинальных фрагментов должно быть не менее 70 %.

6. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение 3-х дней автору (авторам) по электронной почте высылается подтверждение о получении статьи.

7. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

8. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта работы.

9. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию отзыва научного руководителя, заверенную подписью руководителя и печатью организации, а также справку, подтверждающую обучение в аспирантуре.

10. Присланные материалы не возвращаются.

11. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

12. Публикации в журнале осуществляются на основании лицензионного договора.

Адрес редакции:

162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.
Ответственный секретарь: Наталья Анатольевна Тихомирова (8202) 51-72-40
E-mail: **vestnik-chsu@yandex.ru**

Требования к публикуемым статьям и их оформлению

Форматирование основного текста	1. Формат страницы – А 4 (книжный). 2. Поля – все по 20 мм. 3. Абзацный отступ – 0,5 см. 4. Шрифт – Times New Roman, обычный; размер кегля (символов) – 12 пт., интервал – 1,5. 5. Весь текст должен быть набран обычным шрифтом без стилей. 6. Номер страницы располагается внизу справа
Объем статьи	10–12 страниц
Требования к составу публикуемой статьи	Статья должна включать в себя следующие последовательно расположенные элементы: 1. Наименование раздела журнала, в который должна быть помещена статья. 2. Тип статьи (согласно п. 4.4 ГОСТ Р 7.0.7–2021): научная, обзорная, редакционная, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия. 3. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК) – слева, обычным шрифтом. Индекс УДК должен соответствовать заявленной теме. 4. Название статьи располагается по центру, полужирным шрифтом как в предложениях на русском языке. 5. Информация об авторе статьи справа: ФИО автора(ов) – полностью с указанием значком ✉ тех авторов, с кем возможна переписка; место работы / учебы (полностью), электронный адрес и уникальный код международной системы персональной идентификации авторов научных публикаций ORCID. 6. Аннотация (объемом от 400 до 600 печатных знаков) обычным шрифтом на русском языке. Аннотация должна быть развернутой, структурированной, следовать логике и хронологии изложения материала в статье, кратко повторять структуру статьи и максимально полно раскрывать ее содержание. 7. Ключевые слова (3–10 слов) обычным шрифтом на русском языке через запятую, точка после ключевых слов НЕ ставится. 8. Благодарность (если имеется) должна содержать номер проекта и его полное название (если работа выполнена по гранту), в данном разделе могут содержаться сведения о спонсорах или партнерах по интеллектуальному праву, аспирантам необходимо указать сведения о научном руководителе. **Благодарность.** Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 123... «Название»). Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Н. В. Володиной. 9. Название статьи – по центру полужирным шрифтом как в предложениях на английском языке.

Требования к составу публикуемой статьи	10. Информация об авторе статьи справа на английском языке: ФИО автора – полностью (отчество сокращается до первой буквы), указание значком ✉ тех авторов, с кем возможна переписка; место работы / учебы (полностью), электронный адрес и уникальный код международной системы персональной идентификации авторов научных публикаций ORCID.
Требования к составу публикуемой статьи	11. Аннотация обычным шрифтом на английском языке. Не допускается использование автоматической системы перевода. Желательно, чтобы аннотация на английском языке не дублировала полностью текст аннотации на русском языке. Объем аннотации на английском языке может не совпадать с русскоязычным вариантом. 12. Ключевые слова через запятую обычным шрифтом на английском языке, в конце точка НЕ ставится. 13. Если статья написана на английском языке, название статьи, аннотацию и ключевые слова следует перевести на русский язык. 14. Информация о благодарности в переводе на английский язык. **Acknowledgments.** The work was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 123… "…". The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor N. V. Volodina. 15. Текст статьи. В статье должны быть выделены следующие структурные элементы: – Введение; – Основная часть; – Выводы. Рекомендуется структурировать текст статьи выделением следующих разделов: материалы и методы, результаты, обсуждение. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. 16. Список источников – по ширине страницы, обычным шрифтом, в алфавитном порядке русского языка. Не имеет нумерации источников. 17. References повторяет очередность русскоязычного списка. Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой После References предоставляется контактная информация на русском и английском языках по каждому из авторов, а также сведения об отсутствии / наличии конфликта интересов (в случае, если статья была подготовлена несколькими авторами): ФИО полностью, научное звание и должность, ORCID, действующий электронный адрес, наименование организации, почтовый адрес с индексом организации.

Сведения об авторе (авторах)	**Елена Юрьевна Капустина** – кандидат педагогических наук, доцент; https://orcid.org/0000-0002-1825-0098, m_ey@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Вологодская область, Россия); **Elena Yu. Kapustina** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0002-1825-0098, m_ey@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharsky, 162600 Cherepovets, Russia). **Заявленный вклад авторов:** все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. **Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests. Контактный телефон: +7921XXXXX; фактический адрес проживания (для пересылки номера журнала почтой): 162600 Вологодская обл., г. Сокол, ул. Лесная, д. 5, кв. 3. **Связь с авторами осуществляется через указанную ими электронную почту**
Библиографический список	1. Список цитируемых источников в русском алфавите приводится в соответствии с требованиями ГОСТ Р7.0.7–2021. Источники в списке располагаются в алфавитном порядке русского языка. Сначала указываются отечественные, затем – зарубежные авторы. После перечня источников на русском языке приводится весь список в транслитерации (References) с переводом на английский язык наименования книги, места издания (см. ниже образец). Транслитерировать следует с помощью ресурса www.translit.ru в варианте LC (выбрать в меню «Варианты», расположенном под буквами). Источники, представленные изначально на английском языке, не транслитерируются и не переводятся. Если все источники изначально указаны в англоязычном варианте, то список литературы должен быть представлен 1 раз (References). 2. Для связи списка источников с текстом статьи используют автоматические подстрочные сноски. Нумерация сносок постраничная. Сноска в статье оформляется следующим образом: В настоящее время технология «Окно Овертона» активно изучается в разных науках: политологии[1], философии[2], социологии[3], лингвистике[4]. [1] Арутюнян В. А. «Окно Овертона» как инструмент ведения информационной войны // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этносов: сборник трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.). Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2018. С. 38–44; Володенков С. В., Федорченко С. Н. Окно Овертона − манипулятивная матрица политического менеджмента // Научно-аналитический журнал Обозреватель − Observer. 2015. № 4 (303). С. 83–93.

[2] Овсянникова В. А., Быльева Д. С. Применение технологии окна Овертона (на примере проблемы эвтаназии в России) // Коммуникативные стратегии информационного общества: сборник трудов X Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018. С. 330–335.

[3] Ильин А. Н. Окно Овертона как средство дегуманизации запада в условиях информационного общества // Информационное общество. 2018. № 6. С. 19–29.

[4] Колмогорова А. В. Информационно-психологическая война через окно… Окно Овертона (на примере дискурса легитимации в России однополых браков) // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов: сборник трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.). Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2018. С. 313–326.

Библиографический список

Образец оформления списка источников:

Список источников

Каваками К. Модернизация технологических процессов в черной металлургии Японии // Черные металлы. 1988. № 13. С. 3–12.

Масловский М. В. Современная западная теоретическая социология. – Нижний Новгород, 2005. URL: http://forsociologists.narod.ru/csth/lecture7.html (дата обращения: 01.01.2011).

Платова Е. Феномен подросткового фанатизма – футбольные фанаты // Научно-практическая деятельность молодых ученых и студентов в рамках программы модернизации образования: тезисы конференции. Москва: Просвещение, 2003. С. 39–53.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград: Лабиринт, 1986. 256 с.

Салахетдинов Э. Р. Личностные характеристики футбольных фанатов в молодежной околоспортивной субкультуре: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва: [б. и.], 2008. 25 с.

Третьяков А. В., Гарбер Э. А., Давлетбаев Г. Г. Расчет и исследование прокатных валков. Москва: Металлургия, 1976. 376 с.

Чиршева Г. Н., Скородумова Е. В. Отношение череповецких дошкольников и их родителей к изучению иностранных языков (по материалам опроса) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 4 (57). С. 116–120.

Чиршева Г. Н. Сопоставительный анализ метонимических переносов в языке художественной прозы и публицистики: дис. … канд. филол. наук. Ленинград: [б. и.], 1986. 295 с.

Weber M. The Rationalization of Education and Training // Gerth H., Mills C.W.R. From Max Weber: Essays in Sociology. New York: Oxford University Press, 1946. 421 p.

Cross A. G. An Anglo-Russian Medley // The Slavonic and East European Review. 1992. Vol. 70. P. 708–721.

Для выполнения транслитерации и перевода источников на английский язык следует использовать системы автоматического перевода.

Первоначально указывается фамилия автора(ов) в транслитерации, а затем наименование книги сначала в транслитерации, затем – в квадратных скобках перевод на английский язык. Далее следует место издания в переводе на английский язык (Moscow, Leningrad, NewYork, Oxford), год

Библиографический список	издания, количество страниц в источнике. Если приводимой статье присвоен индекс DOI, его указание обязательно. При написании источников на английском языке следует исключить символ «/» или «//». Наименование книги, журнала, в котором расположена статья, приводится курсивом в транслитерации, а в переводе обычным шрифтом в квадратных скобках. Подробнее об оформлении References см. ниже. **References** Kavakami K. Modernizatsiia tekhnologicheskikh protsessov v chernoi metallurgii Iaponii [Modernization of production processes in the steel industry of Japan]. *Chernye metally* [Ferrous metals], 1988, no. 13, pp. 3–12. Maslovskii M. V. *Sovremennaia zapadnaia teoreticheskaia sotsiologiia* [Modern Western theoretical sociology]. Nizhny Novgorod, 2005. Available at: http://forsociologists.narod.ru/ csth/lecture7.html (accessed: 01.01.2011). Platova E. Fenomen podrostkovogo fanatizma – futbol'nye fanaty [The phenomenon of teenage fanaticism – football fans]. *Nauchno-prakticheskaya deyatel'nost' molodyh uchenyh i studentov v ramkah programmy modernizacii obrazovaniya: tezisy konferencii* [Scientific-practical activity of young scientists and students in the education modernization program: Conference abstracts]. Moscow: Prosveshhenie, 2003, pp. 39–53. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad: Labirint, 1986. 256 p. Salakhetdinov E. R. *Lichnostnye kharakteristiki futbol'nykh fanatov v molodezhnoi okolosportivnoi subkul'ture* [Personal characteristics of football fans around the youth subculture of sports: abstract PhD thesis in psychology]. Moscow, 2008. 25 p. Tret'iakov A. V., Garber E. A., Davletbaev G. G. *Rascheti i ssledovanie prokatnykh valkov* [Calculation and study of the rolls]. Moscow: Metallurgiia, 1976. 376 p. Chirsheva G. N., Skorodumova E. V. Otnoshenie cherepoveckih doshkol'nikov i ih roditelei k izucheniyu inostrannyh yazykov (po materialam oprosa) [Attitude of Cherepovets preschool children and their parents to learning foreign languages (based on survey)]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2014, no. 4 (57), pp. 116–120. Chirsheva G. N., Skorodumova E. V. *Otnoshenie cherepovetskikh doshkol'nikov i ikh roditelei k izucheniiu inostrannykh iazykov (po materialam oprosa)* [Comparative analysis of metonymic language fiction and journalism: Dr. thesis in philology]. Leningrad, 1986. 295 p. Weber M. The Rationalization of Education and Training. Gerth H., Mills C.W.R. *From Max Weber: Essays in Sociology*. New York: Oxford University Press, 1946. 421 p. Cross A. G. An Anglo-Russian Medley. *The Slavonic and East European Review,* 1992, vol. 70, pp. 708–721.

Рисунки, схемы, диаграммы, фотографии	1. Принимается не более трех иллюстраций, выполненных в графическом редакторе Visio 3.0. или Word. Все элементы одного рисунка должны быть сгруппированы. 2. Иллюстрации должны быть вставлены в текст. Схемы и диаграммы выполняются с использованием штриховой заливки. При сканировании изображений количество точек на дюйм должно быть не менее 450 (450 dpi/дюйм). Изображения плохого качества не принимаются. 3. В тексте статьи на иллюстрации даются ссылки, например: (см. рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений, подписи приводятся без сокращений. 4. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком
Таблицы	1. Таблицы (не более трех) должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2010 с расширением doc (docx), набраны 10 кеглем и быть пронумерованы по порядку. 2. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и заголовок. 3. Максимальный объем таблицы не должен превышать страницу формата А4. 4. Все графы в таблицах должны иметь заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12-2011. 5. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается
Единицы физических величин	Размерность всех физических величин рекомендуется указывать в системе единиц СИ
Формулы	1. Набор формул осуществляется в тексте или при помощи редактора формул Microsoft Math Type 7.0 Equation. 2. Нумерация формул – сквозная, арабскими цифрами, справа в конце строки, в круглых скобках. 3. Нумерация осуществляется вне редактора формул. Нумеруются те формулы, на которые есть ссылки в тексте. 4. Номер выставляется посредине системы уравнений и выравнивается по правому краю границы текста. 5. Кегль набора формул: основные символы – 10, подстрочные и надстрочные индексы первого порядка – 7, подстрочные и надстрочные индексы второго порядка – 6. 6. Пронумерованные формулы, на которые должны быть ссылки в тексте, выносятся отдельной строкой и располагаются по центру текста. $$\begin{cases} \tau^t_{xy}(\tau) = \tau^t_{xz}(\tau) = \tau^t_{yz}(\tau) = \sigma^t_x(\tau) = 0, \\ \sigma^t_y(\tau) = \sigma^t_z(\tau) = \sigma^t(\tau) = -\dfrac{\alpha_t E(\tau)}{1-\nu}\left[T(x,\tau) - T(x,0)\right] \end{cases} \quad (11)$$

Педагогические науки
Научная статья
УДК 37.013.42

Особенности социально-педагогической деятельности по формированию гендерных ролей у младших школьников

Лидия Ильинична Бурова[1]✉, Елена Юрьевна Капустина[2]

[1, 2] Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,
[1]pimno@chsu.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-1825-0097
[2]m_ey@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1825-0098

Аннотация. Авторы рассматривают основные подходы к сущности понятия «гендерная роль» и проблему формирования гендерных ролей у детей младшего школьного возраста в процессе социализации личности. В статье описывается опытно-экспериментальная работа по формированию гендерных ролей учащихся начальной школы при реализации авторской программы социально-педагогической деятельности.

Ключевые слова: гендерная роль, младший школьный возраст, диагностика формирования гендерных ролей, программа формирования гендерных ролей учащихся начальной школы

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 123… «НАЗВАНИЕ».

Features of social and Pedagogical activities for formation of gender roles at younger school students

Lidiya Il. Burova[1]✉, Elena Yu. Kapustina[2]

[1, 2]Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,
[1]pimno@chsu.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-1825-0097
[2]m_ey@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1825-0098

Abstract. The author considers the main approaches to essence of the concept “gender role” and problem of formation of gender roles at children of younger school age in the course of socialization of the personality. The article describes the experimental work on formation of gender roles of pupils of elementary school during implementation of the author's program of social pedagogical activity.

Keywords: gender role, younger school age, diagnostics of formation of gender roles, program of formation of gender roles for pupils of elementary school

Acknowledgments. The work was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 123… “ ”.

Введение

В отечественной психолого-педагогической литературе раскрыты различные аспекты воспитания мальчиков и девочек такими учеными, как Д. Н. Исаев, В. Е. Каган, Д. В. Колесов, Л. Г. Хрипкова, Т. А. Репина, В. В. Абраменкова, И. С. Кон, А. В. Мудрик, Л. И. Столярчук и др. Проблемы формирования гендерных

идентичности и социализации младших школьников затронуты в работах О. А. Асадуллиной, Е. А. Гаффаровой, А. В. Дресвяниной, Е. Н. Каменской и др.

…

Основная часть

Понятием «гендерная роль» в последнее время все чаще оперируют в разных научных областях, но четкого определения данному феномену еще не дано. Гендерная роль предполагает дифференциацию деятельности, статусов, прав и обязанностей в зависимости от половой принадлежности.

…

Выводы

…

Список источников

Ассадулина О. А. Проблема гендерной социализации современных младших школьников // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 12. С. 101–109.

Дресвянина А. В. Гендерный уклад начальной школы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета: гуманитарные и социальные науки. 2009. № 2. С. 96–99.

Капустина Е. Ю. Гендерный стереотип // Настольная книга специалиста по социальной работе. Вологда: Вологодский государственный педагогический университет, 2014. С. 43–45.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград: Лабиринт, 1986. 256 с.

References

Assadulina O. A. Problema gendernoi sotsializatsii sovremennykh mladshikh shkol'nikov [The problem of gender socialization of modern younger schoolchildren]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanii* [Scientific problems of Humanitarian Studies], 2011, no. 12, pp. 101–109.

Dresvianina A. V. Gendernyi uklad nachal'noi shkoly [Gender way primary school]. *Vestnik severnogo (arkticheskogo) federal'nogo universiteta: gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University: humanities and social sciences], 2009, no. 2, pp. 96–99.

Kapustina E. Iu. Gendernyi stereotip [Gender stereotypes]. *Nastol'naia kniga spetsialista po so-tsial'noi rabote* [Handbook expert in social work]. Vologda: Vologodskii gosudarstvenny i pedago-gicheskii universitet, 2014, pp. 43–45.

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad: Labirint, 1986. 256 p.

Сведения об авторах

Лидия Ильинична Бурова – доктор педагогических наук, профессор; https://orcid.org/0000-0002-1825-0097, pimno@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 г. Череповец, Россия); **Lidiya I. Burova** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, https://orcid.org/0000-0002-1825-0097, pimno@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Елена Юрьевна Капустина – кандидат педагогических наук, доцент; https://orcid.org/0000-0002-1825-0098, m_ey@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 г. Череповец, Россия); **Elena Yu. Kapustina** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0002-1825-0098, m_ey@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Бурова Лидия Ильинична
Моб. Тел.: +7-911-ххх-хх-хх
Полный почтовый адрес (для пересылки номера журнала): 162600, Вологодская обл., г. Череповец, ул. Лесная, д. 5, кв. 3.

Капустина Елена Юрьевна
Моб. Тел.: +7-921-ххх-хх-хх
Полный почтовый адрес (для пересылки номера журнала): 162600, Вологодская обл., г. Череповец, ул. Весенняя, д. 1, кв. 2.

Главный редактор журнала «Вестник Череповецкого государственного университета»

ГРУДЕВА Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций

АВРУТИНА Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)

АРОНИНА Лариса Исаровна, профессор (Академический педагогический колледж Ораним, Израиль), научный сотрудник (Тринити-колледж, Ирландия)

БЕЖЕНАРУ Людмила Ефимовна, доктор филологических наук, доцент (Ясский университет им. А. И. Кузы)

БЕЛКИНА Валентина Николаевна, доктор педагогических наук, профессор (Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского)

ВОЛОДИНА Лариса Олеговна, доктор педагогических наук, доцент (Вологодский государственный университет)

ГЛУЗМАН Юлия Валериевна, доктор педагогических наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

ГОРБУНОВ Вячеслав Алексеевич, доктор физико-математических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

ГУРЛЕНОВА Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор (Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина)

ДЕНИСОВА Ольга Александровна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ДИБИРОВ Ибрагим Ашрапудинович, доктор филологических наук, профессор (Дагестанский государственный педагогический университет)

ЕГОРОВА Людмила Владимировна, доктор филологических наук, доцент (Вологодский государственный университет)

ЕРШОВ Евгений Валентинович, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет), заместитель главного редактора по направлению «Технические науки»

ЗАБРОДСКАЯ Анастасия Николаевна, доктор филологических наук (Таллинский университет)

ЗАХАРОВА Жанна Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор (Костромской государственный университет)

ЗЕЛЕНИН Александр Васильевич, доктор филологических наук (Университет Тампере, Финляндия)

ИВАНОВА Наталия Витальевна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ИЛЬИНА Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

КАБАКОВ Зотей Константинович, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

КОЗЛОВСКАЯ Наталия Витальевна, доктор филологических наук, доцент (ИЛИ РАН)

ЛАВИНА Татьяна Ароновна, доктор педагогических наук, профессор (Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова)

ЛАВРОВА Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЛУЦЕВИЧ Людмила Федоровна, доктор филологических наук, профессор (Варшавский университет, Республика Польша)

НОРЕЦ Максим Вадимович, доктор филологических наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

ОВЧИННИКОВА Александра Жоресовна, доктор педагогических наук, профессор (Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского)

САВВА Любовь Ивановна, доктор педагогических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

САЛИХОВ Зуфар Гарифуллинович, доктор технических наук, профессор (Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова Российской академии наук)

УТКИН Анатолий Валерьевич, доктор педагогических наук, доцент (Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета)

ХРИПТУЛОВА Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент (Тверской государственный университет)

ЦЕЙТЛИН Стелла Наумовна, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЧЕРНОВ Александр Валентинович, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЧЕРНЯК Валентина Данииловна, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЧЕРНЯК Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЧИРШЕВА Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЧУРИЛИНА Любовь Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

ШВЕЦОВ Анатолий Николаевич, доктор технических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

ЯКОВЛЕВА Елена Викторовна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет), заместитель главного редактора по направлению «Педагогические науки»

Лицензия А №165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 06.06.2022 г. Зак.
Выход в свет: 15.06.2022 г.
Тир.300 (1 з-д – 30). Уч.-изд. л. 31. Усл. п. л. 25.
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс.

Научный журнал «HISTORIA PROVINCIAE – ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»

– сетевое электронное издание; ISSN № 2587-8344.
– рецензируемый научный журнал, выходящий 4 раза в год.
Учредитель журнала – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «*Череповецкий государственный университет*».

Научный журнал «HISTORIA PROVINCIAE – ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»
со 2 декабря 2019 г. входит в ПЕРЕЧЕНЬ рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Научный журнал «HISTORIA PROVINCIAE – ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»
– публикует все тексты параллельно на русском и английском языках
– принимает статьи, рецензии, обзоры, заметки по специальностям:

- 07.00.02 Отечественная история
- 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)
- 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования
- 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Публикация в журнале (включая перевод статьи на английский язык) для авторов бесплатная. Научным публикациям присваивается идентификатор DOI.
Цель журнала – публикация результатов научных исследований в области отечественной, всеобщей и политической истории, отличающихся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимостью. К печати принимаются оригинальные, ранее нигде не публиковавшиеся материалы.
Научные статьи принимаются при условии положительных результатов независимой экспертизы.

Размещение и индексирование журнала в базах данных:

ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК) | НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU | CYBERLENINKA | ЛАНЬ
doi | Crossref Content Registration | DOAJ DIRECTORY OF OPEN ACCESS JOURNALS
Google scholar | ULRICHSWEB GLOBAL SERIALS DIRECTORY | WorldCat

Сайт журнала: www.hpchsu.ru en.hpchsu.ru

Главный редактор – **Ольга Юрьевна Солодянкина**, e-mail: olga_solodiankin@mail.ru
Заместитель главного редактора – **Егоров Андрей Николаевич**, e-mail: anegorov65@mail.ru
Ответственный секретарь редакции – **Наталия Анатольевна Тихомирова**, e-mail: historiaprov@bk.ru

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ISSN 1994-0637